

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**МОСКОВСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА
СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК**

**ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ
ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

КУРС ЛЕКЦИЙ

МОСКВА

2001

Издание осуществлено в рамках проекта
“Программа подготовки преподавателей по гендерным исследованиям”
благодаря финансовой поддержке
Женской сетевой программы
“Института Открытое Общество. Фонд содействия — Россия”

Книга обсуждена на Ученом Совете МВШСЭН и рекомендована к изданию в качестве учебного пособия по гендерным исследованиям для преподавателей ВУЗов

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Л.М.Дробижева
академик РАО, доктор исторических наук, профессор И.С.Кон

Редакционный совет:

кандидат философских наук О.А.Воронина (председатель),
доктор политических наук Н.С.Григорьева,
кандидат географических наук Л.Г.Лунякова.
Ответственный редактор и автор проекта О.А.Воронина
Научно-вспомогательные работы выполнены Л.Г.Луняковой

Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / Под общ.
ред. О.А.Ворониной. — М.: МЦГИ - МВШСЭН - МФФ, 2001. — 416 с.

Курс лекций по теории и методологии гендерных исследований адресован прежде всего преподавателям университетов для использования этих материалов при подготовке спецкурсов и для включения гендерного подхода в традиционные учебные программы гуманитарных и общественных дисциплин. Книга может быть также полезна исследователям, аспирантам, студентам, активистам неправительственных организаций и всем тем, кто интересуется гендерной теорией или хотел бы с ней познакомиться.

При использовании ссылки обязательны.

ISBN 5-85133-072-4

© РОО Московский центр гендерных исследований, 2001
© Авторы лекций, 2001
© Московский философский фонд, 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

С развитием демократии и распространением принципов открытого общества одной из важнейших социально-культурных задач становится преодоление всех видов дискриминации и подавления свободного развития личности, в том числе и по признаку пола. Образование играет в этом процессе одну из важнейших ролей. Именно поэтому в демократических странах активно развиваются учебные программы по женским и гендерным исследованиям, а использование гендерного подхода в социальном познании уже давно стало социальной нормой. Основой методологии гендерных исследований является не просто описание разницы в статусах, ролях, чертах характера, нормах жизни мужчин и женщин, но анализ власти и доминирования, утверждаемых в обществе и через гендерные роли и отношения. Таким образом гендер рассматривается как один из базовых принципов социальной стратификации. Становление демократии и поддержка прав человека неразрывно связаны с преодолением гендерной иерархии.

Десять-пятнадцать лет назад в России о существовании такой области социального знания, как женские и гендерные исследования, знали буквально единицы — те, кто читал работы западных авторов в Библиотеке иностранной литературы или спецхранах ИНИОНа. В 1990 г. в рамках Академии Наук СССР возникло первое научное подразделение — лаборатория гендерных исследований Института социально-экономических проблем народонаселения и Московский центр гендерных исследований, в названии которых стояло малознакомое слово. Благодаря активной научной и образовательной деятельности МЦГИ по продвижению гендерных исследований в академическую и преподавательскую среду, сегодня в России существует несколько таких центров. Более того, в последние годы ряд университетов предлагает и спецкурсы по этой тематике.

Однако большинство российских исследователей в области социальных и гуманитарных наук, а также преподавателей университетов практически не знакомы с теорией и практикой гендерных исследований. Как правило, они продолжают работать в традиционном советском русле анализа “женского вопроса”. С содержательной точки зрения ситуация не слишком изменилась и после утверждения обязательной для факультетов социальной работы учебной программы по феминологии и гендерологии. И хотя принятие такой программы свидетельствует, что социальный запрос на гендерные исследования существует, однако, профессионалов в этой сфере пока явно недостаточно. Существующая система подготовки специалистов в области социальных и гуманитарных наук не только не обеспечивает необходимого уровня знаний по данной теме, но до сих пор продолжает воспроизводить традиционные стереотипы в отношении женщин и мужчин и, тем самым, способствует усилению гендерной асимметрии и иерархии. В условиях социально-экономической трансформации это приводит к усилению дискриминации женщин и гендерных конфликтов в обществе (особенно в сфере семьи и профессиональной занятости). Преподаватели и исследователи “старой школы” не способны противостоять этим негативным социальным явлениям, поскольку придерживаются (подчас даже не осознавая этого) биодетерминистских взглядов на роли женщин и мужчин.

В настоящий момент требуется принципиально иная профессиональная подготовка, позволяющая непредвзято оценить новую социальную реальность. Гендерные исследования в значительной степени ориентированы на анализ и поиск путей решения реальных социальных проблем, возникающих во взаимоотношениях женщин и мужчин. Гендерное образование необходимо потому, что оно нацелено на обсуждение гуманитарных вопросов, касающихся каждого и каждой из нас: личность и ее отношения с миром — права, свобода, границы свободы, различия между людьми (по принципу равноправия несмотря на различия), брак, семья, отношения супругов и детей. Иными словами, эти учебные и образовательные программы направлены на развитие рефлексии и социальной ответственности человека. Это, по сути, гражданское образование и именно поэтому интеграция таких программ в систему высшего образования России и подготовка специалистов в этой области поможет изменить сам тип науки и ученого, сделать их более социально ответственными. А это, в свою очередь, является серьезной гарантией позитивных социальных изменений в будущем.

В 2000 г. при поддержке Женской сетевой программы Института Открытое общество (ИОО - Россия) был осуществлен совместный проект Московского центра гендерных исследований (МЦГИ) и Московской высшей школы социальных и экономических наук (МВШСЭН) "Программа подготовки преподавателей по гендерным исследованиям". Целью этого проекта было создание базовой (модульной) программы "Основы гендерных исследований", которая должна включать как сам учебный курс, так и соответствующие ему методические и лекционные материалы.

К настоящему времени МЦГИ накопил внушительный опыт реализации образовательных инициатив — в 1996, 1997 и 1998 гг. совместно с государственными университетами Твери, Самары и Ростова-на-Дону были проведены три Летние школы, в 1999 г. — трехнедельная стажировка для преподавателей университетов Азербайджана и Армении, в апреле 2000 г. — трехнедельная сессия для преподавателей и исследователей из России.

Автор и руководитель проекта "Программа подготовки преподавателей по гендерным исследованиям", директор МЦГИ, кандидат философских наук О.А.Воронина обладает опытом создания инновационных учебных курсов по гендерной теории. Как преподаватель авторского курса "Гендер и культура" в РГГУ в 1993 г., разработчик учебных программ двух летних школ МЦГИ 1996 и 1997 гг., руководитель программы стажировки 1999 г., преподаватель авторского межфакультетского спецкурса "Гендерные теории в современном мире" в МВШСЭН, она подготовила и воплотила в жизнь несколько вариантов учебных курсов. В итоге работа над собственными программами и совместная деятельность в образовательных проектах с другими специалистами позволили поставить и успешно решить задачу создания первой базовой программы повышения гендерной квалификации преподавателей социальных дисциплин в высшей школе. Базовая программа аккумулировала предшествующий опыт научно-образовательной деятельности как МЦГИ в целом, так и специалистов в различных областях гендерных исследований — авторов отдельных разделов (модулей).

Структура учебной программы междисциплинарного курса по теории и методологии гендерных исследований разработана специально для данного проекта его руководителем О.А.Вороной. Курс состоит из шести систематизированных базовых разделов (модулей), рассчитанных на повышение гендерной квалификации прежде всего преподавателей социальных дисциплин — социологов, экономистов, политологов, отчасти — юристов.

Подготовка конкретных модулей принадлежит следующим авторам:

- I. Теоретико-методологические основы гендерных исследований — к.ф.н. *О.В.Воронина*.
- II. Теоретические подходы в гендерной экономике — к.э.н., доцент ГУ ВШЭ, *Е.Б.Мезенцева*.
- III. Гендерный подход в изучении политики и права — *О.А.Воронина, Е.В.Кочкина*.
- IV. Гендер и социальная политика — д.полит.наук, преподаватель МВШСЭН и МГУ, *Н.С.Григорьева* и к.э.н., докторантка ИСЭПН РАН, *М.Е.Баскакова*.
- V. Феминистская ориентация в социологии — к.ф.н., вед.н.с. ИС РАН, *Т.А.Гурко*.
- VI. Гендерный подход в гуманитарных науках — к.ф.н. *О.А.Воронина*.

"Учебная программа по курсу *Основы гендерных исследований*" (под ред. О.А.Вороной, Н.С.Григорьевой и Л.Г.Луняковой. М., МЦГИ/МВШСЭН, 2000, 39 с.) вышла в свет летом 2000 года. Она содержит подробное описание целей и тематических модулей, пример развернутого плана одной из лекций курса, а также список обязательной литературы. Её публикация, приуроченная к началу периода стажировки преподавателей российских университетов, сопровождалась изданием Хрестоматии, составленной авторами модулей в соответствии со структурой и задачами этого курса. Хрестоматия к курсу "Основы гендерных исследований" (под ред. О.А.Вороной (отв. ред.), Н.С.Григорьевой и Л.Г.Луняковой. М., МЦГИ/МВШСЭН, 2000, 396 с.) представляет собой одно из первых изданий такого рода в России.

Междисциплинарный курс по теории и методологии гендерных исследований был прочитан летом 2000 г. преподавателям двадцати региональных университетов России во время их стажировки в Москве. Большая часть слушателей уже имела некоторый опыт преподавания гендерной тематики. По результатам стажировки опубликован сборник "Авторские разработки программ по гендерному образо-

ванию”, в который вошли 17 лучших курсов, созданных слушателями по завершении летней программы.

Предлагаемая Вашему вниманию книга “Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций” — заключительная публикация данного проекта. В нее входит практически весь лекционный материал (24 лекции), прочитанный слушателям в ходе стажировки. Изложенные в рамках отдельных разделов темы лекций частично пересекаются, но изучение общественных феноменов с позиций разных социальных и гуманитарных наук дают новую, более многомерную картину мира.

Оформление данной книги в целом соответствует структуре базовой учебной программы. Однако необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Во-первых, это касается авторства разделов и отдельных лекций. Первый, второй, четвертый и пятый разделы имеют монографический характер: их авторы читали все свои лекции, составляющие тематический модуль. Третий и шестой модули не нашли своего автора и лектора в одном лице: их структура была разработана одними людьми (см. выше), а лекции читали разные специалисты. Эта особенность отражена в оглавлении книги — фамилия автора всего раздела помещается рядом с его названием и больше не повторяется. В тех разделах, где было несколько лекторов, фамилии авторов стоят рядом с названиями прочитанных тем.

Во-вторых, если в базовой “Учебной программе” приводятся все основные темы, которые авторы рекомендуют рассмотреть в рамках отведенного под модуль времени (10-12 часов), то в реальном учебном процессе лекторы могли уделять больше внимания одним темам, и меньше — другим, в зависимости от интересов слушателей. И, наконец, необходимо сказать о “языке” книги. Обсуждая с авторами стиль написания лекций — разговорный или более академический, мы не смогли прийти к единому мнению. Поэтому было решено предоставить авторам выбирать более адекватный для себя стиль. Как вы увидите, большинство из них предпочли для печатного текста академичность.

Все помещенные в эту книгу лекции сопровождаются концевыми сносками. Список обязательной литературы по каждой теме (разделу) опубликован в “Учебной программе”, а выдержки и фрагменты рекомендуемых текстов — в Хрестоматии. Поскольку брошюра с программой по основам гендерных исследований вышла ограниченным тиражом, который был исчерпан практически за несколько месяцев, рабочая версия учебной программы помещена в Приложении.

Книга “Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций” адресована, прежде всего, преподавателям университетов, которые могут использовать эти материалы при подготовке спецкурсов или интегрировать гендерный подход в традиционные учебные программы. Однако мы полагаем, что это издание может быть полезно исследователям, аспирантам, студентам, активистам неправительственных организаций и всем тем, кто уже давно интересуется гендерной теорией или хотел бы впервые с ней познакомиться.

Взятые вместе “Учебная программа”, “Хрестоматия к курсу Основы гендерных исследований” и “Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций” представляют собой полный комплект учебно-методических материалов, необходимых для запуска курса в учебный процесс.

ЛЕКЦИЯ 2. ТРАДИЦИОННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ПОЛА

Очевидно, что взаимоотношения женщин и мужчин, определение их места и роли в обществе — тема для науки далеко не новая. Сегодня мы коротко рассмотрим основные из традиционных философских, психологических и социологических теорий. Мы увидим, что, несмотря на все различия этих теорий, они основаны на двух априорных принципах:

- различия между мужчинами и женщинами имеют только биологическую природу;
- роли мужчин и женщин дифференцированы как диаметрально противоположные.

I. Традиционная западная философия о дифференциации маскулинного и феминного

Маскулинный характер Homo Sapiens глубоко коренится в западной философской традиции. С начала развития философской мысли женственное/феминное символически ассоциировалось с тем, что противоположно разуму — с темными силами богинь земли. Греки оценивали женскую способность к деторождению как связь женщины с плодородием природы. Но именно в античности начинается и завершается переход от архаичного культа плодородия к культу рациональных богов. Греческая мифология представляет собой наглядную картину замены женских богинь, символизирующих связь с землей и природой, мужскими богами, утверждающими власть законов, установленных человеком.

Античность

Символическая ассоциация мужского с рациональным и женского с эмоциональным прочно утвердилась в греческой философии. Так, в пифагорейской таблице основных противоположностей мира, сформулированной в VI в. до н.э., женское эксплицитно связывалось с бесформенным, неупорядоченным, неограниченным. Пифагорейцы оценивали мир как смесь принципов, ассоциируемых либо с определенной оформленностью и упорядоченностью, либо с беспорядочностью и хаосом. Десять пар контрастов — оформленное и бесформенное, четное и нечетное, правое и левое, мужское и женское, свет и тьма, добро и зло и так далее — составлены пифагорейцами таким образом, что один из контрастов (или принципов) является лучшим, превосходнейшим по отношению к своей парной оппозиции.

Мужское выстраивалось в ряд с активной, детерминирующей формой, женское — с пассивной, хаотичной материей. Материя, ассоциирующаяся с женским и природным, представляется у греков часто как что-то, что должно быть трансцендировано в поисках рационального знания.

Дуализм души и тела, интеллекта и материи конструируется уже в ранних работах Платона. Для Платона знание — это созерцание внешних форм в абстрагировании от непознаваемой, нерациональной материи. Именно Платон в значительной степени задал эту парадигму души и тела, рациональности и эмоциональности, которая стала доминирующей в западной философии и определенным образом конституировала женское (хотя необходимо отметить, что в своих социально-политических работах Платон выступал как эгалитарист по отношению к женщинам, за что некоторые исследователи и считают его первым в истории феминистом).

Дистинкция активной творческой формы и пассивной инертной материи характерна и для философии Аристотеля. Он отождествлял познание и рациональность с активным мужским началом, а хаотичную материю как низшую субстанцию — с пассивным женским. В книге «О происхождении животных» он утверждает, что истинным родителем всегда является мужчина. Именно в процессе оплодотворения пассивной материи он определяет активную форму будущего человеческого существа; мужчина дает «жар» и силу жизни, а женщина-мать лишь выполняет роль пассивного сосуда. Женщины, считал Аристотель, это низшие существа, импотентные мужчины, поскольку в них отсутствует принцип «души», тождественный у Аристотеля рациональности. Разделение полов, по Аристотелю, имеет отнюдь не биологические основания, поскольку оно не необходимо для воспроизводства человеческого рода (при этом он ссылаясь на существование двуполых самооплодотворяющихся животных). Половая дифференциация — это онтологический принцип: «лучше, когда высший принцип отделен от низшего. Поэтому если это возможно и там, где это возможно, мужское отделено от женского»¹.

Средние века

В средневековой христианской философии Фома Аквинский, Святой Августин, Филон Александрийский продолжают традицию дистинкции формы и материи, души и тела, рациональности и эмоциональности, маскулинного и феминного. Филон, александрийский философ I в. н.э., соединяет в своих работах библейские идеи и идеи греческой философии таким образом, что дуализм маскулинного и феминного усиливается. "Мужское", по его мнению, презентует сознательное, рациональное, божественное; женское и сама женщина — это образ грязного телесного мира. "Женское" у него символизирует мир как таковой и является противоположностью трансцендентной сфере Разума.

Моральный прогресс для Филона предполагает духовное преодоление разрушающего влияния чувственности и телесных страстей. А так как последние ассоциируются с женщиной и "женским", то на основе этой аллегории возникает борьба, необходимость преодоления женского. Добродетельная жизнь, в которой Разум имеет превосходство над низшими аспектами человеческой жизни, протекает как становление мужского (маскулинного) через подавление женского (феминного). "Прогресс, — писал Филон, — это не что иное, как продвижение от женского к мужскому, так как женский пол, феминное, есть материальное, пассивное, телесное и чувственное, в то время как мужское — это активное, рациональное и более схожее с духовностью и мыслью. Мужское — более доминантное, чем женское, оно ближе к причинной деятельности; женское — это неполное, подчиненное, пассивное; рациональное, разумное, духовное — мужское, иррациональное — женское"².

Совершенно очевидно, что мужское и женское в приведенных выше высказываниях имеют культурно-символическую функцию: определить что-либо как мужское (а правильное — как маскулинное), или как женское/феминное — это значит иерархизировать понятия, определить одно из них как "лучшее" по отношению к другому, "худшему". Но вместе с тем такая фигура мысли задает, конституирует определенным образом и сами понятия мужского и женского даже в их биологическом смысле. Более того, таким же образом задается и социальный статус мужчин и женщин, и даже безопасность женщин и женского в мире. Здесь было бы нелишним вспомнить и о дискуссии на Македонском Соборе (585 г.), на котором только большинством в один голос был получен положительный ответ на вопрос о том, можно ли считать женщину человеком. В средние века печально знаменитый своим мракобесием "Молот ведьм" (1487 г.) монахов Я.Шпренгера и Г.Инститориса представил развернутую систему доказательств справедливости подавления и физического уничтожения женщин на основе их изначальной "греховности". Шпренгер и Инститорис утверждали, что женщины маловерны — и доказывалось это самой этимологией слова *femina*, происходящего якобы от *fe* (*fides* — вера по-латыни) и *minus* (менее)³, а значит и чаще поддаются под козны дьявола и являются носителями и причиной зла на земле. Средневековая "охота на ведьм" стоила жизни тысячам женщин, причем соотношение убитых женщин и мужчин оценивается исследователями как 100:1.

Новое время

Античная философия заложила основы **дифференциации** рационального и природного, маскулинного и феминного как культурных символов, а в Средние века философия эти идеи поддержала. В Новое время развиваются представления о **полярной оппозиции**, резкой противоположности духовного и телесного, рационального и природного, познающего и познаваемого. Именно тогда, считают многие исследователи, подавление природного, телесного и — по ассоциации — феминного становится системообразующим принципом западноевропейской мысли.

В XVII веке начинает формироваться иная, отличная от античной и средневековой концепция познания. В самом общем виде это различие сводится к следующему: если в античной традиции задача Разума определялась как размышление о мире, то для английского философа XVII века **Фрэнсиса Бэкона**, родоначальника науки Нового времени, Разум — это инструмент измерения, изучения и, в конечном счете, контроля над природой. При этом сам материальный мир видится Бэконом как набор моделей и образцов, в которых природа организована в соответствии с законами механики. Природа анализируется Бэконом не по аналогии с организмом, как у античных мыслителей, а по аналогии с машиной. Именно такое понимание природы делает возможным провозглашение идей о том, что задача науки — это утверждение правильного типа доминирования над природой, покорения и овладения ею. При этом Бэкон активно использует метафору пола для выражения своих философских идей: природа у него всегда ОНА ("She" по-английски); Знание, Разум и Наука — только ОН ("He" по-английски). Однако в соответствии с грамматикой английского языка неличные существительные не имеют никакого грамма-

тического рода. Упрекая Аристотеля в том, что тот в своей философии оставил природу “нетронутой и ненасилованной”, Бэкон предлагал утвердить законный брак между познанием и природой, в котором познающему субъекту отведена роль и работа мужчины, утверждающего свою власть и доминирование над природой. Так, античное представление о знании как о благе заменяется в философии Фрэнсиса Бэкона утверждением о том, что “знание — это сила”⁴.

Такой подход философ Каролин Мерчант назвала “смертью природы”. Ведь если у античных и даже средневековых религиозных философов природа представлялась хотя и как низшая сфера по отношению к Разуму и Духу, но тем не менее была чем-то вполне живым, полным иррациональных сил, то у Бэкона природа — это что-то механистическое, бездушное, мертвое. Именно с таким умерщвленным объектом познающий субъект и может творить все, что ему заблагорассудится — измерять, переделывать, контролировать, покорять, утверждая свою силу. Жесткое доминирование над природой ведет ко многим экологическим проблемам, считает К.Мерчант, и оборачивается гибелью самого человечества, а знание и институт науки — дегуманизируются.

Декарт продолжил развитие идей о необходимости “очищения” Знания и Рассудка от любых ассоциаций с понятиями Матери-Земли, отделения Логоса от Софии, Мужчины и его разума от Природы. В картезианстве утверждалась новая маскулинная теория познания, в которой отчуждение от природы становится позитивной эпистемологической ценностью. Конструируется новый мир, в котором все генеративное и креативное относится к Богу, маскулинному рациональному Духу, к не женственной плоти мира.

Эта тенденция к подавлению природного, материального и телесного сопровождалась и подавлением всего феминного в культуре. Становление и утверждение научного взгляда на мир в XVI-XVII веках сопровождалось невиданным ранее реальным массовым уничтожением женщин: речь идет прежде всего о так называемой “охоте на ведьм”. Как показали новейшие исследования архивных материалов и исторических свидетельств, под видом “ведьм” в основном шла охота на знахарок и повивальных бабок⁵. Используя народные методы, они помогали женщинам регулировать рождаемость, а также облегчали сам процесс родов. Искоренение народных методов контроля над рождаемостью и сексуальностью, которыми до этого владели женщины, и замена их “научными методами”, носителями которых стали дипломированные мужчины-специалисты, привела к тому, что женская сексуальность была поставлена под жесткий мужской контроль. Так рационально-маскулинистские принципы новой науки вели к подавлению женского/феминного.

Просвещение

История западной философии различается по содержанию основных идей той или иной личности, того или иного периода. Но каждая страница этой истории имеет нечто общее с любой другой. Это, во-первых, постоянное отождествление земного, природного, телесного, чувственного с женским началом. И, во-вторых, эксплицитное обесценение этих понятий и ассоциирующихся с ними аспектов бытия и способов познания.

Так, даже для французского просветителя и демократа Жана-Жака Руссо, для которого Природа представляет собой настоящую ценность, женщина, ей тождественная, все же является низшим моральным существом по сравнению с мужчиной. Ибо только мужчина, не имеющий столь тесной связи с природой, посредством своего Разума совершает некий интеллектуальный путь усиления в себе истинной человеческой природы, что только и делает его по-настоящему моральным существом (“Эмиль”). При этом Руссо считал, что страсти, ассоциирующиеся с женщинами, — это безусловная угроза гражданскому обществу. Даже добродетели, связанные с женскими материнскими чувствами, могут угрожать должному функционированию государства. Так, в начале “Эмиля” рассказывается о спартанской матери, воспротивившейся убийству своего сына. По мнению Руссо, хороший гражданин **благодарит** за смерть сыновей, если это служит общественному благу. И так как трудно одновременно быть и хорошим общественным существом, то есть гражданином, и хорошим частным лицом, то есть семьянином, Жан-Жак предлагает разделить эти сферы и исключить женщину из гражданского общества и “поместить” целиком в область частного и семейного.

Классическая немецкая философия

Иммануил Кант также поддерживал идею о более низких ментальных способностях женщин, при

этом он считал такое положение дел необходимым условием существования общества. Недостаток абстрактного мышления, утверждал Кант в своей работе “Эссе о возвышенном и прекрасном”, развивается в женщинах вкус, чувство прекрасного, чувствительность, практичность. В семейной жизни, которая играет значительную роль в функционировании общества, мужчина уравнивает женские недостатки и таким образом создается гармоничная пара, в которой мужское и женское начала играют взаимодополняющую роль. Здесь, как и всегда в западной интеллектуальной традиции, женское / феминное конституируется через статус низшего, неполноценного, вторичного по отношению к маскулинному.

Гегель также выводил женщин и связанные с ними формы бытия и сознания за сферы гражданского общества и морали. Рассматривая в “Феноменологии духа” семью, он определил ее как низшую стадию гражданского общества, поскольку отношения в ней разворачиваются между кровными родственниками, а не между гражданами. Это, по Гегелю, “низший мир”, и так как женщины — не граждане, это — мир женщин. Для них не существует участия в формах духа, которые лежали бы за пределами семьи.

Далее Гегель утверждает, что, поскольку отношения в семье носят частный характер — фокусируются на определенном муже и определенном ребенке, постольку эти отношения и не находятся в сфере этического. Мужчины, в отличие от женщин, имеют дополнительную сферу активности, где они работают для “универсального” и “этического”. Для мужчин семейные отношения остаются на уровне частного, им не приходится жертвовать своей этической жизнью. Женщина может приобщиться к этической жизни, только трансформируя частности семейных отношений в этические, универсальные принципы, то есть трансформируя свои отношения с конкретным мужем и детьми в служение принципу Семьи, Мужьям и Детям как таковым. Но это порождает конфликт между мужским/универсальным и женским/семейным сознанием. Феминное таким образом становится угрозой гражданскому обществу, и поэтому должно быть подавлено и оттеснено в частную сферу.

Гегелевский подход к феминности, как и у Руссо, двойственен. С одной стороны, это — рационализация исключения женщин и женского из социокультурной сферы. Женщины отличаются от мужчин как растения от животных, — писал Гегель в “Философии права”. Принцип, который руководит их развитием, это чувство, а не понимание универсальности, поэтому феминное, по Гегелю, является угрозой гражданскому обществу. С другой стороны, существование низшего женского мира — необходимая составная часть гражданского общества, поскольку этот мир позволяет мужчинам процветать как самосознающим этическим существам. Результатом этой двойственности является идея о подавлении феминного и оттеснении его в частную (низшую) сферу.

Обзор истории философии можно было бы и продолжить, взяв, например, гораздо более яркие с точки зрения гендерной асимметрии концепции Ницше или Фрейда (я имею в виду социально-философские работы последнего). Однако, мне кажется, тенденция и без того очевидна. Сами предпосылки производства теоретического знания, его стандарты “объективности”, “рациональности”, “универсальности”, “имперсональности”, ассоциирующиеся с маскулинным, требуют исключения из его канона того, что понимается как нерациональное, природное, телесное, частное, то есть ассоциирующееся с феминным. Гендерная асимметрия являлась одним из основных факторов формирования традиционной западной культуры, понимаемой как система производства знания о мире.

Социалистическая и марксистская философия

Несмотря на доминирование обозначенных выше принципов, начиная с XVIII века, в западной философии формируются новые подходы к оценке самого принципа гендерной дифференциации. Возникают идеи о том, что культурным идеалом является воссоединение обоих онтологических принципов маскулинного и феминного, а социальной нормой — равноправие женщин и мужчин в обществе. Во многом возникновение такого подхода связано с распространением просветительских и социалистических идей, развитием либеральной философии и концепции гражданских прав, а также с прокатившейся в Европе волной буржуазно-демократических революций. В философии представления о равноправии женщин и мужчин больше всего развивались в учениях французских утопических социалистов Сен-Симона и Фурье.

Философское наследие марксизма в интересующем нас вопросе довольно противоречиво. С одной стороны, Маркс фактически отверг западную философскую традицию рассматривать материю как

пассивную субстанцию — у него материя активна, именно “бытие определяет сознание”. Этот принцип первичности материального, практического развивается в онтологии и гносеологии марксизма, в его экономическом учении. И поскольку, как мы выяснили, материальное в западной интеллектуальной традиции всегда ассоциируется с феминным, можно было бы сказать, что Маркс утверждает приоритетность феминного в культуре. Однако это утверждение было бы несколько натянутым, ибо самого Маркса-революционера интересовал не культурно-символический, а социальный аспект гендерной дифференциации общества, да и то не слишком сильно. В социальной философии Маркс во многом следовал представлениям утопического социализма и поддерживал идею эмансипации женщин (хотя никогда и не придавал этому вопросу слишком большого значения). Дело в том, что вторичность феминного и его следствие — дискриминация женщин в обществе рассматривается в классическом марксизме как частное проявление глобальной классовой стратификации.

Гораздо больше внимания этому вопросу уделяет Энгельс. В известной работе “Происхождение семьи, частной собственности и государства” он подробно рассматривает историю и социально-экономические основы дискриминации женщин с позиций классового анализа. Энгельс объясняет происхождение и существование дискриминации женщин тем, что в руках мужчин сконцентрировалась собственность. Однако собственность, с точки зрения Энгельса, выступает основой подавления не только женщин, но и мужчин, ее не имеющих (то есть пролетариата). Иными словами, дискриминация женщин представляется как частный случай подавления человека в антагонистическом классовом обществе, а способом ее преодоления может быть только революция и установление социализма.

Идея социополовой (то есть гендерной — в современной терминологии) стратификации общества, эксплицитно содержащаяся в энгельсовском исследовании происхождения семьи, так и осталась в тени. Рассмотрим это чуть подробнее. Например, Энгельс, ссылаясь на работы этнографов Моргана и Бахофена, пишет о том, что в первобытном обществе существовало социальное равенство полов и происхождение велось по материнской линии. Однако появление частной собственности, продолжает он, приводит к разделению труда между полами, появлению патриархатной моногамной семьи с главенством мужчины, экономической зависимости женщин от мужчин и, в конечном счете, к “всемирно историческому поражению женского пола”. И далее он продолжает: “...единобрачие появляется в истории ... как порабощение одного пола другим, как провозглашение неведомого до тех пор ... противоречия между полами. ... Первое классовое угнетение совпадает с порабощением женского пола мужским”⁶.

Энгельс уходит от анализа вопроса, а почему именно в этот момент появления частной собственности разделение труда по половому признаку приобрело столь решающее значение. Хотя подходы к решению этого вопроса содержатся и в его работах, и в работах Маркса. Так, еще в ранней работе Маркса и Энгельса “Немецкая идеология” было высказано положение, что “первое разделение труда было между мужчиной и женщиной для производства детей”, что было исторически первым актом в формировании системы разделения труда и становления общества. Более того, “вместе с разделением труда ... дано и распределение, являющееся притом ... неравным распределением труда и его продуктов; следовательно, дана и собственность, зародыш и первоначальная форма которой уже имеется в семье, где жена и дети — рабы мужчины. Рабство в семье — правда, еще очень примитивное и скрытое — есть первая собственность, которая ... есть распоряжение чужой рабочей силой. Впрочем, разделение труда и частная собственность — тождественные выражения: в одном месте говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом — по отношению к продукту деятельности”⁷.

Как видим, Маркс и Энгельс вплотную подходят к проблеме гендерной иерархии и стратификации общества, и уходят от ее рассмотрения. Объяснение дискриминации женщин со стороны мужчин только тем фактом, что в руках последних находится собственность, придает, конечно, некоторую схоластическую цельность и законченность марксистской социальной теории: под массу социальных феноменов и процессов подведено единое основание, или первопричина (институт частной собственности и разделение общества на классы), устранение которой якобы и дает прекрасный социальный эффект. Однако неясным остается вопрос о влиянии частной собственности на изменение типа отношений между мужчинами и женщинами в первобытном обществе — от равенства к подавлению (кстати, различные этнографические исследования демонстрируют отсутствие линейной зависимости между собственностью и социальным статусом женщин и мужчин).

Очевидно, что отношения власти и собственности имеют не только классовый, но и гендерный

характер. Формирование патриархатной семьи, в которой женщины, дети и рабы стали собственностью мужчины, было только началом становления патриархатных социальных структур. Причем если рабство как способ организации общественного производства со временем отпало, то рабство женщин в семье существовало веками: любой самый бедный мужчина так или иначе присваивал и продолжает присваивать в семье и через семью значительную часть труда, времени, сил женщин. Отношения власти и собственности имеют, таким образом, не только "вертикальный" (по марксистской терминологии классовый) характер, но и "горизонтальный", или гендерный.

Гендерная стратификация общества порождает некий социальный антагонизм между женщинами и мужчинами, устранение которого возможно не просто с преодолением классовых различий и "вертикальных" отношений собственности (на чем настаивали марксисты), но скорее с преодолением "горизонтальных" отношений собственности мужчин на рабочую силу женщин (в первую очередь - в семье), маскулинистской идеологии и **патриархатного** принципа социальной организации.

Более того, классовый анализ проблемы дискриминации женщин (в его классическом марксистском варианте) — вообще не очень работающий метод. Вспомним каноническое определение классов, данное в свое время В.И. Лениным: "Классы — это большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — это такие группы людей, из которых одна может присваивать себе труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства"⁸.

Если сопоставить это определение с реальным социально-экономическим положением женщин в различные исторические эпохи, то станет ясно, что социальный класс — это понятие, описывающее статус тех или иных групп мужчин внутри "мужского" общества. Ведь женщины почти во все эпохи были вытеснены из системы "мужского" общественного производства в "женскую" домашнюю сферу и не участвовали в отношениях собственности, распределения и присвоения общественного продукта. Поэтому можно сказать, что социальный класс — это маскулинистское понятие, которое вполне подходит для описания андроцентристской структуры общества, но совершенно не проясняет той ситуации, в которую этим обществом помещены женщины. Это определение может быть использовано для анализа положения женщин, только если иметь в виду как вертикальную (между различными классами), так и гендерную стратификацию, существующую внутри любого социального класса, и их взаимное переплетение и влияние. Однако к этому марксистская идеология не была готова.

Отсечение гендерных аспектов анализа общества, что характерно для марксистских теоретиков женского вопроса, не только обеднило их теоретические концепции, но и привело к значительным деформациям в социальной политике в обществе "реального социализма".

Русская философия

В целом российские культурные традиции оценки и восприятия феминного и маскулинного в значительной степени схожи с западными — особенно это касается христианской системы норм и моральных ценностей. Так же, как и в католицизме, в православии женское начало онтологически вторично и подчинено мужскому началу. Это просматривается и в православных наставлениях, и в различного рода морализаторских работах церковников и светских учителей (от "Поучения" древнерусского князя Владимира Мономаха, жившего в XI веке до знаменитого "Домостроя", который играл роль морального кодекса Руси с XVI века до начала XX века). Более того, даже лидеры декабристского движения в своих проектах политического переустройства России и мысли не допускали о возможности участия женщин в политической жизни. Никита Муравьев писал, например, что "женщина не только не является субъектом политических прав, но ей даже запрещено присутствовать на открытых заседаниях высшего законодательного органа, ... парламент обычно допускает присутствие зрителей. Но женщинам ... всегда возбраняется вход в Палаты"⁹.

Философское обсуждение проблемы дифференциации онтологических и гносеологических принципов маскулинного и феминного в русской философии развивалось по двум направлениям. С одной стороны, эта тема интересовала представителей философии пола (к ним в первую очередь относятся сторонники социалистической философской традиции), а с другой — теоретиков так называемой "тео-

логии пола”.

Последователи западных социалистов — Н.Г.Чернышевский (роман “Что делать?”) и другие — рассматривали дифференциацию мужского и женского в культуре с социальной точки зрения. Фактически они обсуждали проблему социополовой (то есть гендерной) дифференциации и стратификации общества, ее несправедливости и необходимости преодоления.

“Теология пола” или, как ее еще называют, философия любви — это своеобразное направление в русской религиозной философии, к которому относятся достаточно разные по взглядам мыслители. Мы рассмотрим три типа идей, разрабатываемых в русле теологии пола.

Одно из направлений представлено именами и работами **Владимира Соловьева, Льва Карсавина, Бориса Вышеславцева, Зинаиды Гиппиус**, которые развивали философско-платонические идеи об Эросе, возвышении чувственности, подчеркивали моральную ценность любви между женщиной и мужчиной, отрицали аскетизм в отношениях между ними.

Особую роль в развитии этих представлений играл Владимир Соловьев. Для него сама тема и терминология пола имеют настолько важное значение, что он вводит их в свое теологическое и онтологическое учение. Для Соловьева Бог — это, безусловно, Отец, ОН, мужское начало (и это вполне традиционно). Но “душа мира”, в духе средневековой мистики, ассоциируется у него с образом Вечной Женственности, с Премудростью, с Софией (ассоциация феминного начала с мудростью — вполне нетрадиционно). Цель человеческой истории — достижение совершенства, которое обретается посредством божественной брачной мистерии, в которой участвуют три элемента: “обоготворенная природа” (женское начало), человеко-бог (мужское начало) и Вечная Премудрость (эта последняя является результатом слияния мужского-божественного-природного-женского-духовного) начал¹⁰. Очевидно, что Владимир Соловьев пытался переосмыслить античные (платоновские) учения о любви-эросе и связать их с русской религиозной традицией.

Другое течение в русской философии пола представляли **Николай Бердяев и Василий Розанов**. Центральная тема их произведений — это, скорее, тема любви (даже эроса), а вовсе не пола или гендера, хотя в текстах все время и употребляется слово “пол”. Для Бердяева эротическая энергия — это не только источник творчества, но и источник настоящей мистической религии. “Настоящая религия, мистическая жизнь всегда оргиастична, а оргазм, могучая сила жизни, связан с половой полярностью. Половая полярность есть основной закон жизни и, может быть, основа мира¹¹. “Связь пола с Богом, — продолжает эту мысль Василий Розанов в своей книге “Уединенное”, — большая, чем связь ума с Богом, чем даже совести с Богом...”¹². Как видим, для Бердяева и Розанова Бог и религиозность тесно связаны с любовью, страстью, Эросом, то есть тем, что в западной традиции маркируется как феминное. Ассоциация божественного и религиозного с феминным, которая при этом возникает, ставит совершенно иные культурно-символические акценты.

Третье течение в философии любви, ортодоксально-богословское, представлено именами и работами Павла Флоренского, Сергея Булгакова, Ивана Ильина. Бог для них был любовь, но не Эрос, а “caritas” — сострадание, милосердие, жалость. Традиционно эти качества отождествлялись с женским началом. Таким образом у этих мыслителей божественное и феминное рассматривались как схожие культурные символы.

Как видим, в русской философии существовал весьма своеобразный подход к восприятию и оценке дифференциации маскулинного и феминного. Во-первых, в русской теологии пола различия мужского и женского начал рассматривается как духовный, а не онтологический или гносеологический принцип, что характерно для западной философии. Во-вторых, в русской философии расставлены иные культурно-символические акценты: то, что на Западе ассоциируется с мужским / маскулинным началом (божественное, духовное, истинное), в России и русской культуре ассоциируется — через категорию любви — с женским началом. В соответствии с традиционными западными культурно-символическими ассоциациями из предыдущего предложения можно было бы сделать вывод о том, что в России женское начало оценивается выше мужского. Но это не совсем так. Дело в том, что представления о феминности (софийности) как, впрочем, и некоторые иные понятия, носят в иррационалистической русской философии пола крайне абстрактный характер. Это скорее аллегория, чем категория, скорее моральное наставление, чем концепция.

II. Психоанализ Зигмунда Фрейда

Теория Фрейда оказала глубочайшее влияние на развитие представлений о сексуальности мужчин и женщин. Причем это воздействие сказалось не только на психологии, но и на всем социальном и гуманитарном знании XX века.

В данной лекции мы коротко рассмотрим теорию психосексуального развития индивида по Фрейду. Он считал, что сексуальность, как и все инстинкты, существует с момента рождения ребенка. Дети проходят через различные психосексуальные стадии развития, и темперамент любого взрослого есть продукт того, как он/она переживает эти стадии. Именно потому, что девочки и мальчики переживают свою сексуальность по-разному (как результат биологии), они вырастают с разными половыми ролями. Если мужчины переживают свое сексуальное взросление нормально (типично), они вырастают с маскулинными чертами, если девочки развиваются нормально, то вырастают женственными женщинами.

Теория психосексуального развития ребенка изложена Фрейдом в таких работах, как "Three Contributions to the Theory of Sexuality", "Infantile Sexuality", "The Transformation of Puberty". Фрейд утверждает, что детская сексуальность - это полиморфная пerversивность, и инфант движется от этой пerversивной сексуальности к нормальной генитальной гетеросексуальности через несколько этапов. Во время оральной стадии ребенок получает удовольствие через рот. Во время анальной стадии (2-3 года) ребенок получает удовольствие через анус. Во время генитальной (фаллической) стадии, в возрасте 3-4 лет, ребенок открывает удовольствие, получаемое от гениталий.

Если до генитальной стадии психосексуальное развитие мальчиков и девочек одинаково, то на этой стадии происходит разлом. Основой его выступает так называемый Эдипов комплекс. Мальчик, уже идентифицировавший себя с отцом, в силу своего инстинктивного либидо желает свою мать и чувствует враждебную конкуренцию родителя своего пола. Одновременно он обнаруживает, что мать не имеет пениса и воспринимает это как знак наказания. Тогда мальчик начинает испытывать так называемый комплекс боязни кастрации, и переносит свою любовь на отца. Отец выступает как норма, образец и носитель норм общества. Противоборство между иррациональным бессознательным, которое исходит из биологической сферы влечений - т.н. Оно (Id), и установками общества - так называемым Сверх-Я (Super-Ego) разрешается через вмешательство Я (Ego). Именно Эго, сублимируя природное сексуальное влечение в творчество, выступает интегрирующей частью личности человека-мужчины.

Психосексуальное развитие девочек происходит иначе. Фрейд считал, что личность женщины определяется в конечном счете самим фактом отличия ее анатомического строения от мужчины. "Анатомия — это судьба", — утверждал Фрейд вслед за Наполеоном. Именно различия в строении тела мужчины и женщины, утверждал Фрейд, формируют у нее две специфических (и основных для развития женской психики) особенности — комплексы кастрации и зависти к мужским гениталиям (т.н. penis envy). Так же, как и мальчик, девочка желает родителя противоположного пола и идентифицирует себя с родителем своего пола. Однако обнаружив, что мать и она сама лишены пениса, девочка решает, что обе они кастрированы (т.е. наказаны). Девочка начинает ненавидеть мать и любить отца и мужчин вообще. Идентификация себя с матерью, комплексы кастрации и penis envy определяют, по Фрейду, три возможные линии развития женской психики: одна ведет к подавлению сексуальных импульсов и, следовательно, к неврозам. Вторая — к модификации характера под мужские образцы, для которой характерны мужеподобное стремление к творческой деятельности, сильные социальные интересы, активность. Третья — к нормальной женственности, под которой Фрейд понимал стремление к реализации желания обладать тем, что составляет предмет зависти для женщин, посредством замужества и рождения сына¹³.

Результатом нормального развития женской психики и естественными компонентами здоровой женственности являются, по Фрейду, пассивность, отсутствие чувства справедливости, предрасположенность к зависти, слабые социальные интересы, неспособность к творчеству. Крайне любопытны фрейдовские объяснения того, как формируются эти черты у женщин. Так, например, нарциссизм развивается у женщин потому, что, обладая только пассивной сексуальной ролью из-за отсутствия пениса, она не может активно любить, а только быть любимой. Тщеславие развивается у женщин как стремление компенсировать красивой внешностью отсутствие пениса, а сознание жертвы — из-за кастрации. Фрейд утверждал, что женское супер-эго никогда не может быть таким же сильным, как у мужчины.

Иными словами, моральная неполноценность женщин фактически выводилась им из факта отсутствия у нее некоторого биологического органа - пениса.

Очевидно, что взгляды Фрейда на женщину базируются на постулате о ее биологической неполноценности, из которого им и выводится основополагающий, как он считает, механизм формирования психических качеств женщины — зависть к мужчине. Действие этого механизма организует внутренние психические процессы таким образом, что для женщины возможны лишь, по мнению Фрейда, три пути — истерия, мужеподобность и "нормальная" женственность, в которой интересы женщины ограничиваются узким миром спальни, детской и кухни. Как мы помним, он строил свою концепцию на основе клинической практики — его пациентками были женщины среднего класса, действительно испытывающие психические стрессы вследствие угнетенного и несправедливого положения в семье. Взгляды Фрейда оказали чрезвычайно интенсивное влияние не только на развитие собственно психологии, но и на всю европейскую культуру XX века. Это относится и к нашей стране. Несмотря на то, что в течение советского периода Фрейда постоянно критиковали как "буржуазного" и реакционного мыслителя, отечественная теоретическая и практическая психология до сих пор пронизана его взглядами и оценками.

III. Социологические теории разделения половых ролей

Исследования социальных аспектов пола, разделения труда и дифференциации социальных ролей по признаку пола уже давно стали традиционной темой социологии.

Еще Эмиль Дюркгейм в своих исследованиях и "О разделении общественного труда" и "Самоубийство", опубликованных в начале XX в., касался социальных проблем пола и половых ролей. Он первым обратил внимание на тот факт, что численность самоубийств и психических заболеваний различна среди женщин и мужчин того или иного брачного статуса: число самоубийств среди неженатых или разведенных мужчин выше, чем среди незамужних или разведенных женщин.

В 40-е годы в социологии США возникла дискуссия о ролях женщин, обсуждаемых в контексте популярной тогда темы об упадке института семьи. В этой дискуссии участвовали в основном социологи семьи (Ф.Чепин, У.Огберн, Е.Маурер, Е.Гроувс и другие) и социальные антропологи. Но не эта дискуссия сыграла значимую роль в формировании доминирующего взгляда на дифференциацию половых ролей.

Первая собственно социологическая концепция структуры женских и мужских ролей была выдвинута американским социологом Талкоттом Парсонсом, хотя в его теории эта концепция носит характер иллюстрации к общетеоретическим построениям структурного функционализма. По Парсонсу, общество всегда стремится к состоянию динамического равновесия и стабильности. Отдельные элементы совокупной социальной структуры выполняют функциональную (т. е. служебную) роль по поддержанию стабильности, интеграции и развития всей системы. Социальные конфликты и противоречия оцениваются им как болезни, а факторы, способствующие возникновению противоречий — как дисфункциональные явления в жизни общества. Задача социологии, считает Парсонс, заключается в выявлении социальных механизмов поддержания стабильности общества и его элементов, то есть в социальной терапии. Иными словами, функционализм основывается на предположении, что "то, как обстоят дела — это то, как они должны обстоять".

Именно в этих позициях Парсонс и предпринимает анализ американского общества, которое, по существу, и было основным объектом его исследований. Это, кстати, характерная черта американской социологии в целом, которая с самого начала формировалась как эмпирическая и прикладная дисциплина, ориентированная, прежде всего, на изучение того общества, в рамках которого она существовала.

Рассматривая изменения, которые произошли с американской семьей к середине прошлого столетия, Парсонс выделяет изоляцию нуклеарной семьи от системы родства и перемещение ряда функций к другим социальным институтам. Базисными и нередуцируемыми функциями семьи он считает социализацию детей и стабилизацию личности взрослых членов семьи. Механизмом, обеспечивающим равновесие и стабильность самой системы социального взаимодействия, является по его мнению, функциональное разделение сфер деятельности, или дифференциацию ролей. Дело в том, что для существования любой социальной системы, с его точки зрения, необходимо выполнение т.н. инструментальной и экспрессивной функций. Инструментальная функция обеспечивает отношения системы -

в данном случае семьи — с внешним миром, обеспечивает средства к существованию. Экспрессивная функция — это поддержание интеграции членов системы, установление моделей отношений и регулирование уровня напряженности членов союза. Парсонс утверждает, что один и тот же человек не может выполнять одновременно и инструментальные (требующие властности и жесткости), и экспрессивные (предполагающие мягкость и умение погасить конфликт) функции. Именно поэтому, заявляет он, разделение этих ролей глубоко функционально и существует во всех системах социального взаимодействия.

Далее Парсонс делает совершенно естественный для традиционного биодетерминистского сознания вывод: роль инструментального лидера в семье всегда принадлежит мужчине, а женщина — это экспрессивный (эмоциональный) лидер. "Фундаментальное объяснение распределения ролей между биологическими полами, — пишет Парсонс, — лежит в том факте, что рождение детей и уход за ними создает строгую презумпцию первичности отношений матери к маленькому ребенку. ... Первичность отношений матери к ребенку ведет к тому, что мужчина, устранный от этих биологических функций, должен специализироваться в альтернативном, инструментальном направлении"¹⁴. Это — общая модель дифференциации половых (как говорил Парсонс) ролей в современном индустриальном обществе. "Американский мужчина, по определению, должен содержать семью. Его первичная сфера деятельности — приносить деньги, быть кормильцем", — писал сотрудник Парсонса Морис Зелдич¹⁵. Профессиональная деятельность мужчины имеет чрезвычайное значение для семьи не только потому, что является основным (а иногда и единственным) источником средств существования для семьи, но и потому, что величина дохода и престижность работы мужчины определяют социальный статус, стандарт и стиль жизни семьи в целом. "Единственный способ быть настоящим мужчиной в нашем обществе — это иметь престижную работу и зарабатывать на жизнь", — утверждает Парсонс¹⁶.

Для женщин, по его мнению, основным является "статус жены своего мужа, матери **его** детей и личности, ответственной за домашнее хозяйство". Доминирующими женскими ролями являются роли жены, матери, домохозяйки. Социально престижная профессиональная деятельность мужчины предопределяет его главенство в семье, а домашний труд женщины, названный Парсонсом псевдозанятием, — ее подчиненную роль. Такая сегрегация ролей интерпретируется им как *механизм подавления возможного разрушительного для брака и семьи соревнования между супругами за власть, статус, престиж*, и объявляется глубоко функциональной.

Парсонс утверждал, что работа замужней матери не несет отрицательных последствий для супружества только в том случае, если она является не "карьерой", а просто "занятостью", не вносит существенного вклада в бюджет, т.е. лежит за пределами "соревнования с мужем" и не подрывает экономических основ его самоуважения. Но даже в этом случае, считает он, работа женщины вызывает нестабильность брака.

Помимо эффекта стабильности семьи, который Парсонс приписывает разделению ролей между супругами, это разделение выполняет, по его мнению, еще одну функцию. Дело в том, что табу инцеста и Эдипов комплекс, описанные Фрейдом, представляются Парсонсу универсальными психическими механизмами, посредством которых осуществляется приобщение ребенка к обществу и культуре. Напомним, что Фрейд утверждал, что табу инцеста "защищает ребенка (то есть мальчика) от "соблазна" собственной матерью и способствует его социализации, ставя ребенка перед необходимостью признать авторитет отца, поскольку именно отец (по Фрейду) является основным проводником социальных норм. Социологическим механизмом, выполняющим те же самые функции, Парсонс считает разделение ролей в семье. Четкое предписывание инструментального лидерства мужчине способствует "освобождению ребенка от чрезмерной эмоциональной зависимости от матери", что необходимо для его возмужания. Как видим, практически все время речь идет о ребенке-мальчике, поскольку действие табу инцеста не распространяется на девочек. Кроме того, очевидно, что Парсонс считает, что "первичность" отношений матери и ребенка/мальчика не только не способствует эффективному выполнению женщиной своих основных воспитательных функций, но и просто препятствует этому. Таким образом, очевидно, что функции матери по отношению к ребенку сводятся им к функциям няни.

Первоначально Парсонс отмечал, что описанная ролевая модель относится к городской семье среднего класса и предостерегал от расширительного толкования этой модели. Затем он признал такую структуру соответствующей урбанизированному и индустриальному американскому обществу в целом. По мере роста влияния теории структурно-функционального анализа Парсонс и его последовате-

ли стали утверждать, что эта модель универсальна и инвариантна, то есть характерна не только для семьи в любом обществе, но и для общества в целом: мужчины в принципе всегда выполняют экономические функции, в женщины — эмоционально-терапевтические.

Теория структурно-функционального анализа Парсонса и концепция разделения инструментальных и экспрессивных функций в семье играли ведущую роль в американской социологии вплоть до начала 70-х годов XX в. Большинство из работ тех лет, посвященных проблемам половых ролей, следовали высказанным Парсонсом идеям.

Те немногие исследователи, которые придерживались иных взглядов на структуру мужских и женских ролей, избегали дискуссий с классиком американской социологии. Так, например, один из ведущих теоретиков социологии семьи Уильям Гуд в своей книге "Мировая революция и модели семьи" справедливо отмечал, что вовлечение женщин в сферу профессионального труда дает ей экономическую независимость и больший авторитет в семье. Он вовсе не считал, что труд женщины вне дома отрицательно влияет на семью, поскольку установки на равенство относятся, как правило, к внесемейной сфере, а в семье женщина по-прежнему несет основную ответственность за ведение домашнего хозяйства. Еще более положительная оценка профессионального труда женщины, его благотворного влияния на брак и семью, на супружеские отношения содержится в замечательной работе А.Най и В.Хоффман "Работающая мать в Америке". Однако в те годы обе эти работы не оказали значимого влияния на развитие идей в социологии пола.

В 1975 г. американские этнографы Аронофф и Крэйно публикуют большую работу, озаглавленную "Пересмотр кросс-культурных принципов разделения задач и дифференциации половых ролей в семье". Они проанализировали данные о распределении ролей между мужчинами и женщинами в 862 племенах и обществах из различных регионов мира, содержащиеся в работах Джорджа Мэрдока, в которых обобщаются результаты его многолетней работы. Оказалось, что участие женщин во внесемейной экономической деятельности колебалось от 32 % (Средиземноморье) до 51 % (острова Тихого Океана). Таким образом, они сделали вывод, что гипотезы о резком разделении ролей между женщинами и мужчинами на чисто семейную для первых и инструментальную для вторых не подтвердились¹⁷.

В следующем исследовании они на основе тех же этнографических данных проверили гипотезу об исключительно женской (т.е. материнской) специализации на выполнении обязанностей по уходу за детьми и поддержанию эмоциональных связей в семье. Матери ухаживают за детьми до одного года действительно в 90% изученных обществ. Но ни в одном обществе уход за подрастающими детьми не считался исключительно материнской задачей, и только в 24% обществ мать несет основную ответственность за них. Более того, в 32% обществ дети проводили время вдали от матери. Включенность отцов тоже велика — в 55% исследованных обществ они имеют постоянные и тесные контакты с детьми. Таким образом, очевидно, что специализация и жесткая дифференциация мужских и женских ролей не носит универсального характера.

Рост феминистского движения (мы рассмотрим эту тему в следующей лекции) и феминистской критики подчиненного положения женщины в обществе привели к большему вниманию к проблемам пола/сексуальности/биологии со стороны социальных теоретиков. В конце 70-х годов в США стали очень популярными работы в области социологии пола, которые писались как реакция на утверждения некоторых теоретиков феминизма о том, что все различия между половыми ролями женщин и мужчин должны быть устранены, что необходимо создание единой и универсальной роли для обоих полов. Естественно, сразу же вставал вопрос — а возможно ли это в принципе? Ведь во всех известных обществах мужские и женские роли так или иначе различаются, пол является той характеристикой, которая определяет экспектации относительно человека с самого его рождения (и даже задолго до этого).

Мнения социологов разделились. Представители так называемого *биологицистского* направления в социологии Лайонел Тайгер и Робин Фокс¹⁸ утверждали, что человеческие существа не являются продуктом культуры. Поэтому они изучали приматов, которые якобы схожи с человеком, но не испытывают на себе влияния социокультурных факторов. Тайгер и Фокс считали, что доминирование мужских особей биологически детерминировано (заложено в специальных биологических программах - биограммах) и характерно для всех животных, в том числе и человека. Поэтому тот факт, что власть в любом обществе принадлежит мужчинам, обусловлен самой их природой.

Другой последователь данного направления — социобиолог Уилсон. "Развивая" теорию Дарвина, Уилсон утверждал, что предметом естественного отбора являются не только физические, но и поведенческие характеристики. Он постоянно проводил параллели и выискивал аналогии между животными и людьми, полностью исключая при этом воздействие культуры на человека.

Дэвид Бэрэш, объяснял различия в мужском и женском поведении тем, что каждый биологический пол использует различные способы для увеличения своих шансов на выживание и воспроизводство. Именно это и определяет различные социальные роли женщин и мужчин. Например, "лицам мужского пола выгодно быть агрессивными, горячими, непостоянными и неразборчивыми. Женщинам более выгодно быть стыдливymi, сдерживаться, пока они не смогут найти мужчин с подходящим генотипом". Бэрэш даже объяснял изнасилования как естественное следствие природной мужской агрессивности. Его утверждения не выдерживают никакой критики. Ведь если мы обратимся вслед за ним к миру животных, то увидим, что даже среди самых "агрессивных" видов животных не практикуется "изнасилование" самки самцом.

В России к биодетерминистским концепциям относится довольно популярная в 80-е годы "информационная" теория Геодакяна¹⁹. Он считает, что генетическая структура женщин устроена таким образом, чтобы накапливать, хранить ("консервировать") и передавать информацию будущим поколениям. В отличие от этого генетическая и психическая структура мужчин приспособлены для поиска и сбора новой информации. Вывод, таким образом, напрашивается сам собой: мужчины — это творцы, а женщины — консерваторы (в хорошем, как считает Геодакян, смысле слова). Из этих информационно-биологических рассуждений автор не боится делать и политические выводы о том, что женщинам не следует стремиться изменять своему "природному предназначению".

Сторонники психологического и психоаналитического толкования дифференциации мужских и женских ролей исходят из посылки о том, что психические качества врождены. Именно эти врожденные "мужские" и "женские" качества определяют специфику и различия характеров, а тем самым и ролей, которые женщины и мужчины играют в обществе. Так, Эрик Эриксон строит свою теорию на основе наблюдения за играми детей: девочки строят домашние интерьеры (т.е., по его мнению, концентрируются на внутреннем пространстве), а мальчики — высокие дома и башни, располагая игрушки вне стен (концентрируясь на внешнем пространстве). Эриксон поддерживал идею о принципиальном различии воинственной природы мужчин и миролюбивой природы женщин, и, в отличие от Фрейда, считал, что женщины — это спасители человечества. Как видим, эта теория, при всей ее высокой оценке женщин, тем не менее, страдает теми же пороками, что и все иные традиционные теории пола. Я имею в виду биологизм (т.е. восприятие человека как биологического существа), биодетерминизм (т.е. веру в то, что все в человеке предопределено природой, "биологией") и жесткую дифференциацию мужчин/маскулинности и женщин/феминности. Иными словами, это все та же хорошо знакомая традиционная теория, только вывернутая наизусть.

Другой психолог — Колберг — полагал, что половые различия не биологически врождены, но являются ребенку по мере знакомства с миром. Овладение половыми ролями и различиями есть процесс овладения миром, его познания и упорядочивания. При этом для Колберга несомненно, что мужская роль идентифицируется с властью и престижем, а женская — с приятной наружностью и мягкостью. Научение мальчиков быть мужчинами, а девочек — быть женщинами он рассматривает как процесс обучения и усвоения моральных норм. Ну, как тут не вспомнить "старину Фрейда"!

В качестве другого примера я хотела бы привести результаты одного значимого исследования, осуществленного в 80-е годы психологами Маккоуби и Жаклин²⁰. Они проанализировали более 2000 психологических обследований, проведенных различными исследователями, и заявили, что можно считать установленными только четыре различия: женщины превосходят мужчин в тестах по вербальным способностям, а мужчины — по математическим (различия отмечены только у подростков и взрослых, уже прошедших обучение; у детей дошкольного возраста эти способности в принципе равны). Также взрослые мужчины превосходят женщин в зрительно-пространственной ориентации. Маккоуби и Жаклин считают доказанной большую агрессивность мужчин (и физическую, и по вербальным тестам). Такой же точки зрения придерживаются К.Таврис и К.Оффир²¹.

Социологию пола трудно отнести к тому, что принято называть гендерными исследованиями. И дело не только в том, что в этих работах не использовалось само понятие гендера, а употреблялся термин половые роли (sexual roles). Хотя и этот факт чрезвычайно показателен: сам термин половые

роли объединяет биологическое понятие "пол" с социологическим "роль". Это приводит к тому, что мифы относительно пола некритически интегрируются в социологическое понятие роли. *Традиционная социология пола, которая так и называлась — Sociology of Sex — стояла на биодетерминистских позициях.* В основе объяснительных моделей, развиваемых в рамках традиционной социологии пола, лежала аксиома о том, что дифференциация социальных ролей женщин и мужчин является следствием и естественным продолжением принципиальных различий их биологической конституции.

Попытки отойти от биодетерминистского подхода и дать социологические объяснения дифференциации половых ролей предпринимались в 60-е - 70-е годы разными социологами. Так, У.Гуд считал причинами дифференциации совокупную систему ценностей, Р.Тернер — систему культуры, Г.Бэрри, М.Бэкон и И.Чайлд — модели социализации, а М.Джоунг и П.Уилмот — степень научно-технического развития общества. Но поскольку сама проблема дифференциации ролей была для этих социологов чем-то вторичным, она не стала предметом глубокого анализа.

Дискутировался в те годы и вопрос о том, какой должна быть идеальная модель половых ролей. Исследователями (социологами, психологами) были предложены следующие варианты:

- неотрадиционная модель (Ф.Меринг и Р.Тернер) — женщина работает вне дома для заработка, но основной сферой деятельности для нее остается семья;
- трехфазная модель (А.Мюрдаль и В.Клейн) — женщина работает, потом рождает и растит детей, затем снова работает;
- модель симметричных ролей/двухкарьерная семья (Рона и Роберт Раппопорт, Б.Фридан) — оба супруга делают карьеру и поровну делят семейные обязанности;
- идентичные роли (Дж.Трибилкот, Н.Вайсстайн); идентичность ролей формулировалась ими в абстрактных терминах свободы, справедливости, равенства возможностей;
- андрогинная модель (С. Бём), универсальная или монополовая (Э.Росси, Б.Фориша), при которой каждый человек должен обладать как мужскими, так и женскими качествами;
- радикально-феминистская модель (Дж.Бернард, К.Сафилиос-Ротшильд), которая предполагала отказ женщин от выполнения традиционных семейных ролей и передачу этих функций обществу;
- трансцендентная концепция половой роли (Р.Хэфнеер, В.Нордин), то есть "индивидуальный поведенческий выбор, который основан на полном наборе возможных человеческих характеристик. Этот выбор является индивидуальным и адаптированным для отдельного человека в специфической ситуации и не детерминированным стереотипами половых ролей". Ее авторы полагали, что каждый человек может попробовать некоторое время исполнять мужские роли, потом — женские, потом попробовать соединить их одновременно и стать андрогином, потом попробовать что-то еще.

Эти модели отражают стремление их авторов каким-то образом преодолеть ограниченность и жесткость биодетерминистских конструкций. Однако очевидно и другое — несвобода этих авторов от традиционной дихотомии производственных/семейных и мужских/женских ролей. Различные комбинации этих ролей — даже самые фантастические, вроде трансцендентной концепции — все равно не предполагают выхода за рамки дихотомии.

РЕЗЮМЕ

Рассмотренные нами теории, несмотря на все их дисциплинарные различия, сходны в одном — они покоятся на биодетерминистских позициях. Факт биологических различий между женщинами и мужчинами принимается как природная данность и все последующие психологические, социологические и даже философские теории просто описывают и апологизируют (оправдывают) эти различия.

Сегодня гендерная теория не пытается оспорить существование биологических или психических различий между женщинами и мужчинами. Она просто говорит, что существование различий не так важно, как важна их социокультурная оценка и интерпретация, а также построение властной системы на основе этих различий. То, что сегодня принято называть гендерным подходом в социальных науках — это не просто замена одного термина на другой. За этим словом стоят совершенно иные методологические основания, и более того — критическое переосмысление самих основ традиционной социальной науки. Начало этому процессу положило формирование и развитие феминистской теории.

Примечания

- ¹ Cit.on: *Discovering Reality. Feminist Perspectives on Epistemology, Methaphysics, Methodology and Philosophy*. Eds. S.Harding and M.Hintikka. Dordrecht, Boston, London. 1983. P..5.
- ² Philon. Question and Answers on Exodus, I, sec.8. In: Philo. Loeb Classical Library, vol.11. PP.15-16.
- ³ Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. М.: Атеист, 1930. С.129.
- ⁴ Cit.on: Merchant C. *The Death of Nature: Women, Ecology and the Scientific Revolution*. San Francisco, Harper and Row, 1980. P.87.
- ⁵ Лоренцер А. Археология психоанализа. Пер. с нем. А.Руткевича. Прогресс-Академия, М., 1996. С.45-46.
- ⁶ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21. С. 68
- ⁷ Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. - Соч., т. 3. С..31.
- ⁸ Ленин В.И. Полн. Собр.соч., т.39. С.15
- ⁹ Цит по: Дружинин Н.М. Избранные труды. Революционное движение в России в XIX веке. М., 1985. С. 286.
- ¹⁰ Соловьев В.С. *Россия и Вселенская церковь*. М., 1911. С..335.
- ¹¹ Бердяев Н. Письмо будущей жене Л.Ю.Рапп. Эрос и личность//Философия пола и любви. М., 1989. С.15-16.
- ¹² Розанов В. *Уединенное*. Спб., 1922. С.119.
- ¹³ Standart Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. London, 1964. - *The Dissolution of the Oedipus Complex* (vol. 19); *Female Sexuality* (vol. 21). *Some Psychological Consequences of the Anatomical Distinction between the Sexes* (vol. 19).
- ¹⁴ Parsons T., Bales R. *Family, Socialization and Interaction Process*. – L., 1956. P..23.
- ¹⁵ Ibid., P.339.
- ¹⁶ *The Family. Its Function and Destiny*. Ed. by T.Parsons. London, 1959. P.271.
- ¹⁷ Aronoff J., Crano W.D. A Re-Examination of the Cross-Cultural Principles of task Segregation and Sex Role Differentiation in the Family. – *American Sociol. Review*. 1975, vol. 40, #1. P. 12-20.
- ¹⁸ Tiger L., Fox R. *The Imperial Animal*. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston. 1971. 333 P.
- ¹⁹ Геодакян В.А. Мужчина и женщина. Эволюционно-биологическое предназначение// Женщина в аспекте физической антропологии/Отв. ред. Г.А. Аксянова. М.: ИЭА РАН, 1994.
- ²⁰ Maccoby E.E, Jacklin C.N. *The Psychology of Sex Differences*. Stanford (Calif.): Stanford Univ. Press, 1974. 256 P.
- ²¹ Tavris C., Offir C. *The Longest War: Sex Differences in Perspective*. N.Y. etc., Harcourt, Brace, Jovanovich. 1977. 333 P.

ЛЕКЦИЯ 3. ФЕМИНИЗМ КАК ПРЕДТЕЧА ГЕНДЕРНОЙ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Часть 1. Либеральный, социалистический и радикальный феминизмы

Решающую роль в появлении принципиально новой научной парадигмы в исследованиях пола — я имею в виду гендерную теорию — сыграл феминизм.

Появление феминизма имманентно самой патриархатной культуре, поместившей половину человечества за границы, вне рамок этой культуры — как бы в культурное зазеркалье. Возникновение феминизма обусловлено определенными социальными и интеллектуальными предпосылками.

Социальные предпосылки феминизма — в секуляризации общества, сломе его феодально-сословной организации и развитии буржуазных отношений, вовлечении женщин в работу по найму, что создает предпосылки для превращения женщин в собственника своих рабочих рук — она может как свободный человек продавать их.

Интеллектуальные предпосылки феминизма — различные критические в отношении существующего общества теории, начиная с философии прав человека, возникшей в XVIII в. и вплоть до современных постмодернистских концепций Фуко и Дерриды.

Сегодня феминизм — это прежде всего альтернативная (по отношению к европейской традиции) философская концепция социокультурного развития. Однако в течение довольно длительного периода он существовал как идеология равноправия женщин и как социально-политическое движение. Эти два аспекта феминизма чрезвычайно важны для становления его теории: именно в поисках ответов на реальные вопросы, касающиеся статуса женщин в обществе, теоретики феминизма, не удовлетворенные традиционной социальной наукой, стали формулировать и свои теоретические претензии к традиционному западному знанию, и новые теоретико-методологические подходы к анализу культуры.

Из истории формирования феминистских идей

Сегодня принято считать, что зарождение феминистских идей относится к эпохе Возрождения с ее культом человека. Именно тогда появились первые трактаты Кристины де Пизан и Корнелиуса Агриппы, в которых открыто говорилось о подавлении личности женщины и несправедливом отношении к ней общества.

Следующий этап в развитии феминизма связан со временем Великой Французской революции — выдвинутые тогда лозунги свободы, равенства и братства всех людей независимо от их происхождения активизировали стремление женщин к равноправию. Вместе с тем "Декларация прав человека и гражданина", провозгласившая, что все люди имеют неотъемлемые естественные права, фактически была декларацией о правах **мужчин**. Неслучайно в 1792 г. Олимпия де Гуж написала "Декларацию прав женщины и гражданки", в которой содержались требования предоставить женщинам гражданские и избирательные права и возможность занимать государственные посты. Вслед за этим возникли женские организации и клубы, которые, впрочем, довольно быстро были запрещены Конвентом. Сама Олимпия де Гуж была казнена.

Однако в том же 1792 г. Мэри Уолстоункрафт опубликовала в Англии книгу "Защита прав женщин", а в Германии в этом же году вышла работа Теодора фон Гиппеля "Об улучшении гражданского положения женщин".

Появление подобных работ в то время далеко не случайно. Сегодня становится очевидным, что зарождение и формирование феминистских теорий в значительной степени подготовлено развитием различных социально-философских и политических концепций и интеллектуальных течений. В этой связи особенно стоит отметить, *во-первых*, философские концепции Джона Локка, Жан-Жака Руссо и Джона Стюарта Милля, которые развивали основы теории прав человека. Более того, английский философ Дж. Ст. Милль и его соавтор и жена Харриэт Тэйлор в 1869 г. опубликовали книгу "Зависимость женщины", в которой они использовали либерально-философскую теорию для доказательства тезиса о равенстве прав женщин и мужчин. *Во-вторых*, необходимо подчеркнуть влияние теории утопического социализма Шарля Фурье, Сен-Симона и Роберта Оуэна. В частности, именно первому из них принадлежит как изобретение самого термина "феминизм" так и — обычно неверно приписываемое Марксу — высказывание о том, что "социальное положение женщины является мерилем общественного прогресса".

В течение XIX века по Европе прокатилась волна буржуазных революций, активизировавшая борьбу женщин за свои права — в основном речь шла о праве на труд и равную с мужчинами его оплату. В конце XIX века возникает движение суфражисток, т.е. борьба женщин за предоставление им избирательных прав. Первоначально пассивное, а нередко и негативное отношение общества к этой идее вынудило некоторых лидеров суфражизма пойти на радикальные формы привлечения внимания к проблеме. Однако они сумели вызвать общественный резонанс. Многолетняя борьба суфражисток разных стран дала свои результаты — в течение первых двух десятилетий XX века в основной части Европы и в Северной Америке женщины получили избирательные права.

Новый виток в развитии феминизма начался в 60-е годы XX в. вместе с возникновением леворадикальных движений протеста и формированием контркультурных теорий.

В этот период сформировались три основных течения феминизма того времени: *либеральное, социалистическое и радикальное.*

Либеральный феминизм

Его возрождение связано с опубликованием в 1963 г. книги Бетти Фридан "Мистика женственности"¹, в которой она на примере анализа интервью с 300 "благополучными домохозяйками" среднего класса показала, что в американском обществе женщины не обладают равными с мужчинами правами. Ее книга произвела эффект разорвавшейся бомбы, выдержала более десяти переизданий и разошлась миллионными тиражами. Вскоре возникла Национальная Организация Женщин, включавшая несколько сотен тысяч женщин среднего класса.

Либеральные феминистки XX века – Элис Росси ("Феминистские доклады: от Адамс до Бовуар"), Джанет Ричардс ("Скептический феминизм"), Сьюзан Окин ("Женщины в западной политической мысли"), Натали Блюстоун ("Женщины и идеальное общество: "Республика" Платона и современные мифы о гендере")² - поддерживали идеи, разрабатываемые либеральными феминистками XVIII-XIX веков, поскольку их требования не были удовлетворены и равенство прав и возможностей для женщин и мужчин так и не было достигнуто. По мнению либеральных феминисток, основным способом решения этой проблемы должны быть социально-экономические и юридические реформы в рамках существующего общества. Большой акцент в либеральном феминизме - начиная с XVIII века и вплоть до конца XX века - делался на идее равенства, т.е. одинаковости женщин и мужчин как рациональных существ.

Равенство как цель для женщин внутри иерархизированного общества, которое существует сегодня, приводит к тому, что основным способом его достижения провозглашается *равенство возможностей*. На практике это означает *равенство условий мужчин и женщин внутри каждой страты, существующей сегодня*. Сказав, что либеральные феминистки скорее ищут равенства возможностей, а не равенства условий, следует также сказать, что фактически они поддерживают неравное общество и просто хотят продвинуть женщин внутри его структур. Если быть более откровенными, они хотят *продвинуть женщин к тому, что конвенционально считается равенством с мужчинами внутри различных иерархически организованных (упорядоченных) групп*. Это, на взгляд американской исследовательницы Дж.Эванс, истинная характеристика школы классических либералок.

Либеральный феминизм, требуя равенства, склонен постулировать одинаковость женщин и мужчин и отрицать их различия. Поэтому Фридан разоблачает мистику женственности, Окин утверждает, что не следует показывать, что различия существуют, Ричардс полагает униженность женщин следствием социализации, Блюстоун утверждает, что женский ум такой же, как у мужчин, а Вильямс выступает за юридическое понимание женщин и мужчин как одинаковых. Все эти авторы в своих книгах, появившихся с 1963 по 1994 гг., рассматривали равенство мужчин и женщин в смысле отсутствия значимых различий. Соответственно, к женщинам следует относиться так же хорошо, как и к мужчинам. Большинство из них склонны говорить о мужчинах и женщинах как гомогенных группах. Иными словами, либеральный феминизм стремится к равенству возможностей с мужчинами и видит его на основе одинаковости. Различия рассматриваются как несущественные, как продукт "мистики".

Либеральный феминизм нередко подвергается критике со стороны других направлений. Так, Джин Бетке Эльштайн отмечала, что он имеет три основных порока: 1) веру в то, что женщины могут стать похожими на мужчин; 2) веру в то, что женщины хотят этого; 3) веру в то, что всем женщинам следует хотеть стать похожими на мужчин и разделять мужские ценности.

Эти недостатки либерального феминизма, его ориентация на обсуждение проблем и потребностей женщин среднего класса, неразработанность теории реформ привели к тому, что, несмотря на массовость движения, оно не сумело изменить реальное положение дел. Однако именно с возрождения либерального феминизма после почти сорока лет отсутствия женского движения в Америке начался второй этап феминизма. И в этом - историческая заслуга либералок.

Социалистический феминизм

В этом течении были синтезированы марксистские и феминистские взгляды. Так же, как и либеральное направление, социалистическое уходит своими корнями в прошлые века. Как пишут Патрисия Эллиот и Нэнси Менделл, - "Климат социальных реформ стал той ареной, на которой разворачивалось феминистское движение второй половины XIX и начала XX веков. Распространение...капитализма, стремительная индустриализация, урбанистическая бедность, сдвиги в структуре семьи и отход от стандартных экономических ролей породили как либеральный, так и социалистический отклики"³.

В социалистической традиции основными причинами дискриминации женщин считаются частная собственность и классовая структура общества. В марксизме такие идеи высказывал Ф. Энгельс в своей работе "Происхождение семьи, частной собственности и государства" - мы рассматривали ее в предыдущей лекции. Марксистский феминизм конца XIX-начала XX веков развивался усилиями Александры Коллонтай, Клары Цеткин, Августа Бебеля и некоторых других марксистов того времени в русле идей, высказанных Ф. Энгельсом и позже В.И. Лениным. В соответствии с принятыми там идеологическими установками, дискриминация женщин рассматривалась Коллонтай и Цеткин как частный случай дискриминации человека в классово-антагонистических общественных системах. Они утверждали, что, как и любой другой вид подавления, дискриминация женщин должна исчезнуть после совершения социалистической революции и построения нового общества.

Сегодня марксистский феминизм представлен в работах Эммы Голдман "Продажа женщин и другие эссе о феминизме", Синтии Кокбёрн "Братья: мужское доминирование и технологическое изменение", Мэри Эванс "Похвала теории: женские исследования" и др.⁴ Они анализируют в основном экономические и социальные аспекты положения женщин в капиталистической системе производства и воспроизводства. По их мнению, капитализму присуще разделение труда по половому признаку. Женщина работает дома и производит продукты и услуги, которые не имеют обменной стоимости. При этом женская работа по дому и уход за детьми не рассматриваются как "настоящая работа", поскольку она не приносит денег. Мужчина, который работает в общественном секторе, непосредственно вовлечен в производство предметов потребления, предназначенных для обмена на рынке. Отождествление женщины с домом, частным сектором придает ее труду в производственном секторе вторичный статус; женщины относятся к "резервной армии труда".

Марксистки считают, что моногамный брак развивается как часть формации частной собственности, а семья в условиях капитализма становится микрокосмом социальных отношений между классами. Разделение частного и публичного труда носит классовый характер, и жены могут быть сопоставлены пролетариату. Все жены, вне зависимости от их трудовых доходов, ответственны за ведение домашнего хозяйства, уход за детьми, за эмоциональную поддержку членов семьи и за благополучие семьи в целом. Работа домохозяйки — их домашнее рабство — представляет собой одновременно и личное служение мужчине, хозяину дома, и неоплачиваемую экономическую службу обществу в целом. Только освобождение от капитализма и частной собственности освободит женщин от этого гнета, заключают марксистские феминистки.

Социалистические феминистки - Зилла Айзенштейн ("Капиталистический патриархат и социалистический феминизм"), Мэри О'Брайен ("Политика репродукции")⁵ и др. - в целом разделяя эти идеи, тем не менее, расходятся по одному из пунктов с марксистками. В отличие от Энгельса, не допускавшего существования особого, отдельного от пролетарского, женского движения, современные социалистические феминистки настаивают именно на необходимости вычленения из проблем классовых и общесоциальных — собственно **женских** проблем. Теория социал-феминисток, в отличие от марксисток, утверждает, что классовые и гендерные отношения пересекаются в жизни женщины. Патриархат и классовая система общества - в частности, капитализм - существуют таким образом, что взаимно укрепляют и поддерживают друг друга. Различные формы капитализма и патриархата модифицируют и поддерживают одна другую и продуцируют исторически специфические формы женского угнетения.

Подавление женщин при капитализме основано на их экономической эксплуатации как оплачиваемых работников и на их угнетении как матерей и домохозяек. Это патриархатное подавление имеет как материальный, так и идеологический базис, считают феминистки. Идеологически мужчины и женщины определяются как разные по темпераменту и склонностям. Практически же эти "заданные" различия скорее институционально предписаны и формируют систему разделения труда по половому признаку и гетеросексуальную нуклеарную семью.

Социалистический феминизм возник как результат того, что в марксизме был отвергнут гендерный аспект проблемы подавления женщин - патриархи марксизма были склонны считать подавление женщин не настолько важным, как угнетение рабочих. Социалистических феминисток - например, Хайди Хартман в работе "Несчастливый брак марксизма и феминизма..."⁶ - не устраивает, что марксизм не дает объяснения того, почему женщины подчинены мужчинам в семье и вне ее. Они полагают, что категории марксизма, вроде капитала, слепы в отношении пола. Для того, чтобы преодолеть ограниченность традиционного марксистского феминизма, с одной стороны, и радикального и психоаналитического - с другой, социалистические феминистки развивают два различных подхода - теорию двойных систем и теорию унифицированных систем. Эти подходы нацелены на обеспечение полного объяснения подавления женщин, но они различны.

Сторонники теории дуальных систем считают, что патриархат и капитализм - различные формы социальных отношений и различные наборы интересов, которые, пересекаясь, подавляют женщин особыми способами. Для понимания подавления женщин необходимо сначала анализировать отдельно феномены капитализма и патриархата, а затем рассматривать их диалектические отношения друг с другом.

По контрасту с дуальными системами, теоретики унифицированных систем пытаются анализировать капитализм и патриархат вместе. Для них капитализм не более отделен от патриархата, чем разум от тела.

Теория дуальных систем.

Одной из первых эту теорию стала развивать Джулиет Митчелл (позже мы с ней встретимся еще раз, когда будем говорить о психоаналитическом феминизме. В своей книге "Woman's Estate"⁷. Перевод названия несколько затруднен из-за игры слов, поскольку слово estate имеет значения сословие, положение в обществе (книжное) и - Woman's estate - совершеннолетие, зрелость. Митчелл отвергает традиционную позицию марксистского феминизма, в соответствии с которой положение женщин — это просто функция ее отношения к капиталу, независимо от того, является ли она частью продуктивных рабочих сил. Вопреки этому монокаузальному объяснению подавления женщин, Митчелл утверждает, что и статус, и функции женщин детерминируются их ролями в производстве и воспроизводстве, социализации детей и сексуальности.

Хайди Хартманн, как и Митчелл, сторонник теории дуальных систем. Но если Митчелл считает патриархат идеологической формой женского подавления, репрезентированной в каждом личном бессознательном посредством Эдипова комплекса, то точка зрения Хартманн иная. Она оценивает патриархат как структуру отношений в обществе, которая имеет материальный базис в мужском контроле над женской трудовой силой. Материалистический анализ патриархата, предпринимаемый Хартманн, проистекает из ее неудовлетворенности традиционной марксистской тенденцией выводить подавление женщин исключительно из их положения в производственной системе. Эта тенденция во многом объясняется склонностью марксистских феминисток ограничивать свои исследования женщинами-работницами и рассматривать гендерное неравенство как частный случай классового подавления. Фокусируя все свое внимание на обсуждении трудовых отношений при капитализме, марксистский феминизм, говорит Хартманн, теряет реальный объект феминистского анализа - отношения женщин и мужчин. Именно поэтому марксистский анализ капитала должен быть дополнен феминистским анализом патриархата.

Хартманн определяет патриархат как "набор социальных отношений между мужчинами; эти отношения имеют материальное основание и через иерархическую, установленную или созданную взаимозависимость и солидарность между мужчинами позволяют им доминировать над женщинами"⁸. Эти материальные основания покоятся на мужском контроле над женской рабочей силой, контроле над женской сексуальностью и особенно над их репродуктивными способностями. Этот мужской контроль

меняется в разных странах и в разные времена. Среди белых в западных капиталистических странах этот контроль утверждается через моногамный гетеросексуальный брак, женскую ответственность за вынашивание и выхаживание детей, женский домашний труд, женскую экономическую зависимость от мужчин, через государство и бесчисленные социальные институты, основанные на мужских связях. Таким образом, патриархат оперирует не психологической реальностью (как у Митчелл), а материальной; мужской контроль принимает очень конкретные формы.

Анализируя современное разделение труда по полу, результат которого выражается в недостаточной оплате труда женщин и двойной занятости, Хартманн утверждает, что мужчины хотят контролировать женщин столь же жестко, как капитал контролирует рабочих. Капитализм и патриархат, считает она, не являются двумя головами одного чудовища. Это - два разных чудовища, и к ним необходимо применять разное оружие.

Критика теорий дуальных систем представлена, в частности, Айрис Янг в работе "Социалистический феминизм и пределы теории дуальных систем"⁹. Она полагает, что восприятие патриархата как идеологии основано на концепции мужского права управлять женщинами. Это право, в свою очередь, трактуется как универсальное и исторически неизменяемое. Как считает Янг, такая позиция может иметь два негативных последствия. Во-первых, она может породить не только чувство безнадежности у женщин, но также и серьезные культурные, этические, расовые и классовые предубеждения относительно общих и неизменных структур патриархата. Во-вторых, эта позиция может привести к неверному представлению о том, что, поскольку патриархат существует первоначально "в голове" как идея, он не настолько подавляет женщин, как некоторые факты капиталистической жизни. "Теория патриархата описывает форму подавления женщин, но традиционная марксистская теория описывает ее содержание, специфичность и мотор для изменений. Поэтому теория дуальных систем проигрывает свой вызов традиционному марксизму"¹⁰. Янг считает, что теория дуальных систем с необходимостью редуцируется до марксистской монотеории, в которой капитализм является первопричиной подавления женщин.

Модель сепаратных сфер капитализма и патриархата проблематична, считает Янг, по нескольким причинам. Во-первых, именно капитализм, по ее мнению, ответственен за разрыв между семьей и экономикой. Во-вторых, модель сепаратных сфер не объясняет характера подавления женщин вне семьи. Если работающие женщины подавляются не просто как рабочие или как женщины, а именно как женщины-работницы, то теория дуальных систем бесполезна. Простое добавление анализа подавления женщин к анализу подавления работников не может объяснить факт подавления женщин-работниц.

Янг выдвигает теорию *унифицированных (объединенных)* систем. Ее целью при этом было передвинуть идею гендерной дифференциации с периферии (как в традиционном марксизме) в центр внимания. Янг полагала, что если традиционный марксизм дополнить гендерным анализом, то социфеминизм не будет тратить свое время, пытаясь теоретически "залатать дыру" между капитализмом и патриархатом. В таком случае социфеминистки смогут просто заменить традиционный марксизм "феминистским историческим материализмом". Янг считала, что феминизму нужен не "гендерно слепой" марксизм, в котором мужское и женское ничего не означает с точки зрения подавления, а марксистская гендерная теория, в которой мужское и женское рассматривается с точки зрения подавления. Как она справилась с такой заявкой, мы сейчас и посмотрим.

Традиционный марксизм использует класс как центральную категорию анализа. Теоретики дуальных систем, с точки зрения Янг, правильно полагают, что поскольку класс – "гендерно-слепая" категория, она не адекватна анализу специфики подавления женщин. Чтобы придать концептуальную силу категории "разделение труда", ее следует понимать как гендерную по своей сути. В этом случае возможен синтез марксизма, радикального и психоаналитического феминизма. По мнению Янг, анализ разделения труда более соответствует целям социфеминизма, чем классовый анализ. Если классовый анализ применяется к системе производства в целом, фокусируясь на производственных средствах и отношениях в наиболее общих терминах, то анализ с точки зрения разделения труда уделяет внимание людям, индивидам, которые производят. Иными словами, классовый анализ делает дискуссию в отношении роли буржуазии и пролетариата абстрактной, а исследование разделения – конкретной. Например, кто *устанавливает* правила и кто им *подчиняется*, кто стимулирует и кто исполняет работу, кто делает желаемую и кто – нежелательную работу, кто получает больше или меньше и т.д. Оче-

видно, что анализ разделения труда может лучше объяснить, почему женщины делают все невыгодное и нежелательное, а мужчины - наоборот.

Если теоретики дуальных систем используют традиционный марксизм (его классовый анализ) для объяснения гендерно-нейтрального капитализма, а любую феминистскую радикальную или психо-аналитическую теорию для объяснения основанного на гендерной дифференциации патриархата, то Янг с этим не согласна. Она уверена, что необходима новая теория соцфеминизма, которая могла бы объяснить гендерные основания патриархата. Капитализм был, есть и будет, по ее мнению, сущностно и фундаментально патриархатен. "Мой тезис, - писала она, - в том, что маргинализация женщин и вытекающая из этого роль вторичной рабочей силы есть сущностная и фундаментальная характеристика патриархата"¹¹. Сегодня женщины испытывают влияние патриархата в виде неравной оплаты равного труда, сексуальных домогательств, неоплаченной домашней работы и т.д. Другие поколения женщин также испытывали патриархат, но они жили в другой классовой и экономической системе и их угнетение выглядело по-другому. Фактически, классовые и гендерные структуры настолько взаимосвязаны, что трудно сказать, какая из них первична. Феодальная система гендерных отношений сопровождалась феодальной системой классовых условий и обязательств. Янг считает, что капитализм и патриархат - это два сямских близнеца. В своем эссе о несчастливом браке марксизма и феминизма она дает исторический анализ гендерного разделения труда и прослеживает упадок статуса женщин при движении от докапиталистической экономики к капиталистической.

В докапиталистические времена брак был, говорит Янг, экономическим партнерством: женщины участвовали в семейном производстве вместе с мужчинами. Развитие капитализма разделяет семью и производство, разрывает экономическое партнерство между мужем и женой и стратифицирует мужчин и женщин на первичную и вторичную рабочую силу.

Алисон Джаггар ("Феминистская политика и природа человека")¹², работая, как и Янг, в рамках теории унифицированных систем, обращает свое внимание на разработку понятия "отчуждение". Она напоминает, что для Маркса труд есть гуманизированная активность *par excellence*, поскольку он есть средство связи нас с продуктами нашего ума и тела, природой и другими людьми. Но при капитализме труд становится дегуманизированным. Труд организован таким образом, что разрывает наши связи со всем и всеми, в том числе и с самим собой - иными словами, происходит отчуждение человека от продуктов его труда и от себя самого. Женщины испытывают отчуждение специфическим гендерным способом. Джаггар анализирует отчуждение женщин через рассмотрение практик сексуальности, материнства и интеллектуальности. Она показывает, что так же, как рабочий отчужден от продуктов своего труда, женщина отчуждена от продукта своего труда - от тела. Женщина может сказать, что она сидит на диете, упражняется и одевается для себя, однако в действительности она формирует и обихаживает свое тело для мужчины. Более того, как рабочий отчужден от своего тела, которое становится для него вещью, так и женщина отчуждена от своего тела, которое становится объектом для нее самой и для мужчины. И, наконец, как рабочие участвуют в соревновании за лишний доллар, так и женщины участвуют в соревновании за мужской взгляд и одобрение.

Материнство так же, как и сексуальность, являет собой опыт отчуждения для женщин, утверждает Джаггар. Женщина отчуждена от продукта своего репродуктивного труда, поскольку не она, решает, сколько детей ей следует иметь (репродуктивная идеология). В одних обществах, где детский труд используется наравне со взрослым, она должна рожать как можно больше детей. В других обществах, где дети считаются экономической нагрузкой, женщин побуждают воздерживаться от множества рождений. В некоторых обществах женщины даже проходят через принудительную стерилизацию или аборт.

Женщины также отчуждены и от процесса своего репродуктивного труда. Врачи, считает Джаггар, манипулируют телом женщины с помощью инструментов, иногда делая принудительное кесарево сечение или давая женщинам наркоз против их воли. Дальнейшее распространение репродуктивных технологий (оплодотворение в пробирке, суррогатное материнство, доноры спермы и т.д.), рассматривается ею как усиление отчуждения женщины от продукта и процесса репродуктивного труда. Процесс воспитания также подвержен контролю со стороны "специалистов" - по преимуществу мужчин. "Изолированная в своем загородном доме (!), женщина проводит долгие дни, а иногда и ночи, воспитывая своего ребенка в соответствии с предписаниями "экспертов", а не в соответствии со своими собственными желаниями", - пишет Джаггар¹³.

Вслед за Адриенной Рич (написавшей ставшую знаменитой книгу "Рожденная женщиной"), Джаггар рассматривает сильную взаимную зависимость матери и ребенка. В обществе, где материнство является важнейшей женской ролью, женщина рассматривает ребенка/детей как средство самоутверждения и самореализации, а не как самостоятельную личность. По мнению Джаггар, неспособность женщины относиться к ребенку как к самостоятельной личности является отражением того, что общество не относится к самой женщине как к личности.

Женщина отчуждена не только от своей сексуальности и материнства, она также отчуждена от своих интеллектуальных способностей, считает Джаггар. Женщина социализируется как эмоциональное, скромное, пассивное, неуверенное в себе существо, она ненавидит выражать свои идеи в публичном месте, поскольку не считает их стоящими и т.д. Джаггар убеждена, что "использование теоретической конструкции отчуждения идентифицирует современное подавление женщин как феномен, относящийся к капиталистической форме мужского доминирования"¹⁴. Правильное понимание угнетения женщин является первым шагом на пути освобождения женщин. При этом осознание подавления - необходимый, но недостаточный шаг на пути освобождения, поскольку подавление существует не только в сознании, но и в социальных институтах и культурных структурах.

Помимо этого, теоретики социалистического феминизма сосредоточили свое внимание на анализе еще нескольких проблем. Особенное внимание они уделяли анализу домашнего труда женщины и его роли в целостной капиталистической системе. В 1969 г. Маргарет Бенстон в своей работе "Политическая экономия освобождения женщин"¹⁵ назвала домашний труд "критической формой женского труда", поскольку он одновременно и неоплачиваемый, и малоценный, и почти невидимый. Многочисленные исследования, инициированные работой Бенстон, ставили перед собой цель признания ценности традиционной женской работы по дому. Исследования домашнего труда оказали большое влияние на изменение общественного мнения в отношении неоплачиваемого женского домашнего труда, который существенно сужает возможности профессиональной занятости, профессиональной карьеры и просто отдыха. Еще одна тема, связанная с предыдущей - это отношение общества к работающей матери. Поскольку традиционные определения женственности в первую очередь включают ее определения как "хорошей матери", работающие женщины испытывают чувства неполноценности, вины и страха в те периоды, когда ее время и внимание направлены не на уход за домашними. В то же время, многочисленные исследования показали, что первичные определения женщин как жен и матерей оказывают непосредственное влияние на формирование вторичного статуса женщин как работников и более низкой оплаты их труда. Чрезвычайно важной была критика феминистками-социалистками идеологии "семейной оплаты", в соответствии с которой мужчина рассматривается как "кормилец семьи", которому необходимо платить достаточно для содержания материально зависимых от него жены и детей.

Здесь возникает вопрос о роли семьи в воспроизводстве механизмов подавления женщин, который также занимал умы феминисток-социалисток. В большей степени, нежели любая другая группа теоретиков, социал-феминистки рассматривали стратегии семейной занятости в современной капиталистической системе.

И, наконец, следует упомянуть такие темы в дискуссиях социалисток, как воспитание сознательности и практические действия, направленные на позитивные изменения. Кризисные центры, созданные ими для помощи жертвам сексуального и криминального насилия, малый бизнес, детские сады - все это примеры новых структур, которые, по мнению социалисток-феминисток, стимулируют альтернативные виды мышления и поведения.

Кризис социал-феминизма, наступивший в начале 90-х годов, связан как с теоретической неразработанностью ряда вопросов, так и с обнаружением факта дискриминации женщин в странах "реального социализма". В связи с этим некоторые из социалисток-феминисток (в частности, Джулиет Митчелл) обратились к психоаналитической теории с ее утверждением о том, что половые различия коренятся в бессознательных структурах личности.

Радикальный феминизм

Именно это течение стало наиболее наиболее ярким и влиятельным как своему теоретическому содержанию, так и социальному эффекту. Кейт Миллетт, Суламифь Файерстоун, Андрея Дворкин, Кристина Дельфи, Мэри Дэйли и многие другие радикальные феминистки обратились к поискам общего,

глубинного основания угнетения женщин. Таковым, по их мнению, является патриархат – система мужского доминирования над женщинами.

Значительная часть интеллектуального багажа радикального феминизма возникла благодаря развивавшемуся в его рамках критическому подходу к анализу традиционной культуры и науки. Именно они, радикалки и интеллектуалки 70-х годов XX в., породили традицию социокультурной оценки причин дискриминации и подавления женщин в обществе, а затем перешли от рассмотрения проблем женщин к анализу традиционной патриархальной культуры в целом.

Начало этой теоретической работе положила, как принято считать на Западе, французский философ-экзистенциалист **Симона де Бовуар** (1908-1986) в своей книге "Второй пол" (1949). Публикация "Второго пола" вызвала фурор. В первые же недели после публикации было куплено 22.000 экземпляров книги - тираж невиданный для Франции тех лет. При этом реакция на книгу была далеко не однозначной. Бовуар была шокирована, что ее предполагаемые просвещенные друзья - например, экзистенциалист Альбер Камю - отвергли книгу, посчитав ее нападка на маскулинность. Она также была обескуражена реакцией французской коммунистической партии, которая посчитала "Второй пол" еще одним тривиальным сборником женских жалоб, призванным отвлечь людей от классовой борьбы. Однако Бовуар имела и сильную поддержку - она получала очень много благодарных писем от женщин всех социальных слоев, чья жизнь изменилась в позитивном направлении после чтения "Второго пола".

С тех пор книга выдержала много изданий и переизданий и даже появилась в 1998 г. на русском языке. Многие поколения феминисток выросли из этой книги - Бетти Фридан построила на идее "женщины как Другого" свою не менее знаменитую книгу "Мистика женственности" (1963), Суламифь Файерстоун посвятила "Диалектику пола" (1970) Симоне де Бовуар.

Очевидно, что сегодня "Второй пол" стал феминистской классикой. Ни одно предисловие к феминистской работе не обходится без дискуссии с книгой Бовуар, которая помогла многим феминисткам понять все значение женской инаковости /друговости. Маргарет Симонс и Джессика Бенджамин, которые интервьюировали Бовуар незадолго до ее смерти, писали о значении книги "Второй пол": "Анализ подавления женщины, сделанный Бовуар в книге "Второй пол" открыт для критики по многим основаниям - за ее идеализм (она фокусируется только на мифах и образах и не говорит о практических стратегиях освобождения женщин), за ее этноцентризм и андроцентризм - она генерализует опыт буржуазных европейских женщин, акцентируя их историческую неэффективность. Однако при этом мы не имеем иного теоретического ресурса, который бы столь сильно стимулировал нас анализировать и задавать вопросы о нашей ситуации в столь многих областях - литературе, религии, политике, труде, образовании, материнстве и сексуальности. ...мы видим, что современные феминистки изучают проблемы, обозначенные в ее книге, и дискутируют с ней. А дискуссии с ней могут быть способом локализации нас в нашем феминистском прошлом, настоящем и будущем".

Бовуар в самом начале книги заявляет, что мужчина называет себя Я, а женщину - Другая. Анализ того, как женщина становится Другой, дается Бовуар в первых трех главах первого раздела ее книги - "Биология", "Психоанализ" и "Точка зрения исторического материализма". Бовуар показывает, что биология идентифицирует базисные различия между мужчинами и женщинами, коренящиеся в репродуктивных ролях мужчин и женщин. И хотя она не отрицает реального существования различий, она полагает, что именно мы как социальные существа придаем этим биологическим фактам то или иное ценностное значение. Биология, считает она, не дает ответа на вопрос - почему женщина Другая? Иными словами, женщина - это нечто большее, чем ее тело.

Бовуар отвергает и фрейдовский психоанализ, поскольку цивилизация не может быть объяснена как продукт подавленных и/или сублимированных сексуальных импульсов. Цивилизация - это нечто более сложное, чем это. В частности, Бовуар находит фрейдовское объяснение инаковости женщин неудачным. Кастрационный комплекс женщин, по ее мнению, это бедное психологическое объяснение подчиненного статуса женщин. Женщина завидует не пенису как таковому, а той власти, которую он символизирует.

Бовуар не удовлетворена и традиционным марксистским анализом подчинения женщины. Она ищет онтологическое объяснение, основанное на женском бытии. Она смотрит на женщину и видит Я (самость), которую мужчина определяет как Другое. Вследствие различных факторов, большинство из которых относится к их свободе от репродуктивной нагрузки, мужчины имеют больше времени для освоения воздуха, ветра, огня и воды для создания новых инструментов, для проникновения в будущее.

Считая себя субъектами, способными рисковать своей жизнью, они считали женщин объектами, дающими жизнь.

В книге "Второй пол" впервые была поставлена проблема подавления феминного в культуре. В этой работе показывается, что общество конституирует мужское/маскулинное как позитивную культурную норму, а женское/феминное - как негативное, как отклонение от нормы, как Другое. Бовуар прослеживает это на примере биологических, социально-философских, психоаналитических теорий, а также литературных произведений и показывает, что над всеми аспектами социальной жизни и мышления доминирует это отношение к женщине как к "Другому". Эта культурная норма затем и усваивается самими женщинами в процессе социализации.

Из концепции Другого следует, что "различия", культивируемые традиционной гендерной культурой, — это метафоры для обозначения иных или якобы иных форм жизни. Общественная группа, обозначаемая как "чужая" / "чуждая" или "другая", получает свидетельство о "неполноценности" и лишается не только права на "равенство", но и права безнаказанно оставаться "чужой" или "другой", то есть жить иначе (или мнимо иначе) в физическом, духовном и психическом отношении по сравнению с группой, которая устанавливает культурные нормы и ценности.

Эти идеи в последующем были развиты теоретиками радикального феминизма. Основой теории радикального феминизма является убеждение, что подавление женщин - это один из самых фундаментальных способов подавления и угнетения.

Алисон Джаггар и Паула Ротенберг представляют эту идею следующим образом¹⁶:

1. Исторически женщины являются первой угнетаемой группой.
2. Подавление и угнетение женщин - наиболее широко распространенная форма угнетения, известная практически в каждом обществе.
3. Подавление женщин - наиболее глубокая форма подавления, которая не может быть ослаблена или устранена никакими другими способами социальных изменений, кроме уничтожения классового общества.
4. Подавление женщин - наиболее болезненная и вместе с тем наименее распознаваемая форма подавления из-за предрассудков и предубеждений как угнетателя, так и самой жертвы.
5. Подавление женщин представляет собой концептуальную модель для понимания других форм подавления.

Хотя не все радикальные феминистки соглашались со всеми пятью пунктами, все они согласны, что подавление женщин - первая, наиболее распространенная и глубокая форма подавления.

П.Эллиот и Н.Менделл цитируют слова З.Айзенштайн: "Радикальный феминизм определяет патриархат как "систему власти, при которой именно мужчине принадлежит верховная власть и экономические привилегии"...¹⁷. Мужчины контролируют женскую сексуальность и доминируют в социальных институтах... В отличие от марксистского или либерального феминизма, использующих в качестве базиса более широкие философские теории, радикальный феминизм конституирует свою собственную контркультурную теорию. Помимо этого, радикалки создали также свою собственную культуру - то есть женскую литературу, изобразительное искусство, музыку, песни, танцы и многое другое.

Здесь мы рассмотрим только несколько наиболее значительных проблем, анализируемых теоретиками радикального феминизма: воспроизводство (деторождение), материнство и женская сексуальность. Этот выбор обусловлен следующими соображениями. Во-первых, более, чем либеральный или марксистский феминизм, радикальный феминизм сконцентрировал свое внимание на способах, с помощью которых мужчины пытаются контролировать женское тело. В какой бы форме этот контроль ни происходил (ограничение использования контрацептивов, стерилизация, запрет на аборт, непосредственное насилие в отношении женщин - порнография, сексуальные принуждения, изнасилования, избиения женщин) - он сконструирован специальным образом. И именно в той степени, в которой личность лишена власти над своим телом, личность лишена своих человеческих прав, считают радикалки. Во-вторых, в гораздо большей степени, чем либеральный или марксистский, радикальный феминизм артикулировал способы, которыми мужчины конструировали женскую сексуальность таким образом, чтобы обслуживать не женские, но мужские потребности, желания и интересы. Радикалки полагают, что женщины должны переосмыслить свою сексуальность - на этот раз с собственной точки.

Одна из основных целей политики и практики радикальных феминисток - устранение насилия, направленного на женщину. Они полагают, что женщины всегда будут зависимы от мужчин, пока сексуальность не будет переопределена и реконструирована в интересах женщины.

Начало этой работе положила в своей знаменитой книге "Диалектика пола" (1970) Суламит Файерстоун. Она утверждала, что патриархат, т.е. система субординации женщин, коренится в биологическом неравенстве полов. Оценивая идеи Маркса и Энгельса (их работы были весьма популярны в среде теоретиков леворадикальных движений протеста конца 60-х годов XX века) о классовой борьбе и частной собственности, Файерстоун отмечает, что они слишком сфокусировались на классовой борьбе и уделили мало внимания тому, что она назвала половыми (биологическими) классами. По ее мнению, именно "половой", а не экономический класс должен стать центральным понятием исторического материализма. Файерстоун переформулирует Энгельсовскую дефиницию исторического материализма следующим образом: "Исторический материализм - это такая точка зрения на историю, которая видит основную причину и великую движущую силу всех исторических событий в диалектике пола, т.е. разделении общества на два различных биологических класса для прокреативной репродукции ... из первого разделения труда по полу развивается экономико-культурная классовая система"¹⁸. Другими словами, для нее первичное разделение на классы - это разделение между мужчинами и женщинами, и это именно классовое разделение, которому Маркс не уделил внимания. Она считает движущей силой истории не производство, а воспроизводство. И если мы хотим понять, почему женщины подчинены мужчинам, нам необходимо биологическое, а не экономическое объяснение. Файерстоун напоминает, однако, что нам следует относить неравенство между полами не к наблюдаемым биологическим различиям между ними, но к тому факту, что различные репродуктивные роли женщин и мужчин ведут "к первому разделению труда на основе классов так же, как последующая парадигма кастовой дискриминации основана на биологических характеристиках"¹⁹.

Переворачивая и далее марксистскую схему, она предлагает свое решение проблемы неравенства мужчин и женщин — "биологическую революцию". И поскольку пролетариат (по Марксу) должен овладеть средствами производства для устранения экономической классовой системы, женщины также должны овладеть контролем над средствами воспроизводства для устранения сексуальной классовой системы. Целью феминисткой революции является андрогинное общество, устранившее сексуальные классы. Как только биологическая реальность воспроизводства будет преодолена с помощью репродуктивных технологий, считает Файерстоун, тот факт, что некоторые люди имеют матку, а другие - пенис, "не будет более иметь культурного значения". И здесь я считаю чрезвычайно важным подчеркнуть, что хотя для Файерстоун факт биологических различий между полами является фундаментом анализа, ее позиция сильно отличается от традиционной. Если консервативная точка зрения основана на признании естественной необходимости таких различий, радикалка Файерстоун считает, что в силах женщин эти различия преодолеть.

Файерстоун верила, что если женщины и мужчины перестанут играть субстанциально различные роли в репродуктивной драме, станет возможным устранение всех половых ролей. Она была убеждена, что эти роли обуславливали возникновение биологической семьи. По ее мнению, когда репродуктивная технология сделает возможным искусственный способ репродукции людей, потребность в биологической семье ... исчезнет. И как только биологическая семья перестанет быть репродуктивным союзом, она перестанет быть и экономическим союзом. Если технология изменит репродуктивную роль женщин и их оценку как только детородных функционеров, тем самым изменится и роль мужчин как преимущественно публичных функционеров.

Файерстоун убеждена, что не имеет особого значения, как много образовательных, юридических, и политических прав имеют женщины и как много женщин вовлечено в общественное производство. Ничего существенного не произойдет с женщинами до тех пор, пока не изменится способ биологического воспроизводства. Она верила, что если будут преодолены различия между продуктивными и репродуктивными ролями мужчин и женщин, станет возможным преодоление всех иных отношений и структур подавления. Файерстоун считала, что в андрогинной культуре произойдет интеграция мужской технологичной и женской эстетической культуры.

Несмотря на явный биологицизм и радикализм ее позиции, а может быть именно вследствие этого, книга сыграла значительную роль в развитии гендерной теории, поскольку идея биологических классов активно дискутировалась в литературе как сторонниками, так и оппонентами Файерстоун. Мно-

гие феминистки резко критиковали ее идеи. В частности, Мэри О'Брайен, в уже упоминавшейся работе высказала мысль о том, что патриархат является мужской компенсацией за отчуждение от процесса биологического воспроизводства и своеобразной попыткой контракта. Мужчина пытается контролировать женское тело, чтобы контролировать своих детей и быть уверенным в своей связи и участии в процессе деторождения. Новые технологии, считает О'Брайен, при которых участие отца в деторождении становится еще менее очевидным, а его отчуждение нарастает, не снимают противоречия.

Аналогичные позиции занимали и Адриенна Рич ("Рожденная женщиной: Материнство как опыт и институт"), Андреа Дворкин ("Порнография: мужчины обладают женщинами"), Маргарет Этвуд ("Рассказ служанки") и др.²⁰ В частности, Дворкин утверждала, что новые репродуктивные технологии могут стать еще одной ловушкой и новым средством контроля над телом женщины и самой женщиной. Аналогичные опасения высказывала также и Маргарет Этвуд в своей книге - антиутопии. Робин Роуланд²¹ рассматривает опасности репродуктивной технологии на примере работ Джона Постгейта, британского профессора микробиологии, который полагал, что лучший способ предотвращения избыточного населения - это создание пилуль, которые контролируют пол плода. В таком случае можно будет ограничивать рождение девочек и сократить население женского пола (что в последующем неизбежно приведет к сокращению рождаемости). Такое использование репродуктивной технологии, по мнению Роуланд, создает для женщин ситуацию еще большего контроля со стороны мужчин, чем раньше. Рассматривается возможность создания специфического мира — в нем сохраняется только небольшое число суперфертильных женщин, от которых берутся яйцеклетки, замораживаются, потом отмораживаются по мере необходимости, оплодотворяются в пробирках и вживляются в искусственную плаценту. Таким образом, женщина еще более превращается в некую машину, инструмент деторождения, причем "продукт" этого процесса еще более отчужден от нее, чем раньше. Здесь необходимо отметить, что тема репродуктивных технологий, ныне почти забытая, была очень популярна в 70-е годы не только у феминисток, но и у футурологов и социологов — например, в работе Олвина Тоффлера "Шок от будущего".

В результате дискуссии, спровоцированной Файерстоун, радикальные феминистки обратили свой взгляд на материнство. Адриенна Рич рассматривает материнство как личный опыт и социальный институт²². На примере различных данных она показывает, что если материнство в личностном плане может приносить удовольствие и радость, то институт материнства налагает на женщину слишком много ответственности и ограничений, что приводит к стрессам.

Энн Оукли в работах "Социология домашнего труда" и "Домохозяйка"²³ рассматривает "миф о материнстве", состоящий, по ее мнению, из трех идей: что детям нужна биологическая, а не социальная мать; что дети, особенно маленькие, нуждаются в том, чтобы именно мать (а не отец) целиком и полностью посвящала себя заботам о них; что ребенку нужен один ухаживающий, а не множество. Оукли показывает фальшь этих утверждений. Представление о том, что биологическая мать лучше, чем социальная, опровергается тем фактом, что усыновленные и удочеренные дети ни в чем не отстают от тех, кто воспитывался в кровных семьях. Второе утверждение — что дети нуждаются именно в матери, а не отце, опровергается тем, что ребенку в принципе нужен кто-то, с кем можно установить тесные контакты. Третье утверждение опровергается ссылками на детей из израильских киббуцев, которые воспитываются коммуной и ничуть не хуже детей, которые воспитываются в семьях. Оукли считает, что биологическое материнство не необходимо для женщин, а является лишь культурным конструктом - мифом с целью подавления. Не желая быть оцененными как нереализовавшие себя или ненормальные, те женщины, которые были бы счастливы без детей, становятся в конце концов матерями - и часто несчастными. А те женщины, которые хотели бы разделить свою материнскую ответственность с кем-либо, вынуждены быть матерями 24 часа в сутки, что делает их тоже несчастными. Неудивительно, говорит Оукли, что так много матерей несчастливы, и эта ситуация усугубляется созданием того, что неудача и несчастье в материнстве воспринимается женщинами как личностная катастрофа, как провал.

Понятие *сексуальности* также является центральной проблемой для радикального феминизма. Постольку, поскольку мужское доминирование и женская подчиненность являются нормой в сексуальности, это становится нормой и во всем остальном. Для многих радикальных феминисток женщины никогда не станут равными с мужчинами в политической, экономической и социальной сфере до тех пор, пока они не станут полностью равноправны и в сексуальных отношениях. Этот последний тезис

стал отправным для Катарин МакКиннон в ее эссе "Феминизм, марксизм, метод и государство: повестка дня для теории"²⁴, в котором она доказывала, что сексуальность - это центр мужского доминирования и женского подчинения. Гендер, это социально сконструированное мужское доминирование и женское подчинение, коренится в институте гетеросексуальности.

Тема сексуальности в радикальном феминизме впервые была артикулирована в знаменитой книге Кейт Миллетт "Сексуальная политика"²⁵. Если Файерстоун развивала идею о том, что пол человека служит основой формирования биологических классов, то Миллетт пошла дальше. Она выдвинула и аргументировала идею о том, что сексуальные отношения являются своеобразной парадигмой властных отношений. Миллетт писала о подавлении феминного в культуре как основе социальной политики патриархата. Сам термин "патриархат" использовался задолго до ее работы, но именно она сделала его ключевым понятием анализа культуры. Патриархат в понимании Миллетт есть **власть отцов**: семейная, социальная, идеологическая, политическая система, в которой женское всегда подчинено мужскому. Подавление женщин происходит не из их биологического отличия от мужчин, а из социального конституированная феминности как вторичного, подчеркивала Миллетт. Сексуальная политика — это парадигма социальной власти, и подобно последней, сексуальная власть контролирует индивидов как через прямое насилие, так и средствами культуры (прежде всего, через систему социализации). Сексуальная политика, доказывала Миллетт, — это способ контролировать женскую субъективность в соответствии с правилами патриархата. Такое нетрадиционное понимание политики, согласно которому личностная сексуальная жизнь является сферой приложения власти и подавления, легло в основу самого популярного лозунга феминизма — "Личное есть политическое". Если принято считать, что женщины подавляются как женщины и что женский опыт является доказательством подавления, из этого следует, что политическое подавление женщин надо усматривать там, где женщины его переживают - в обыденной каждодневной жизни. Таким образом, лозунг "личное есть политическое", соотнесенный с категориями "мужчины" и "женщины", порождает идею, что система доминирования располагается на уровне, где каждая женщина имеет интимные отношения с мужчиной и таким образом эти интимные отношения становятся политическими. Идеология патриархата и его система принуждения держится, по мнению радикалок, на социальных институтах - государстве, церкви, семье и т.д.

Для радикальных феминисток государство представляет собой инструмент мужского контроля за женской сексуальностью. Ведь хотя объективность государства утверждается посредством якобы нейтральных законов, на деле женщины подвергаются насилию со стороны государства точно так же, как они подвергаются насилию со стороны мужчин. До тех пор, пока государство продолжает быть мужским, пока система его законов базируется на маскулинной власти, женщины будут не в состоянии преодолеть свою подчиненность посредством государственных механизмов.

Поднятая Миллетт тема принуждения и насилия - в том числе и сексуального — в отношении женщин в патриархатном обществе была активно поддержана другими радикалками. Они обсуждали различные аспекты этого вопроса — запрет на аборт и контрацепцию для женщин, побуждение к рождению возможно большего числа детей, психическое и физическое насилие над женщинами, проблеме сексуальных домогательств, изнасилований, проституции и порнографии.

Остановимся кратко на последней из них. Порнография оценивалась радикалками как симптом и символ мужского контроля над женской сексуальностью. Порнография, или эксплицитно сексуальные графические изображения или вербальные описания сексуальных органов и способов коитуса были предметом дебатов в американском феминизме. Работы феминистских теоретиков в данной области интересны не только потому, что они стали работать в той области, которую обычно принято обходить молчанием. Дело в том, что хотя порнография существует очень давно, до последнего времени не существовало сколько-нибудь четкого ее определения. Более того, поскольку порнография существует в виде написанного текста или рисунка, ее нередко относили к культурным явлениям, то есть к тому, что существует всего лишь на бумаге, а не в жизни. Некоторые даже считают ее чем-то эстетическим или интеллектуальным (например, многие интеллектуалы восхищаются произведениями маркиза де Сада, Захера-Мазоха, "Историей О" Полин Реаж и прочими такого рода сочинениями). Даже в тех странах, где к порнографии относятся сдержанно, ее квалифицируют в моральных терминах - как непристойность. Но такого рода определения грешат субъективностью. Определение порнографии через понятие непристойности затрудняет применение правовых санкций для ограничения порнографии, поскольку сразу встает вопрос о свободе слова и свободе предпринимательства.

Феминистская юриспруденция в США предлагает другой подход - она переносит порнографию из моральной сферы в сферу властных отношений. Важнейший момент здесь, что порнография это не моральная, а гендерная проблема, то есть проблема власти. Законодательство о непристойности смотрит на порнографию и видит секс, но с точки зрения прав человека порнография — это сексуальное опредмечивание женщин, сексуальное насилие, мужское доминирование, сексуальное подчинение женщин.

Порнография — это индустрия, которая производит и сбывает очень доходный продукт. Люди, которые его делают, продают, покупают и используют, точно знают, что такое порнография, но существует вера, что порнография — это что-то неопределимое и что определение порнографии для законодательных целей - это что-то сложное или даже невозможное. "Я не могу определить порнографию, но я узнаю ее, когда вижу", — сказал судья Верховного Суда США. Сложность в том, как сформулировать определение порнографии, которое включало бы только порнографию. Но будучи перемещенной из моральной сферы в контекст структур власти, порнография перестает быть неопределяемой.

В США в 1983 в Миннеаполисе, штат Миннесота, городской совет уполномочил профессора права Катарину МакКинон и известную феминистку Андреа Дворкин подготовить проект "декрета о нарушении женских прав как гражданских прав через порнографию". Декрет о гражданских правах концептуализировал порнографию как "практику сексуальной дискриминации, которая сексуализирует субординацию женщин и которая эротизирует насилие над женщинами" ²⁶.

Затем это определение конкретизируется: "Порнография означает графическую сексуально недвусмысленную субординацию женщин посредством картинок и/или слов, которая включает одно или несколько следующих моментов:

- женщины представлены дегуманизированными как сексуальные объекты, вещи или товар (предмет потребления);
- женщины представлены как сексуальные объекты, которые наслаждаются унижением или болью;
- женщины представлены как сексуальные объекты, испытывающие сексуальное удовольствие от изнасилования, инцеста или других сексуальных нападений;
- женщины представлены как сексуальные объекты, связанные или порезанные или изувеченные или с синяками и кровоподтеками или с физическими повреждениями;
- женщины представлены в позе или позиции сексуального подчинения, раболепия;
- части женского тела (включая, но не ограничиваясь вагиной, грудью, сосками) представлены так, что женщина редуцируется к этим частям;
- женщины показаны как совокупляющиеся с предметами или животными;
- женщины представлены в сценах деградации, унижения, увечья, пыток, показаны как униженные, грязные, истекающие кровью, с синяками и кровоподтеками в контексте, который делает эти условия сексуальными" ²⁷.

Итак, в соответствии с этим определением порнография — это субординация (подчинение) женщин через сексуально очевидные недвусмысленные картинки и слова. Только сексуальные материалы не являются порнографией; материалы, которые показывают подчинение женщин, но не носят сексуального характера, также не являются порнографией. По Кэрол Смарт, "порнографический жанр преуспевает в трансформировании смысла доминирования в "естественный секс", делая тем самым это доминирование невидимым".

Если оценивать вклад радикального феминизма в анализ проблемы неравенства, то необходимо сказать и о том, что они ввели в оборот многие новые понятия. Термин сексизм обозначает дискриминацию женщин на основании их биологического пола (от англ. sex - пол). Идеология маскулинизма — это мировоззрение, утверждающего и приписывающего характер естественности мужскому доминированию в обществе. Андроцентризм, обозначающий имманентную для западной цивилизации норму считать мужчину тождественным человеку вообще, человеку как виду *Homo sapiens*, а женщину — некоей специфической особенностью, подвидом "человека вообще". Например, в западной научной литературе широко обсуждались результаты одного из социальных исследований, где врачам-психиатрам предлагалось определить ментальные признаки "здорового мужчины", "здоровой женщины" и "здорового человека". Признаки здорового мужчины и здорового взрослого совпали, ими оказались: рациональность, активность, независимость, индивидуализм, ориентация на достижение социально значимых

целей и т.д. Признаками здоровой женщины были названы эмоциональность, пассивность, зависимость, желание нравиться мужчинам, ориентация на семью и детей, самоотверженность и самопожертвование и так далее. Иными словами, в традиционной культуре принято считать, что ментальность мужчины и человека — тождественны, а ментальность женщины **отлична** от них. Суламифь Файерстоун прекрасно сказала об этом: "Если природа сделала женщину отличной от мужчины, то общество сделало ее отличной от человека".

В радикальном феминизме существует несколько еще более радикальных подвидов. Я имею в виду так называемый "культурный" феминизм или эссенциализм. Теоретики "культурного феминизма" утверждают, что наряду с доминирующей патриархатной культурой существует отдельная "женская культура", характеризующаяся в отличие от первой позитивными гуманистическими и моральными ценностями. Рассматривая их, сторонники этого направления обращаются к анализу института материнства (Нэнси Чодороу — "Воспроизводство материнства: психоанализ и социология гендера"), духовности (Урсула Кинг — "Женщины и духовность: голоса протеста и обещаний"), языка (Мэри Дэли — "Гин/Экология: метаэтика радикального феминизма")²⁸. Сходную позицию занимают и теоретики "эссенциалистского феминизма", утверждающие, что сущность (essence) женщин действительно отличается от сущности мужчин, причем в лучшую сторону — женщины "более моральны" и "более гуманны" (Кэрол Гиллиган). Лесбийский феминизм представляет собой группировку внутри женского движения, целями которой является конституирование лесбиянок как особой группы в феминистском движении. Лесбианизм оценивается ими как парадигма женского контроля над женской сексуальностью. Шарлотта Банч считала, что для того, чтобы полностью выполнить идеи феминизма, женщина должна стать лесбиянкой. При этом речь идет не о сексуальности, а об "осознанном политическом вызове системе власти и подавления"²⁹. Однако не все радикальные феминистки так считали, а многие лесбиянки вообще никак не связывают себя с феминизмом, хотя нередко радикальные феминистки и в политическом смысле выступали вместе.

Завершая рассмотрение концепции радикального феминизма, необходимо отметить его сильные и слабые стороны.

К недостаткам радикалов большинство его исследователей, а также представителей других феминистских течений относят прежде всего их эссенциализм, нередко доходящий даже до биодетерминизма, сепаратизм, евроцентризм и универсализм.

Природа женщины и ее тело определены радикалками как биологически фиксированные, неизменные и определенные. Мужчины и женщины рассматриваются как сложившиеся а priori сущности, которые предопределены генетическим кодом. В то время как индивидуальность и историческая вариативность игнорируются, так же как и расовые, культурные, сексуальные и классовые различия. Радикальные феминистки попали в ловушку биодетерминизма и эссенциализма — мужчины есть мужчины, а женщины есть женщины, и не существует путей изменить природу тех и других. Такая ловушка репрезентирует не только теоретическую смерть, но также и политическую опасность. Согласие, например, с тем, что женщина по натуре — страстная и заботливая, а мужчина — агрессивен и эгоцентричен, показывает, что радикальные феминистки подспудно принимают и пропагандируют значительное количество стереотипов, за разрушение которых сами же и высказываются. Фактически, по мнению радикалок, женщины заключены в своих телах, и значит, биология становится их судьбой. Политически такая позиция означает глубокий консерватизм. Например, эссенциалистские аргументы использовались для оправдания рабства, непринятия 19 Поправки к конституции США (дающей женщинам избирательное право) и колониализма (поскольку "примитивные народы не могут управлять сами собой"). Акцент на принципиальной инаковости женщин и эссенциализм радикального феминизма подспудно работают на поддержание той дихотомии феминного/маскулинного, которая служит оправданием патриархатной культуры, и которой они стараются избежать.

Алисон Джаггар критикует радикалов за излишний универсализм и сепаратизм. Если бы патриархат был столь тотален, как об этом говорят радикалки, они сами не смогли бы обладать феминистским сознанием и высказывать свои идеи. Джаггар отдает предпочтение такому подходу, когда во внимание принимаются специфические исторические, этнические, экономические и социальные особенности подавления женщин в месте X во время Y. Для многих радикальных феминисток существует только одна возможность реального освобождения женщин — создание "женского пространства" (женской культуры) в виде женских кооперативов, клиник, клубов и шелтеров (т.е. убежищ для подвергаю-

щихся насилию женщин). В организационном плане женская культура должна опираться на духовные ресурсы женщин и их взаимопомощь. Иными словами, женской культуре предлагают развиваться как сепаратной. Этот акцент на сепаратизм кажется многим тупиковым путем. Ведь настаивая на том, что феминизм – это контркультурная по отношению к патриархату теория, радикалки фактически утверждают его как норму.

Обвинения в эссенциализме и романтизме в адрес радикального феминизма поставили категорию "женщина" в ряд наиболее спорных в контексте современного феминизма. Определение универсального женского опыта рассматривается теперь как необходимое для того, чтобы обосновать феминизм. Однако термины "женщина", "универсальный", "опыт" сами наполнены различным смыслом для различных категорий женщин. Если опыт, как утверждают постструктуралисты, многообразен, раздроблен и инаков, чей опыт полагать "реальным"? К кому мы прислушиваемся? Как мы утверждаем "истины" среди женщин? Обобщение с какой-то одной точки зрения всегда стирает, игнорирует и обесценивает опыт других. Но если опыт не может быть обобщен, тогда существует опасность того, что мы будем отброшены назад по спирали к полностью релятивистской, плюралистической и расширяющейся аддитивной модели теории познания. В дальнейшем мы покажем, что поиск ответов на эти вопросы привел феминисток к постмодернизму.

Однако, тем не менее, вклад радикалок в развитие феминистской теории неоценим. Все движения нуждаются в радикалах, и женское движение — не исключение. Радикальный феминизм ценен тем, что обратил внимание на то, как женское тело используется при патриархате и как подавляется женская сексуальность. Именно радикалки начали дискутировать такие закрытые ранее темы, как контрацепция, стерилизация, аборты, различные репродуктивные технологии, а также проблемы насилия в отношении женщин — проституцию, сексуальные домогательства, изнасилования, избиение женщин. Систематически размышляя над репродуктивной биологией человека, радикалки ввели сексуальность, практики деторождения и ухода за детьми в сферу политики.

Джудит Грант, аналитик феминистской теории, сказала, что "радикальные феминистки внесли исключительно весомый вклад в теорию феминизма. Определение путей, на которых мужские практики конструируют женщину как пассивную и зависимую, дало женщинам возможность строить свой собственный политический опыт и определять стратегии сопротивления. Осознание женщины как деятеля, а не жертвы, придало женщинам сил действовать в их собственных интересах для того, чтобы обратить вспять или устранить выявленные негативные тенденции. Даже если в действительности не существует таких категорий, как высшая мудрость материнства или эссенциальная женская натура, это вдохновляет женщин на то, чтобы гордиться своим полом"³⁰.

В настоящее время три описанных выше течения не существуют в столь явном виде, как это было в 60-е годы. Кроме этого существуют и другие "феминизмы", например "черный", т.е. негритянский американский феминизм; а также многочисленные феминизмы с национальной окраской — латино-американский, африканский, мусульманский и др., в которых положение женщин анализируется не только через категорию пола, но и через категорию расы, национальности и/или религиозной системы. Границы между ними размыты, некоторые феминистки в своей работе комбинируют различные методы и идеи. Постепенно появились и новые направления — и в следующей лекции будут коротко представлены психоаналитический и постмодернистский феминизмы.

Примечания

¹ Эта книга переведена на русский язык и опубликована под названием "Загадка женственности" издательством "Прогресс" в 1994 г.

² Rossi A. (ed.) *The Feminist Papers: From Adams to de Beauvoir*. N.Y., 1973; Richards J.R. *The Sceptical Feminism*. London: Routledge, 1980; Okin S. *Women in Western Political Thought*. London, 1980; Blue-stone N.H. *Women and the Ideal Society: Plato's Republic and Modern Myths of Gender*. Oxford: Berg, 1987.

³ Эллиот П., Менделл Н. Теории феминизма. —Гендерные исследования: феминистская методология в социальных науках. ХЦГИ, 1998, с.20.

-
- ⁴ *Goldman E.* The Traffic in Women and Other Essays on Feminism. Washington: Times Change Press. 1970; *Cockburn C.* Brothers: Male Dominance and Technological Change. London: Pluto, 1983; *Evans M.* Un Praise of Theory: the case of Women's Studies". *Feminist Review*, 1981, # 10.
- ⁵ *Eisenstein Z.*(ed.). Capitalist Patriarchy and the Case of Socialist Feminism. London & New York. 1979; *O'Brien M.* The Politics of Reproduction. London: Routledge and Kegan Paul. 1981.
- ⁶ *Hartmann H.* "The Unhappy Marriage of Marxism and Feminism: Towards a More Progressive Union.- In "Women and Revolution: a Discussion of the Unhappy Marriage of Marxism and Feminism"/ Ed. Lydia Sargent. Boston: South End Press, 1981, pp.1-41.
- ⁷ *Mitchell J.* Women's Estate. Harmondsworth: Penguin, 1971.
- ⁸ *Hartmann H.*, op.cit., p.14.
- ⁹ *Young A.* "Socialist Feminism and the Limits of Dual Systems Theory" - *Socialist Review*, # 50-1, 1980.
- ¹⁰ *Ibid.*, p.176.
- ¹¹ *Young A.* Beyond the Unhappy Marriage: a Critique of Dual Systems Theory" in *Women and Revolution: a Discussion of Unhappy Marriage of Marxism and Feminism*. Ed. Sargent L. Boston, South End Press, 1981, p. 58.
- ¹² *Jagger A.* Feminist Politics and Human Nature. Totowa, N.J.: Rowman & Allanheld, 1983.
- ¹³ *Ibid.*, p.313.
- ¹⁴ *Ibid.*, p.317.
- ¹⁵ *Benston M.* The Political Economy of Women's Liberation. – *Monthly Review*, #21, 1969.
- ¹⁶ Cit. on : *Tong R.* Feminist Thought. A Comprehensive Introduction. Boulder & San Francisco, Westview Press, 1989, p.71.
- ¹⁷ *Эллиот П., Менделл Н.* Указ. соч., с. 28-29.
- ¹⁸ *Firestone S.* The Dialectic of Sex. N.Y., Bantam Books, 1970, p.12.
- ¹⁹ *Ibidem.*
- ²⁰ *Rich A.* Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution. London: Virago. 1977; *Dworkin A.* Pornography: Men Possessing Women. London: Women's Press; *Atwood M.* The Handmaid's Tale. N.Y. : Fawcett Crest Books, 1985.
- ²¹ *Rowland R.* Reproductive Technologies : The Final Solution to the Woman Question. – In: *Test-Tube Women: What Future for Motherhood*. Eds. R.Arditti and others. London: Pandora Press, 1984.
- ²² *Rich A.* Op.cit.
- ²³ *Oakley A.* The Sociology of Housework. Oxford: Martin Robertson. 1974; *Housewife*. Harmondsworth: Penguin. 1976.
- ²⁴ *MacKinnon C.* Feminism, Marxism, Method and the State: An Agenda for Theory. – *Signs*, 1982, # 7.
- ²⁵ *Millett K.* Sexual Politics. N.Y. Garden City. 1970. На русском языке опубликована одна из глав этой книги – см. Кейт Миллет. Сексуальная политика. // Вопросы философии. М., 1994. № 9.
- ²⁶ Cit. on : *Itzin C.* A Legal Definition of Pornography. - In: *Pornography: Women Violence and Civil Liberties. A radical New View*. Ed. by Catherine Itzin. Oxford Univ. Press, 1992, p.435.
- ²⁷ *Dworkin A. and MacKinnon C.* Pornography and Civil Rights: a New Day for Women's Equality. Minneapolis, MN, Organizing Against Pornography, 1988, pp.138-139.
- ²⁸ *Chodorow N.* The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender. Berkeley and Los Angeles (Calif.), Univ. of Calif.Press. 1978; *King U.* Women and Spirituality: Voices of Protest and Promise. London: Macmillan, 1989; *Daly M.* Gyn/Ecology : the Metaethics of Radical Feminism. Boston : Beacon Press, 1978.
- ²⁹ *Bunch Ch.* Not for Lesbian Only (first published 1975). – In *Bunch Ch. And Steinem G. (eds.). Building Feminist Theory: Essays from Quest*. N.Y.:Longman. 1987.
- ³⁰ Цит. по: *Эллиот П., Менделл Н.* Указ. соч., с. 33.

ЛЕКЦИЯ 4. ФЕМИНИЗМ КАК ПРЕДТЕЧА ГЕНДЕРНОЙ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Часть 2. Психоаналитическое и постмодернистское направления

Психоаналитический феминизм

Отношение к психоанализу в феминизме двойственно. С одной стороны, Бетти Фридан и Кейт Миллет жестко критиковали Фрейда за биодетерминизм. Файерстоун нравился акцент на сексуальности, но она считала неверным, что Фрейд оценивал пенис как предмет желания женщин и не оценивал его как символ власти. Кроме того, она критиковала Фрейда за то, что он не увидел репрессивной функции семьи по отношению к детской сексуальности, от чего, по ее мнению, и проистекают многие беды. Симона де Бовуар, Бетти Фридан, Кейт Миллет и, позднее, Глория Стайнем обвиняли психоанализ в том, что он обосновывает женскую пассивность и таким образом становится одним из инструментов подавления женщины.

С другой стороны, Джулиет Митчелл, Жермина Гриер, Дороти Диннерстайн, Нэнси Чодороу полагали, что сам психоанализ можно использовать для понимания глубинных психических процессов и дают феминистскую реинтерпретацию традиционного фрейдизма. Они считали психоанализ полезным для феминизма, поскольку психоанализ обращается к бессознательным областям человеческой психики, он может помочь женщинам лучше понять и личностные, и политические измерения их жизни. В отличие от тех, кто видит в психоанализе инструмент подавления женщин, те феминистки, которые пытаются использовать его, реинтерпретируют фрейдовский подход для анализа тех процессов, которые протекают внутри патриархальной культуры. Именно эти процессы женщины должны трансформировать для того, чтобы избавиться от угнетения.

В основе психоаналитического феминизма лежит концепция страха, который бессознательно испытывают все мужчины по отношению к образу матери и женской репродуктивной способности. Именно этот страх и является причиной возникновения патриархата как власти мужчин и подавления женщин.

В принципе критика и реинтерпретация фрейдовской теории развивалась и в рамках самого психоанализа. Так, например, Альфред Адлер, Карен Хорни и Клара Томпсон в значительной степени отошли от фрейдовского биодетерминизма и уделяли большое внимание тому, как культура влияет на формирование психики человека. В общем виде те новации, которые они предложили, сводятся к следующему. Рассматривая маскулинность, Адлер, Хорни и Томпсон говорили о мужском доминировании и, по мнению некоторых феминисток, продемонстрировали политический (а не просто психоаналитический) анализ женской ситуации, чего Фрейд не делал. Во-вторых, в отличие от фрейдовской дуалистической теории развития мужской и женской психики, они предложили универсальную концепцию развития психики человека. Адлер, Хорни и Томпсон продвигали идеи о том, что креативность, активность и развитие личности имеют гендерную основу, что не оставляло места для фатализма в отношении женщин и их неизменной природы. Последнее и самое важное - все три мыслителя считали, что самость (Я) развивается уникально и индивидуально в каждой личности и что развитие происходит из взаимодействия между природой и культурой. Для Адлера, Хорни и Томпсон не существует *одного* универсального, здорового, нормального мужского Я и *другого* универсального, здорового и нормального Я для женщин. Наоборот, существует столь же Я (личностей), сколько и людей.

Первой из книг, в которой психоанализ использовался для феминистских целей, была работа Джулиет Митчелл "Психоанализ и феминизм" (1974). С тех пор на эту тему написано множество книг и статей, прошло много дискуссий. С одной стороны, Митчелл не считает фрейдовскую теорию примитивным провозглашением лозунга "биология — это судьба". Наоборот, она полагает, что Фрейд демонстрировал, как именно социальное существо появляется из биологического. Психосексуальное развитие по Фрейду, по ее мнению, это процесс "социальной интерпретации" биологии, а не манифестация биологической судьбы. И хотя Митчелл согласна с Фрейдом в том, что Эдипов комплекс универсален, она одной из первых реинтерпретирует его с феминистских позиций.

Еще один фрейдовский постулат, который, по мнению Митчелл, имеет большое значение — это табу инцеста. Она убеждена, что без него человеческое общество было бы невозможно. Митчелл также во многом следует идеям Леви-Стросса, который считал, что если сексуальные отношения разрешены внутри биологической семьи, то тогда отсутствует импульс для того, чтобы семья вышла за свои

рамки для создания репродуктивного альянса между собой и другими биологическими семьями, то есть для создания расширенной сети, которую мы зовем обществом.

Леви-Стросс полагал, что табу на инцест (т.е. запрет сексуальных отношений внутри семьи) побуждает людей формировать другие, большие социальные организации. Конечно, одного запрета недостаточно, должны существовать способы налаживания сексуального общения между семьями. Леви-Стросс объявляет, что эти способы принимают форму систем обмена между биологическими семьями - в частности, обмена мужчин женщинами. Если посредством табу инцеста этой женщине запрещено стать женой отца или брата, она должна быть предложена для замужества какому-либо мужчине вне своей биологической семьи. Если женщин не будут обменивать (т.е. выдавать и брать их замуж), то биологическая семья будет поддерживать воспроизводство себя в простой форме и общества не будет. Таким образом, табу инцеста существует не потому, что "это биологически неверно, а потому, что команда к экзогамному обмену запрещает эндогамию". Обмен женщинами среди мужчин, по Леви-Строссу, конституирует решительный разрыв человека с животными, и, добавляет Митчелл, тот факт, что мужчины обменивают женщин, но не наоборот, утверждает патриархальный характер человеческого общества. Но сегодня в экономически развитых обществах мужчины не нуждаются больше в обмене женщинами для развития связей своей семьи и создания общества. И поскольку конструкция общества не зависит более от мужского обмена женщинами, постольку нет более и социальной необходимости в патриархате, считала Митчелл.

Однако патриархат существует. На чем же он основан сегодня? Ответ Митчелл выглядит довольно неожиданно. Она утверждает, что специфическая психология женщин, продуцируемая Эдиповым комплексом и комплексом кастрации, стала существенной константой (и даже основой) патриархального общества. Не имеет значения, где и когда живет женщина, богата она или бедна, черная или белая, красивая или уродливая, "в отношении закона отца" каждая женщина имеет приблизительно тот же самый статус и функции, как и любая другая¹. Поскольку Митчелл была убеждена, что причины подавления женщин лежат глубоко в человеческой психике, она отвергала представления либеральных феминисток о том, что социальные реформы, нацеленные на предоставление женщинам равного места в обществе, могут быть эффективными. Право голоса, равное образование и политика позитивных действий могли бы изменить "выражение феминности", но они не могут, по ее мнению, значительно изменить позицию женщин. Подобно этому Митчелл считает, что репродуктивные технологии, предлагаемые радикальными феминистками, не являются ключом для освобождения женщин, потому что биологическое решение не может разрешить психологических проблем. И, наконец, Митчелл отвергает представления традиционных марксистских феминисток о том, что экономическая революция, нацеленная на преодоление капиталистического порядка, сделает мужчин и женщин полными партнерами в друзьях. Даже если женщины пойдут на производство, чтобы трудиться рядом с мужчинами, это все не означает, что потом они вернутся домой рука об руку.

Митчелл считает, что какие бы экономические изменения ни происходили, установки в отношении женщин не изменятся до тех пор, пока над женской и мужской психологией доминирует фаллический символ. Таким образом, патриархат и капитализм должны быть преодолены — марксистская стратегия подходит для преодоления капитализма, а психоаналитическая — для преодоления патриархата. Однако что придет на смену патриархату, Митчелл не говорит.

Критики Митчелл находят много интересного в ее анализе, однако один пункт вызывает значительные споры. Митчелл, как и Фрейд, Леви-Стросс и многие другие мыслители, не смогла дать адекватное объяснение того, почему женщины становятся предметом обмена и почему отец имеет власть над семьей.

Две другие чрезвычайно известные представительницы психоаналитического феминизма — это Дороти Диннерстайн (Dorothy Dinnerstein) и Нэнси Чодороу (Nancy Chodorow). Обе они рассматривают пре-Эдипову стадию психосексуального развития, когда ребенок еще симбиотически привязан к матери. Диннерстайн и Чодороу считают это ключом к пониманию того, как конструируются сексуальность и гендер и как это приводит к мужскому доминированию.

В работе "Сирена и минотавр"² Диннерстайн показывает, что женщины представлены в нашей культуре как сирены (темные магические подводные существа), а мужчины — как минотавры (гигантские инфантильные существа, последствия неестественного удовольствия матери), которые репрезентируют бессмысленную жадную силу. Способность творить монстров из самих себя связана, по

Диннерстайн, с пре-Эдиповой стадией развития инфанта, когда он/она симбиотически привязан к матери и не способен отделить себя от нее. Тело матери представляет для ребенка универсум. Мать есть источник наслаждения и боли, и ребенок вырастает с амбивалентными чувствами по отношению к материнской фигуре и тому, что она представляет. Не желая переживать заново свою зависимость от этой всемогущей силы, вырастая, мужчины начинают контролировать женщин и природу. С другой стороны, женщины, помня свой детский опыт страха перед материнской силой, начинают опасаться самих себя и женщины хотят быть контролируемыми мужчинами. Трагично, но мужская потребность контролировать женщин и женская потребность быть контролируемыми ведет, по Диннерстайн, к возникновению неправильных (болезненных) гендерных соглашений, которые выступают парадигмой для деструктивных человеческих отношений в целом:

Мужчины более сексуально агрессивны, чем женщины. – Таким образом они преодолевают тот факт, что когда-то были абсолютно зависимы от матери.

Женщины должны подавлять свои эротические импульсы, потому что они должны удовлетворять только мужчин.

Для женщины сексуальные отношения и любовь должны быть взаимосвязаны, а для мужчины – нет. Для того чтобы быть довольной сексуальными отношениями с мужчиной, женщина должна поверить, что эти отношения столь же сильны, глубоки и интенсивны, как ее отношения с матерью. Только такие отношения могут оправдать ее отвержение матери. Мужчины обычно отделяют секс от интенсивных эмоциональных связей. И это тоже коренится в отношениях матери и ребенка. В сексуальных отношениях женщины и мужчины именно последний чувствует некоторое беспокойство, потому что женщина может возбудить в нем воспоминание о беспомощности его состояния в детстве. Опасаясь повторения этой ситуации, мужчина дистанцируется от той женщины, с которой у него сексуальные отношения, а также демонстрирует власть и сохраняет контроль в этих отношениях.

Женщинам предписано рассматривать себя не как личность, а как "Оно" – в противоположность мужчинам, которые воспринимают себя и воспринимаются другими как "Я". Это проистекает из того, что мы рассматриваем мать не как персону, а как всеобъемлющий объект. В то же время поскольку мы "встречаемся" с отцом в тот момент, когда уже произошло травматическое разделение Я-Оно, то мужчины становятся Я, а женщины остаются Оно.

Пятое соглашение связано с нашей амбивалентностью по отношению к телу. Мы ненавидим его, потому что оно ограничивает наш контроль и потому что оно смертно; мы любим его за то, что оно дает нам удовольствия. Эта общая амбивалентность усиливается, когда речь идет о женщинах. С одной стороны, женское тело обладает властью, потому что оно представляет собой силы жизни. С другой – оно отвратительно, потому что "грязное". Поскольку мужское тело не несет на себе культурно-символической нагрузки, мужчины могут изображать свое тело гораздо более свободным от физиологической реальности. Женщины ненавидят свое тело и наказывают его многими способами.

Последнее из гендерных соглашений, рассматриваемых Диннерстайн, — это разделение жизни на "мужскую"/публичную и "женскую"/приватную сферы. Женщины направляют свою энергию на те отношения, в которых можно не опасаться того, что власть вернется в руки женщин. Мужчины направляют свою энергию на отношения, которые обеспечивают контроль.

Как показывает Диннерстайн, весь этот набор гендерных соглашений деструктивен, поскольку возлагает на женщин уход за детьми и корит мать/женщину за все, что неправильно в человеческих отношениях. Выход из этой ситуации она видит в том, чтобы институционализировать дуальное родительство, чтобы отцы также несли ответственность за детей.

Нэнси Чодороу³ в своей работе "Воспроизводство опыта материнства. Психоанализ и социология гендера"⁴ задается вопросом о том, почему женщины *хотят* быть матерями. Отвергая стандартные объяснения этого феномена (что женщины предназначены быть матерями самой природой и что общество вынуждает женщин быть матерями), она также обращается к анализу пре-Эдиповой стадии, которую девочки и мальчики переживают по-разному. Ощущая сексуальные токи между собой и своей матерью, сын чувствует, что тело матери отличается от его тела. Переходя в Эдипову стадию, сын понимает, сколь проблематична "друговость" (инаковость) матери. Он не может остаться привязанным к ней без риска отцовского гнева и вражды. Не желая рисковать, сын отделяется от матери. То, что делает этот процесс менее болезненным для сына — это понимание, что через идентификацию с мужчинами будут получены власть и престиж (как это уже произошло с отцом). Для отношений дочери и ма-

тери характерен симбиоз и идентификация - и хотя они слабеют во время Эдиповой стадии, но не разрушаются. Дистанцироваться от своей матери девочку вынуждает то, что символизирует отец — автономию и независимость, с одной стороны, и, с другой, его способность сексуально удовлетворять женщину. То есть по мнению Чодороу, *penis envy* появляется у девочек потому, что он символизирует мужскую власть и потому, что он является сексуальным органом, который удовлетворяет ее мать. "Девочка развивает свои отношения с отцом, постоянно оглядываясь на мать, чтобы посмотреть, завидует ли ей мать и убедиться, что она отделилась от матери и стала независимой. Ее обращение к отцу является одновременно атакой на мать и выражением любви к ней". И хотя большинство девочек в конце концов переносят свою любовь с женского на мужской объект, эта любовь, по Чодороу, никогда не бывает полной. Женщина, даже гетеросексуальная, всегда склонна к более полным эмоциональным отношениям с другими женщинами.

Психосексуальное развитие мальчиков и девочек, говорит Чодороу, проходит не без социальных последствий. Отделение мальчиков от своей матери является причиной его неспособности глубоко относиться к другим — ведь это подготавливает его к работе в публичной сфере, ориентированной на рациональную эффективность и компетентность. Связь девочки с матерью является источником ее ориентаций на эмоциональные отношения, что необходимо для роли заботливой жены и матери в частной сфере. Однако мы требуем, чтобы женщина была идеальной матерью, не слишком невнимательной и не слишком заботливой. Слишком мало материнства делает и мальчиков, и девочек психотиками. Слишком много материнства делает девочек зависимыми, а мальчиков — вынужденными защищаться от женщин и избегать эмоциональных привязанностей.

Чодороу объясняет "слишком мало" и "слишком много" материнства как психоаналитическими, так и социальными причинами. Если женщина "материнствует" слишком мало (*if a woman mothers too little*), это потому, что ее мать была неадекватной (незаботливой и т.д.). Если женщина "материнствует" слишком много, это, вероятно, потому, что ее потребности в интимности не удовлетворяются мужем. В таком случае она может относиться к дочери как субститу своей матери, или она может считать сына субститутотом своего отца. В таком случае женщина ожидает от своих детей того, что может ей дать только взрослый.

Чодороу также предлагает для решения проблемы "переразвитости способности женщин к эмоциональным отношениям" и неразвитости мужской способности к ним "дуальное родительство". Она видит три позитивных последствия этого: во-первых, равное представительство отца в родительских отношениях разорвет слишком интенсивную связь матери и ребенка; во-вторых, мать, которая имеет жизнь вне дома, не так склонна считать своего ребенка центром мироздания, и, наконец, у мальчика, выросшего с отцом, не будет развиваться страх материнской силы или "ожидание женской уникальной способности к самопожертвованию". Мальчики и девочки будут вырастать, ожидая, что мужчины и женщины склонны к любви и автономии. Мальчики не будут отвергать феминные качества заботливости как не имеющие ценности для настоящего мужчины.

Диннерстайн и Чодороу роднит представление о том, что подавление женщин коренится в женской монополии на материнство. Однако есть и существенная разница в их взглядах. Диннерстайн считает материнство источником страха и опасности, но при этом полагает, что ребенок может полностью освободиться от связи с матерью. Чодороу, наоборот, думает, что ребенок не сможет полностью освободиться от этой связи, но уверена, что материнство — локусом связи и интимности. Однако они обе убеждены, что материнство должно перерасти в родительство. Мужчины должны стать равными родителями, чтобы освободить женщин от единственной ответственности за воспитание детей. Дуальное родительство, по оценке Диннерстайн и Чодороу, полностью разрушит сексуальное разделение труда и сфер жизни.

Критики выдвигают обычно три специфических претензии к этим теориям. Во-первых, обе исследовательницы слишком фокусируются на внутренней динамике психики и недостаточно на внешнем воздействии общества как первичном источнике подавления женщин. Иными словами они полагают, что тип семьи и определенные представления о маскулинном и феминном формируют и определенный тип социальных конструкций. Но не семья формирует общество, а общество формирует семью. Во-вторых, и Диннерстайн, и Чодороу ошибочно опираются только на один тип семьи — капиталистическую, среднего класса, белую, гетеросексуальную, нуклеарную — как парадигму всех типов семьи. — Если дети в гетеросексуальной семье и переживают Эдипов комплекс, то неизвестно, что чувствуют дети

в гомосексуальной семье или в семье с одним родителем? И, наконец, представляется неясным, почему это мужчины станут автоматически лучше после того, как станут родителями?

Иной тип развития психоаналитического феминизма предлагает Кэрол Гиллиган в своей знаменитой книге "Иным голосом. Психологическая теория и развитие женщины"⁵. Она бросила вызов фрейдистскому утверждению о том, что мужчины имеют развитую мораль и чувство справедливости, в то время как женщины - нет. Вместо этого она доказывала, что мужчины и женщины имеют различные представления о морали, равное по развитию и ценности. Анализируя игры детей, она пришла к выводу, что мальчики обычно настаивают на жестком соблюдении абстрактных правил данной игры, в то время как девочки более склонны изменять правила игры по договоренности, если это удобно играющим.

Развивая свою теорию, Гиллиган полагает, что мужчины, руководствуясь ценностями сепаратности и автономности жизни, часто фокусируются на дискуссиях по проблемам справедливости, честности, правил и прав. Женщинам важнее семья и друзья, поэтому они обращают внимание на желания, потребности, интересы, стремления людей.

При анализе философской и психологической литературы по проблемам морального развития, она в основном бросает вызов своему учителю, Ховарду Колбергу (H. Kohlberg). По ее мнению, он выдает мужское представление о справедливости за норму общечеловеческого морального развития и относит женщин, которые в это не вписываются, к "недоразвитым". Для Гиллиган процесс выглядит иначе: мужские нормы, говорит она, слишком узки, чтобы аккумулировать что-то "не мужское". Поэтому необходимо переосмыслить критерии морального развития, чтобы принять во внимание и женские, и мужские способы выражения чувства морали и справедливости.

Гиллиган выделяет по крайней мере четыре различия в способах принятия женщинами и мужчинами моральных решений:

Женщины склонны подчеркивать моральную сторону отношений с другими, в то время как мужчины склонны подчеркивать формальные, абстрактные правила.

Женщины рассматривают последствия и влияние своего решения на всех, кто с этим связан, в то время как мужчины настаивают на соблюдении принципов, даже если кто-то пострадает в результате этого.

Женщины более склонны принимать извинения за неверные моральные поступки, а мужчины - нет. Женщины обычно делают моральный выбор в связи с конкретными обстоятельствами, в то время как мужчины абстрагируют выбор от частных и делают его так, как будто он презентует некий универсальный тип морального выбора. Гиллиган особенно ценит "женский" тип выбора, поскольку считает, что мораль, основанная на абстрактном сценарии, имеет мало общего с моралью обычной жизни.

Гиллиган разбирает знаменитую моральную дилемму Колберга, в которой Хайнц, у которого нет денег, не может достать лекарства для своей умирающей жены, чтобы она выжила. Должен ли он его украсть или нет? Подход мальчиков аналитический, как будто они решают математическую задачу. 11-летний Джек, например, взвешивает право фармацевта получить плату за свою собственность против права женщины на жизнь: "Человеческая жизнь стоит дороже денег, и даже если фармацевт получит только тысячу долларов, он останется жить, а если Хайнц не украдет лекарство, его жена умрет". Эми предлагает другое решение - попросить у аптекаря, ведь если он узнает, что женщина умирает, он может захотеть отдать Хайнцу лекарство даром. При этом Гиллиган не отвергает мужского подхода, она только хочет "вписать" женский подход на равных в общечеловеческий стандарт.

Гиллиган отвергает шкалу морального развития, предложенную Колбергом. Он считал, что каждая личность, если он/она хочет стать моральным агентом, должна пройти через шесть стадий:

1. первая стадия — наказание и ориентация в обязанностях;
2. вторая — инструментальная ориентация в отношениях (узнавание и признание потребностей других);
3. третья — межличностная ориентация на оси - "хороший мальчик"/"приятная девочка";
4. четвертая — ориентация в законе и порядке;
5. пятая — ориентация в социальном контракте;
6. шестая — ориентация в универсальных этических принципах.

У Гиллиган вызывают возражение не сами перечисленные стадии, а то, что позиций традиционного психоанализа женщины якобы не могут подняться выше третьей стадии. Гиллиган предлагает альтернативную шкалу, которая более адекватно репрезентирует женский подход к морали. Для Колберга моральная личность — это индивид, управляемый абсолютным законом, равным для всех без исключения. Для Гиллиган моральная личность — это индивид, соотносящийся с другими индивидами для того, чтобы идентифицировать взаимоприемлемое решение некоей человеческой проблемы. Гиллиган описывает "мужское" (колберговское) видение морали как "этику справедливости", а "женское" — как "этику заботы". Гиллиган верит, что моральное развитие женщины уводит ее от эгоцентрической Я - позиции к альтруистической, саможертвенной, в конечном счете, к позиции Я – с - Другими, в которой учитываются интересы и самой женщины, и интересы других людей.

Книга Гиллиган произвела значительное впечатление и вызвала много споров и критических замечаний: прежде всего были высказаны претензии к ее методологии. Гиллиган построила свои выводы на анализе разговоров с 29 женщинами, решившими сделать аборт. Все они были разного возраста (от 15 до 33 лет), имели разный социальный и брачный статус, уровень образования и этническую принадлежность. Она не принимала во внимание влияние этих факторов на моральное сознание женщин. Но, главное, она не опросила мужчин — мужей, любовников, отцов и друзей этих женщин — и, таким образом, реально не знает, чем их моральное сознание отличается от морального сознания женщин. Таким образом, ее тезис о различии мужской и женской моральности — априорен. Подчеркивались также негативные последствия приписывания "этики заботы", только женщинам. Поскольку в патриархальном обществе забота вовсе не является ценностью, то такая моральная схема скорее подавляет женщин, чем освобождает их.

В общем, критика психоаналитического феминизма сводится к тому, что он не дает глобального объяснения подчинения женщин. Многие полагают, что роль юридических, политических, экономических институтов и структур также должна быть принята во внимание при анализе этой проблемы. С другой стороны, заслуга психоаналитического феминизма, в отличие от других направлений, в том, что его теоретики обратили внимания именно на роль внутренних, психических процессов и структур личности в подавлении женщин. Ведь чтобы почувствовать себя свободной, женщина должна делать больше, чем просто бороться за свои права. Она должна также понять глубину тех психических процессов, которые делают ее несвободной. И, наконец, на мой взгляд, тот факт, что психоаналитические феминистки подчеркивали символическое значение фаллоса, сыграло значительную роль в развитии гендерной теории.

Постмодернистский феминизм

Рассмотренные выше направления феминизма развиваются в основном в англоязычных странах, причем если в США можно найти представителей почти всех течений, то в Великобритании и Австралии больше распространен социалистический феминизм. Во Франции все представленные выше "течения" оказались непопулярными. Там развивается собственный тип феминизма, который выбирает отличные от англоязычного феминизма темы — прежде всего язык и сексуальность, а также и иные способы их рассмотрения. Помимо Симоны де Бовуар, следует назвать такие имена, как Кристина Дельфи, Моника Плаза, Моника Виттиг, Торил Мой, Алиса Жардин. С появлением работ Люси Иригарэй, Юлии Кристевой, Элен Сиксу французский феминизм все чаще стали называть постмодернистским⁶. В последнее время к этому направлению критики относят Джудит Батлер, Розу Брайдотти и некоторых других авторов. Сочетая в своих работах идеи радикального феминизма, постструктурализма, переосмысленного лакановского психоанализа, теорий Дерриды, Фуко и Лиотара, эти исследовательницы не разделяют единой методологической платформы. Их объединяют скорее темы исследования (язык, власть, понятие "женщина"), чем единая методология.

Еще одно предварительное замечание, которое необходимо сделать, заключается в том, что у постмодернистского феминизма весьма непростые отношения как с феминизмом, так и с постмодернизмом.

Те, чьи имена ассоциируются с французским феминизмом (Сиксу и Кристева), не только не называют себя феминистками, но и описывают свои работы как находящиеся "за" феминизмом (после феминизма) — и поэтому нередко постмодернистский феминизм называют постфеминизмом. Для постмодернистских феминисток вопрос о том, можно ли построить единую феминистскую теорию, кото-

рая бы наилучшим образом способствовала освобождению женщин, является "нерешаемым". Они считают, что этот вопрос построен на неправильном утверждении, что возможно четко и однозначно определить нужды всех женщин.

Постмодернистские феминистки - в полном соответствии с постмодернистскими постулатами - отвергают традиционные положения об истине и реальности. Они пытаются избежать в своих работах воссоздания фаллологоцентричной мысли, потому что это мысль, организованная вокруг абсолютного слова (logos), которое есть стилистически "мужское" (то есть фаллос). Хелен Сиксу настаивает, что для женщин, которые ищут освобождения, лучше избегать таких понятий, которые основаны на унитарности и блокируют различия. Элен Сиксу и Юлия Кристева часто "открещивались" от принадлежности к феминизму - по крайней мере, в смысле борьбы за женские права.

С одной стороны, многие феминистки негативно настроены по отношению к постмодернизму называя его патриархатным средством, направленным на то, чтобы заставить женщин молчать в то время, когда они лучше, чем когда-либо прежде, подготовлены к тому, чтобы говорить. Поэтому они негативно относятся и к постмодернистскому феминизму.

С другой стороны, с середины 80-х идет активное освоение феминистками критического пафоса постмодернизма, и все большее число феминисток обсуждают проблему их общего фундамента и даже описывают собственные теории как постмодернистские или постструктуралистские. Так, Линда Николсон в антологии "Феминизм/постмодернизм" полагает, что существует "множество точек пересечения между утверждениями постмодерна и позицией, которую долгое время занимал феминизм", что делает их "естественными союзниками". Она утверждает, что феминизм породил свою собственную критику научной рациональности, объективности и автономной личности как маскулинных конструкторов. По мнению Нэнси Фрезер и Линды Николсон, если феминизм продолжит это движение в сторону более исторической, неуниверсальной, неэссенциалистской теории, такой, которая признает различия между женщинами, тогда феминизм станет "по существу постмодерном". "Постмодернизм привлекателен, потому что он позволяет феминисткам ... не рассматривать вопрос о том, почему женщин подавляют, поскольку он (постмодернизм - О.В.) определяет властные отношения как постоянные, данные и эманулирующие отовсюду. Всемирно-историческое доминирование мужчин и маскулинности объясняется ими как конвенция, основанная на ассоциации женщин и феминного со всем, что этот дискурс рациональности считает субординируемым: слабостью, пассивностью и иррациональностью как таковой. Совпадение роста мизогинии с доминированием дискурса рациональности на Западе хорошо документировано феминистскими политическими теоретиками"⁷.

Столь же непросты отношения постмодернистского феминизма с постмодернизмом. Иногда считают, что этот тип феминизма сформировался полностью под влиянием постмодернизма. Другие - что сам постмодерн был бы невозможен без феминизма. Так, Розмари Тонг ссылается на Андреас Хайсен, которая утверждает, что постмодернизм стал возможен отчасти благодаря тому влиянию, который оказал феминизм на культуру в целом и на стратегии рассуждения о гендере в частности⁸.

Сиксу, Иригарэй и Кристева (как и Деррида) являются деконструктивистами в том смысле, что они освещают "внутренние противоречия в кажущейся безупречно связанной системе мыслей". Как и Лакан, Сиксу, Иригарей и Кристева реинтерпретируют традиционную фрейдистскую психоаналитическую теорию и практику. Однако сказать, что эти три феминистки разделяют философские перспективы Дерриды и Лакана - не значит сказать, что они дерридианки или лаканианки или разделяют какую-либо еще мужскую политику. Более того, между этими феминистками существуют значительные политические различия. Использование простого ярлыка - постмодернистский феминизм - не стирает различия позиций этих мыслительниц, которые обнаруживают себя связанными друг с другом внешними представлениями.

Однако даже если агрегация постмодернистского феминизма и неверна, тем не менее совсем не бесполезно посмотреть, как они в своих работах относятся к деконструктивистской, психоаналитической и экзистенциалистской мысли.

Многие истоки постмодернистского феминизма обнаруживаются в работе Симоны де Бовуар, которая сформулировала сущностный вопрос феминистской теории: "Почему женщина - второй пол?", или, если вопрос переформулировать в постмодернистских понятиях: "Почему женщина есть Иное?". Почему женщина остается привязанной к земле, оказывается отмеченной чертами имманентности и детерминированности, в то время как она видит мужчину отлетающим в сферу трансцендентного, зону

свободы? Ответ Бовуар может удовлетворять нас или нет, но ни один из читателей "Второго пола" не может перевернуть последнюю страницу книги без убеждения, что быть "вторым" или "Другим" - это не лучший способ быть.

Постмодернистский феминизм берет у Бовуар понимание "инаковости" и переворачивает его на голову. Женщина действительно для них Иное, но вместо того, чтобы интерпретировать это обстоятельство как что-то, что должно быть преодолено, постмодернистские феминистки прокламируют его достоинства. Ситуация "инаковости" позволяет женщинам критиковать нормы, ценности и практики, которые доминантная культура (патриархат) пытается ввести для каждого, включая и тех, кто находится на ее периферии - т.е. женщинам. Итак, "инаковости" со всеми сопровождающими ее ассоциациями с подавлением и приниженностью — есть гораздо большее, чем подавление и подчинение. Это — способ бытия, мышления и говорения, который легализует открытость, плюрализм, разнообразие (*diversity*) и различие (*difference*).

Акцент на позитивной стороне Инаковости — быть исключенным, "отмороженным", неуспешным, непривилегированным, отвергнутым, нежелательным, маргинальным и т.д. — основная тема в деконструкции. Деконструктивистский подход - это критическое отношение ко всему, включая идеи или социальную практику, а также структуры, на которых они основаны, язык, которым они мыслятся, и системы, которыми они охраняются. Деконструкция антиэссенциалистична не только потому, что считает универсальные дефиниции бесполезными, но и потому, что бросает вызов традиционным связям внутри таких оппозиций, как разум/эмоции, красота/уродство, Я/Другие, а также между такими дисциплинами, как искусство, наука, психология и биология.

Антиэссенциалистская позиция деконструктивиста тотальна. Деконструктивисты сомневаются в двух предположениях, на которых традиционно строилась культура: что существует сущностное (эссенциальное) единство Я во времени и пространстве, называемое *самоидентичность* и что существует сущностное (эссенциальное) отношение между языком и реальностью, называемое *истиной*. Представлению о едином, или интегрированном Я, на котором строились рассуждения в классическую эпоху, деконструктивисты противопоставляют тезис о том, что Я фундаментально расколото между сознанием и бессознательным. Понимание Истины как единой и универсальной оспаривается утверждением, что язык и реальность вариативны и изменчивы.

Представление, что нет ни самоидентичности, ни истины привлекает внимание Сиксу, Иригарэй и Кристевой. Но их интересуют не только деконструктивистские идеи. Некоторые деконструктивисты - в частности, Жак Лакан и Жак Деррида - отметили способы, которыми наш язык исключает из себя "феминное".

Коротко рассмотрим те взгляды Жака Лакана, которые повлияли на формирование постмодернистского феминизма. Основываясь на утверждении антрополога Клода Леви-Стросса о том, что каждое общество регулируется системой взаимосвязанных знаков, ролей и ритуалов, Лакан назвал эту систему "Символическим порядком". Для того, чтобы ребенок адекватно функционировал в обществе, он или она должны интернализировать Символический Порядок посредством языка. И чем больше ребенок принимает (усваивает) лингвистические правила общества, тем больше эти правила будут вписаны в его или ее бессознательное. Иными словами, Символический Порядок регулирует общество через отношения индивидов; сколь долго индивиды говорят на языке Символического порядка - интернализуя его гендерные и классовые роли - столь долго общество будет воспроизводить себя в довольно постоянной форме. Поскольку Лакан принимает влияние Символического Порядка на наше бессознательное, неудивительно, что для него *Символический Порядок и есть общество*. Реинтерпретируя фрейдовскую теорию в своих собственных целях, Лакан констатирует, что бессознательное структурируется подобно языку - специфически, то есть как Символический Порядок.

Для того, чтобы включиться в этот порядок, мы также должны пройти через несколько стадий, постепенно принимая "Закон Отца". На первой, или пре-Эдиповой фазе - названной Лаканом стадией воображаемого (*imaginary phase*), которая является антитезисом Символического порядка - ребенок полностью не осознает границы своего Эго. Во второй фазе - зеркальной - ребенок осознает себя как Я. Имея перед собой взрослых как зеркало, ребенок путает свой образ как с реальным Я, так и с образом взрослых, которые находятся перед ним. Ребенок полагает, что образ в "зеркале" — это не реальная личность, а образ его самого. Для Лакана стадия зеркала очень важна, в ней проходит процесс самоконституирования, который является парадигмой для всех последующих отношений. Третья, или

Эдипова фаза, это период отдаления матери и ребенка. Ребенок больше не воспринимает себя и мать как единство; наоборот, он считает свою мать Другим. Мальчики испытывают процесс отрыва от матери не так, как девочки. В Эдиповой фазе мальчик отвергает идентификацию со своей матерью и вместо этого идентифицируются со своим анатомически схожим отцом, который представляет Символический порядок, слово. Через идентификацию со своим отцом мальчик не только входит в субъективность и индивидуальность, но также интернализует доминантный порядок, ценности и роли в обществе. Можно сказать, что мальчик рождается заново, на этот раз - в область языка. Как сказала феминистская исследовательница Р.Тонг, "по Лакану, первичное единение матери и ребенка есть некоторым образом метафора истины - изоморфных отношений между словом и объектом. В идеале как мать и ребенок, так и слово и объект должны были бы остаться единым; но общество не будет поддерживать такой порядок. В результате кастрационного комплекса, принесенного отцом, который презентует социальный порядок, осимволизованный фаллосом, не только мать и ребенок, но и слово и объект должны быть оторваны друг от друга" ⁹. Опасаясь символической кастрации (потери фаллического означающего для всего, что есть удовлетворение), мальчик отделяется от матери в сферу языка. Но девочки - на основе своей анатомии - не могут полностью идентифицировать себя со своими отцами в психосексуальной драме. В результате девочки не могут полностью принять и интернализовать Символический Порядок.

Подобно Фрейду, Лакан с трудом находил место для женщин в своей системе. Из-за того, что женщина не может полностью решить Эдипов комплекс, женское не существует и не может существовать в Символическом Порядке. Для Лакана женщины - это перманентные аутсайдеры (и это высказывание разрушительно и антифеминистично). Лакан рассуждает, что если мы попытаемся сделать невозможное - узнать женщин - нам следует начать исследование на уровне женского сексуального удовольствия, которое не может быть познано, поскольку не может быть выражено на фаллическом языке отцов. Но, продолжает Лакан, поскольку Эдипов комплекс царствует (ведь индивиды продолжают усваивать авторитет общества), это удовольствие может быть увидено только мельком. Итак, феминное сексуальное удовольствие, как оно переживается в тотально репрессированном существовании в Символическом порядке, существует только на уровне потенциальности. Если бы оно было "помыслено и проговорено" (*to be thought and spoken*), Символический Порядок мог бы быть разбит и расколот.

Эти взгляды были подвергнуты критике Жаком Дерридой. В своих попытках освободиться от мрачного однообразия (*singularity*) мыслей в Символическом Порядке, он находит альтернативу в плюрализме и различии феминного. Деррида критикует три аспекта Символического Порядка: (1) Логоцентризм, т.е. первичность речевого мира; (2) фаллоцентризм, или первичность фаллоса, которая означает общее движение (*drive*) к простой, внешне достижимой цели; и (3) *дуализм, манеру, при которой все объясняется в терминах бинарной оппозиции* (и этот момент чрезвычайно важен!). Деррида сводит все эти "измы" к традиционному философскому поиску смысла, поиску, который он отвергает как бессмысленный, потому что смысла не существует. Язык, говорил Деррида, не ведет нас к смыслам или сущностям объектов, понятий или личностей, которые локализованы вне его. Скорее язык создает смысл, единственный смысл, к которому он может реферировать. Поскольку нет бытия (настоящего), которое можно было бы схватить, не существует и "ничего", с которым оно контрастирует. Если бы могли освободить мысль от бинарной оппозиции, "бытие-ничто", мы могли бы более не принуждать к оппозиции наши мысли: один против другого, мужское - женское, природа - культура, речь - письмо. И тогда мы стали бы свободными для того, чтобы думать новые и разные мысли.

Деррида хотел освободить мысль от предписания сингулярности - что существует одна простая истина или сущность, "трансцендентально означенная". Поскольку единственный язык, который доступен ему, логоцентричен, фаллоцентричен, отмечен бинарными оппозициями и поэтому ограничивает его мысль, Деррида чрезвычайно пессимистичен относительно победы революции, которую он затеял. Однако он верил, что Символический Порядок может быть ограничен с помощью демонстрации того, как традиционная интерпретация текста (для Дерриды любое коммуницируемое/коммуницируемое через язык есть текст) подавляет его альтернативные интерпретации. Деррида использует понятие *differance* - неизбежный осмысленно-созданный разрыв между объектом восприятия и нашим восприятием, которое побудило многих постмодернистских феминисток создать свои собственные интерпретации (использования) этого феномена.

Постмодернистские феминистки также пытались критиковать доминантный порядок, особенно его патриархатные аспекты, и поддерживать ценность феминного, женщины, Другого. Подобно Лакану и Дерриде, постмодернистские феминистки считали, что чрезвычайно трудно изменить символический порядок, когда единственные доступные для этого слова - это слова, которые используются самим символическим порядком. Эта опасность вынуждает многих феминисток отвергать любые ярлыки, которые оканчиваются на "изм", включая феминизм. Они опасаются, что ярлыки всегда привязывают к фаллологоцентрическому стремлению (drive) стабилизировать, организовывать и рационализировать наш концептуальный универсум. Однако несмотря на их собственные заявления, Элен Сиксу и Юлию Кристеву трудно не классифицировать как феминисток, и тем более - Люси Иригарэй, которая меньше беспокоится о ярлыке феминистки. Труды всех трех определенно феминистичны в том смысле, что они предлагают женщинам наиболее фундаментальное освобождение - *свободу от подавления мысли*.

Элен Сиксу

Сиксу по преимуществу новеллистка, экспериментирующая с литературным стилем¹⁰. Она сталкивает женское письмо (*l'écriture féminine*) с мужским письмом (*littérature*). По множеству социокультурных причин маскулинное письмо признается превосходящим женское письмо. Мужчина (белый европеец из правящего класса) убежден: "Я единый, контролирующий себя центр универсума. Остальной мир, который я определяю как Другое, имеет смысл только по отношению ко мне как мужчине/отцу, владельцу фаллоса". Сиксу отвергает маскулинное письмо и мышление, потому что они построены на бинарных оппозициях. Мужчина без необходимости сегментирует реальность посредством сведения понятий и терминов в пары бинарных оппозиций, одна сторона которых всегда более привилегированна по отношению к другой. В своей эссе "Sorties" Сиксу приводит некоторые из таких дихотомических пар: активность - пассивность; солнце - луна; культура - природа; день - ночь и т.д. Таким образом, мысль всегда работает через дуальную иерархическую оппозицию.

По мнению Сиксу, все эти дихотомии проистекают из фундаментальной дихотомической пары - мужчина/женщина, в которой мужчина ассоциируется со всем активным, культурным, светлым и в целом позитивным, а женщина - со всем пассивным, нейтральным, темным, низким и вообще негативным. Более того, первое из пары понятий "мужчина/женщина" есть термин, от которого второй отклоняется или отличается. Мужчина есть Я; женщина есть Другое. Женщина существует в мужском мире в его терминах. Она для него либо Другое, либо невысказанное.

Сиксу призывает женщин "выписать" себя из мира, который сконструирован мужчинами. Тип письма, которое Сиксу идентифицирует как собственно женское - пятнистое, царапающее, и проч. - напоминает гераклитовскую реку, в которую нельзя войти дважды. По контрасту, тип письма, которое она обозначает как мужское, аккумулирует "мудрость" человечества. Женское письмо - это возможность трансформации социальных и культурных стандартов. Развивая этот (феминный) способ письма, женщины изменяют способ, которым западный мир думал и писал, и с помощью которого женщины помещены в этот мир.

Описывая мужское и женское письмо, Сиксу рисует связь между мужской сексуальностью и мужским письмом, с одной стороны, и женской сексуальностью и женским письмом - с другой. Мужская сексуальность скучна своей направленностью и сингулярностью (однозначностью). Подобно мужской сексуальности мужское (фаллоцентрическое) письмо чрезвычайно скучно. Мужчина пишет одни и те же вещи - трио penis/phallus/pen. Опасаясь множественности и хаоса, которые существуют вне Символического порядка, мужчины всегда пишут в черных тонах, тщательно обосновывая свои мысли в узко определенной и жестко сбитой структуре.

Женское письмо для Сиксу - что угодно, только не скучное. Подобно женской сексуальности, женское письмо открыто и множественно, вариативно и ритмично, полно удовольствия и возможностей.

В отличие от Дерриды, для которого логоцентризм неизбежен, и от Лакана, для которого фаллос будет всегда доминировать, Сиксу верит, что мы сможем уйти от дихотомического концептуального порядка, и что женщины способны сделать этот переворот. Она предлагает женщинам обратиться к своему телу и к своему множественному оргазму (она считает, что если мужчина может получать только единственный плоский оргазм одним органом, то женщина - всем телом и множественные оргазмы).

Желание, а не разум, является по Сиксу средством уйти от ограниченности традиционной западной мысли.

Люси Иригарэй

Хотя Иригарэй согласна с Сиксу, что женская сексуальность и женское тело являются источниками женского письма, между ними существуют значительные различия. В отличие от Сиксу, Иригарэй - первый психоаналитик, пытающийся освободить феминное от мужской философской мысли, в том числе - от Дерриды и Лакана. Р. Тонг пишет "Иригарэй была критична к ним обоим. В 1974 г. она бросила вызов Лакану в своей книге "Зеркало другой женщины" ("Speculum of the Other Woman") и была из-за этого уволена со своей академической должности в l'Université de Paris VIII (Vincennes)" ¹¹.

Как и Лакан, Иригарэй интересуется контрастами между Воображением и Символическим, но и - в отличие от Лакана - различиями между мужским и женским воображением. Для Лакана воображение - это вид тюрьмы, потому что Я - это пленник иллюзорных образов. После успешного преодоления Эдиповой фазы, мальчики освобождаются от Воображения и входят в Символический Порядок - область языка и самости. Девочки, однако, из-за того, что они никогда полностью не преодолевают Эдиповой фазы, остаются в Воображении. Но вместо того, чтобы считать это негативным, Иригарэй полагает, что для женщин могут быть неиспользованные ресурсы в Воображении. Все, что мы знаем о Воображении и о женщине, сказано с мужской точки зрения. Женщина, которую мы знаем - это "маскулинная феминность", фаллическая феминность, женщина, как мужчина ее видит. Но может быть и феминная феминность, нефаллическая женщина, женщина, которая принесет свою самость и свой язык, которые не будут опосредованы мужчинами. ¹². Смысл идеи о феминной феминности, однако, не в том, чтобы определить ее. Любые утверждения, которые определенно описывают, что такое реальная, или истинная феминность, воссоздавали, по Иригарэй, и будут воссоздавать фаллическую феминность. "Вера в то, что феминность может быть выражена в форме понятия, возвращает в систему "маскулинных" представлений..." ¹³.

Иригарэй предлагает три стратегии, которые помогут женщинам переживать себя как что-то иное, кроме пустоты и "эксцесса". Во-первых, женщины должны обратить внимание на природу языка. И хотя она согласна, что наши слова столь очевидно "мужские", Иригарэй против идеи создания гендерно-нейтрального голоса. Не только поиски "нейтральности" бессмысленны (потому что никто реально не нейтрален ни в отношении чего), они также оправдывают использование пассивного залога, который дистанцирует субъект от объекта и прячет идентичность говорящего от читающего/слушающего. Женщины не найдут освобождения в абстрактной персональности, считала Иригарэй: "ни я, ни вы, ни мы, не предстанем в языке науки", потому что она запрещает "субъективность". Иригарэй призывает женщин объединиться вместе, чтобы найти силы говорить в активном залоге. Вторая стратегия освобождения относится к женской сексуальности, которая плюралистична. Иригарэй не просто противопоставляет "плюралистичную, циркулярную (кольцевую) и бесцельную вагинально/клиторальную либидную экономику женщин сингулярной, линейной и телеологической фаллической либидной экономике мужчин". Она также доказывает, что выражение этих либидных экономик - это не ограничение сексуальности, а распространение до всех форм человеческого выражения, включая социальные структуры. Патриархат, таким образом, есть манифестация маскулинной либидиной экономики и останется таковой до того дня, когда подавленная феминная феминность не станет свободной. Единственный путь, который может возродить эту потенцию - эту силу - это вовлечение в лесбийские и аутоэротичные практики собственного тела, которые помогут женщинам выучиться говорить слова и думать мысли, которые минуют фаллос. Третья стратегия - это пантомимировать пантомиму мужчин, которая противоположна женщинам.

Практически во всех работах Иригарэй существует трения между ее убеждениями, что мы должны положить конец процессу присваивания ярлыков и категоризации, и противоположным убеждением - что мы не можем помочь этому, но можем быть только вовлеченными в этот процесс. Из-за того, что Иригарэй часто выражает оба эти убеждения в одном и том же месте, критики называют ее самопротиворечащей. Но для самой Иригарэй это само-противоречие есть форма протеста против логической последовательности, необходимой фаллоцентризму.

Юлия Кристева

Кристева отличается от Сиксу и Иригарэй в нескольких аспектах. Если Сиксу и Иригарэй склонны идентифицировать "феминное" (письмо) с биологическими женщинами, а "маскулинное" (письмо) с биологическими мужчинами, то Кристева отвергает любые такие идентификации. Она считает, что говорить о том, что язык связан с биологией, т.е. утверждать, что только из-за своей биологии женщины пишут иначе, чем мужчины, означает поддерживать патриархатные структуры.

Второе отличие - это ее радикальное утверждение, что даже если феминное и может быть выражено, оно не должно быть выражено. "Женщина как таковая не существует", заявляет Кристева¹⁴. Такие концепты, как "женщина" и "феминность" коренятся в метафизике, эссенциалистской философии, которую деконструктивисты пытаются деконструировать. Женщина есть жизнеспособное политическое понятие, но не философское. Она поясняет свою позицию в интервью журналу "Psych et po" ("Психология и политика") : "Представление, что "кто-то есть женщина" почти всегда столь же абсурдно, как и представление, что "кто-то есть мужчина". Я сказала "почти" потому, что существует много целей, которые женщины могут достичь: свобода аборт и контрацепции, центры ухода за детьми, равенство на работе и т.д. Следовательно, мы должны использовать "мы, женщины" как рекламу или слоган для наших требований. На более глубоком уровне, однако, женщина не может "быть"; это есть что-то, что даже не принадлежит к порядку бытия" ¹⁵.

Тот факт, что женщина не может быть на этом глубоком уровне - что она всегда становится и никогда не станет бытием - объединяет ее с другими группами, исключенными из доминантного порядка: гомосексуалистами, евреями, расовыми и этническими меньшинствами и т.д. Кристева связывает социальную революцию с поэтической революцией. Кристева хотела бы, чтобы общество пришло к отношениям с "жалкими" - к тем, кто маргинализован или подавлен культурой. Маргинализованный дискурс, обнаруживаемый в безумии, в иррациональном, в материнстве и в сексуальности, должен внести свою революционную силу в язык. Используя Лакановскую структуру, Кристева рисует контраст между "семиотической" или до-Эдиповой стадией, и "Символической" или пост-Эдиповой стадией¹⁶. Как она это видит, фаллологоцентрическая мысль обнаруживается в репрессии семиотического и, следовательно, сексуально неидентифицированного пре-Эдипального материнского тела. Если время в семиотической стадии циклично (повторяемо) и внутренне монументально, то для Символического Порядка характерно "время истории" - линейное или последовательное время, направленное на цель¹⁷. Поэтому линейный, рациональный, объективный и имеющий нормальный синтаксис тип письма - это подавленное письмо, а письмо, подчеркивающее ритм, звук, цвет, подводящий нарушения синтаксиса и грамматики - фундаментально нерепрессированное письмо, потому что оно имеет целью возмущение нас. Кристева верит, что свободная личность способна признать игру между семиотикой и символиккой, между беспорядком и порядком¹⁸.

Сходство и различия американского и французского феминизмов

Сходство между постмодернистским и англо-американским феминизмом заключается в том, что оба они критикуют патриархат, власть, Просвещение и т.д. Важные различия существуют в основаниях этой критики. Англо-американский феминизм критикует реальность, истину, иерархию и власть потому, что они принадлежат мужчинам и направлены против женщин. То есть власть, объективная истина, иерархия и т.д. критикуются потому, что они *мужские*. Постмодернистки критикуют все это в целом, и только во вторую очередь - потому, что это направлено против женщин как таковых.

Постмодернистки представляют, что свобода проистекает не из идентификации с опытом подавления, а из устранения идентификации как таковой. Англо-американские феминистки настаивают на идее, что женская идентичность императивна, что определение женщин и их интересов и переоценка феминности приведет к освобождению женщин. Отсюда для этих феминисток постпатриархатный способ мышления будет корениться в реконструкции женского опыта и идентичности. Если постмодернистки верят, что Женщина как таковая — это сконструированная (Джудит Грант пишет даже "загрязненная") категория, то американки смотрят на эту категорию как на основу освобождения. Для постмодернисток фиксированность этой категории означает, что она не подходит для разнообразия, изменений, эволюции и свободы.

Постмодернистские феминистки больше концентрируются на том, что Женщина (и все ассоциируемое с ней) *означает*, а не на том, что она такое есть. Для них не существует Женщины, а есть только интерпретации этого. Постмодернистский феминизм обсуждает так называемые всемирные фено-

мены (вроде домашнего насилия или абортов) через декодирование метафор и дискурсов маскулинности и феминности. Иными словами, происходит переход от дискуссий о сущности женщины и ее опыта к интерпретации женщины и радикальному переописанию ее в терминах теории дискурса.

Постмодернистские и англо-американские феминистки разделяют представления о различиях. Однако если для американок это различия между женщинами и мужчинами, а также и внутри женщин, то в постмодернистском случае это понятие различий относится к множественности центров власти, значений слов, интерпретаций реальности, идентичностей, желаний и т.д. Для постмодернистского проекта универсальные понятия - такие, как реальность, власть и истина - являются аномалией. Он начинается с допущения о множественной, дискурсивно-зависимой реальности. С точки зрения постмодернизма, истина и ее интерпретации множественны.

Деконструкция, часто используемая постмодернистскими феминистками — это процесс денатурализации значений. Метод состоит в перемещении бинарных оппозиций. Этот процесс показывает взаимозависимость кажущихся дихотомичными понятий и их значений относительно истории. Он показывает их не как натуральные, а как сконструированные для определенных целей и в определенном контексте оппозиции. Эта идея очень важна для феминисток, пытающихся понять бинарные оппозиции. При такой процедуре мы можем увидеть, что каждый термин зависит от фиксированного определения другого термина.

Оценка постмодернистского феминизма

Как пишет Р.Тонг, "читатели Сиксу, Иригарэй и Кристевой часто говорят, что эти авторы считают, по-видимому, ясность изложения одним из семи смертных грехов фаллологоцентрического порядка". Очень трудно различать фаллологоцентризм и фаллоцентризм, difference and differance, мультиплицированность и плюрализм, семиотическое и символическое. Все это часто приводит к тому, что постмодернистский феминизм отвергается как "феминизм для академии". Некоторые критики считают постмодернистских феминисток современными эпикурейцами, которые ушли от реальной политической борьбы (марши, бойкоты и т.д.) в сад интеллектуальных наслаждений. Окруженные друзьями, людьми, которые разделяют их философские идеи, постмодернистские феминистки "используют язык и идеи столь специфическим образом, что никто другой не может понять, что они делают"¹⁹. Многие справедливо указывают на принципиальную асоциальность, аполитичность, индивидуализм и элитизм постмодернистского феминизма, поскольку тот путь освобождения мысли и желания, который он рисует, доступен немногим и исключительно в индивидуальном порядке.

Другие критики не столь обеспокоены стилем постмодернистских феминистских текстов, сколько их содержанием. Они указывают на то, что там содержится определенный сорт биологического эссенциализма. Многие критики обвиняют постмодернистский феминизм в том, что они помещают женщин над мужчинами, женское над мужским.

Однако как таковой, постмодернистской теории не существует. Фактически, Кристева критикует Сиксу и Иригарэй за то, что они стремятся создать феминный язык и общество вне (за пределами) мужского языка и общества. Постмодернистских феминисток также критикуют за то, что их философские допущения ввергают нас в хаос.

Но мы не можем не отметить основную заслугу постмодернистских феминисток. Именно они обратили внимание на бинарность мышления, на множественность мира, на присутствие в нем маргинальности, отклонений, ненормативности (ведь общество в своем стремлении объединиться "не замечает" или даже исключает так называемых маргинальных или девиантных людей). То новое, что постмодернистский феминизм пытается предложить - это понимание отличия женщин не как отклонения от нормы, не как Другого полюса бинарной оппозиции, а как **отличия** как такового, **которое имеет право на существование**. Как пишет Ирина Жеребкина, книгу которой "Прочти мое желание" я рекомендую тем, кто интересуется этой темой, - "женщина не должна быть отличающейся от, но отличающейся для того, чтобы внести в культуру альтернативные ценности. Реабилитация сексуального различия ... открывает, по мнению Розы Брайдотти, путь и для других различий в культуре: расы и этничности, класса, жизненного стиля, сексуальных предпочтений и т.п. Сексуальное различие должно утверждать позитивность множественности различий в противоположность традиционной идее различия как неравенства"²⁰.

Примечания

¹ *Mitchell J.* Psychoanalysis and Feminism. New York: Vintage Books, 1974, p.408.

² *Dinnerstein D.* The Mermaid and Minotaur: Sexual Arrangements and Human Malaise. New York: Harper Colophon Books, 1977.

³ *Chodorow N.* The Reproduction of Mothering. Psychoanalysis and the Sociology of Gender. Berkeley: Univ. of California Press, 1978.

⁴ В американской литературе существует два термина, обозначающих различные аспекты материнства. Motherhood обозначает материнство как социальный институт и культурный символ, Mothering – личный опыт материнства. Именно поэтому я так и перевела название книги. – О.В.

⁵ *Gilligan C.* In a Different Voice. Psychological Theory and Women's Development. Cambridge (Mass.) and London, Harvard Univ. Press, 1982.

⁶ Постмодернизмом называют идеи, опровергающие и отвергающие философию Нового времени. По мнению постмодернистов, для модернизма были характерны представления о том, что человек рационален; что разум вместе с законами науки обеспечивает объективный и универсальный фундамент познания; что рациональное использование научного знания нейтрально и общественно полезно. Эти идеи составляют корпус демократической теории и известны как "гуманизм". Одна из интенций постмодернистской критики - показать, что эти гуманистические идеалы и убеждения не только не реализуемы, но также и продуцируют определенные формы подавления (например, как это делает в своих многочисленных работах Мишель Фуко). Постмодернисты в целом предлагают другую картину мира. Они полагают, что история - не линейна, что общество не движется по пути прогресса, что человеческая личность противоречива и социально сконструирована, что знания не обладают характеристиками объективности.

⁷ *Lyndon M. and Pateman C.* Feminist Interpretation of Political Theory. State College: Pennsylvania State University Press, 1991.

⁸ *Tong R.* Feminist Thought. A comprehensive Introduction. Boulder & San Francisco. Westview Press. 1989, p.218.

⁹ *Ibid.*, p.220.

¹⁰ См., например: Cixous H. The Laugh of Medusa (1976). In: New French Feminisms. Eds. E.Marks and I.de Courtivron. New York: Schocken Books, 1981; The Body and the Text. - In: Helene Cixous, Reading, Writing and Teaching. New York and London : Harvester Wheatsheaf. 1990. – Здесь и далее сноски на английские переводы с французского, на котором писали Сиксу, Иригарэй и Кристева объясняются только моим незнанием французского. Владеющим им я бы посоветовала обращаться к оригинальным изданиям.

¹¹ *Tong R.* Op. cit., p. 269.

¹² *Irigaray L.* This Sex Which is Not One. (first publ.1977) Transl. by C.Porter. Ithaca, N.Y.: Cornell Univ. Press, 1985.

¹³ *Ibid.*, p.32.

¹⁴ *Kristeva J.* About Chinese Women. Transl. Anita Barrows. New York: Urizen Books, 1974, p. 16.

¹⁵ *Cit. On : New French Feminism*, p. 157.

¹⁶ *Kristeva J.* Desire in Language. Transl. New York: Columbia Univ. Press, 1982, pp.205-206.

¹⁷ *Kristeva J.* Women's Time. - Signs: J. of Women in Culture and Society. Vol.7, # 1, 1981, 13-35.

¹⁸ *Kristeva J.* Desire in Language..., pp.159-209.

¹⁹ *Tong R.* Op.cit., p.231.

²⁰ Жеребкина И. Прочти мое желание. Москва, Идея-Пресс, 2000, с. 183.

Е.Б.МЕЗЕНЦЕВА

РАЗДЕЛ II.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ГЕНДЕРНОЙ ЭКОНОМИКЕ

ЛЕКЦИЯ 6. ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Гендерная проблематика в истории экономической мысли XX века

Гендерная проблематика стала предметом внимания экономистов в 60-е годы, что в немалой степени было вызвано началом массового выхода женщин на рынок труда в развитых странах Запада. В эти годы были предложены теоретические концепции, объясняющие многие явления, о которых ранее говорилось лишь в идеологическом либо чисто эмпирическом плане. В частности, в рамках основного течения экономической науки – неоклассического подхода (или “mainstream”) были предложены теоретические подходы к анализу домохозяйства и разделению труда между мужчинами и женщинами, к гендерной дискриминации в занятости, профессиональной сегрегации по признаку пола, гендерному неравенству в оплате труда и пр. Это направление исследований активно развивается и в настоящее время. При этом, неоклассический подход моделирует экономическое поведение человека без учета различий между мужчинами и женщинами, считая, что ключевые мотивы экономической деятельности не дифференцированы по полу.

Примерно в тот же период (начиная с середины 60-х годов) гендерная проблематика начинает активно обсуждаться и в рамках марксистской экономической парадигмы. Рост интереса к марксизму и неомарксизму со стороны левой интеллигенции стран Запада был вызван, в первую очередь, привлекательностью социальных идей марксизма. Вместе с тем, экономическое наследие Маркса привлекло внимание со стороны исследовательниц-феминисток, которые пытались интегрировать гендерный подход и марксистский экономический анализ. Некоторые представительницы радикального феминизма предлагали расширить марксистское понимание классов и описывать гендерные отношения в терминах классового господства/подчинения и эксплуатации класса женщин со стороны господствующего класса мужчин. В 70-е годы именно марксистский подход лег в основу многих экономических разработок радикальных и социалистических феминисток. В 90-е годы волна интереса к марксизму явно пошла на спад. Некоторое оживление интереса к марксистской парадигме в конце 90-х годов было связано преимущественно с социальной доктриной, но никак не с экономическими идеями Маркса. Современная экономическая наука рассматривает Маркса-экономиста не более как одну из перевернутых страниц истории экономической мысли. В этом плане марксистская интерпретация гендерного экономического неравенства явно относится к маргинальным направлениям экономической теории.

В 80-е годы под влиянием феминистской критики научной эпистемологии феминистки обратились к анализу методологических оснований, на которых построена современная экономическая теория. Главным объектом этой критики стала модель “экономического человека”, составляющая методологическое ядро неоклассического подхода. Исследователи феминистской ориентации оспаривали справедливость поведенческих постулатов этой модели, таких как эгоизм, рациональность, структурированность и неизменность предпочтений, максимизирующее поведение. Они подчеркивали, что большинство из них являются андроцентристскими и моделируют мир согласно мужской модели ценностей и мужскому социальному опыту.

В конце 80-х годов наметилась тенденция к переходу от чистой критики экономической методологии к исследованию конкретных проблем положения женщин в экономике в рамках неоклассического и институционального подходов. Это направление исследований, преимущественно тяготеющее к позициям либерального феминизма, иногда обозначают как феминистский экономический эмпиризм. Не отказываясь от критического отношения к методологии неоклассического направления, исследователи этого направления активно осваивают и расширяют возможности неоклассики и институционализма в анализе гендерной проблематики.

История развития гендерной проблематики в экономической мысли XX века является красноречивой иллюстрацией процесса становления принципиально новой междисциплинарной области научного знания. Именно это объясняет мозаичность “карты” современной гендерной экономики. Здесь одновременно пересекаются различные направления экономической мысли, с одной стороны, и различные направления феминистской мысли, с другой. Не претендуя на исчерпывающий обзор, в данной

лекции мы рассмотрим наиболее интересные гендерные концепции, предложенные в рамках трех направлений экономической мысли: марксизма, неоклассического направления и институционализма.

Гендерная экономика: определение предмета исследования

Обобщая позиции представителей самых различных направлений экономической мысли, предмет гендерной экономики можно определить как *изучение источников, масштабов и механизмов проявления гендерных экономических различий*. По мнению Джойс Джакобсен, автора одного из последних и наиболее полных учебных пособий по гендерной экономике, предметная область гендерной экономики охватывает 3 типа экономических проблем: (1) *теоретические модели, которые включают мужчин и женщин*; (2) *эмпирические исследования, направленные на исследование общности и различий в положении мужчин и женщин*; (3) *анализ экономической политики, которая различным образом затрагивает каждый из полов*¹.

Итак, основа гендерной экономики - анализ экономических различий между мужчинами и женщинами и выявление причин гендерного неравенства. Сегодня это направление научной мысли включает в себя широкий спектр концепций, предложенных в рамках различных направлений экономической теории.

Каждое из этих направлений имеет свои излюбленные сюжеты и предлагает свои собственные интерпретации гендерных проблем. Для неоклассического направления — это экономика домохозяйства, разделение труда внутри семьи, решения о выходе на рынок труда, принимаемые совместно мужем и женой, исследование и объяснение дискриминации женщин на рынке труда, а в последние годы - анализ брачных отношений и репродуктивного поведения.

Для марксистского направления - это поиск ответов на вопрос о причинах и формах эксплуатации женщин внутри семьи и вне ее, о факторах и сферах проявления гендерного неравенства, о взаимосвязи патриархата и капитализма.

Наконец, в поле зрения наиболее молодого из названных направлений - институциональной экономики - попадают такие проблемы как брачные отношения, понимаемые как контрактные, роль государства в регулировании гендерных отношений, проблемы социальной политики и пр.

МАРКСИСТСКИЙ ПОДХОД

Гендерная проблематика впервые оказалась включенной в рамки экономической теории именно благодаря марксизму. Толчком к теоретической и практической постановке “женского вопроса” послужило вовлечение женщин в сферу оплачиваемой занятости, произошедшее в 30-е годы XIX века.

Основные положения классического марксизма о причинах дискриминации женщин наиболее полно были изложены в работе Ф.Энгельса “Происхождение семьи, частной собственности и государства” (1884г.). В этой работе Энгельс формулирует принципиальные тезисы марксизма о причинах угнетенного положения женщины и условиях ее освобождения. Его мысль состоит в том, что источник гендерного неравенства следует искать в отношениях собственности. Появление частной собственности ведет к возникновению гендерного разделения труда и формированию отношений зависимости/подчинения внутри семьи. Критикуя буржуазную семью, Маркс и Энгельс подчеркивали, что она основана на экономической зависимости женщины и господстве мужчины, выполняющего роль единственного кормильца (“домашнее рабство” в терминологии Энгельса).

Преодоление этого подчинения возможно через трансформацию отношений собственности в рамках общества в целом. С этой точки зрения борьба за освобождение женщин есть составная часть борьбы за освобождение рабочего класса. Зависимость женщины от мужчины может быть ликвидирована только с включением женщины в общественное производство. Именно эта задача в отношении женщин должна быть решена при переходе к социализму, когда весь домашний труд, включая ведение домашнего хозяйства, уход за детьми и их воспитание, будет выведен за пределы семьи и превращен в общественную отрасль труда. Тем самым будет ликвидирована объективная основа женского неравноправия.

Итак, в рамках марксизма впервые был поставлен вопрос о причинах и формах угнетения женщины в классовом обществе. Решение этой проблемы марксизм ищет в экономических основах подчиненного положения женщины и связывает ее освобождение с ликвидацией классового, и, в частно-

сти, капиталистического, общества. Однако марксистская теория так и не дала убедительных ответов на целый ряд важных вопросов. Чем по своей сути является деятельность женщин в домашнем хозяйстве - трудом или способом проведения досуга? Можно ли отнести время, затрачиваемое на эту деятельность, к разряду рабочего времени, или же это время отдыха? Наконец, возможно ли дать стоимостную оценку этой деятельности?

Представители гендерной теории критикуют классический марксизм за то, что он игнорирует наличие собственной динамики гендерных отношений и сводит все социальные противоречия лишь к отношениям общественных классов. Таким образом, женщины и женский труд фактически остаются вне зоны видимости марксистской экономической теории.

Марксистский феминизм

В ряду современных феминистских исследователей, работающих в рамках марксистского направления, можно назвать такие имена как Хайди Хартманн, Айрис Янг, Кристин Дельфи, Эли Зарецки, Нэнси Фолбр и многие другие. Несмотря на то, что сами они относят себя к различным направлениям - к социалистическому феминизму, к радикальному феминизму, к неомарксизму и пр., мы сочли возможным объединить их концепции в рамках одного раздела в силу близости их исходных экономических постулатов и методологических подходов. Фактически все они акцентируют свое внимание на трех ключевых проблемах: (1) капитализм и эксплуатация женщин; (2) патриархат и эксплуатация женщин; (3) взаимосвязь патриархата и капитализма в деле эксплуатации женщин.

Исследовательницы, придерживающиеся марксистской парадигмы, как правило, уделяют основное внимание проблемам положения женщин в публичной сфере (в первую очередь на рынке труда). Это естественно, если вспомнить о том, что марксистская политэкономия делает основной акцент не на отношениях, складывающихся в сфере обмена (анализ рынка), а на отношениях в сфере производстве.

Вместе с тем, в рамках марксистского направления были предприняты интересные попытки *экономической концептуализации частной сферы*. К их числу можно отнести концепцию семейного способа производства и концепцию семьи как способа минимизации издержек по воспроизводству рабочей силы.

Концепция "семейного способа производства". Одна из наиболее интересных экономических концепций частной сферы была предложена представительницей радикального феминизма Кристин Дельфи. Она объясняет эксплуатацию женщин, исходя из своей концепции "семейного способа производства"².

Дельфи существенно раздвигает рамки классового подхода, предложенного Марксом. Она утверждает, что мужчины (работающие на рынке) и женщины (работающие в домашнем хозяйстве) принадлежат к различным общественным классам. При этом домохозяйки представляют собой производительный класс, включенный в домашний труд, в то время как мужья – это непроизводительный класс, присваивающий результаты труда своих жен. Эти классы существуют в рамках патриархатного способа производства аналогично тому, как существуют общественные классы в рамках общественного способа производства, предложенного Марксом.

По мысли Дельфи, эксплуатация женщин не связана, с тем, какую именно работу они выполняют в домашнем хозяйстве, эта эксплуатация проистекает уже из самого факта, что работа женщин происходит в доме. Выход за пределы домашнего мира осуществляется исключительно мужчинами, в то время как женщины, оставаясь в пределах дома, фактически становятся неоплачиваемыми работниками своих мужей.

Таким образом, основной источник эксплуатации женщин коренится в семье, а капитализм есть лишь дополнение к этой первичной эксплуатации. В этом отношении все женщины составляют единый эксплуатируемый и угнетаемый класс в рамках семейного способа производства, а в качестве эксплуататоров выступают все мужчины.

Основная критика, высказанная по поводу этой концепции, сводится к тому, что данный подход полностью игнорирует экономические и иные различия, существующие между представителями каждого пола. Далее, далеко не все женщины являются домохозяйками, а концепция "семейного способа производства" фактически оставляет без внимания женщин, работающих вне дома.

Семья как способ минимизации издержек по воспроизводству рабочей силы. Эта концепция была предложена представительницами марксистского феминизма, которые менее радикальны, чем Дельфи в своих попытках ревизии марксизма. Хотя они (как и радикальные феминистки), также считают семью главным источником женского подчинения, но интерпретируют это подчинение как следствие потребности капитала в использовании домашнего труда женщин³. Семья выступает как кредитующая капитал, за счет того, что в рамках семьи наиболее эффективным (в экономическом смысле) способом обеспечивается бытовое обслуживание работающих на рынке членов семьи, а также воспроизводство новых поколений работников. Поскольку женщины-домохозяйки не получают заработной платы, а имеют лишь некоторое содержание со стороны их работающих супругов, то подобная модель "оптимизирует" процесс воспроизводства рабочей силы за счет минимизации издержек. Таким образом, капитал получает выгоду от неравного разделения труда по полу внутри семьи.

Обратимся теперь к марксистским экономическим концепциям, рассматривающим проблемы *положения женщин на рынке труда*. Марксизм и феминизм марксистского толка объясняют гендерное неравенство на рынке труда исходя из капиталистических общественных отношений. Женщины рассматриваются как подчиненная и маргинальная категория работников, а повышенный уровень их эксплуатации – как фактор, обеспечивающий дополнительные выгоды для работодателей. Мы рассмотрим две концепции, предложенные в рамках этого направления: концепцию резервной армии труда и концепцию трудового процесса.

Концепция резервной армии труда. Эта концепция опирается на тезис Маркса о том, что в условиях капитализма неизбежным является постоянное существовании резервной армии труда, что препятствует успешному торгу между работниками и работодателями по поводу условий занятости и заработной платы. В 70-е годы теория резервной армии труда была применена к женщинам. Утверждалось, что они представляют собой гибкий резерв рабочей силы, который входит на рынок труда в периоды экономического подъема, и покидает сферу занятости в периоды экономического спада (в особенности это касается замужних женщин). Классическим примером в этом плане является вовлечение женщин в сферу занятости в периоды военного времени.

Однако эмпирические данные далеко не всегда подтверждают выводы этой концепции. Например, в период Великой Депрессии в США доля женщин, потерявших работу, не превышала долю мужчин. Аналогичным образом обстояло дело и в период экономического кризиса середины 70-х годов, затронувшего все развитые страны. Р.Милкман объясняет это тем, что эффект резервной армии труда в значительной степени нивелируется эффектом профессиональной сегрегации по признаку пола (т.е. сектора занятости, в наибольшей степени затронутые безработицей, были преимущественно мужскими)⁴. Милкман предполагает, что для объяснения гендерных отношений в сфере занятости ключевым является понятие профессиональной сегрегации, а не концепция резервной армии труда. Однако, сторонники концепции резервной армии труда не включают этот вопрос в свой анализ.

Концепция трудового процесса. Эта концепция была сформулирована Браверманом в работе "Труд и монополистический капитализм" (1974)⁵. Автор разработал общую концепцию развития капитализма, в которую включил и анализ гендерных отношений. В его аргументации можно выделить две основные части: Во-первых, в условиях современного монополистического капитализма происходит прогрессивное снижение квалификационных требований на многих рабочих местах, и женщины занимают основную часть из этих менее квалифицированных работ. Во-вторых, происходит изменение отношений между домашним хозяйством и рынком. Объем домашнего труда снижается в результате того, что семья покупает на рынке многие товары, которые раньше она производила сама. Поэтому женщины получают возможность включаться в оплачиваемую занятость. Следствием этих двух процессов является рост уровня занятости женщин и снижение уровня занятости мужчин, поскольку они вытесняются с квалифицированных работ. В перспективе следует ожидать сближения уровней занятости мужчин и женщин.

Основная критика в адрес Бравермана сводилась к тому, что (а) тенденция к снижению квалификации не является неизбежной; (б) многолетняя статистика бюджетов времени не подтверждает вывод о снижении времени, затрачиваемого женщинами в домашнем хозяйстве. Вместе с тем, в пользу доводов Бравермана отчасти говорят такие факты, как снижение доли женщин-домохозяек, и более низкие затраты времени на домашнюю работу среди работающих женщин по сравнению с домохозяйками.

Завершая обзор концепций, разработанных в рамках марксистской экономической парадигмы, остановимся еще на одном подходе, который, с нашей точки зрения, наиболее полно воплощает идею синтеза марксистской и феминистской теории. Речь идет о *“теории двойственных систем”*, наиболее известные версии которой были предложены, в частности, Хайди Хартманн и Айрис Янг. Теории двойственных систем рассматривают капитализм и патриархат как независимые структуры угнетения, суть которых объясняется исходя из марксистской теории капитализма и феминистской теории патриархата.

Наиболее известной представительницей этого направления является Хайди Хартманн, автор знаменитой работы “Неудачный брак марксизма и феминизма: в поисках более прогрессивного союза”⁶,

По мнению Х.Хартманн, основы подчиненного положения женщин коренятся в гендерном разделении труда. Экономическое развитие капитализма происходит исходя из логики капиталистического накопления. Вследствие этого производство ориентировано на рыночный обмен, а не на использование производимых благ. В итоге капиталистическое общество не может адекватно оценивать труд, создающий блага, не выставляемые на рынок (в частности, блага, которые создаются неоплаченным домашним трудом женщин). Поэтому в капиталистическом обществе труд женщин считается второстепенным и социально незначимым.

Вместе с тем, система капитализма функционально связана с системой патриархата. Хартманн определяет патриархат как *систему социальных отношений, в рамках которой между мужчинами устанавливаются иерархические отношения и солидарность, позволяющие им осуществлять контроль над женщинами*. Таким образом, патриархат есть система угнетения женщин мужчинами. При этом выгоду от эксплуатации женщин получают как все мужчины, так и все капиталисты, поскольку эксплуатация женщин построена на своеобразном соглашении между мужчинами и капиталистами.

Безусловно, патриархат представляет собой более архаичную структуру угнетения, чем капитализм. Становление капитализма создало угрозу патриархатному контролю, поскольку предполагало вовлечение женщин и детей в состав рабочей силы а, следовательно, уничтожение экономической зависимости женщин и власти мужчин. Однако в действительности этого не произошло: в условиях капитализма женщины продолжают оставаться маргиналами на рынке труда, а их экономическая зависимость сохраняется. По мнению Хартманн, наряду со структурными и историческими объяснениями этого факта, не следует игнорировать роль мужчин в поддержании подобной ситуации. Мужчины - капиталисты утверждают свою власть через сегментацию рынка труда (т.е. разделение работников на группы по расовым, половым и этническим основаниям), а мужчины-работники поддерживают выгодную для них модель профессиональной сегрегации по признаку пола, которая ставит их в привилегированное положение.

Хотя системы патриархата и капитализма тесно связаны между собой, однако ведущая роль принадлежит капитализму. Вместе с тем, патриархат несет важную функциональную нагрузку по отношению к капитализму, раскалывая рабочий класс по признаку пола на две противостоящие друг другу группы.

Хартманн подчеркивает, что в современном обществе патриархатный порядок непрерывно воспроизводится капиталистической системой с помощью определенного социального механизма⁷. Основой этого механизма выступает гендерная сегрегация в занятости, которая является главным рычагом мужского контроля над женщинами во всех сферах общества. Благодаря высокой организованности и навыкам контроля мужчины вытесняют женщин с хороших рабочих мест. Дискриминация в занятости не позволяет женщинам обрести экономическую независимость и вынуждает их выходить замуж. В семье происходит воспроизводство патриархатных отношений, когда в обмен на материальную обеспеченность женщины оказываются вынужденными выполнять основную часть домашней работы. Загруженность женщин домашними делами еще более подрывает их возможности получить доступ к хорошим работам, поскольку последние требуют хорошего образования и высокой квалификации. В итоге образуется порочный круг, усиливающий экономическую зависимость женщин от мужчин, с одной стороны, и масштабы их домашней эксплуатации, с другой.

Основные критические замечания в адрес концепции, предложенной Х.Хартманн, были связаны с двумя моментами⁸:

1. Во-первых, подчеркивалось, что данный подход фактически игнорирует наличие противоречий между капитализмом и патриархатом и описывает эти две системы как внутренне согласованные;
2. Во-вторых, подход Хартманн критиковался за излишне схематичный и упрощенный анализ профессиональной сегрегации, которую она фактически сводит к вытеснению женщин мужчинами с лучших рабочих мест. Между тем, явление профессиональной сегрегации имеет гораздо более сложный и многомерный характер.

В целом основные критические аргументы в адрес марксистских концепций гендерного неравенства сводятся к тому, что сторонники марксистской парадигмы слишком сосредоточены на анализе капиталистической системы и зачастую не могут объяснить суть и происхождение гендерного неравенства в до- и посткапиталистических обществах. Сведение проблемы гендерного неравенства исключительно к капитализму представляется слишком узким подходом, игнорирующим существование независимой динамики гендерных отношений.

Неоклассический подход

Неоклассическое направление берет свое начало в конце XIX века. Его основы были заложены в работах таких экономистов, как К. Менгер, У. Джемс, Л. Вальрас, А. Маршалл, и др. Эти экономисты ставили своей задачей сформулировать общие закономерности развития “чистой экономики” независимо от общественной формы ее организации, выявить и описать в математической форме условия экономического равновесия экономической системы.

Основные постулаты неоклассического подхода

В рамках неоклассического подхода основной упор сделан на анализе экономического поведения агентов рынка в условиях свободной конкуренции. По мнению неоклассиков, свободное действие рыночных сил (свободная конкуренция и рыночное ценообразование) обеспечивает наиболее эффективное распределение и использование экономических ресурсов и адекватное вознаграждение факторов производства (труд – в виде заработной платы, капитал – в виде прибыли и землю – в виде ренты).

В отличие от марксизма неоклассики не рассматривают социальные группы (в том числе и общественные классы) в качестве субъектов экономического действия. В неоклассическом подходе в центре внимания находится отдельный индивид, а точнее, некоторая абстрактная модель человеческого поведения, получившая название “homo economicus”.

Что же характеризует “экономического человека” как субъекта экономического действия?⁹

- Он располагает ограниченными ресурсами для удовлетворения своих потребностей, и поэтому всегда должен делать *выбор*;
- Этот выбор обусловлен системой его субъективных предпочтений и ограничениями, главными из которых являются величина его дохода и цены отдельных благ.
- Предпочтения экономического человека являются непротиворечивыми и устойчивыми (неизменными).
- В своих действиях экономический человек руководствуется исключительно собственными интересами. Однако в некоторых случаях его интересы могут включать и благосостояние других людей (например, членов его семьи).
- Экономический человек всегда действует рационально, т.е. в любой ситуации выбора он предпочитает вариант, который в наибольшей степени отвечает его предпочтениям (или, другими словами, максимизирует его функцию полезности).

ПОЛЕЗНОСТЬ

Понятие полезности является одним из базовых теоретических понятий неоклассического подхода. Оно было предложено английским философом И. Бентамом, который считал, что максимизация полезности является руководящим психологическим принципом поведения людей в их стремлении избежать страданий и увеличить удовольствия или счастье. Экономисты интерпретируют понятие полезности как порядок предпочтения индивидом тех или иных благ. Рационально действующий индивид стремится так распределить свои средства на покупку различных благ (при заданных ценах), чтобы максимизировать ожидаемое удовлетворение (или полезность) от их потребления. При этом он

руководствуется своей личной системой предпочтений – т.е. его полезность имеет сугубо личный, субъективный характер.

Модель “экономического человека” является объектом серьезной критики со стороны феминисток, которые оценивают ее как сугубо андроцентристскую.

Гендерные аспекты в экономическом анализе домохозяйства

До середины 60-х годов гендерная проблематика фактически игнорировалась экономистами-неоклассиками. “Прорыв” в этом направлении связан с работами американского экономиста Гэри Беккера, который предложил принципиально новую теоретическую интерпретацию гендерных проблем с позиций наиболее влиятельного на сегодня направления экономической мысли. Речь шла о таких концептуальных разработках, как разделение труда внутри семьи и принятие решения о выходе на рынок труда, причины дискриминации на рынке труда, производственная функция домашнего хозяйства, распределение дохода в семье, брачное и репродуктивное поведение и др. Ниже будут кратко рассмотрены некоторые из этих концепций.

В работах Г.Беккера принципиально важным является акцент на семье и домохозяйстве как субъектах экономического действия и объектах экономического анализа. Дело в том, что семья как объект анализа всегда составляла “камень преткновения” для экономистов-неоклассиков ввиду того, что их теоретические конструкции опираются на логику индивидуального поведения. Традиционно семья рассматривалась в экономическом анализе исключительно как субъект потребления, имеющий единую функцию полезности (т.е. общую систему предпочтений, разделяемую всеми ее членами). При этом внутренняя структура семьи и механизмы согласования интересов отдельных ее членов оставались невидимыми для экономистов.

Работы Г.Беккера позволили поставить проблематику семьи и домохозяйства на новую теоретическую основу. И хотя Г.Беккер отнюдь не принадлежит к сторонникам феминизма, его теоретические разработки в большой степени способствовали проникновению гендерной проблематики в микроэкономический анализ.

Производственная функция домашнего хозяйства (“новая экономика домашнего хозяйства”)

Неоклассики попытались разрешить одну из главных теоретических проблем - проблему оценки домашнего труда. Предложенная Г.Беккером “новая экономика домашнего хозяйства”¹⁰ рассматривала семью не просто как пассивного потребителя товаров, а как активного производителя потребительских благ. По Беккеру семьи предъявляют спрос не на товары сами по себе, а на извлекаемые из них полезные эффекты. Члены семьи, используя определенные “производственные факторы” (рыночные товары, время членов семьи и др.), выпускают “конечную продукцию”, которая материализуется в основных потребительских благах (например, покупая стиральную машину, семья ставит целью произвести такое потребительское благо, как выстиранное белье).

Одно и то же благо семья может производить с помощью различных технологий - например, стирать вручную, приглашать прачку, отдавать белье в стирку и пр. Главный вопрос - это выбор той или иной “технологии” производства необходимых потребительских благ. Исходя из чего семья делает этот выбор? Он зависит от доходов семьи и от цен на соответствующие факторы производства. Однако важнейшим ресурсом для домашнего производства выступает время членов семьи. А ценность времени можно определить по *альтернативным издержкам*. Следовательно выбор между рыночной или домашней деятельностью зависит от простого соотношения: сколько женщина сможет заработать за N часов вне домашнего хозяйства, и какие затраты понесет семья, если женский домашний труд в объеме тех же N часов будет выполнен другой женщиной (оплачиваемой по рыночной ставке). (Отметим, что аналогичная логика в полной мере применима и к оценке мужского труда).

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ИЗДЕРЖКИ

Издержки отражающие ценность наилучшего из вариантов, от которого пришлось отказаться при экономическом выборе. Альтернативные издержки часто характеризуются как ценность упущенных возможностей

Чем выше образование и квалификация занятых в домашнем хозяйстве, и чем выше уровень их занятости на рынке, тем "дороже" стоит их домашний труд. Поэтому рост занятости женщин вне дома фактически оказывается стимулом для развития времясберегающих "технологий" домашнего труда.

Внутрисемейное распределение доходов

Еще одна проблема, получившая теоретическое осмысление в рамках неоклассического подхода – это проблема распределения доходов внутри семьи.

В основе модели, предложенной Г. Беккером, лежит предположение о том, что в семье присутствует "альтруист" - субъект экономического действия, поведение которого отличается от описанного выше "homo economicus". Главная особенность альтруиста состоит в том, что структура его предпочтений включает в себя заботу о благосостоянии остальных членов семьи (которые, в отличие от "альтруиста", ведут себя в соответствии с моделью "экономического человека", то есть являются "рациональными эгоистами"). Вывод Беккера состоит в том, что присутствие "альтруиста" побуждает прочих членов семьи вести себя в соответствии с принципом альтруизма, несмотря на их эгоизм и рациональность.

Логика Беккера строится следующим образом. Он утверждает, что если главой семьи является "альтруист", обладающий возможностью влиять на распределение доходов между членами семьи, то это заставляет других членов семьи учитывать общесемейные интересы (или общую функцию полезности семьи) при принятии решений. Глава семьи добивается этого, изменяя пропорции распределения дохода между членами семьи в случае, если они (в силу своего эгоизма), ущемляют интересы прочих членов семьи или семьи в целом. Поскольку члены семьи не только эгоистичны, но и рациональны, то они в дальнейшем начинают также следовать альтруистической модели поведения. Таким образом, "альтруизм" главы семьи подталкивает прочих членов семьи к *кооперативному поведению*, а общая функция благосостояния семьи максимизируется.

Внутрисемейное разделение труда

В рамках неоклассического подхода гендерное разделение ролей внутри семьи получает новую интерпретацию благодаря использованию понятия "человеческого капитала"¹¹, разработанного Г.Беккером и Т.Шульцем.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

Понятие человеческого капитала было предложено для обозначения тех вложений, которые ложатся на плечи самого работника при выходе на рынок труда. Изначально в понятие человеческого капитала включались вложения в образование, профподготовку и поиск работы (в том числе трудовую миграцию). Применение термина "капитал" объясняется тем, что, по мысли Беккера, эти вложения производятся работником в расчете на будущее – т.е. в ожидании более высокой зарплаты, лучшей работы и пр. Впоследствии Беккер включил в понятие "человеческий капитал" не только профессиональные навыки, но и навыки, формируемые во вне рыночной среде (напр., в семье).

Если по каким-либо причинам возникают хотя бы небольшие различия между полами в режимах накопления человеческого капитала, то эти различия становятся фактором, способствующим специализации каждого пола на накоплении капитала определенного типа - условно говоря, "рыночного" (повышающего производительность на рынке) или "домашнего" (повышающего производительность в домашнем хозяйстве). Для женщин эти различия имеют как биологическую (связанную с рождением и воспитанием детей), так социальную (дискриминация на рынке труда) природу.

Очевидно, что в этом случае для семьи в целом выгодно, если каждый из супругов будет специализироваться на той деятельности, где он обладает сравнительным преимуществом в накоплении "человеческого капитала". Если учесть, что средняя ставка зарплаты женщин ниже, чем мужчин, а их "домашний" человеческий капитал в среднем выше, то экономически рациональной стратегией семьи в целом будет вариант, когда муж работает в рыночном секторе, а жена - в домашнем хозяйстве.

Неоклассический подход к анализу брачных отношений

При анализе брачного поведения Г.Беккер опирается на два теоретических основания: представление о брачном рынке как механизме согласования спроса и предложения, и концепцию человеческого капитала, объясняющую процесс сохранения или расторжения данного брачного союза.

Г. Беккер показывает, что на брачном рынке действуют две базовые модели: выбор партнера по принципу сходства (основная модель) и по принципу различия¹². Другими словами, в большинстве случаев “высококачественные” мужчины стремятся выбрать в качестве спутницы жизни столь же “высококачественных” женщин и наоборот. Выбор по принципу сходства является оптимальным, когда данные качества являются взаимодополняющими (т.е. взаимно усиливают друг друга). Напротив, выбор по различию происходит, когда качества являются взаимозаменяемыми (высокий уровень данного качества у одного из партнеров компенсирует его недостаток у другого партнера). В качестве примера качества, приводящего к выбору по различию, Беккер приводит ставки заработной платы мужчин и женщин. В этом случае оптимальным будет выбор по различию (высокооплачиваемые мужчины выбирают в качестве жен низкооплачиваемых женщин, и наоборот), поскольку такой выбор обеспечивает максимальную эффективность разделения труда между партнерами. “Дешевое” время одного из партнеров используется на создание нерыночных благ, в то время как высокооплачиваемый партнер максимизирует доход в рыночной сфере. Примером качества, приводящего к выбору по принципу сходства, Беккер считает, например, образование и показывает, что вероятность развода повышается, когда в брак вступают люди, имеющие разный образовательный уровень.

По Беккеру на протяжении брака формируется специфический семейный капитал (“marital-specific capital”), который включает в себя такие блага, как дети, репутация в глазах окружающих, престиж, здоровье, взаимопонимание, чувственные удовольствия и пр. Основная часть этого капитала не может быть автоматически перенесена в другой брачный союз - она безвозвратно утрачивается в случае развода¹³. Поэтому вероятность расторжения брака в первые годы совместной жизни выше - ведь специфический “семейный” капитал, накопленный к этому моменту, еще сравнительно невелик. По мере роста продолжительности брака вероятность развода снижается.

Специализируясь в накоплении специфического “семейного” капитала, женщины повышают для себя выгоды, связанные с сохранением данного брака. В то же время недостаточный “рыночный” капитал выступает причиной, увеличивающей издержки, связанные с разводом. Эта логика объясняет тот факт, что рост женской экономической активности сопровождался в развитых странах Запада параллельным ростом числа разводов. Наличие независимых доходов существенно снизило для женщин возможный ущерб, связанный с расторжением брака или с заключением повторного брака.

Феминистская критика неоклассического подхода

В чем же феминистки видят главные недостатки и пробелы неоклассических концепций?

Они подчеркивают, что в основе неоклассического подхода лежит андроцентристская посылка об изолированном субъекте, озабоченном исключительно собственными интересами и эмоционально не связанным с другими людьми. Это предполагает, что сфера рыночных отношений полностью свободна от проявлений симпатии, альтруизма, чувства солидарности¹⁴.

В рамках феминистской парадигмы серьезному сомнению подвергаются также тезис о том, что в рыночной сфере доминируют отношения эгоизма, в то время как семья является “царством альтруизма”. Ведь тогда, говорят феминистки, придется признать, что семья максимизирует единую функцию полезности, совокупный доход равномерно распределяется между ее членами, а конфликты на экономической почве невозможны. А это весьма далеко от действительности. В этом пункте феминистки вступают в серьезную полемику с идеологами неоклассики, которые утверждают, что существует единая причина того, что на рынке преобладает эгоистическое поведение, а в семье альтруистическое - и в том, и в другом случае этим достигается наибольшая эффективность.

Тем не менее, несмотря на целый ряд серьезных расхождений, с конца 80-х годов наметилось встречное движение представителей неоклассического подходов в экономике, с одной стороны, и исследователей феминистской ориентации, с другой, к научной постановке и решению гендерных проблем. Это позволяет надеяться на то, что в рамках этой пограничной проблематики удастся органично соединить последние разработки экономической теории и достижения исследователей феминистской ориентации.

Институциональный подход

В рамках самого молодого из направлений экономической мысли - институционализма - гендерные аспекты пока еще не представлены столь же масштабно, как в неоклассике, или неомарксистских и леворадикальных теориях. Тем не менее, перспективы в этом плане выглядят весьма многообещающе.

Основные положения институционального подхода

Как отмечал один из основоположников неoinституционализма, Р.Коуз, “современная институциональная экономическая теория должна изучать человека таким, каков он есть на самом деле, - действующего в рамках ограничений, налагаемых реальными институтами”¹⁵. Экономические институты понимаются ими как устойчивые системы связей и отношений, закрепленные в социальных нормах, традициях и культуре общества. Именно система экономических институтов в целом (и рынок на правах одного из них) определяют характер и направленность развития общества.

В противоположность неоклассикам институционалисты не абсолютизируют рыночные критерии экономической эффективности, и подчеркивают, что рыночные механизмы далеко не всегда способны эффективно разрешить противоречия интересов, существующие в обществе. Наконец, если неоклассики акцентируют регулируемую роль рыночного механизма, то институционалисты, напротив, считают государственное вмешательство в экономику не только возможным, но и желательным.

Сходство институционального и феминистского подходов прослеживается по целому ряду позиций. Представительницы феминизма разделяют ключевое положение институционализма о том, что за безличным рыночным механизмом стоят определенные социальные интересы и политические структуры власти, они подчеркивают важность государственного вмешательства в реализации принципа равенства полов. Феминистки солидарны с представителями институционализма в их критике неоклассического принципа методологического индивидуализма, тезисов о неизменности структуры предпочтений, эгоистическом поведении и максимизации полезности как ведущем мотиве человеческого поведения.

Институционалисты обратились к изучению гендерной проблематики в первой половине 80-х годов, стимулом к чему послужили классические работы Г.Беккера (в частности, “новая экономика домохозяйства”). Вплоть до настоящего времени проблематика семьи и брака остается фактически единственным гендерным сюжетом в рамках институционализма.

Институционалисты существенно расширяют рамки “новой экономики домохозяйства”, делая акцент на значимости внутренней структуры семьи. Семья рассматривается в первую очередь как особый институт, обеспечивающий индивидам возможность создать стабильную среду для жизни и воспитания детей. Семья выполняет две основные функции: во-первых, обеспечивает необходимую гибкость в принятии решений (и тем способствует адаптации ее членов в изменению внешних условий), и, во-вторых, достаточную жесткость, защищающую каждого из супругов от эгоистической эксплуатации со стороны другого¹⁶.

Семья рассматривается институционалистами и как институт, способствующий снижению трансакционных издержек (например, проживание в семье избавляет от поиска партнеров для совместной деятельности; члены семьи обычно обладают навыками в выполнении различных видов деятельности по дому и пр.).

ТРАНСАКЦИОННЫЕ ИЗДЕРЖКИ

К.Эрроу определил трансакционные издержки как “затраты на управление экономической системой”¹⁷, а О.Уильямсон называет их “экономическим эквивалентом трения в механических системах”¹⁸.

Рональд Коуз (со ссылкой на К.Далмана) определяет содержание данного понятия следующим образом: трансакционные издержки – это “издержки сбора и обработки информации, издержки проведения переговоров и принятия решения, издержки контроля и юридической защиты выполнения контракта”¹⁹.

Особой формой снижения трансакционных издержек, на которую экономисты обратили внимание, рассматривая экономический смысл заключения брака, является *предупреждение оппортунистического поведения*. Возможность подобного поведения возникает в том случае, когда сложно оценить реальный вклад каждой из сторон в конечный результат, а, следовательно, сложно определить, насколько стороны уклоняются от соблюдения контрактных обязательств (например, затраты ресурсов и времени на ребенка со стороны каждого из супругов после развода). Результатом оппортунистического поведения является снижение реального вклада партнеров в те семейные блага, которые производятся совместно.

ОПОРТУНИСТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Под *оппортунизмом* понимается “преследование личного интереса с использованием коварства”²⁰. Оппортунизм включает в себя как явные формы (ложь, воровство, мошенничество), так и более тонкие формы обмана (например, сокрытие части информации или предоставление неточной информации).

Контроль и предупреждение оппортунистического поведения со стороны партнера по “совместному производству семейных благ” связаны с определенными издержками. Эти издержки принято называть издержками контроля (“monitoring costs”). Таким образом, экономический смысл заключения брака может быть описан через снижение издержек контроля, поскольку совместное проживание создает “прозрачность” семейной среды и удерживает партнеров от оппортунистического поведения.

Рассматривая брак как контракт, институционалисты подчеркивают “отношенческую” природу этого контракта, т.е. такого контракта, где центральная роль принадлежит длительным отношениям между сторонами, а не сводится к выполнению некоторых формально закрепленных обязательств. Одновременно это означает, что брак (как и любой “отношенческий” контракт) гораздо сильнее зависит, с одной стороны, от уровня доверия между сторонами, а с другой, от юридических правил и институтов, которые занимаются их толкованием. А это, в свою очередь, усиливает роль государства, религии и обычая, и одновременно снижает роль договаривающихся сторон. Признание этих трудностей привело, например, к разработке в США специальных юридических правил и созданию институтов, занимающихся урегулированием спорных вопросов в брачных контрактах.

Институционалисты, придерживающиеся феминистских взглядов, концентрируют внимание на браке и семье как институтах, закрепляющих подчиненное положение женщины. Л.Вайтцман²¹ акцентирует контрактную природу брака, подчеркивая, что частные брачные контракты должны рассматриваться не по особым правилам, а точно также как и любые другие юридически закрепленные соглашения. Сегодня же, по ее мнению, семейные отношения, особенно вступление в брак, не являются предметом свободного заключения контракта; они есть нечто большее - определенный статус или отношение, и этим обосновывается необходимость их регулирования со стороны государства. Именно государство налагает ограничения на условия как вступления в брак, так и развода. Поэтому брак и семья могут рассматриваться как экономические институты, ставящие женщину в подчиненное положение²².

Другие авторы предлагают рассматривать брак как своего рода “кооперативную игру”²³. Предполагается, что предпочтения супругов не совпадают, а спорные вопросы разрешаются ими на основе переговоров. Множество исходов этих переговоров (как, впрочем, и конкретный выбор) зависит от величины выгоды или ущерба (в терминах полезности), которая будет получена каждым из участников в случае провала переговоров.

В заключение отметим, что большинство подходов, предложенных институционалистами, пока еще весьма далеки по степени своей проработанности от неоклассических концепций. Сами институционалисты объясняют этот факт тем, что в их построениях большую роль играют так называемые ненаблюдаемые переменные, что существенно затрудняет эконометрическое моделирование.

Примечания

¹ Joyce P. Jacobsen. Economics of Gender Blackwell Publishers Inc. Cambridge, Massachusetts 1996., p.3-4.

² Delphy C. Close to Home. Amherst: University of Massachusetts Press, 1984.

- ³ (Secombe, Wally. The Housewife and her Labour Under Capitalism.// New Left Review 83 (Jan.-Feb.), 1973, pp.3-24)
- ⁴ Milkman, R. Women's Work and the Economic Crisis. Review of Radical Political Economics, vol.8, no 1, 1976
- ⁵ Braverman, H. Labor and Monopoly Capital. New York, Monthly Review Press, 1974
- ⁶ Hartmann H. The unhappy marriage of Marxism and Feminism. Towards a More Progressive Union. Capital and Class, 1979, nj.8.
- ⁷ Hartmann H. Capitalism, patriarchy and job segregation by sex. Signs, 1976) N I, p.137-169.
- ⁸ S/Walby/ Theorizing Patriarchy. L., Blackwell, 1989.
- ⁹ Подробнее см. В. Автономов. модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая Школа, 1998, сс. 10-11.
- ¹⁰ Becker G.S. A Treatise on the Family. Cambridge: Harvard University Press, 1981.
- ¹¹ Becker G.S. Human Capital, Effort, and the Sexual Division of Labour // Journal of Labor Economics, 1985, v.3.
- ¹² Г.Беккер. Выбор партнера на брачных рынках. // Женщина, мужчина, семья. THESIS, N6, 1994, сс.12-37.
- ¹³ Здесь просматривается аналогия с понятием "взаимоспецифический капитал", которое институционалист Р.Коуз применил к фирме - этот вид капитала, основывающийся на фиксированном разделении функций между определенными людьми, существует только вместе с данной фирмой.
- ¹⁴ P.England. The Separative Self: Androcentric Bias in Neoclassical Assumptions. In: Beyond Economic Man: Feminist Theory and Economics. Ed. by M.A.Ferber and J.A.Nelson, Chicago, 1993.
- ¹⁵ Coase R.H. The new institutional economics.// Journal of Institutional and Theoretical Economics. 1984, vol. 140, March, p.231.
- ¹⁶ Поллак Р. Транзакционный подход к изучению семьи и домашнего хозяйства. THESIS: 1994, вып.6, с.56.
- ¹⁷ Arrow K.I. The organization of economic activity: Issues pertinent to the choice of market versus nonmarket allocation. In: The Analysis and Evaluation of Public Expenditure: The PPB System. Vol.1. U.S.Joint Economic Committee, 91st Congress, 1st Session. Washington, D.C., U.S. Government Printing Office, 1969, p.48.
- ¹⁸ Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, "отношенческая" контракция. Пер. с англ. под ред. В.С.Каткало. СПб, Лениздат,CEV Press, 1996, с. 53.
- ¹⁹ Р.Коуз. Фирма, рынок и право. Пер. с англ. М., "Дело ЛТД", при участии изд-ва "Catallaxy", 1993, с. 9 (со ссылкой на С.Dahlman. The Problem of Externality.//The Journal of Law and Economics. 22, №1, April 1979, p.148).
- ²⁰ Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, "отношенческая" контракция. Пер. с англ. под ред. В.С.Каткало. СПб, Лениздат,CEV Press, 1996, с. 97.
- ²¹ Weitzman L.J. The Marriage Contract: Spouses, Lovers and Law. New York: Free Press, 1981.
- ²² Вулли Ф. Феминистский вызов неоклассической экономической теории. THESIS. 1994, № 6. См. Т.Шульц. Ценность детей. THESIS, 1994, N 6.
- ²³ Подобные подходы были независимо предложены Менсером и Брауном (Manser M. and Brown M. Marriage and Household Decision-Making: A Bargaining Analysis.//International Economic Review, February 1980, v.21,no.1, p.31-44.) и МакЭлроем и Хорни (McElroy M.B. and Horney M.J. Nash-Bargaining Household Decision: Toward a Generalisation of the Theory of Demand.//International Economic Review, June 1981, v.22,no.2, p.333-349.)

ЛЕКЦИЯ 7. ДИСКРИМИНАЦИЯ В ЗАНЯТОСТИ ПО ПРИЗНАКУ ПОЛА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Изучение экономического неравенства между мужчинами и женщинами на рынке труда представляет собой одно из наиболее разработанных направлений экономического анализа гендерного разделения труда в целом. Научная правомерность и обоснованность этой проблемы фактически не оспаривается ни экономистами, ни представителями других социальных наук. Несмотря на существующие методологические расхождения, интерпретация гендерного экономического неравенства связана с поиском *экономических* объяснений неравного обращения, которому подвергаются мужчины и женщины на рынке труда. Рассматриваются причины и мотивы неравного обращения, исследуются рыночные сигналы, на которые реагируют работодатели и наемные работники, механизмы, преобразующие эти мотивы в различия в заработной плате или в статусах занятости. При этом следует подчеркнуть, что в рамках экономических подходов основное внимание сосредоточено на изучении последнего аспекта - механизмов, трансформирующих мотивы наемных работников и работодателей в конкретные социально-экономические различия между полами на рынке труда.

Центральными для описания проблемы гендерного неравенства следует признать понятия *дискриминации* и *профессиональной сегрегации в занятости по признаку пола*. Они описывают как состояние, так и механизмы формирования гендерного экономического неравенства на рынке труда

Определение дискриминации в занятости по признаку пола.

Статья 1 Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин определяет дискриминацию как "...любое разграничение, изоляцию или запрет, основанные на половых различиях, которые имеют своим результатом или целью ограничить или аннулировать признание, соблюдение или реализацию человеческих прав и фундаментальных свобод женщин в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой другой сфере, независимо от семейного положения, на основе равноправия мужчин и женщин".

Если перевести это определение на более понятный язык и применить его к ситуации в сфере занятости, то можно сказать, что дискриминация на рынке труда существует тогда, когда к отдельным работникам, обладающим одинаковыми характеристиками по признаку производительности, относятся по-разному из-за того, что они представляют разные социально-демографические группы.

Различают несколько видов дискриминации:

- ◆ в оплате труда.
- ◆ при найме на работу.
- ◆ при сокращении персонала.
- ◆ при продвижении в должности.
- ◆ в повышении квалификации.

Ключевым вопросом при экономическом анализе дискриминации является объяснение причин ее возникновения и механизмов поддержания. К настоящему времени наиболее разработанные подходы в этом отношении предложены в рамках неоклассического направления экономической мысли. Здесь выделяются три базовых подхода, объясняющих происхождение и сущность явления дискриминации:

(1) дискриминация на уровне предпочтений (дискриминация женщин со стороны работодателя, потребителя либо коллег);

(2) статистическая дискриминация, основанная на "статистическом предубеждении" работодателей, распространяющих на отдельных женщин свойства и характеристики, которые они считают присущими всем представительницам данного пола;

(3) дискриминация, обусловленная монопольной структурой рынка труда.

Дискриминация на уровне предпочтений

Дискриминация со стороны работодателя

Этот тип дискриминации в основных своих чертах был также рассмотрен Г.Беккером¹ на примере расовых меньшинств. Он предположил, что часть работодателей имеет склонность к дискриминации,

т.е. предубеждение против найма на работу тех или иных групп работников (в случае гендерной дискриминации - женщин). Дискриминация этого типа представляет собой сознательное поведение работодателя, за которое он готов платить. Чем больше работодатель склонен к дискриминации по признаку пола, тем больше будут различия в заработной плате мужчин и женщин на его фирме.

Эта модель дискриминации имеет два важных следствия:

- 1) работодатель, проводящий дискриминацию на уровне предпочтений, будет вынужден жертвовать частью своей прибыли ради реализации своей склонности к дискриминации. Это объясняется тем, что он должен предлагать потенциальным кандидатам заработную плату выше рыночной, поскольку выбирает работников на ограниченном сегменте рынка труда, отсекая ту его часть, где находятся дискриминируемые им работники (женщины).
- 2) Поскольку на рынке действуют две группы работодателей – проводящие политику дискриминации женщин и недискриминирующие – будет возникать разрыв в заработной плате мужчин и женщин. Чем больше женщин выходит на рынок труда, тем большая их часть (при прочих равных условиях) будет вынуждена поступать на работу на фирмы, проводящие дискриминационную политику. Таким образом, с ростом численности женщин в составе рабочей силы можно ожидать параллельного увеличения разрыва в оплате мужского и женского труда в экономике. Вместе с тем, эта ситуация могла бы быть изменена, если бы на рынке возникли так называемые “полностью сегрегированные фирмы” – то есть такие, которые нанимали бы только работников одного пола. В этом случае женщины, занятые на подобных фирмах, имели бы такую же заработную плату, что и мужчины, работающие в аналогичных “мужских” фирмах.

Наиболее спорным положением этой теории является вопрос о том, почему же не разоряются фирмы, проводящие дискриминационную политику. Действительно, как подсказывает логика рыночного поведения, их должно было бы ждать неминуемое разорение, поскольку они имеют более высокие издержки (связанные с выплатой более высокой заработной платы), чем их коллеги, не дискриминирующие женщин. Один из возможных ответов на этот вопрос состоит в том, что эти фирмы максимизируют не прибыль как таковую, а полезность, в роли которой выступает поведение в соответствии со своими предпочтениями. Альтернативное объяснение состоит в том, что дискриминационную практику могут себе позволить лишь фирмы, находящиеся в особых условиях – например, в тех секторах рынка, где цены устанавливаются не рыночным путем, а иным образом (например, монопольно регулируются государством). В этом случае фирмы, получая дополнительную прибыль за счет более высоких цен, могут скрывать свои повышенные издержки, связанные с проведением политики дискриминации.

Пример: гендерные предпочтения руководителей российских предприятий

Вопрос о факторах гендерной дискриминации на уровне предпочтений был исследован нами в 1994 году при проведении опроса руководителей предприятий по проблемам кадровой политики в условиях перехода к рынку². Несмотря на то, что со времени проведения опроса прошло уже более 3-х лет, многие его результаты до сих пор не потеряли своей актуальности³.

В результате проведенного обследования нами было выделено 4 типа руководителей, позиции которых в отношении проблемы занятости женщин различались весьма существенно.

Первый тип. Наиболее часто встречался тип руководителей, которые видят в сокращении женской занятости лишь позитивные моменты. Единственное негативное обстоятельство, связанное со снижением занятости женщин, на их взгляд, - это трудности укомплектования кадрами непривлекательных для мужчин рабочих мест, на которых сегодня заняты женщины. К этому типу можно отнести примерно 45-50% всех опрошенных.

Второй тип, следующий по степени распространенности, представлен теми руководителями, которые расценивают семейные последствия снижения женской занятости как положительные (хотя и менее однозначно, чем представители первой группы), но видят многочисленные опасности для женщин в сфере трудовой деятельности. Главные негативные обстоятельства, по их мнению, связаны с тем, что девушкам будет трудно получить высшее образование, а также с тем, что после длительно-

го перерыва у женщин не будет шансов получить работу по своей специальности и квалификации. К этому типу относится около 30% опрошенных.

Третий тип. Примерно 12% респондентов считает, что отрицательные последствия снижения занятости женщин могут проявиться как на семейном уровне, так и в сфере трудовой деятельности. Главные негативные явления в семье будут связаны с ростом материальной зависимости и со снижением престижа женщины как в глазах детей, так и других работающих членов семьи, с ростом материальной зависимости женщин. В производственной сфере негативные последствия связаны, с одной стороны, с тем, что снизятся возможности женщин для получения образования, возрастут трудности интеграции в сферу труда после длительных перерывов, связанных с рождением и воспитанием детей; с другой стороны, предприятиям станет сложнее найти работников-мужчин на многие малопrestижные и низкооплачиваемые виды работ, на которых сегодня в основном заняты женщины.

Четвертый тип. Наименее распространена среди руководителей предприятий (примерно 10% опрошенных) точка зрения, согласно которой снижение занятости женщин может привести в будущем к снижению престижа женщин в семье и обществе и к сохранению браков по чисто материальным соображениям. В то же время в сфере производства ситуация оценивается положительно: работа предприятий станет более ритмичной, предприятия смогут освободиться от менее квалифицированной женской рабочей силы.

В целом руководители не считают трагедией уход женщин с профессиональной сцены для состояния производства, ибо 54% из них согласны с тем, что женщины - худшие работники по сравнению с мужчинами.

Дискриминация со стороны потребителя

Этот вид дискриминации обычно возникает там, где высока частота и интенсивность контактов с потребителем, который предпочитает быть обслуженным, например, женщинами или белыми. Обычно именно с этим видом дискриминации связывают сохранение профессиональной сегрегации по полу на рынке труда. Если женщины пытаются найти работу по тем профессиям или должностям, где они являются объектом дискриминации со стороны потребителей, то им приходится соглашаться на более низкую заработную плату. В то же время фирмы, поддерживающие этот вид дискриминации (иными словами, согласовывающие свою практику найма с пожеланиями дискриминирующих потребителей) будут вынуждены нести дополнительные издержки в связи с необходимостью платить своим работникам заработную плату выше рыночной (по той же причине, что и в случае дискриминации со стороны работодателей). Одно из объяснений того, что эти фирмы, явно проигрывающие в конкурентоспособности своим недискриминирующим коллегам, все же не вытесняются с рынка, состоит в том, что повышенные издержки частично перекладываются ими на потребителя, который (как и в случае работодателей) "платит за полезность" – то есть за возможность действовать в соответствии со своими предпочтениями. Кроме того, доля расходов на данный товар или услугу может составлять в структуре расходов потребителя незначительный процент, и перекладывание на него издержек может проходить довольно безболезненно.

Дискриминация со стороны работников

Этот тип дискриминации возникает, когда некоторые группы работников избегают вступать в трудовые отношения с представителями иного пола (например, когда мужчины отказываются поступать на работу, где их непосредственным начальником будет женщина, либо вообще в те фирмы, где женщины заняты на престижных должностях). Тогда фирма, заинтересованная в найме мужчин, имеющих гендерные предубеждения, будет вынуждена фактически платить мужчинам дополнительную "премию" за "половую принадлежность".

Если принять во внимание, что фирма действует в конкурентной среде, а работодатели ведут себя рационально, необходимо вновь ответить на вопрос, что же позволяет подобным фирмам выживать в рыночных условиях? Один из возможных ответов состоит в том, что фирмы заинтересованы в установлении со своими работниками длительных трудовых отношений и в обеспечении их лояльности. В этом случае фирме приходится учитывать гендерные предпочтения и предубеждения наиболее массовой части рабочей силы (то есть мужчин), поскольку в противном случае она будет нести повы-

шенные издержки, связанные с наймом и обучением новых работников и сниженной производительностью тех работников, которые продолжают работать в условиях неблагоприятного (т.е. фактически женского) окружения.

Пример: оценка работниками профессиональных качеств женской рабочей силы

Вопрос о причинах дискриминации женщин при приеме на работу более углубленно исследовался нами на материалах обследования, проведенного в 1997 году в г.Рыбинске и посвященного изучению проблемы равенства прав мужчин и женщин в России. Данные, полученные в результате обследования, позволяют составить более детальное представление о составляющих женской “профессиональной непривлекательности” в глазах коллег-мужчин⁴.

В одном из вопросов анкеты респондентам предлагалось оценить профессиональные качества работающих женщин с точки зрения возможных причин их дискриминации.

Начнем с тех характеристик, которые вышли на первые позиции в ответах как мужчин, так и женщин. Основная из них - это привязанность женщины к семье и ее семейные обязанности. Вариант ответа “мужчины реже берут больничный и не сидят дома с больными детьми” оказался абсолютным лидером опроса - его указали 63,8% мужчин и 73,5% женщин. Следующая позиция принадлежит ответу “у женщин слишком много семейных обязанностей” (соответственно 39,5% и 41,0%). Наконец, на третьем месте - ответ “мужчина должен содержать семью” (30,7% и 28,3%). Как видим, первые три позиции практически в равной мере разделяются представителями обоих полов. Однако, по другим вариантам ответа есть и очень существенные различия. Это касается, прежде всего, ответа “мужчины лучше работают”, который отметили 20,3% мужчин и всего 8,8% женщин. Кроме того, по мнению мужчин, женщины сами не любят брать на себя много обязательств на работе, и, очевидно, предпочитают работать по принципу “от сих до сих”. (8,2% и 6,9%).

В итоге образ работающей женщины в глазах респондентов-мужчин выглядит следующим образом: это женщина, погруженная в свою семейную жизнь, и тянущая на себе весь воз семейных обязанностей. Подобная ситуация делает ее плохим и ненадежным работником и заставляет избегать дополнительной ответственности.

Сами женщины придерживаются более оптимистической точки зрения на свой счет. Хотя они, как и мужчины, признают наличие семейных обязанностей как фактора, препятствующего их приему на работу, они не считают, что эти обязанности мешают им работать также хорошо, (а может быть даже и лучше), как и мужчины. Кроме того, они не склонны бояться ответственности (как это представляется мужчинам), и в меньшей степени разделяют точку зрения, что мужчины должны иметь преимущество при найме, потому что они должны содержать семью.

Возвращаясь к теориям дискриминации на уровне предпочтений, подчеркнем, что во всех трех случаях наиболее спорный вопрос связан с тем, что же позволяет фирмам, проводящим подобную дискриминацию, выжить в рыночной среде, если они вынуждены переплачивать своим работникам? В рамках неоклассического подхода этот вопрос до сих пор так и не получил окончательного ответа. Экономическое выживание дискриминирующих фирм чаще всего объясняют тем, что свои дополнительные издержки они перекладывают либо на государство, либо на потребителя, либо, наконец, (в случае дискриминации со стороны работников), компенсируют их повышенной лояльностью сотрудников.

Феминистская критика дискриминации на уровне предпочтений

Экономисты, придерживающиеся феминистского подхода, активно разрабатывают вопрос о перспективах изменения предпочтений. Это могло бы создать для женщин более благоприятные условия на рынке труда. Однако в рамках неоклассической экономической теории эта проблема практически не имеет решения, поскольку тезис о неизменности предпочтений относится к числу базовых постулатов неоклассики.

Пытаясь найти ответ на вопрос об источниках формирования предпочтений, экономисты-феминистки П.Инглэнд и А.Браун использовали психоаналитическую теорию Нэнси Ходороу для объяснения гендерной дискриминации в занятости. Согласно подходу Ходороу, изначально дети обоего пола ощущают родство с матерью, поскольку в современном обществе именно женщины заботятся о младенцах. Однако далее, в ходе процесса социализации, у мальчиков происходит преодоление этого родства. Мужская идентичность формируется через отрицание женской (т.е. фактически, через преодоление зависимости от матери), как уход в “мужское” публичное пространство, находящееся в противостоянии с “женским” домашним миром. И если женщина начинает проникать в публичное про-

странство, то это вызывает активное противодействие, поскольку расценивается мужчинами как угроза их гендерной идентичности.

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ.

Суть этого типа дискриминации состоит в том, что, принимая решения о найме, работодатель пытается угадать вероятную производительность кандидатов на должность по некоторым косвенным признакам, (образование, опыт, возраст, пол, результаты тестов, рекомендаций с прошлого места работы и пр). Если работодатель считает, что женщины - худшие работники, чем мужчины, то он будет систематически отдавать предпочтение мужчинам независимо от индивидуальных профессиональных и семейных характеристик конкретного кандидата. Таким образом, конкретный работник оценивается исходя из критериев, которые сформированы для той группы, представителями которой они являются. При этом поведение работодателя в определенной степени является рациональным, поскольку таким образом он минимизирует свои транзакционные издержки, связанные с получением достоверной информации о конкретном кандидате на должность.

Существование статистической дискриминации может приводить к постоянному предпочтению мужчин женщинам, обладающим такими же измеряемыми характеристиками производительности, либо к занижению их заработной платы.

Пример: оценка работодателями “мужских” и “женских” профессиональных качеств

Данные упомянутого ранее опроса руководителей предприятий подтверждают тезис о том, что профессиональные характеристики индивида как работника ассоциируются не только с его личностью, опытом, образованием, и т.п., но и с его полом. Так, наиболее подходящими для мужчин были названы такие виды деятельности, как: работа, связанная с принятием решений; работа с людьми; интеллектуальная работа; работа, связанная с повышенными физическими нагрузками. Для женщин в числе наиболее подходящих перечислены такие занятия, как работа с бумагами; работа, требующая повышенного внимания и терпения; чисто исполнительская работа; работа, не требующая высокой квалификации и образования. Такое разделение труда на "мужской" и "женский" прослеживается в ответах подавляющего большинства опрошенных руководителей. Мнения разделились лишь по поводу работы, требующей высокого образования и квалификации. 50% опрошенных считают, что такая работа в большей степени подходит мужчинам; примерно 30% - женщинам; наконец, несколько менее 20% придерживаются эгалитарной точки зрения, считая, что такой вид деятельности в равной степени подходит и мужчинам и женщинам.

ДИСКРИМИНАЦИЯ, ОБУСЛОВЛЕННАЯ МОНОПОЛЬНОЙ СТРУКТУРОЙ РЫНКА ТРУДА

Далеко не все экономисты разделяют точку зрения о том, что теории дискриминации на уровне предпочтений либо статистической дискриминации адекватно описывают ситуацию на реальном рынке труда. С их точки зрения, нет серьезных оснований считать рынок труда конкурентным и следует признать, что на нем действуют монопольные силы. Как можно видеть, этот подход явно расходится с ортодоксальным направлением экономической теории (mainstream), согласно которому на рынке труда действуют законы конкуренции, обеспечивающие выживание фирм, имеющих наименьшие издержки и наибольшую прибыль. Напротив, теории монопольной силы акцентируют внимание на том обстоятельстве, что дискриминация существует и сохраняется потому, что она приносит прибыли тем, кто ее осуществляет. В рамках этого подхода утверждается, что конкурентные силы терпят явную неудачу на рынке труда.

Согласно этому подходу, пол и/или раса используются для разделения рабочей силы на группы, *не конкурирующие между собой*. Результатом этого является разделение единого рынка труда на ряд сегментов, в которых формируются различные условия занятости.

В рамках настоящего обзора очень кратко будут рассмотрены две модели дискриминации, обусловленной монопольной структурой рынка труда:

- модель переполнения;
- модель двойственного рынка труда.

Феминистская критика статистической дискриминации

Существование статистической дискриминации было подтверждено данными многих исследований. Так, при моделировании ситуации найма работодатели чаще делали выбор в пользу кандидатов-мужчин, нежели кандидатов-женщин, несмотря на то, что и те и другие имели равные формальные характеристики (образование, квалификация, стаж и пр.)⁵. Аналогичным образом, было показано, что статьи, написанные женщинами, имеют наибольшие шансы быть опубликованными, если их редакторы не знают пола автора⁶. При оценке картин эксперты выставляют более высокие оценки тем из них, авторство которых приписывается женщинам⁷.

Все эти явления обычно объясняют существованием статистической дискриминации. Однако, это не дает ответа на вопрос, в чем состоит истинная *причина* того, что работа выполненная женщинами, в среднем оценивается ниже.

В качестве альтернативного объяснения Паула Энгланд высказывает гипотезу о существовании *дискриминации, связанной с неверными оценками*⁸. Смысл этого подхода состоит в том, что люди могут ошибочно преувеличивать разницу между средними способностями мужчин и женщин и, таким образом, оценивать работу последних недостаточно высоко.

На сегодня объяснение дискриминации систематическими ошибками в оценках не является общепринятым в феминистской экономической теории. Это связано, прежде всего, с тем, что оно плохо согласуется с базовыми постулатами неоклассического подхода. В частности, это объяснение не отвечает критерию рационального поведения, поскольку предполагает, что индивид систематически делает не лучший выбор из имеющихся альтернатив. Если гипотеза о дискриминации, связанной с неверными оценками, верна, то оказывается, что люди могут систематически действовать нерационально, а функционирование конкурентного рыночного механизма не обеспечивает достижения оптимальности.

Вместе с тем, практика последних десятилетий, связанная с массовым выходом женщин на рынок труда и освоением многих традиционно "мужских" профессий, заставляет более внимательно отнестись к этой гипотезе.

Модель переполнения

Эта модель опирается на тот факт, что существует обратная статистическая зависимость между долей женщин в численности занятых по той или иной профессии (или отрасли) и уровнем заработной платы. Причем эта взаимосвязь имеет место, даже если внести поправку на различия в уровне образования и квалификации (то есть человеческого капитала), который требуется в разных отраслях и профессиях.

Сторонники этой концепции рассматривают профессиональную сегрегацию как результат специальной *политики переполнения*, которая является инструментом, позволяющим снижать уровень заработной платы в определенных секторах рынка. Действительно, если учесть, что в моделях монопольной силы рынок труда не является единым, и свободный перелив рабочей силы из одного сектора в другой невозможен или затруднен, то повышение предложения труда в каком-либо секторе должно автоматически приводить к снижению средних ставок заработной платы в рамках этого сектора.

Вместе с тем, само явление переполнения до настоящего времени не получило адекватного объяснения. Как объяснить, например, тот факт, что работодатели других секторов не стремятся активнее нанимать женщин, занятых в "переполненных" секторах? Исходя из логики конкурентного рынка труда, это было бы рациональным решением, поскольку таким образом работодатели смогли бы заместить более дорогую мужскую рабочую силу.

Тот факт, что этого не происходит в реальности, заставляет предположить, что на рынке труда существуют группы, не конкурирующие между собой. Наиболее сложным моментом является выявление причин, объясняющих подобную сегментированную структуру рынка труда (т.е. такую, при которой затруднен перелив рабочей силы между секторами рынка). В качестве объяснений этого феномена предлагались различные гипотезы. Наиболее распространенные из них – это утверждение о том, что в обществе сложилось устойчивое отношение к некоторым работам как "мужским" или "женским", или что мужчины и женщины обладают разными врожденными или приобретенными способностями, и пр. Тем не менее, ни одно из предложенных объяснений нельзя считать достаточно убедительным для объяснения названного феномена.

Модель двойственного рынка труда

Эта объяснительная модель фактически является обновленным вариантом теории переполнения. Согласно концепции двойственного рынка труда ("dual labor market"), рынок труда состоит из двух принципиально различных секторов: первичного и вторичного. Рабочие места в первичном секторе характеризуются высокой зарплатой, стабильной занятостью, хорошими условиями труда и наличием перспектив продвижения. Напротив, работа во вторичном секторе лишена всех этих преимуществ. В первичном секторе сосредоточены в основном белые мужчины, в то время как во вторичном заняты преимущественно женщины и представители национальных и расовых меньшинств⁹.

Одним из главных тезисов теории двойственного рынка труда является то, что трудовая мобильность между секторами ограничена, а, следовательно, не происходит сглаживания различий между ними.

Помимо перечисленных выше отличий, первичный и вторичный сектор отчетливо различаются по эффективности использования человеческого капитала (т.е. фактически образования и квалификации): если в первичном секторе существуют реальные возможности реализовать полученное образование и профессиональный опыт, то во вторичном секторе отдача от образования и профессионального опыта приближается к нулю. Кроме того, сектора различаются и по уровню инвестиций в человеческий капитал: если в первичном секторе такие инвестиции охотно производятся работодателями в расчете на будущую отдачу, то во вторичном секторе работодатели избегают любых дополнительных вложений в образование и профессиональную подготовку своих работников. Это различие в политике инвестиций в человеческий капитал объясняется тем, что к работникам вторичного сектора работодатели относятся как к непостоянным, ненадежным, и избегают вкладывать ресурсы, опасаясь того, что они никогда не окупятся. В то же время политика в отношении работников первичного сектора носит долговременный характер, они оцениваются как постоянные, надежные, и таким образом, представляют собой привилегированную группу с точки зрения дополнительных инвестиций. В итоге в рамках первичного сектора прослеживается устойчивая корреляция между образованием и профессиональной квалификацией, с одной стороны, и уровнем заработной платы, с другой, в то время как в другом секторе такой взаимосвязи не прослеживается¹⁰. Таким образом, благодаря различиям в политике инвестирования в человеческий капитал, исходное различие между работниками первичного и вторичного сектора не только не снижается, но даже имеет тенденцию к увеличению.

Чем же объясняют сторонники этой концепции формирование и устойчивость подобной двухсекторной сегментированной структуры? В качестве главной причины отмечается исторически закрепившееся отношение к дискриминируемым на рынке труда группам (женщины, меньшинства) как к нестабильной, ненадежной рабочей силы, что и привело к вытеснению их во вторичный сектор.

Представители различных направлений экономической мысли по-разному описывают механизм вытеснения женщин (и ряда других групп) во вторичный сектор. Так экономисты марксистской ориентации связывают этот механизм со стремлением работодателей-капиталистов разрушить единство рабочего класса. Представители неоклассического подхода видят главную причину формирования двухсекторной модели в различных издержках контроля за разными категориями работников¹¹. Согласно этой логике, фирмы используют такие формы стимулирования труда, как высокая заработная плата и ее устойчивый рост, только в тех случаях, когда они рассчитывают на долгосрочные отношения с работниками. Что же касается работников с небольшим предполагаемым стажем работы, то в отношении этой категории фирмы не имеют достаточной заинтересованности в применении системы материального (и иного) стимулирования. Поскольку женщины имеют иную модель занятости в течении жизненного цикла, нежели мужчины (они исторически чаще вступали в занятость и покидали эту сферу в связи с рождением детей), они и были постепенно оттеснены во вторичный сектор занятости¹². (Заметим в скобках, что это объяснение, более или менее логичное в отношении женщин, совершенно неприменимо к ситуации национальных меньшинств.)

Данные, подтверждающие существование двойственного рынка труда, одновременно подтверждают и вывод о том, что сохраняется дискриминация в занятости по признаку пола. Устойчивость двухсекторной модели означает, что конкуренция и мобильность рабочей силы на рынке труда имеют ограниченное значение. Таким образом, естественные рыночные силы не устранят различий в положении тех групп, которые не конкурируют друг с другом, как это имеет место для работников первичного и вторичного секторов.

Примечания

¹ G.Becher. The Economics of Discrimination. 2d ed. Chicago, University of Chicago Press, 1971.

² Подробнее см. Е.Мезенцева. "Кадровая политика предприятий и перспективы женской занятости // Работающие женщины в условиях перехода России к рынку. Под ред. Л.С.Ржаницыной. 1993. Москва, Институт экономики РАН, сс. 95-113.

³ Для проведения обследования автором была разработана специальная анкета, содержащая 58 вопросов. В качестве респондентов выступали первые руководители предприятий и их заместители, руководители кадровых служб как государственных, так и негосударственных предприятий и организаций. Всего в ходе исследования было опрошено 43 человека. Помимо этого, с 12 респондентами из числа опрошенных были проведены глубинные интервью, что позволило расшифровать внутренний смысл целого ряда ответов на вопросы анкеты.

⁴ Подробнее см. Е.Мезенцева. Защита прав работающего населения в условиях экономического кризиса и роста безработицы // Жители города Рыбинска о соблюдении прав человека в России. Материалы научно-практического семинара. М., Московский Центр Гендерных Исследований, 1998.

⁵ Nieva V.F. and Gutek B.A. Sex Effects and Evaluation. // Academy of Management Review, 1980, v.5.

⁶ Ferber M. & Teiman M. The Oldest, the Most Established, the Most Quantitative of the Social Sciences – and the Most Dominated by Men: The Impact of Feminism on Economics. In: D/Spender (ed.). Men's Studies Modified; The Impact of Feminism on the Academic Disciplines. Oxford: Pergamon Press, 1981, pp.126-127. (ссылка дана по Вулли Ф.Р. Феминистский вызов неоклассической экономической теории. THESIS, 1994, вып.6, с. 84).

⁷ Nieva V.F. and Gutek B.A. Op.cit.p. 268.

⁸ Цит. По Вулли Ф.Р. Op. cit. с. 85.

⁹ См. например: Michael J. Piore. "Jobs and Training: Manpower Policy". - in: The State and the Poor, ed. S.Beer and R.Barringer, Cambridge, Mass.: Winthrop Press, 1970.

¹⁰ См. William Dickens and Kevin Lang. "A Test of Dual Labor Market Theory". American Economic Review 75 (September 1985), pp. 792-805.

¹¹ См. например: Jeremy Bulow and Lawrence Summers. "A Theory of Dual Labor Markets with Application to Industrial Policy. Discrimination and Keynesian Unemployment", Journal of Labor Economics 4, July 1986, pp.376-414.

¹² См. Claudia Goldin. "Monitoring Costs and Occupational Segregation by Sex: A Historical Analysis". Journal of Labor Economics 4, (January 1986), pp. 1-27.

ЛЕКЦИЯ 8. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СЕГРЕГАЦИЯ ПО ПРИЗНАКУ ПОЛА

Профессиональная сегрегация по признаку пола является одной из наиболее часто обсуждаемых проблем в сфере экономического неравенства между мужчинами и женщинами. Высокий уровень сегрегации считается значимым фактором диспропорций в уровне оплаты труда мужчин и женщин, в карьерных возможностях, и, как следствие, - в неравенстве возможностей полов в сфере занятости в целом. Таким образом, анализ гендерных аспектов профессиональной сегрегации важен как с точки зрения социальной справедливости, так и со стороны повышения эффективности использования трудовых ресурсов.

Гендерная сегрегация на рынке труда имеет глубокие корни в разделении труда между полами - как в современных обществах, так и в обществах прошлого. Сегрегация проявляется внутри и между фирмами, областями занятости и отраслями. В данной лекции мы рассмотрим природу гендерной сегрегации, проанализируем теории, объясняющие, почему сегрегация возникает и сохраняется, проследим взаимосвязь между сегрегацией и различиями в заработной плате между полами, и проанализируем возможности воздействия на сегрегацию через инструменты социальной политики.

*Под **гендерной профессиональной сегрегацией** (или профессиональной сегрегацией по признаку пола) понимается устойчивая тенденция трудоустройства мужчин и женщин по строго определенным профессиям, отраслям и должностным позициям. Различают две составляющие профессиональной сегрегации: горизонтальную и вертикальную. Под горизонтальной профессиональной сегрегацией понимают неравномерное распределение мужчин и женщин по отраслям экономики и профессиям, под вертикальной – неравномерное распределение по позициям должностной иерархии.*

Максимально высокий уровень горизонтальной сегрегации соответствует ситуации, когда отрасли и профессии четко подразделяются на “мужские” и “женские”. Понятием, противоположным по смыслу, является понятие “интеграции”. Под интегрированной занятостью понимают такую структуру занятости, когда в каждой отрасли, профессии (или на каждом должностном уровне) доля мужчин и женщин соответствует их удельному весу в общей численности занятых.

Наряду с понятием сегрегации при анализе гендерного неравенства используется и понятие *концентрации*. Концентрация связана с половым или возрастным составом рабочей силы в одной профессии или отрасли. Под концентрацией понимается доля мужчин и женщин, занятых в данной профессиональной группе или отрасли. Если сегрегация акцентирует внимание на разделении двух полов (или других социально-демографических групп) по профессиям, то концентрация описывает представительство одной группы в рамках профессии (отрасли).

ГЕНДЕРНАЯ СЕГРЕГАЦИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ОБЩЕСТВАХ

В настоящее время во всех странах можно встретить ту или иную модель гендерной сегрегации в сфере занятости. В развитых странах эти модели имеют немало черт сходства, хотя встречаются и существенные отличия. В этой связи возникает вопрос о том, насколько современный опыт развитых стран может быть взят за точку отсчета при анализе гендерной сегрегации? Для ответа обратимся к этнографическим данным и проанализируем, каким образом формировались модели гендерного разделения труда и сегрегации в занятости в исторической ретроспективе.

Изучение этнографических данных по разным странам и эпохам, дает поразительные свидетельства того, насколько велики межстрановые различия в структуре и содержании видов деятельности, и в формировании конкретных моделей гендерного разделения труда и профессиональной сегрегации.

Для иллюстрации этих утверждений в таблице 1 приведены данные по 738 различным культурным сообществам. Как можно видеть из приведенных данных, лишь обработка металла и охота являются исключительно мужскими занятиями. Вместе с тем, нет таких видов деятельности, которые являлись бы исключительной прерогативой женщин. Наконец, весьма немногочисленны те виды деятельности, в которых в равной мере участвуют оба пола.

Таблица 1.

Гендерная сегрегация в различных культурных сообществах¹

Вид деятельности	Сообщества, в которых данный вид деятельности выполняется			Число сообществ, в которых имеется данный вид деятельности
	Только или преимущественно мужчинами	Как мужчинами, так и женщинами	Только или преимущественно женщинами	
Охота	100	0	0	738
Собирательство	8	14	78	396
Рыбная ловля	79	15	6	562
Обработка металла	100	0	0	360
Строительство лодок и судов	96	3	1	215
Строительство домов	75	10	15	457
Выпас животных	64	22	14	412
Обработка кожи	46	5	49	280
Ткачество	30	12	58	265
Гончарное дело	9	5	86	328
Земледелие	32	32	36	639

Экономический тип общества (примитивное: охотников-собирателей), земледельческое (простое земледелие), скотоводческое (выпас скота) и сельскохозяйственное (развитое земледелие) не оказывает видимого влияния на модель гендерной сегрегации труда. Подчеркнем, что высокий уровень гендерной сегрегации встречается в истории гораздо чаще, чем высокая интеграция. Иногда сегрегация по полу выражена настолько ярко, что почти все виды деятельности считаются либо “мужскими”, либо “женскими”, в результате чего представители каждого пола собираются в своеобразные “профессиональные гетто”, где выполняют свою рутинную ежедневную работу. В этом смысле можно утверждать, что, несмотря на все различие конкретных деталей, именно широкое распространение сегрегации по полу является связующим звеном между гендерной структурой занятости в доиндустриальных сообществах, с одной стороны, и современных, с другой.

ГОРИЗОНТАЛЬНАЯ СЕГРЕГАЦИЯ: ЖЕНЩИНЫ В РАЗЛИЧНЫХ ОТРАСЛЯХ И ПРОФЕССИЯХ

Горизонтальная сегрегация – обобщающее понятие, охватывающее несколько частных измерений сегрегации. В рамках горизонтальной сегрегации выделяют:

- ◆ отраслевую сегрегацию (различное распределение мужчин и женщин между отраслями экономики);
- ◆ профессиональную сегрегацию (различное распределение мужчин и женщин по профессиям);
- ◆ межфирменную сегрегацию (различное распределение мужчин и женщин между фирмами различного размера и статуса);
- ◆ межсекторную сегрегацию (различное распределение мужчин и женщин между частным и государственным секторами экономики).

Горизонтальная сегрегация по полу обладает такими свойствами как инерционность и способность к самоподдержанию. Одним из важнейших механизмов, лежащих в основе поддержания сегрегации

ции в занятости выступает дискриминация по признаку пола, способствующая сохранению традиционного “гендерного портрета” профессий и отраслей.

Хотя общая картина гендерной сегрегации не подвержена резким колебаниям, с течением времени происходит определенное перераспределение мужчин и женщин между профессиями, отраслями, и пр. В основе этого перераспределения могут лежать различные факторы – культурно-идеологические, социально-экономические, технологические и пр. Так, например, изменение культурных стереотипов относительно мужской и женской занятости может способствовать постепенному проникновению женщин в традиционно мужские виды деятельности, либо уходу мужчин из тех видов деятельности, которые начинают восприниматься как “женские”. Примером воздействия со стороны идеологических факторов может служить освоение женщинами многих мужских профессий в годы первых пятилеток.

Социально-экономические факторы воздействуют на горизонтальную сегрегацию, прежде всего, через изменение экономической конъюнктуры в тех или иных отраслях и профессиях, и, соответственно, изменение показателей безработицы и оплаты труда в них. Ухудшение экономической конъюнктуры обычно приводит к замещению мужчин женщинами. К аналогичным последствиям приводит и изменение пропорций в оплате труда между отраслями: мужчины перемещаются в направлении отраслей и профессий с более высокой оплатой труда, а женщины занимают их места в тех секторах, где происходит относительное снижение заработной платы (ниже мы более подробно вернемся к обсуждению взаимосвязи профессиональной сегрегации и заработной платы).

Наконец, технологические факторы, как правило, связаны с относительным снижением квалификации и рутинизацией работ в том или ином виде деятельности. Смысл этой взаимосвязи сводится к тому, что доля женщин в составе занятых увеличивается тогда, когда падает средний уровень квалификации, необходимый для выполнения работы. Снижение квалификации – это процесс, в результате которого работа становится более рутинной и в целом требует меньше ответственности. Это может быть, в частности, в тех случаях, когда работники либо имеют более низкий уровень формального образования, либо тратят меньше времени на обучение на работе. Именно снижением квалификации объясняют и падение уровня оплаты труда по мере увеличения доли женщин в числе занятых.

Пример: снижение профессиональной квалификации в связи с рутинизацией работ

Одним из ярких примеров снижения квалификационных требований, сопровождаемого феминизацией сферы занятости, является проверка страховых требований. Данная сфера занятости в 1988 году на 70% состояла из женщин (против 30% женщин в 1970 году). Ее феминизация явилась прямым результатом рутинизации и автоматизации рабочего процесса (в основном благодаря внедрению компьютеризации). Если ранее рассмотрение страховых требований предполагало выезд на место и личную оценку ситуации со стороны высококвалифицированного эксперта, то в настоящее время эта деятельность превратилась в чисто конторскую. Результатом явился отток мужчин из данной сферы занятости и существенный рост доли женщин, которых фирмы нанимали на освободившиеся рабочие места.²

Однако вопрос о взаимосвязи растущей доли женщин в той или иной профессии и снижении профессиональной квалификации далеко не всегда может быть решен столь однозначно. В ряде случаев феминизация той или иной профессии может происходить и на фоне растущих квалификационных требований. Вместе с тем, остается открытым вопрос о том, как требуемая квалификация соотносится с изменением квалификационных требований в других сопоставимых профессиях.

В качестве примера рассмотрим профессию судебного стенографа. До изобретения пишущих машинок в США в ходе судебных заседаний применялись специальные техники письменного стенографирования. Постепенная замена ручного стенографирования машинописью привела к параллельному увеличению численности женщин-стенографисток. Так, в 1942 году профессия судебного стенографа была на 74% мужской, при этом лишь 10% занятых использовали пишущие машинки. К 1975 году профессия стала на 45% мужской, и 87% пользовались пишущими машинками. К 1990 году в судах практически не осталось писцов, а вместо пишущих машинок все чаще стали использовать компьютер³. Таким образом, в настоящее время эта профессия требует более продвинутых профессиональных навыков, чем раньше.

Вместе с тем, оплата труда продолжает оставаться на достаточно высоком уровне для этого вида деятельности, несмотря на изменение полового состава работников. Хотя эта профессия не требует высшего образования, средняя зарплата судебного стенографиста превышает уровень многих профессионалов с высшим образованием, включая учителей, инженеров, фармацевтов. При этом, в тех штатах, где наиболее высока доля женщин среди судебных стенографистов, оплата труда ниже.

Итак, формирование гендерной сегрегации происходит под воздействием различных факторов и несет на себе отпечаток основных событий в экономической истории конкретных стран.

Основными институциональными механизмами поддержания горизонтальной сегрегации являются законодательство о труде, образование и трудовая мобильность работников.

Взаимосвязь трудовой мобильности и гендерной сегрегации заслуживает особого внимания. В этом случае мы будем рассматривать трудовую мобильность как процесс, в результате которого происходит изменение в соотношении мужчин и женщин в различных группах работников. Эти изменения могут происходить в форме *десегрегации*, *геттоизации* и *интеграции*.

О тенденции к *десегрегации* можно говорить в том случае, когда увеличение доли женщин является промежуточным этапом в процессе перемещения мужчин из преимущественно мужских сфер занятости, когда в них образуется некоторая “критическая масса” женщин, что в перспективе может привести к феминизации данной сферы. Конечным результатом процесса перехода мужчин в женские сферы занятости является десегрегация сферы занятости в целом.

Интересный пример в этом плане можно обнаружить в такой сфере занятости, как акушерство – здесь сначала были заняты исключительно женщины-повивальные бабки, а затем – исключительно врачи-мужчины. В Великобритании этот процесс был инициирован в семнадцатом веке в связи с изобретением группой докторов-мужчин акушерских хирургических щипцов. Наложение щипцов при родах получило высокую популярность, и женщины вскоре начали требовать применения новой технологии для облегчения их родов. В США, также как и в Британии, преобладание мужчин-акушеров являлось фактором, побуждавшим женщин отказываться от услуг повивальных бабок и родов на дому в пользу родов в госпитале при помощи докторов. В то время, как в 1910 году 50% родов принимались повивальными бабками, менее 1% принимались ими в 1970 году⁴. Только в последнее время эта сфера вновь становится областью женской специализации в медицине.

Процесс *геттоизации* имеет место в том случае, когда на фоне увеличения доли женщин в данной сфере занятости происходит их концентрация на определенных работах и должностных уровнях, например, низкооплачиваемых, менее престижных.

Когда промышленная революция создала высокий спрос на конторскую работу, профессии секретаря или клерка были преимущественно мужскими, а затем все эти сферы занятости стали преимущественно женскими. Так, до Второй Мировой войны в Великобритании почти не было женщин - банковских кассиров, а в 1980 году более 90% кассиров составляли женщины⁵. Однако при этом оплата труда и возможности карьерного роста этой профессиональной группы заметно снизились. В настоящее время эти виды деятельности рассматриваются как “женские профессиональные гетто”.

Наконец, наименее часто встречающийся вариант развития событий – это тенденция к “интеграции”, когда имеет место формирование стабильного смешанного состава занятых на всех должностных позициях в данной отрасли. Таким образом, примерами интегрированных видов деятельности являются те, в которых доля женщин приблизительно отражает их долю в составе рабочей силы в целом, количественное соотношение полов относительно стабильно, и женщины не образуют гетто.

Существует немного примеров интегрированных видов деятельности. Одним из таких видов деятельности является профессия бармена. В США женщины-бармены составляли 21% в 1970 году. В 1970 году были отменены дискриминационные законы, существовавшие как на государственном уровне, так и внутри профессиональных объединений барменов., и к 1980 году доля женщин резко возросла до 44%, а затем остановилась на 50% в 1988 году. Уникальные характеристики профессии достойны того, чтобы рассказать о них более подробно. В профессии бармена фактически отсутствуют должностная иерархия и внутренняя специализация, которые могли бы стать основой сегрегации. В каждую смену работает не больше двух барменов, и существует очень немного возможностей для

разделения труда или определения “руководящего” бармена. Вместе с тем, на практике встречаются такие бары, где существует традиция найма только мужчин или только женщин в качестве барменов⁶.

А теперь рассмотрим некоторые особенности горизонтальной сегрегации в занятости на примере России. В таблице 2 приведены данные об изменении доли женщин в составе занятых по отраслям экономики за 18-летний период – с 1980-го по 1998 г.

Таблица 2.

Доля женщин в численности занятых по отраслям экономики (1980-1998 гг) (%)⁷

	1980	1990	1992	1994	1996	1998
Всего в экономике	51	51	49	47	48	48
Промышленность	49	48	45	43	41	38
Сельское и лесное хозяйство	41	39	36	35	34	32
Строительство	29	27	25	25	24	24
Транспорт	25	25	26	26	26	26
Связь	71	71	71	69	67	60
Торговля и общ. питание, мат.-тех. снабжение, сбыт и заготовки	80	80	70	63	62	62
ЖКХ, непроизводственные виды бытового обслуживания	54	52	48	44	47	46
Здравоохранение, физ.культура, социальное обеспечение	85	83	83	82	82	81
Образование	78	79	79	81	82	79
Культура и искусство	70	71	70	68	69	
Наука и научное обслуживание	52	53	53	52	51	50
Кредитование, финансы и страхование	87	90	84	75	74	71
Аппарат органов управления*	69	67	67	60**	50***	48

* Без аппарата общественных организаций

** 1995

*** 1997

Как можно видеть из данных приведенной выше таблицы, за 20-летний период в России произошло существенное перераспределение женского труда между отраслями экономики. Снижение доли женщин в численности занятых в наибольшей степени затронуло наиболее динамично развивавшиеся отрасли экономики: торговлю, финансы и кредит, страхование, органы управления - т.е. те отрасли, где отмечался наиболее высокий рост заработной платы. В результате две традиционные “женские” отрасли советских лет - финансы и кредит и торговля - к настоящему времени постепенно теряют свое “женское лицо”.

Вместе с тем, в других отраслях с традиционно высокой женской занятостью продолжает сохраняться значительное преобладание женщин. К их числу можно отнести образование, культуру и искусство, здравоохранение и социальное обеспечение, жилищно-коммунальное хозяйство. Здесь существенно выше доля предприятий и организаций государственного сектора, и, соответственно, заметно ниже как средний уровень заработной платы, так и средние темпы ее роста. Таким образом, даже на уровне отраслей народного хозяйства подтверждается общая закономерность, не раз подмеченная исследователями, изучавшими процессы гендерной сегрегации на уровне профессиональных групп: изменение доли женщин в составе работников той или иной отрасли (профессии) отрицательно коррелирует с темпами роста заработной платы в данной отрасли (профессии).

ВЕРТИКАЛЬНАЯ СЕГРЕГАЦИЯ: ЖЕНЩИНЫ В УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРОФЕССИЯХ И НА ВЛАСТНЫХ ПОЗИЦИЯХ

Вертикальная сегрегация отражает различия в должностном положении мужчин и женщин. Как и горизонтальная сегрегация, она может быть рассмотрена на нескольких уровнях:

- на уровне отдельной фирмы (предприятия, организации);

- на уровне отрасли экономики;
- на уровне экономики в целом;
- на уровне отдельной профессиональной группы или категории работников.

Как показали исследования, проведенные специалистами Колумбийского и Стенфордского Университетов, мужчины и женщины, имеющие диплом магистра бизнеса и администрации (MBA), имеют равные начальные ставки оплаты труда, однако уже через 7 лет женщины на 40% отстают от мужчин.⁸ Это различие нельзя объяснить тем аргументом, что женщины не имеют достаточного опыта, чтобы подняться до более высокой должности и соответствующей зарплаты.

Как же выглядит в этом отношении российская ситуация? Как свидетельствуют данные таблицы 3, она весьма схожа с американской. Если среди служащих, занятых подготовкой информации, женщины составляют абсолютное большинство (89%), то на уровне руководителей их доля снижается до 38%. Таким образом, должностная структура занятости женщин может быть представлена в виде пирамиды: чем выше должностная ступень, тем ниже доля женщин в числе занятых.

Таблица 3.

Распределение женщин и мужчин, занятых в экономике, по группам занятий, на конец октября 1998 г.⁹ (распределение по полу (%))

	Женщины	Мужчины
Руководители	38	62
Специалисты высшего уровня	61	39
Специалисты среднего уровня	71	29
Служащие, занятые подготовкой информации	89	11

Для описания подобных явлений нередко используется термин “стеклянный потолок”, отражающий тот факт, что, несмотря на формально равные возможности для обоих полов, существует множество неформальных, “невидимых” барьеров, препятствующих продвижению женщин по ступеням должностной иерархии. Термин “стеклянный потолок” используется американскими исследователями для описания ситуации, имеющей место в юридических фирмах, академической медицине, а также в крупных корпорациях, где продвижение женщин на высшие ступени управленческой структуры тормозится методами скрытой дискриминации. Вместе с тем, существует и другое объяснение малой представленности женщин в высших эшелонах управленческой власти: оно состоит в том, что женщины реже, чем мужчины готовы пойти на жертвы и приложить достаточные усилия, чтобы подняться до определенных высот в крупной корпорации. В попытках помочь женщинам “разбить стеклянный потолок”, были предложены различные программы. Они включают уменьшение рабочей нагрузки на женщин после рождения ребенка, семинары, направленные на развитие способностей лидерства и пр.

Приведенные выше примеры достаточно красноречиво иллюстрируют общие масштабы вертикальной сегрегации по признаку пола. Однако наиболее яркое проявление эти тенденции находят в сфере государственной власти. Здесь отчетливо прослеживается “пирамидальная” структура занятости женщин на различных властных уровнях. Рассмотрим данные о численности мужчин и женщин в органах российской государственной власти на федеральном уровне, а также о категориях занимаемых ими должностей. К государственным должностям категории “А” относятся должности руководителей (первых лиц) государственных органов РФ и государственных органов субъектов РФ, по федеральным государственным органам исполнительной власти только руководители министерств – федеральные министры. К государственным должностям категории “Б” относятся должности руководителей Администрации Президента РФ, аппаратов Правительства РФ, палат Федерального Собрания РФ, руководителей и заместителей Канцелярии Президента РФ, секретариатов Председателя Правительства и его заместителей, помощники, советники, референты Президента и Председателя Правительства РФ, федеральных министров и др., а также аналогичные государственные должности субъектов РФ. К государственным должностям категории “В” относятся должности руководителей федеральных органов исполнительной власти (кроме министров), других государственных органов РФ и субъектов РФ, руко-

водителей структурных подразделений государственных органов, их заместителей, специалистов различных категорий.

Таблица 4.

Численность работников, замещающих государственные должности федеральной государственной службы, по категориям и группам должностей, на 1 января 1999 г.¹⁰

Тысяч человек, в % к итогу, распределение по полу (%)

Категории и группы государственных должностей	Женщины	Мужчины	Распределение по полу	
			Женщин	Мужчин
Тыс. человек	280,3	101,3		
%	100	100	73	27
<i>в том числе</i>				
Категории “А”	2,9	5,5	59	41
Категории “Б”	0,2	0,7	42	58
Высшие	0,1	0,3	35	65
Главные	0,0	0,2	23	77
Ведущие	0,1	0,2	51	49
Старшие	0,0	0,0	73	27
Категории “В”	92,8	76,3	77	23
Высшие	0,3	1,4	35	65
Главные	0,9	4,4	36	65
Ведущие	18,4	25,8	66	34
Старшие	43,6	34,5	78	22
Младшие	29,8	10,2	89	11
Должности прокурорских работников	4,1	17,5	39	61

Следует подчеркнуть, что аналогичная гендерная “пирамида власти” характерна и для всех иных властных структур на федеральном и муниципальном уровнях. При этом на нижних этажах доля женщин стабильно превышает 80%, в то время как на верхних редко превышает 30%.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ СЕГРЕГАЦИЕЙ И ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТОЙ

Попытаемся теперь раскрыть соотношения между гендерной сегрегацией и различием в заработной плате мужчин и женщин. Как показывают статистические данные, уровень профессиональной сегрегации мужчин и женщин непосредственно связан с дифференциацией в оплате мужского и женского труда. Практически во всех странах мира четко выявляется тенденция к концентрации женщин в отраслях и профессиях с наименее высоким уровнем оплаты труда. Значит ли это, что существует причинная связь, соединяющая эти два феномена, и если да, то какую форму она принимает?

Исследователи, изучавшие особенности гендерной сегрегации в занятости на основе анализа межпрофессиональных различий в заработной плате, выявили три важные эмпирические закономерности:

- Во-первых, действительно существует отрицательная корреляция между долей женщин и средним недельным заработком по данной профессии.
- Во-вторых, соотношение заработной платы мужчин и женщин положительно коррелирует с долей женщин. Иначе говоря, мужчины все еще зарабатывают больше, чем женщины, в каждой из названных профессий, хотя различия меньше в тех профессиональных группах, где преобладают женщины.

- Наконец, “мужские” сферы занятости представлены в основном самыми престижными профессиями: медицина, юриспруденция, преподавание. В то же время феминизированные профессии включают традиционные профессии сферы услуг, такие как медсестры, учителя начальной и средней школы.

Однако, хотя сам факт различий в заработках между мужскими и женскими профессиями не вызывает сомнения, оценка *масштабов* разрыва в заработках представляется более сложной. Дело в том, что межотраслевые различия в заработках отражают не только эффект профессиональной сегрегации, но и эффекты, связанные с различиями в квалификации мужского и женского труда, в режимах труда, в возможной производительности труда, в условиях труда, равно как и эффекты, связанные с существованием дискриминации.

Так, например, по оценкам, сделанным на основе использования уравнения Мюнцера, в 1989 году в России собственно дискриминационная составляющая различий в заработной плате мужчин и женщин не превышала 20-23%, что соответствовало 6-8% различий в заработках.¹¹ Аналогичные данные были получены при обследовании рынка труда в промышленности России, проведенном Центром исследования рынка труда ИЭ РАН.¹²

Анализ динамики межотраслевых различий в заработной плате мужчин и женщин в России позволяет сделать аналогичный вывод: доля женщин, занятых в отрасли, отрицательно коррелирует с величиной разрыва в заработках между мужчинами и женщинами (т.е. чем ниже доля женщин, тем больше разрыв). После 1992 г. тенденция к ускоренному “разбеганию” мужских и женских отраслей усилилась. Это свидетельствует о том, что экономические реформы освободили заработную плату от каких-либо иных ограничений, кроме рыночных, что привело к более высокой оценке мужского труда.

Процесс, порождающий более низкую оплату труда женщин, даже если женщины и мужчины имеют одинаковые профессиональные навыки, может принимать одну из (или обе) двух форм. Первая, *модель исключения*, состоит в том, что женщины систематически не допускаются к более высокооплачиваемым профессиям и нанимаются только для заполнения низкооплачиваемых. В этом случае заработная плата не формируется на основе рыночного механизма, поскольку не учитывает реальное предложение труда в той или иной профессии. Вторая форма, *модель переполнения*, исходит из того, что на уровне найма не происходит дискриминации женщин, и они могут наниматься на любые работы, включая престижные и высокооплачиваемые. Однако, с течением времени происходит их вытеснение с этих рабочих мест и замещение мужчинами. Таким образом, женщины систематически вытесняются из более предпочтительных работ и скапливаются на менее предпочтительных (в данном случае предпочтительность работы определяется не только заработком, но и другими факторами, например, престижностью, социальным статусом и пр.). Эта модель предполагает, что ставки заработной платы в конечном счете детерминируются рыночными силами, но предложение труда женщин искусственно занижается в более престижных секторах занятости и профессиональных группах. Такая практика ведет к увеличению предложения женского труда в менее предпочтительных секторах (т.е. возникает *эффект переполнения*) и соответствующему уменьшению ставок оплаты труда по сравнению с уровнем, который имел бы место в случае отсутствия подобного эффекта. Одновременно, заработная плата увеличивается в более предпочтительных сферах вследствие снижения предложения труда.

Помимо эффектов, связанных с практикой найма и трудовой мобильности мужчин и женщин, можно обнаружить взаимосвязь размеров заработной платы с режимами занятости. Дело в том, что мужчины и женщины имеют тенденцию выбирать работу с разными временными режимами. Женщины чаще заняты в тех профессиях, где возможна частичная занятость, в то время как мужчины чаще работают в режиме полной занятости. Как показывают данные статистики, существует заметная положительная корреляция между степенью преобладания женщин и удельным весом работающих на основе частичной занятости. Кроме того, отмечается также сильная отрицательная корреляция между степенью преобладания женщин и процентом работающих сверхурочно.

В той степени, в которой оплата труда отражает количество отработанного времени, фактор режима занятости позволяет частично объяснить негативную корреляцию между долей женщин в отрасли (или профессии) и почасовой оплатой. Очевидно, что многие виды работ, где практикуется частичная занятость, имеют более низкую почасовую оплату труда по сравнению с теми видами, в которых необходимо работать полный рабочий день. Это может происходить по причинам, не обязательно связанным с дискриминирующим поведением со стороны работодателей. Так, работники, занятые непол-

ное рабочее время, могут иметь более низкую производительность и эффективность труда, чем занятые полный рабочий день. На уровне предложения труда работники (в частности женщины), заинтересованные в гибком сочетании рыночных и нерыночных форм занятости, могут стремиться поступить на те работы, которые имеют более низкую ставку оплаты труда, в обмен на возможность работать в удобном для них режиме. В этом случае сниженные ставки оплаты труда на рабочих местах с неполным рабочим временем выступают своеобразной “платой” за возможность более гибкой организации своей жизни. (В еще большей степени эти тенденции могут быть прослежены на примере сверхурочной работы, для которой средние ставки заработной платы законодательно зафиксированы на более высоком уровне.)

Итак, одно из возможных объяснений наблюдаемой корреляции между долей женщин и уровнем оплаты труда заключается в том, что другие переменные также положительно связаны с удельным весом женщин в численности занятых, и именно они “несут ответственность” за негативную корреляцию с уровнем оплаты труда. Помимо режимов занятости эти переменные включают такие факторы, как безопасность/рискованность, приятность/неприятность, престижность/непрестижность работы.

Имеется и другое объяснение наблюдаемой негативной связи. Его суть в том, что существуют важные (но не учитываемые исследователями) системные отличия между видами работ, на которых заняты мужчины и женщины. При анализе обычно принимается во внимание лишь небольшое количество факторов, таких, как средний уровень образования, профессиональная квалификация и опыт. Однако, помимо этих факторов, существует множество таких, которые гораздо труднее выявить, и включить в статистический анализ. Так, например, обычно не принимаются во внимание такие факторы, как физические характеристики работника (рост, вес, ловкость и пр.), а также психологические характеристики - лидерские качества и тип трудовой мотивации. На деле именно они могут оказывать влияние на величину заработной платы. Понятно, что ни один исследователь не может учесть все возможные характеристики, влияющие на величину заработка, поэтому любому исследователю можно адресовать упрек в том, что он не принял во внимание какой-то важный фактор, и поэтому ложно связал процент женщин с более низким уровнем оплаты труда.

Очевидно, что существует сильная корреляция между более низкой оплатой труда и высоким процентом женщин в большинстве отраслей и профессий. В чем причина этих зависимостей? На этот вопрос пока еще нет однозначного ответа. В некоторых профессиях (отраслях) рост занятости женщин сопровождается нарастанием черт рутинизации и деqualификации. В других сферах профессиональные требования, напротив, повышаются. Разрыв в оплате труда может быть частично объяснен различиями в профессиональной подготовке и опыте. Вместе с тем, женщины, которые вступают в сферы занятости, предъявляющие наиболее высокие профессиональные требования (врачи и юристы), сталкиваются с наиболее значительным разрывом в оплате труда относительно мужчин.

Вопрос о том, насколько данный факт может быть приписан дискриминирующему поведению со стороны работодателей, и насколько он может являться результатом свободного выбора со стороны самих женщин, является предметом оживленной дискуссии.

Итак, кто же выигрывает от сохранения гендерной сегрегации?

Анализ гендерной сегрегации неизбежно подводит к опросу о том, кто выигрывает от сохранения высокосегрегированной системы занятости. Служит ли сегрегация на пользу обоим полам или только одному за счет другого? А, может быть, она выгодна определенным подгруппам общества, не обязательно связанным с разделением по полу? В научной литературе две основные точки зрения на этот вопрос.

Первая точка зрения, защищаемая многими авторами, опирается на тезис о том, что половая сегрегация выгодна мужчинам. Поскольку в женских сферах занятости заработная плата ниже, чем в мужских, сегрегация ставит мужчин в более выгодное положение, чем женщин. Возможно, это наиболее сильный аргумент в пользу того, чтобы изменить существующую систему занятости, однако очевидно, что гендерную сегрегацию невозможно искоренить лишь при помощи мер политики занятости. В самом деле, если глубинной причиной сегрегации является дискриминация, то следует лечить причину, а не следствия.

Вторая точка зрения состоит в том, что для того, чтобы социальная система продолжала существовать, нужно, чтобы большинство ее членов находило в ней некоторые выгоды, хотя эти выгоды будут различными в зависимости от социального положения каждого. Например, при существующем положении вещей женщины не могут получать столь же высоких заработков, как мужчины, но они могут найти другие источники вознаграждения. В частности, благодаря перераспределению дохода в рамках семьи, они имеют возможность посвящать больше времени нерыночным видам деятельности (детям, семье), а в определенные периоды своей жизни вообще целиком выключаться из оплачиваемой занятости. Очевидно, что эта система перераспределения доходов всегда дает больше преимуществ замужним женщинам по сравнению с незамужними. Однако, когда происходят быстрые социальные изменения – как в случае с увеличением числа разводов и снижением числа браков – люди могут начать подвергать сомнению существующие ценности и стремиться к большей независимости в своих жизненных стратегиях.

Почему сегрегация возникает и сохраняется? ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Все многообразие предложенных к настоящему времени теоретических подходов к объяснению причин возникновения и сохранения гендерной сегрегации можно свести к следующим:

- *Гендерные различия в предпочтениях и/или способностях при выборе видов деятельности*
- *Эффективное использование человеческих ресурсов*
- *Сочетание рыночных и нерыночных видов деятельности*
- *Сегрегация как следствие несовершенной информации*

Гендерные различия в предпочтениях и/или способностях при выборе видов деятельности

Учитывая широкую распространенность сегрегации, логично попытаться отыскать факторы, свойственные всем человеческим обществам, чтобы объяснить этот феномен. Первый рассматриваемый фактор – различия предпочтений и/или способностей у представителей разных полов, которые привели к выбору мужчинами и женщинами разных видов деятельности.

Данные о доиндустриальных сообществах свидетельствуют, о том, что эти различия не могут быть единственной причиной сегрегации. Как уже отмечалось выше, среди исследованных случаев всего несколько таких, где мужчины доминируют во всех видах деятельности, и женщины – ни в одном. Это означает, что если гендерные различия в предпочтениях и/или способностях являются ведущей причиной сегрегации, то они должны быть специфичными для каждого сообщества. Тот факт, что предпочтения и/или способности различаются в разных обществах, заставляет сильно усомниться в том, что они являются характеристиками, жестко связанными с полом. Более логичным выглядит предположение о социальной сконструированности гендерных предпочтений в отношении тех или иных видов деятельности.

Эффективное использование человеческих ресурсов

Если предположить, что существуют изначально связанные с полом способности и навыки (например, женщины на самом деле предрасположены лучше выполнять одни виды работ, а мужчины – другие), то снижение сегрегации будет неэффективным с точки зрения использования человеческих ресурсов. В этом случае может оказаться, что определенные виды работ будут исполняться менее подходящим для этого составом работников. Это значит, что бессмысленно и неэффективно стремиться к снижению уровня сегрегации и/или повышению интеграции. Действительно, если женщины и мужчины имеют различные способности, то высокая сегрегация будет более эффективной, чем высокая интеграция.

Однако даже если представители обоих полов имеют сходные способности, высокая сегрегация может быть в ряде случаев более эффективной, чем интегрированная занятость. Главный аргумент в пользу этого вывода состоит в том, что совместная работа мужчин и женщин обычно имеет сексуальный оттенок, что может негативно сказываться на эффективности работы. Примерами этого являются сексуальные домогательства, служебные романы и непотизм – явления, устойчиво сопровождающие рост женской занятости. Между тем, это соображение нельзя считать аргументом в пользу сегрегации по полу – ведь перечисленные проблемы возникают независимо от того, принадлежат ли мужчины и

женщины к одной или к разным профессиям и должностным категориям. Хотя в настоящее время в развитых странах сложился высокосегрегированный рынок труда, представители разных полов все равно вынуждены взаимодействовать в течение рабочего дня. (В качестве примера можно указать на типичную ситуацию взаимодействия женщины-секретарши и мужчины-босса, которая эксплуатировалась в литературе в течение десятилетий.)

Некоторые авторы отмечают положительные аспекты взаимодействия мужчин и женщин на работе, от которого выигрывают как работники, так и работодатели. В числе таких положительных аспектов обычно указываются повышение лояльности в отношении фирмы, более эффективное сотрудничество между работниками и улучшение психологического климата в коллективе.

Сочетание рыночных и нерыночных видов деятельности

Возникновение и поддержание сегрегации может быть связано с существованием гендерного разделения труда между рыночными и нерыночными видами деятельности. В тех обществах, где существует разделение между рыночными и нерыночными видами деятельности, может складываться “добровольная” специализация полов на тех или иных видах деятельности (либо специфичные для каждого из полов сочетания рыночной и внерыночной деятельности). Независимо от того, какой пол преимущественно несет ответственность за нерыночные виды деятельности, (т.е. уход за детьми и домашнее хозяйство), участие в этой деятельности предполагает соответствующего перераспределения времени и сил в пользу нерыночной деятельности. В итоге происходит либо полный отказ от участия в рыночной деятельности, либо участие в ней в режиме неполной занятости. Кроме того, представители этого пола будут также стремиться выбирать такие виды рыночной деятельности, в которых перерывы в занятости не имеют серьезных последствий.

В рамках этой концепции наиболее сложным остается вопрос о том, какой пол и почему выберет рыночную, а какой – нерыночную сферу занятости. Разрешение этого вопроса возможно, если в качестве аксиомы принимается тезис о существовании различий в предпочтениях и способностях мужчин и женщин; в противном же случае вопрос о причинах выбора в пользу рыночной или нерыночной занятости остается открытым.

Сегрегация как следствие несовершенной информации

Рассмотрим альтернативную гипотезу. Могла ли сегрегация по полу появиться вследствие несовершенства рынка, в частности – вследствие несовершенства информированности работодателей о способностях индивидов? Если это так, то логично предположить, что работодатели нанимают женщин исключительно на “женские” рабочие места просто потому, что не принимают во внимание индивидуальные способности кандидатов. Однако, если женщин не берут на работу в “неженские” виды деятельности потому, что не рассматривают как реальных кандидатов на эти рабочие места, то нет никаких оснований считать, что они действительно не могут эффективно выполнять данный вид работы.

Какой же выход может быть предложен из этой ситуации? Какими способами можно оказать воздействие на поведение работодателя, чтобы подтолкнуть его к найму женщин на нетрадиционные для них работы?

Наиболее очевидный ответ на эти вопросы состоит в том, что процесс найма может быть поставлен под контроль государства. Однако, в каких пределах государство может вмешиваться в этот процесс? Внешнее вмешательство со стороны государства действительно может привести к повышению эффективности экономики в целом. Так, например, увеличение доли женщин в “мужских” видах деятельности (и наоборот) может заставить работодателей пересмотреть свои прежние взгляды на способности каждого пола с учетом новой информации о реальной производительности их труда. В этом случае работодатель может более эффективно распределить работников по видам деятельности и рабочим местам.

Таким образом, одним из решений в рамках этого подхода является найм работников на рабочие места, нетрадиционные для их пола. Целью подобной политики не является стремление оказать влияние на относительные заработки мужчин и женщин в краткосрочном периоде. Скорее, эта политика ориентирована на то, чтобы позволить представителям обоих полов оценить, как они справляются с нетрадиционными для них обязанностями. Этот подход может также оказать воздействие на снижение

уровня гендерной сегрегации и способствовать созданию зон “интегрированной занятости” в экономике.

ИЗМЕРЕНИЕ СЕГРЕГАЦИИ

Одной из важных практических задач является количественная оценка общего уровня гендерной сегрегации в занятости. Это позволит сравнивать изменение степени сегрегации со временем и оценивать различия между странами, демографическими группами и секторами экономики внутри страны.

В общем плане уровень сегрегации может быть выражен через сумму показателей сегрегации в каждой из рассматриваемых единиц наблюдения. В качестве таких единиц могут выступать, в частности, отрасли экономики, профессиональные группы, виды деятельности.

Любые методики расчета показателей сегрегации исходят из того, что сравнивается положение на рынке труда двух социально-демографических групп, вместе составляющих всю рабочую силу (например, мужчины и женщины, представители белого и расовых меньшинств, молодежь и работники старшего возраста и пр.). Поэтому сегрегации свойственна такая важная характеристика как симметрия: обе рассматриваемые группы “сегрегированы” *только по отношению друг к другу*, а степень их сегрегации в данный момент времени одинакова.

На практике наиболее часто применяются следующие показатели профессиональной сегрегации¹³:

1. Индекс диссимилиации Дункана (ID)

В настоящее время индекс Дункана является одним из наиболее распространенных стандартных методов, используемый для оценки степени профессиональной сегрегации. Этот индекс рассчитывается по следующей формуле:

$$ID = \frac{1}{2} \sum |F_i / F - M_i / M| = F_f / F - M_f / M,$$

Где:

F_i - численность женщин в профессии (отрасли) i ;

F - численность женщин в составе занятых;

F_f - численность женщин в “женских” профессиях (отраслях)

M_i - численность мужчин в профессии (отрасли) i ;

M - численность мужчин в составе занятых;

M_f - численность мужчин в “женских” профессиях (отраслях)

Таким образом, индекс суммирует абсолютные значения различий между долями каждой группы (% по отношению к общей численности занятых членов данной группы) по каждому виду деятельности (профессии, отрасли). Индекс изменяется от 0 (совершенная интеграция) до 100 (совершенная сегрегация). Индекс Дункана принимает значение “0” в том случае, когда в каждой профессии или отрасли занят такой же процент женщин, что и в целом в экономике. Значению “100” соответствует ситуация, когда все профессии и отрасли строго разделены по полу (т.е. нет профессий и отраслей со смешанным составом работников). Заметим, что этот индекс определяет “интегрированную занятость” как ситуацию, когда каждая группа *пропорционально представлена* в одной и той же области деятельности, т.е. в той же степени, в которой она представлена в занятости в целом. Например, если 30% рабочей силы составляют женщины, то индекс будет равен 0 (“полная интеграция”), только если в каждой сфере занятости женщины составляют 30%.

Значение индекса диссимилиации непосредственно зависит от степени агрегированности статистических данных. Как было показано американскими исследователями, рост индекса Дункана в США в период с 1960 по 1970 г., может объясняться тем фактом, что в этот период существенно увеличилось количество статистически учитываемых видов деятельности (с 291 до 438). К 1980 году это количество достигло 503, но с тех пор и до 1990 года классификационная система не изменялась. Увеличение числа видов деятельности (профессий) обуславливает некоторое завышение индекса сегрегации. Мнение специалистов по этому поводу разделились: одни считают, что следует использовать стандартный набор видов деятельности для любого периода времени, а другие утверждают, что

возрастающее количество видов деятельности само по себе отражает реально происходящий процесс сегрегации

Данные переписи населения 1980 года позволяют проиллюстрировать вывод о росте индекса сегрегации по мере увеличения количества сравниваемых видов деятельности (или классификационных категорий). При наиболее высоком уровне агрегирования (использование шести наиболее общих классификационных категорий занятости), индекс равен 31.. При использовании максимально возможной детализации индекс возрастает до уровня 66 (503 вида деятельности в 224 отраслях, что дает 28.520 профессий, т.к. многие профессии представлены не в каждой отрасли). Наибольший скачок индекса наблюдается в интервале между 16 и 87 категориями занятости, когда индекс повышается с 38 до 53.

Сегрегация по признаку пола в зависимости от уровня агрегирования. США, 1980.¹⁴

Количество					
категорий:	6	16	87	503	28.520
Значение индекса:	31	38	53	59	66

Индекс можно интерпретировать следующим образом: он показывает, какая доля одной из групп должна сменить сферу деятельности (при условии, что работники другого пола остаются на своих рабочих местах), чтобы была достигнута полная интеграция. Так, например, если индекс равен 40, это значит, что полная интеграция будет достигнута в том случае, если 40% мужчин перейдут в феминизированные сферы занятости, или же (в силу симметрии, присущей сегрегации), если 40% женщин перейдут в сферы занятости, где преобладают мужчины.

Оценка масштабов гендерной сегрегации в России

Оценивая масштабы сегрегации в занятости по признаку пола, сошлемся на данные С.Рощина, учитывая, что изменение профессиональной структуры занятости обладает исключительно высокой инерционностью. Им было показано, что за период с 1940 по 1982 гг. индекс сегрегации вырос с 17,28 до 28,93. Быстрый рост индекса наблюдался в период проведения экономических реформ 1992-1994 гг. (с 33,4 до 34,52)¹⁵. России происходило постепенное увеличение индекса сегрегации. Это произошло, главным образом, за счет изменения удельного веса в структуре занятости таких отраслей как промышленность и жилищно-коммунальное хозяйство, непроектные виды бытового обслуживания (в структуре занятости мужчин эти отрасли увеличили свой удельный вес) и здравоохранение, физическая культура, спорт, социальное обеспечение и народное образование (эти отрасли увеличили свой удельный вес в структуре занятости женщин). В результате этих процессов индекс профессиональной сегрегации в России в 1994 году был сопоставим с величиной этого показателя в европейских странах (таких как Германия, Великобритания, Бельгия, Дания, Ирландия, Италия) в конце 80-х годов.

Расчеты, проведенные М.Баскаковой на основании данных об отраслевой и профессиональной структуре занятости мужчин и женщин за период с 1928 по 1995 гг., показывают, что за 1928-1940 гг. уровень гендерной сегрегации сократился почти в полтора раза. Однако после 1940 г. эта тенденция сменилась на противоположную, и индекс диссимилиации стал увеличиваться на 2-3 пункта за каждое десятилетие. Таким образом, на протяжении последних 60 лет отраслевая структура занятости мужчин и женщин двигалась в направлении нарастания профессиональной сегрегации.

Отраслевая сегрегация в 1928-1995 гг.¹⁶

Годы	Индекс Диссимилиации	Годы	Индекс диссимилиации
1928	26,001	1975	24,304
1940	15,615	1980	25,981
1950	17,270	1990	28,232

1960	20,948	1995	29,431
1970	23,166		

2. Отношение между полами (Sex Ratio) – SR .

Этот показатель используется для оценки уровня профессиональной сегрегации Министерством занятости Великобритании. Он рассчитывается путем сопоставления реальной ситуации в сфере занятости с той, которая имела бы место, если бы отсутствовала профессиональная сегрегация по признаку пола (или, иными словами, по сравнению с ситуацией “полной интеграции занятости”). Показатель SR вычисляется сопоставления двух величин: числа женщин в “женских” профессиях, деленного на гипотетическое их число в случае интеграции и аналогичного показателя для мужчин.

$$SR = F_f / [(FN_f)/N] - F_m / [(FN_m)/N], \text{ где}$$

N –общая численность рабочей силы

N_f –общая численность занятых в “женских” профессиях

N_m –общая численность занятых в “мужских” профессиях

F_m –численность женщин, занятых в “мужских” профессиях

3. Индекс женской занятости (Women’s Employment) – WE.

Этот показатель был предложен для оценки профессиональной сегрегации экспертами Организации Экономического Сотрудничества и Развития и предназначается, в первую очередь, для меж-страновых сопоставлений. Индекс WE рассчитывается как суммарное отклонение доли женщин в каждой профессии от доли всех работников данной профессии в составе всех занятых. Другими словами, этот показатель выражает собой сумму различий между реальной и ожидаемой долей женщин в профессии (виде деятельности). При этом все различия суммируются по их абсолютной величине.

$$WE = \sum | F_i / F - N_i / N | = 2 (M/M)(F_f / F - M_f / M),$$

где: N_i –совокупное число работников в профессии i.

4. Коэффициент Джини (G)

Этот коэффициент чаще используется для количественной оценки неравенства в доходах, однако, его можно применять и для измерения профессиональной сегрегации. Коэффициент Джини вычисляется следующим образом: сначала все профессии распределяются по соотношению мужчин и женщин в каждой из них, а затем используется кумулятивная доля мужчин и женщин в численности занятых. Наиболее простая формула для расчета коэффициента Джини выглядит следующим образом:

$$G = (P - Q) / (FM), \text{ где}$$

P - включает все пары мужчин и женщин, в которых профессия женщины имеет большую долю работников-женщин, чем профессия мужчины (иными словами, отвечает определению “профессиональной сегрегации”);

Q - все остальные пары.

5. Предельное соответствие (Marginal matching statistic) – MM.

Этот показатель профессиональной сегрегации используется в странах Европейского Союза для оценки положения женщин на рынке труда. Предельное соответствие может быть выражено формулой:

$$MM = F_f / F - M_f / M$$

Для удобства вычислений данные сводятся в таблицу 2х2, описывающую все множество разнообразных ситуаций в различных секторах занятости.

Основная таблица гендерной сегрегации

Сравниваемые единицы наблюдения (отрасли,			
---	--	--	--

профессии, виды деятельности)	Женщины	Мужчины	Всего
Женские	F_f	M_f	N_f
Мужские	F_m	M_m	N_m
Всего	F	M	N

Где:

N – Общая численность рабочей силы

F – Общее число женщин в составе рабочей силы

N_m – Общее число занятых на “мужской” работе

M_m – Число мужчин на “мужской” работе

N_f – Общее число занятых на “женской” работе

M_f – Число мужчин на “женской” работе

F_f – Число женщин на “женской” работе

M – Общее число мужчин в составе рабочей силы

F_m – Число женщин на “мужской” работе

Методологические особенности показателя предельного соответствия (ММ)

Важной особенностью статистики ММ является принципиально иное определение “женских” и “мужских” секторов занятости (профессий, чем при расчете всех остальных индексов (ID, SR, WE). Здесь к числу “женских” относятся те отрасли и профессии, которые отвечают следующим двум критериям:

(1) в них наиболее высока концентрация женщин среди занятых;

(2) в сумме эти профессии имеют то же самое абсолютное число работников (как женщин, так и мужчин), что и общее число занятых женщин.

Остановимся более подробно на особенностях данной методики. Для того, чтобы разделить все имеющиеся профессии (отрасли) на женские и мужские, на первом этапе они все должны быть упорядочены по доле женщин в численности занятых. В итоге мы получим последовательность профессий (отраслей), первая из которых будет иметь максимальную концентрацию женщин, а последняя – минимальную. Следующим шагом процедуры является разделение этой последовательности на 2 части – на “женские” и “мужские” профессии. Для этого, начиная с первой профессии списка рассчитывается кумулятивная численность занятых (т.е. численность занятых по первой профессии складывается с численностью занятых во второй, в третьей и т.д.). Подсчет численности занятых ведется до того момента, когда кумулятивная численность становится равной общей численности женщин в составе рабочей силы. Соотношение мужчин и женщин в последней профессии, вошедшей в подсчет, является “пограничным” значением для разделения профессий на мужские и женские.

Подобная методика обеспечивает равенство общего числа занятых на “женской” работе и численности женщин в составе рабочей силы ($N_f = F$). Такое же равенство имеет место и для мужчин ($N_m = M$). Так как соотношение пропорций $F/M : N_f/N_m$ остается неизменным, показатель ММ не испытывает воздействия со стороны структурных изменений внутри рабочей силы, а зависит только от распределения мужчин и женщин по отраслям и/или позициям.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ПОЛИТИКИ ЗАНЯТОСТИ НА ГЕНДЕРНУЮ СЕГРЕГАЦИЮ

Основная дилемма, обсуждавшаяся в предыдущих разделах, состояла в следующем: является ли сегрегация по полу неким постоянным, неизменным феноменом, либо изменения в этой области все же возможны. Если существуют серьезные факторы, толкающие общество к сегрегации, высока вероятность того, что любая политика, направленная на ее уменьшение, будет неэффективна. В этом случае сегрегация будет воспроизводиться снова в менее заметных формах.

Вместе с тем, нельзя не признать, что государственная политика, направленная на решение других социальных проблем, имела реальный эффект. Ярким примером в этом плане является антидискриминационные законы о найме расовых меньшинств и ставках оплаты труда. Однако, и в этих случаях гендерные различия оказались наиболее трудно поддающимися регулированию. На этом основании некоторые исследователи делают вывод о том, что гендерные различия являются неизменными, т.е.

имеют эссенциальный (сущностный) характер. Существует и альтернативная точка зрения, согласно которой расовые и гендерные различия являются совершенно разными феноменами, и требуют использования различных мер регулирования.

Если сегрегация отражает эффект социализации (в противоположность набору неизменных базовых установок), тогда существует возможность изменить эти установки, и основная проблема заключается в том, чтобы найти адекватные способы воздействовать на мотивацию работодателей и наемных работников. Для выработки долгосрочной политики по преодолению сегрегации необходимо на эмпирическом уровне выяснить, как могут быть построены отношения между нанимателями и нанимаемыми, чтобы и те и другие в меньшей степени ориентировались на "эффект пола" на своем рабочем месте.

В этом смысле меры чисто нормативного регулирования сегрегации, исходящие из того, что дискриминация просто нежелательна сама по себе (либо потому, что она ведет к различиям в заработках мужчин и женщин), являются явно недостаточными, так как эти меры не затрагивают исходной причины явления - сложившейся системы гендерных предпочтений.

Рассматривая меры социальной политики, способные оказывать влияние на уровень гендерной сегрегации в занятости, можно выделить ряд ключевых направлений:

- Политика регулирования оплаты труда;
- Политика в области найма и продвижения в должности;
- Политика образования;
- Политика, влияющая на принятие решения об участии в занятости
- Политика субсидирования работодателей и создания новых рабочих мест

Политика регулирования оплаты труда.

Смысл этого направления политики состоит в попытках регулирования ставок заработной платы, сформированных рынком. Наиболее распространенный подход в рамках этого направления - это политика сравнительной ценности (или равного вознаграждения за труд равной ценности), которая состоит в увеличении ставок заработной платы в феминизированных секторах занятости до уровня "мужских" секторов.

Сторонники политики сравнительной ценности считают, что вследствие выравнивания ставок оплаты труда произойдет снижение уровня гендерной сегрегации, поскольку рост оплаты труда будет побуждать мужчин чаще наниматься в феминизированные сектора занятости. Оппоненты, напротив, утверждают, что такая политика будет содействовать росту сегрегации, так как рост заработной платы не будет способствовать выходу женщин с рынка труда. Логика обеих сторон верна с точки зрения предложения труда. Вместе с тем, невозможно предсказать, какова будет реакция на эти меры со стороны спроса на труд.

Исследования, в которых моделировалась ситуация применения политики сравнительной ценности к экономике в целом, показали, что при повышении ставок заработной платы в феминизированных секторах занятости происходило увеличение предложения женского труда во всех секторах экономики. Одновременно многие женатые мужчины предпочитали получать выгоду от работы своих супругов, и, вследствие этого, работали меньше оптимального времени. Эта модель показала, что применение политики сравнительной ценности в конечном итоге приводит к росту занятости женщин как в "женских", так и в "мужских" секторах занятости.

В общем случае, однако, невозможно заранее предсказать, какое влияние на уровень сегрегации окажут возможные изменения в оплате труда в одном или нескольких секторах занятости, поскольку для этого необходимо было бы определить, в каком направлении будет изменяться структура предложения труда и стратегии найма со стороны работодателей.

Политика в области найма и продвижение в должности

На условия найма могут влиять законодательные ограничения, заставляющие работодателей учитывать в своей кадровой политике гендерную структуру рабочей силы в данной отрасли и соответствующим образом корректировать политику найма. Если законодательные ограничения жестко соблюдаются (как например, в случае антидискриминационного законодательства), то гендерная структура найма будет отражать предложение труда, поскольку работодатели не смогут проводить политику

дискриминации в отношении женщин. Если законодательство устанавливает требование соблюдения *позитивной дискриминации* (affirmative action), то в ряде случаев работодатели обязаны нанимать женщин даже в большей пропорции, чем их доля среди желающих устроиться на данную работу.

Политика внутрифирменной сегрегации также может быть предметом законодательного регулирования. Например, если работодатель обязан публично объявлять список вакансий, открывающихся в его фирме, то ему будет сложно осуществлять дискриминационную политику. Кроме того, открытое объявление о внутрифирменных вакансиях является толчком к составлению списков возможных кандидатов на должность, что позволяет отслеживать отклонения от политики позитивных действий во внутрифирменной мобильности. Перспектива быть наказанным за нарушение антидискриминационных законов должна служить сдерживающим фактором для тех работодателей, которые продвигают по службе преимущественно мужчин.

Политика образования

Если законодательные требования о политике “позитивных действий” и антидискриминационной политике действительно соблюдаются на практике, то структура найма и продвижения в должности будет отражать предложение труда со стороны мужчин и женщин. Вместе с тем, нередко ситуации, когда, несмотря на предпринятые законодательные меры, гендерная сегрегация проявляется в структурах найма и продвижения в должности. В этих случаях сегрегация является отражением различий в предложении труда со стороны мужчин и женщин, и политические меры должны быть направлены на то, чтобы воздействовать на предложение труда со стороны каждого пола.

Одна из возможностей в этом плане - это подготовка женщин к вступлению в традиционно мужские сектора занятости, используя финансируемые государством образовательные и тренинговые программы. На практике реальный эффект таких программ оказался минимальным - обучение в рамках этих программ не могло гарантировать женщинам трудоустройства в соответствии с полученными навыками, поскольку программы не могли повлиять на решения, принимаемые работодателями.

Более обоснованной и эффективной является политика, направленная на информирование молодежи о возможностях трудоустройства. Однако эта политика может иметь реальный эффект лишь в том случае, когда ее объектом являются юноши и девушки, принимающие решения о продолжении образования. В частности, получение более полной информации о существующих профессиях может способствовать их решению о вступлении в нетрадиционные для их пола профессии. Наиболее сложный вопрос при проведении подобной политики состоит в том, в каком объеме и под каким углом зрения следует предоставлять информацию о различных профессиях (таких, например, как инженерные профессии для женщин и преподавание в начальной и средней школе - для мужчин), чтобы повлиять на изменение профессиональных планов юношей и девушек.

Политика, влияющая на принятие решения об участии в занятости

Помимо политики образования и повышения информированности, существует множество других каналов политического влияния на решения мужчин и женщин относительно того, в каком объеме и в какой форме включаться в занятость. Эти решения могут оказывать косвенное воздействие на уровень гендерной сегрегации. Так, например, доступность высококачественных и недорогих детских дошкольных учреждений будет оказывать положительное влияние на решение женщин о выходе на рынок труда (равно как и на выбор режима занятости). Помимо перечисленных мер, это направление политики включает доступность детских дошкольных учреждений по месту работы, предоставление оплачиваемого декретного отпуска и гибкого графика.

Вместе с тем, меры, направленные на увеличение или уменьшение предложения труда, в действительности мало влияют на уровень сегрегации. В том случае, если рост женской занятости будет происходить преимущественно за счет “женских” отраслей и профессий, расширение участия женщин в экономике будет приводить не к уменьшению, а, напротив, к увеличению гендерной сегрегации. Только если женщины предпочтут входить в “мужские” сферы занятости, уровень сегрегации будет снижаться.

Политика субсидирования работодателей и создания новых рабочих мест

Помимо вышеперечисленных мер, можно воздействовать на уровень гендерной сегрегации и через другие формы политики занятости - в частности, через поощрение работодателей, действия которых снижают показатели сегрегации. Вместо того, чтобы применять санкции к работодателям, которые проводят политику дискриминации, можно путем предоставления субсидий поддерживать фирмы, которые добиваются позитивных сдвигов в интеграции женщин в мужские виды занятости и повышают оплату труда женщин относительно оплаты труда мужчин. Подобное субсидирование могло бы создать действенные рыночные преимущества для подобных фирм и повысить их конкурентоспособность на рынке (или, в крайнем случае, компенсировать дополнительные издержки, возникающие при проведении антидискриминационной политики).

Кроме того, политика занятости может способствовать созданию дополнительных рабочих мест, а, следовательно, расширению занятости, не затрагивающему уже существующие фирмы. В этом плане перспективным направлением является политика поддержки малого бизнеса через систему займов, субсидий или грантов. Однако, чтобы эта политика оказала влияние на уровень сегрегации, необходимо, чтобы женщины (и/или мужчины) вступали в нетрадиционные для их пола виды деятельности. Вместе с тем, следует учитывать, что сложившиеся гендерные стереотипы относительно мужских и женских профессий оказывают определяющее влияние на вступление в нетрадиционные для данного пола виды деятельности.

Сравнительная эффективность различных видов социальной политики

Результаты эмпирических исследований свидетельствуют об ограниченной эффективности мер социальной политики, направленных на снижение уровня гендерной сегрегации. Несмотря на то, что в структуре занятости мужчин и женщин происходят существенные сдвиги, было бы преждевременным приписывать эти сдвиги каким-либо конкретным мерам социальной политики.

Главный вывод, который следует из обзора направлений политики занятости, состоит в том, что для создания системы интегрированной занятости необходимо искать и применять новые политические стратегии. Один из важнейших аспектов, который следует учитывать при выборе определенных стратегий – это вопрос о *временных рамках* достижения поставленных целей. Существуют долгосрочные стратегии, эффективность которых можно будет оценить лишь через длительный период времени - такие, например, как создание гендерно нейтральной среды в сфере образования. Вместе с тем, долгосрочные стратегии могут иметь более длительный и масштабный эффект, чем краткосрочные стратегии (такие, как переобучение женщин для вступления в нетрадиционные виды деятельности). Наконец, чтобы добиться успехов в создании системы интегрированной занятости, необходимо комбинировать различные стратегии, и оказывать одновременное воздействие как на спрос, так и на предложение труда, чтобы действие рыночных механизмов привело к повышению интеграции.

Завершая обсуждение проблем гендерной сегрегации в занятости, подчеркнем, что в ближайшем будущем вряд ли можно ожидать чего-либо большего, чем постепенное снижение половой сегрегации. Факторы, которые в настоящее время определяют высокий уровень сегрегации, включают увеличение количества рабочих мест в высокосегрегированных видах занятости (например, конторские служащие), и некоторое замедление дальнейшего роста женской занятости в тех сферах, которые испытали наплыв женщин в недалеком прошлом. Вместе с тем, современная система занятости характеризуется высокой трудовой мобильностью, и можно предположить, что снижение сегрегации будет происходить за счет трудовой мобильности, а не вследствие вступления или ухода мужчин и/или женщин с рынка труда.

Примечания

¹ Источник: Рассчитано с использованием данных из Georg P. Murdock, *Ethnographic Atlas* (Pittsburgh, Penn.: University of Pittsburgh, 1967). (приведено по Joyce P. Jacobsen. *The Economics of Gender*. Blackwell, Cambridge, USA, 1994, p.235).

² B. Reskin and P. Roos. *Job Queues, Gender Queues: Explaining Women's Inroads into Male Occupations* Philadelphia, Pa.: Temple University, 1990, p.18.

-
- ³ Joyce P.Jacobsen. The Economics of Gender. Blackwell, Cambridge, USA, 1994, p.227.
- ⁴ Там же, с. 227.
- ⁵ Myra H.Strober and Carolyn L.Arnold. The Dynamics of Occupational Segregation among Bank Tellers. – in: Gender in the Workplace. Eds. C.Brown and J/A/Pechman. Washington, D.C.Brookings, 1987, pp.107-148.
- ⁶ Linda A.Detman. Women behind Bars: The Feminization of Bartending. – in: B.Reskin and P.Roos. Job Queues, Gender Queues: Explaining Women's Inroads into Male Occupations Philadelphia, Pa.: Temple University, 1990, pp.241-255.
- ⁷ Источники: Социальное положение и уровень жизни населения России 1997. Статистический сборник, Госкомстат России, М., 1997, с. 43. Женщины и мужчины России 1999. Краткий статистический сборник. Госкомстат России. М., 1999, с. 66. Труд и занятость в России: Статистический сборник. Госкомстат РФ, 1999, с.62.
- ⁸ Joyce P.Jacobsen. p.223.
- ⁹ Источник: Женщины и мужчины России. 1Краткий статистический сборник. Госкомстат России, М., 1999, с. 65-66.
- ¹⁰ Источник: Женщины и мужчины России. 1Краткий статистический сборник. Госкомстат России, М., 1999, с. 95.
- ¹¹ К.Кац. Заработная плата мужчин и женщин в бывшем СССР. // Женщины и социальная политика. М., Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, 1992, сс. 141-155.
- ¹² Положение женщин в реформируемой экономике: опыт России.М., ИЭ РАН, Центр исследований рынка труда, 1995, с.41..
- ¹³ Подробнее см. Занятость отдельных социально-демографических групп населения переходной экономике России / под ред. Р.П.Колосовой, Т.О.Разумовой. – М., Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 1998, сс. 13-16; Е.Евстратова. Измерение профессиональной сегрегации по признаку пола// Современная экономическая теория. Материалы научной конференции “Ломоносовские чтения” - 1996. М., Экономический ф-т МГУ, ТЕИС, 1997, сс. 78-80.
- ¹⁴ Источник: Joyce J.Jacobsen. Op.cit. p.231. Расчеты проведены с использованием данных Census of Population and Housing 1980, Public-Use Microdata 1/100 C Sample.
- ¹⁵ С.Рощин. Занятость женщин в переходной экономике России. М., Тезис, 1996, сс. 34-36.
- ¹⁶ М.Баскакова. Равные возможности и гендерные стереотипы на рынке труда. М.МЦГИ, 1998, с 46.

ЛЕКЦИЯ 9. ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НЕФОРМАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ КЛЮЧЕВЫХ ПОНЯТИЙ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Интерес экономистов к исследованию неформальной экономики ярко обозначился в 70-80-е годы. Именно в этот период на повестку дня встали вопросы, на которые не могла дать ответ “классическая” экономическая теория. Эти вопросы касались, в первую очередь, стран третьего мира, развитие которых плохо подчинялось экономическим прогнозам и попыткам реформирования. Экономисты обратили внимание на то, что рядом и параллельно с официальной экономикой устойчиво существует “неформальный” сегмент экономической деятельности, позволяющий выживать немалой части населения, но никак не отраженный в официальной статистике. Это заставило пересматривать многие сложившиеся представления об экономическом развитии как таковом, о целесообразности, формах и масштабах государственного интервенционизма (т.е. вмешательства государства в развитие экономики).

Сам термин “неформальная экономика” был впервые использован в исследовании Кита Харта, выполненном по заказу Международной организации труда¹. Изучая трудовые стратегии городского населения, он выделил “формальные” и “неформальные” источники получения дохода и показал, что, хотя неформальная экономическая деятельность следует обычной рыночной логике, она все же имеет целый ряд особенностей, отличающих ее от формального сектора.

С конца 70-х годов термины “неформальная экономика” и “неформальный сектор” широко используются в экономической литературе. Между тем, объем и содержание самого понятия до сих пор остаются объектом оживленных дискуссий. Согласно официальному определению МОТ, к сфере неформальной деятельности относится “профессиональная деятельность как основная, так и вторичная занятость... приносящая доход и осуществляемая на постоянной основе вне легальных, регулируемых, контрактных обязательств”. Очевидно, однако, что подобное определение далеко не достаточно для того, чтобы понять суть этого сложного и противоречивого явления.

Наиболее часто упоминаемыми чертами неформальной экономики являются²:

- Нацеленность на выживание, а не на накопление капитала;
- Нацеленность на обеспечение занятости, а не максимизация средней прибыли;
- Трудоемкие работы на нерегулируемых рынках с высокой степенью неопределенности;
- Совокупность “незащищенного” труда в обществах, в которых постоянная работа внутри государственного сектора и рабочие места, охваченные профсоюзами, пользуются большим спросом и существенными привилегиями;
- Доступность подобной работы и использование в ней семейных и местных ресурсов;
- Семейные производственные единицы, в основе действия которых лежит семейный, а не наемный труд (и нацеленность на оптимальное использование семейного труда);
- Взаимная поддержка и кредитование, основанные в большей степени на доверии и родстве, чем на формальных контрактных соглашениях;
- Родство, соседство, этничность и принадлежность к одной и той же местности как источник определенных социальных отношений, в которые “погружено” экономическое действие;
- Незарегистрированное предпринимательство, следующее стратегии избегания отношений с государством;
- Интегрированные легальные, нелегальные и криминальные виды деятельности бедных слоев, нацеленные на выживание;
- Быт, инкорпорирующий многие из вышеприведенных характеристик, который различные поколения исследователей выделяли особо, называя “культурой бедности” или “моральной экономикой”.

Приведенный перечень характеристик позволяет составить представление о разнообразии явлений, охватываемых понятием “неформальная экономика”. К настоящему времени предложено немало определений, описывающих ее через тот или иной набор характеристик. Имеется также целый ряд классификаций неформальной деятельности, в основе которых лежат различные критерии. Подобное разнообразие в терминологии и методологических подходах отражает неоднородность неформальной

экономики как явления, ее обусловленность не только строго экономической логикой, но и существующими социальными нормами, или, пользуясь терминологией К.Поланьи, ее “погруженностью” в социальные отношения.

Как подчеркивает С.Барсукова³, в самом общем виде в рамках неформальной экономики можно выделить два принципиально различных сектора:

- *деятельность, не предполагающую наличие формализованного контракта как основы взаимодействия.*
- *деятельность, игнорирующую контрактное право;*

Первый сектор соответствует *домашней экономике*, в которой контракт является чужеродным элементом, а взаимодействие осуществляется на основе таких регуляторов как традиция, кооперация, солидарность, доверие и пр. Второй сектор соответствует *теневой экономике*, т.е. деятельности, “совершаемой в обход тех или иных формализованных институтов хозяйственной практики (регистрация и лицензирования, налогообложения, отчетности и т.д.)”⁴.

Критерий нарушения институциональных норм лег в основу одного из наиболее популярных современных подходов к классификации сегментов второго сектора. Этот подход был предложен представителями неоинституциональной экономики. В его основе лежит выявление *области нарушения институциональных норм*, которое является специфичным для каждого из сегментов теневого сектора. С позиций этого подхода выделяются четыре подобных сегмента: нелегальная экономика, нефиксируемая, неучтенная и неформальная как таковая.

Нелегальная экономика охватывает ту часть неформального сектора, которая связана с законодательно запрещенными видами деятельности. Этот сегмент неформального сектора может быть также определен как криминальная экономика (производство и сбыт наркотиков, проституция, нелегальное производство и торговля оружием, операции на черном валютном рынке и пр.).

Нефиксируемая экономика – эта область включает те виды деятельности, которые осуществляются с нарушением *норм налогового права* с целью ухода от налогов.

Неучтенная экономика включает виды деятельности, которые осуществляются с нарушением требований государственного *статистического учета* (искажение отчетности, приписки и пр.)

Неформальная экономика охватывает те виды деятельности, которые противоречат действующим нормам административного и хозяйственного права, а также сложившимся административным процедурам. Нарушение этих норм обеспечивает экономическим агентам определенную экономию на издержках производства и на трансакционных издержках. Взамен агенты неформальной экономики вынуждены отказываться от тех преимуществ, которые дает легализация экономической деятельности (защита прав собственности, социальная защищенность, формализованные трудовые контракты и т.д.)⁵.

Очевидно, что неформальный и формальный сектора различаются объемом и структурой издержек, (направленных либо на оплату тех благ, которые дает легализация, либо на решение проблем, связанных с нелегальным положением бизнеса). Таким образом, границы неформальной экономики могут меняться при изменении институциональных рамок, действующих в экономике.

Домашняя экономика и концептуализация женского труда

Содержание и структура труда в домашней экономике

Проблема концептуализации женского труда является частью более общей экономической проблемы – концептуального осмысления тех видов деятельности, результат которых не получает рыночной оценки. Эта проблема в своей основе порождена процессами индустриализации, отделившей непосредственного производителя от средств производства, создавшей рынок труда и разделившей трудовую деятельность на оплачиваемую и неоплачиваемую (“экономически невидимую”).

До 60-х годов интерес к экономическому анализу труда в домашней экономике проявлялся преимущественно со стороны представителей марксистской политэкономии. Основные дебаты в этом отношении развернулись между представителями классического марксизма, утверждавшими, что труд в домашнем хозяйстве является непроизводительным и не создает меновой стоимости, и сторонниками “обновленной” трактовки марксистского тезиса о домашнем труде.

Главным объектом дискуссий стал вопрос о том, является ли домашняя экономика (и, соответственно, домашний труд) источником создания стоимости. Позиции экономистов феминистской ориентации в этом вопросе далеко не однозначны. Одни (как, например, M.Gardiner и W.Secombe⁶) утверждали, что домашний труд женщин является источником прибавочной стоимости, поскольку позволяет работодателям снижать уровень заработной платы наемных работников. Работодатель, выплачивая зарплату своим работникам-мужчинам, фактически покупает рабочую силу двух человек — самого работника и его жены, которая обеспечивает домашнее обслуживание мужа-работника. Если бы домашний обслуживающий труд перестал существовать, то возросли бы издержки работодателя на рабочую силу, поскольку мужчины-работники были бы вынуждены оплачивать аналогичные услуги по рыночным ценам.

Согласно другой позиции, домашний труд (за исключением собственно производственной деятельности типа выращивания скота, изготовления одежды и пр.) не оказывает непосредственного воздействия на формирование рыночной цены рабочей силы и, следовательно, не участвует в создании прибавочной стоимости⁷. Логика этого подхода сводилась к тому, что домашний труд — это деятельность, смысл которой состоит в: (а) поддержании в “рабочем состоянии” способности к труду тех членов семьи, которые выходят на рынок труда; и (б) обеспечении процесса потребления тех благ, которые созданы наемным трудом. Вместе с тем, в рамках этого подхода подчеркивалось, что домашний труд может оказывать косвенное влияние на формирование рыночной цены рабочей силы через установление определенных стандартов образа жизни.

Экономисты неоклассического направления обратили внимание на сферу домашней экономики в 60-е годы благодаря работам Г.Беккера, который предложил новую теоретическую основу для анализа домохозяйства. В рамках беккеровского подхода труд в домашнем хозяйстве рассматривается как деятельность, преобразующая различные ресурсы — рыночные (товары и услуги) и нерыночные (например, время) — в потребительские блага, точно отвечающие индивидуальным потребностям членов семьи. В таком понимании труд в домашнем хозяйстве выступает как составная часть *кооперации и разделения труда* между членами семьи, когда одни (как правило, мужчины) работают в рыночном секторе, обеспечивая семью деньгами, а другие (как правило, женщины) заняты в домашнем хозяйстве, обеспечивая членам семьи определенные стандарты индивидуализированного потребления.

Вместе с тем, за рамками подобного анализа остается вопрос о том, каким образом можно *экономически оценить* деятельность тех, кто занят в домашнем хозяйстве. Показатель валового национального продукта (ВНП, GNP) по определению охватывает только труд, результаты которого оцениваются через рыночный механизм. Таким образом, вся сфера домашней экономики (включая производство в целях самообеспечения) “выпадает” из макроэкономических оценок экономической активности.

Методологические трудности по включению деятельности в домашней экономике в систему макроэкономических показателей носят двоякий характер. Во-первых, в рамках домашнего хозяйства выполняется множество различных видов деятельности, для оценки которых невозможно предложить единой методики. К примеру, приготовление пищи в принципе возможно оценить через затраты времени или через рыночную стоимость аналогичных услуг, однако, строго говоря, невозможно сделать то же самое в отношении рождения и воспитания детей. Во-вторых, за понятием домашнего труда скрываются качественно разнородные виды деятельности, которые крайне сложно не только привести к единым экономическим меркам, но даже классифицировать. В свое время Элбрейт, включивший главу “Потребление и понятие домохозяйства” в свою книгу “Экономика и общественные цели”⁸, называл домашнюю работу “трудом женщин, направленным на облегчение потребления”, тем самым идентифицируя домашний труд исключительно с функцией потребления. Некоторые авторы, придерживающиеся марксистской традиции, подчеркивали необходимость включения домашнего труда в понятие способа производства через такие составляющие как “создание потребительной стоимости” и “воспроизводство человеческой жизни”.

В настоящее время представления о содержании домашней экономики значительно расширились, однако исследователи пока весьма далеки от выработки единого мнения о классификации видов деятельности в домашнем хозяйстве. В наиболее общем виде в рамках домашней экономики выделяют две составные части. Во-первых, это деятельность производственного характера. Сюда включается нетоварная производственная деятельность (самообеспечение) и деятельность по поддержанию

("maintenance") в рабочем состоянии тех благ, которыми располагает семья (уборка, ремонт и пр.). Во-вторых, выделяется воспроизводственная деятельность в рамках домохозяйства. Внутри этой категории выделяют обслуживающий труд в отношении взрослых членов семьи ("физическое воспроизводство") и репродуктивный труд ("воспроизводство человеческой жизни"). Как можно видеть, в рамках этой классификации функция потребления "распадается" на две части: одна реализуется в рамках деятельности по поддержанию рабочего состояния домашних благ, а другая – в рамках обслуживающей деятельности и воспроизводства человеческой жизни. При этом соотношение различных видов деятельности в рамках домашней экономики варьирует по странам и даже по разным социальным стратам в рамках одной страны.

Классификация методов оценки деятельности в домашней экономике

Экономические методики, предложенные к настоящему времени для оценки труда в домашнем хозяйстве, не дают возможности провести точное разграничение обозначенных выше видов домашней экономической деятельности. Среди экономистов не существует также единого мнения о том, какие виды труда в домашнем хозяйстве должны получать экономическую оценку, и каким образом. Не вдаваясь в детальное обсуждение этого вопроса, можно принять в качестве отправной точки определение, предложенное M.Reid: *"Домашнее производство включает в себя те неоплачиваемые виды деятельности, которые осуществляются членами домохозяйства для себя (с целью собственного потребления – Е.М.). Эти виды деятельности могут быть заменены рыночными товарами или платными услугами, если обстоятельства (размеры дохода, рыночные условия или личные склонности) позволяют перепоручить данный вид услуг кому-либо, не являющемуся членом данного домохозяйства"*⁹.

Решая проблему экономической оценки домашнего труда, необходимо предложить общие измерители, которые могут быть применимы как в рыночной, так во вне рыночной среде. В качестве таких измерителей могут быть использованы *объемные либо стоимостные показатели затрат ресурсов или производства благ*¹⁰. В нижеследующей таблице в общем виде представлена классификация методов экономического оценивания домашнего труда¹¹.

Таблица

Классификация методов экономического оценивания домашнего труда

Объект измерения	Единицы измерения	Базовый показатель
1. Объем затраченных ресурсов		
Объем затрат ресурсов труда	Численность работников Количество часов работы	
Объем затрат прочих ресурсов (блага, потребляемые в процессе домашнего производства)	Единицы, соответствующие конкретному виду деятельности	
2. Объем произведенных благ		
Т.е. произведенные блага (продукты и услуги)	Единицы, соответствующие конкретному виду деятельности	
3. Стоимость затраченных ресурсов		
Стоимость ресурсов труда	Денежные единицы	<ul style="list-style-type: none"> Денежное вознаграждение замещающих работников; Денежное вознаграждение работников, выполняющих аналогичные функции в рыночном секторе;

		<ul style="list-style-type: none"> ▪ Денежное вознаграждение работников, выполняющих в рыночном секторе работы, требующие сопоставимой квалификации; ▪ Денежное вознаграждение, от которого отказываются работники, покидающие рыночный сектор (альтернативная "цена рабочего времени"); ▪ Среднее денежное вознаграждение работников рыночного сектора или минимум заработной платы; ▪ Вознаграждение за труд в натуральной форме;
4.Стоимость произведенных благ		
Т.е. произведенные блага (продукты и услуги)	Денежные единицы	Рыночная цена товаров, замещающих продукцию и услуги, производимые в домашнем хозяйстве

(а) Объемные показатели.

И в рыночном секторе, и в домашнем хозяйстве возможно оценить объем затраченных ресурсов труда. Этот объем можно измерить показателями численности рабочей силы, вовлеченной в трудовые процессы (численность работников), или показателями времени, затраченного на работу (количество часов работы). Объем иных входных ресурсов (сырье и полуфабрикаты, оборудование) или же конечной продукции может быть выражен в физических единицах измерения, или же, в случае услуг, в количестве лиц, которым оказаны те или иные услуги.

Использование показателя затрат труда до сих пор остается наиболее распространенным методом экономической оценки производства благ в домашней экономике. Вместе с тем, несмотря на все усложняющиеся подходы к сбору статистических данных и измерению численности рабочей силы, в этой области остается немало нерешенных проблем. Одним из главных недостатков существующих статистических подходов является недооценка численности работников и особенно женщин, занятых в нерыночном (домашнем) секторе. Эта недооценка связана с несколькими факторами.¹²

Во-первых, существуют немалые трудности в определении критериев для отнесения к категории неоплачиваемых семейных работников, составляющих немалую часть лиц, занятых в домашней экономике. В 1954 г. резолюция МОТ рекомендовала считать таковыми тех, кто участвует в семейной производственной деятельности по крайней мере *треть нормальной продолжительности рабочего времени*¹³. В этой связи возникают проблема определения того, что такое "нормальная продолжительность рабочего времени", и сколько времени в *действительности* отработал семейный работник (эта проблема касается всех семейных работников, как женщин, так и мужчин). Во многих странах принят подход, согласно которому для того, чтобы быть отнесенным к категории экономически активного населения, индивид должен проработать минимум 15 часов в течение двух недель, предшествующих проведению опроса. Однако если принять во внимание, что выполнение домашней работы не считается основанием для включения в категорию экономически активного населения, и, что женский семейный производственный труд тесно переплетен с домашними обязанностями, становится исключительно сложно провести границу между теми, кого следует считать неоплачиваемыми семейными работниками, и теми, кто занят в домашнем хозяйстве.

Во-вторых, когда в ходе опросов работников классифицируют в соответствии с их "основным занятием", то явно прослеживается тенденция к занижению данных о женщинах, занятых в семейном сельскохозяйственном производстве, сельском хозяйстве или в других видах нетоварного производства.

Данные по странам третьего мира показывают, что подобное занижение может достигать двух-трехкратной величины и даже более. Так, например, в Индии из опроса 1972 года были исключены женщины, чье основное занятие было определено как домохозяйка, но которые одновременно были

вовлечены в работу вне домохозяйства. По оценкам, полученным позже, было выяснено, что это привело к снижению доли “официально” работающих женщин с 23% до 13%¹⁴. Наихудшая ситуация в этом плане отмечается в мусульманских странах. Как отмечается в докладе МОТ, “за редким исключением, в ходе проведения опросов в этих странах женский труд, как правило, не регистрировался”¹⁵. Так, например, обследование, проведенное в Судане в 1956 году, и включавшее вопросы о первичной и вторичной занятости, показало, что в трудовую активность вовлечено 40% женщин, хотя официальная статистика давала цифру только в 10%¹⁶.

Существует несколько причин, по которым женщин не регистрируют в ходе опросов населения. Эти причины имеют различные основания, начиная от относительной нерегулярности женской работы вне домохозяйства (например, женщины, занятые в сезонных работах) до глубоко укоренившихся патриархатных взглядов на “домашнее предназначение” женщины. Если интервьюер специально не обращает внимание на этот вопрос, то большинство женщин попадают в категорию домохозяек. Кроме того, во многих странах считается престижным, если женщина не работает вне дома. Поэтому, когда задается вопрос о том, работает ли женщина, то и мужчины, и женщины склонны отвечать отрицательно. Кроме того, сообщение неполных сведений может быть связано с желанием скрыть приносящую доход деятельность женщин, чтобы не потерять выплачиваемые социальные пособия и семейные субсидии, привязанные к статусу домохозяйки, занятой исключительно домашним трудом¹⁷.

В-третьих, некоторые виды деятельности выполняются женщинами дома, хотя и явно связаны с выходом на рынок. Например, женщина может продавать еду, напитки или рукоделие на дому или рядом со своим домом. Близость этой деятельности к домашней работе делает ее невидимой и может не квалифицироваться как рыночная активность, если в инструкции по проведению опроса этот момент специально не оговаривается.

Следовательно, в вопросе об оценке женского участия в экономической деятельности традиционная статистика рабочей силы должна рассматриваться с критических позиций. Женщины, получающие зарплату, автоматически будут отнесены к рабочей силе, но занятые в сельском хозяйстве (а также другой деятельности, не имеющей явной связи с рынком), могут быть исключены из этой категории. Это особенно ярко проявляется в том случае, если сравниваются страны и/или регионы с преобладанием сельскохозяйственного производства, с одной стороны, и промышленного, с другой.

Для межстранового сопоставления показателей занятости широко используются данные о соотношении численности работающих мужчин и женщин в отдельных регионах и странах, собранные МОТ из национальных опросов и переписей. Эти данные показывают, что *уровень* занятости мужчин выше, чем женщин. Наименьший средний уровень занятости женщин зарегистрирован в Латинской Америке, а наиболее высокий - в странах Европы и Северной Америке. Учитывая высокую степень вовлеченности женщин в сельскохозяйственное производство в африканских странах, могут вызвать недоумение низкие показатели по странам этого региона. Однако, эти данные должны рассматриваться только как грубая оценка уровня занятости женщин. Кроме того, объем сельскохозяйственной работы, выполняемой женщинами, выше среди наиболее бедной части крестьянства. Это свидетельствует о том, что недооценка в большей степени затрагивает женщин из наиболее бедных слоев.

(б) Стоимостные показатели

Сфера домашней экономики не охватывается механизмом рыночного ценообразования. Поэтому, чтобы обеспечить сопоставимость между рыночным и нерыночным секторами, необходимо дать некоторую стоимостную оценку деятельности в домашней экономике. Обычно *блага, производимые в домашнем хозяйстве*, оцениваются по цене аналогичных благ, предоставляемых рыночным сектором. Этот метод используется, в частности, для стоимостной оценки сельскохозяйственного производства, не поступающего на рынок (т.е. производимого фермерами для собственного потребления). В этом случае возможно оценить в стоимостной форме вклад фактора “труд”, либо дать стоимостную оценку продукции, произведенной в домашнем хозяйстве. Вместе с тем, затруднительно дать стоимостную оценку по вкладу фактора “капитал”¹⁸.

Стоимостные оценки *труда в домашнем хозяйстве* обычно основаны на величине заработной платы в рыночном секторе. Основой для подобных стоимостных оценок могут служить:

- Денежное вознаграждение замещающих работников, которые могли бы быть наняты для осуществления производственной деятельности в домашнем хозяйстве; эти замещающие работники могут

быть как узкоспециализированными (повар, прачка, няня и пр.), так и иметь широкую профессиональную специализацию (домашняя прислуга, экономка, помощница по дому);

- Денежное вознаграждение работников, выполняющих в рыночном секторе функции, аналогичные тем, которые выполняются в домашней экономике;
- Денежное вознаграждение работников, выполняющих в рыночном секторе работы, требующие сопоставимой квалификации по сравнению с работами в домашнем хозяйстве;
- Денежное вознаграждение, от которого отказываются работники, покидающие рыночный сектор и посвящающие все свое время домашнему хозяйству т.е. альтернативная "цена рабочего времени" ("opportunity cost of time");
- Среднее денежное вознаграждение, получаемое работниками рыночного сектора (иногда с учетом дифференциации по полу, возрасту, уровню образования, места проживания и пр.), или законодательно установленный минимум заработной платы;
- Вознаграждение за труд, предоставляемое в натуральной форме, т.е. неденежные блага (льготы по оплате жилья, льготное питание, одежда, медицинское обслуживание и пр.).

Перечисленные выше стоимостные оценки, основанные на денежном вознаграждении в рыночном секторе, в различных методиках применяются либо к общей численности работников, занятых в домашнем хозяйстве, либо – к объему человеко-часов работы в домашней экономике.

Стоимостные оценки *объема производства в домашнем хозяйстве* могут быть получены на основе применения рыночных цен либо к общему замещению всей продукции домашнего хозяйства (например, уход за детьми, за больными, за пожилыми в соответствующих общественных учреждениях), либо к замещению отдельного вида производства (например, питание вне дома, майка, выстиранная и выглаженная в прачечной, фунт джема, купленного в рыночном секторе).

Об объеме домашней экономики (понимаемой в соответствии с вышеприведенным определением M.Reid), можно судить по следующим цифрам: 2/3 макроэкономических оценок, соответствующих этому определению, оценивают объем домашнего производства в промышленно развитых странах величиной в 25-40% от валового внутреннего продукта этих стран.¹⁹

В настоящее время уже не вызывает серьезных разногласий вопрос о том, что домашняя экономика представляет собой экономическую деятельность, имеющую немало общего с рыночным производством, и, кроме того, тесно связанную с рынком (например, в части принятия решений о распределении времени между рыночными и нерыночными видами деятельности). Однако, попытки стоимостного измерения благ, производимых в домашнем хозяйстве, показали, что прямое распространение рыночных цен на деятельность в домашней экономике ведут к серьезным затруднениям при включении объема этой продукции в национальную статистику.

В заключение подчеркнем, что чисто экономический подход к анализу домашней экономики и, в первую очередь, к анализу вклада женщин в ее функционирование, представляется явно недостаточным. Этот подход полностью игнорирует внерыночную логику, которая является одной из особенностей функционирования домашней экономики.

В качестве иллюстрации этого тезиса приведем только два примера. Первый касается продолжительности времени, затрачиваемого на домашний труд. Как показала в свое время Бетти Фридан, домашний труд можно описать с помощью известного закона Паркинсона ("работа имеет тенденцию заполнять все имеющееся время"). Эта особенность домашнего труда связана с тем, что он не имеет жестко зафиксированных стандартов качества и критериев оценки. Поэтому при увеличении ресурсов времени женщины повышают стандарты качества домашнего труда, вследствие чего он заполняет все свободное время. Этот факт полностью противоречит логике рыночной рациональности, в рамках которой время выступает в роли ресурса, имеющего рыночную цену и предполагающего оценку целесообразности его использования.

Второй пример иллюстрирует взаимосвязь между трудом в домашнем хозяйстве, с одной стороны, и структурой социальных отношений и системами социального контроля, с другой. Как показала М.Макинтош²⁰ на примере Сенегала, каждый из видов труда формирует и воспроизводит специфический ряд социальных отношений. Один ряд отношений связан с выполнением домашней работы. Сюда включаются брак, правила родства и совместного проживания, выполнение домашнего труда и контроль за ним. Эти отношения формируют домохозяйство как целостную социальную структуру и кон-

тролируют поведение его членов. Второй ряд отношений связан с выполнением работы в нетоварном секторе (как правило, в этом случае имеется в виду сельскохозяйственное производство). Основная особенность этого набора отношений – установление социального и трудового контроля по принципу старшинства, когда старшие мужчины домохозяйства контролируют деятельность младших. Эти два набора социальных отношений тесно взаимосвязаны и не могут существовать друг без друга. В социально-экономической системе, основанной на институте домохозяйства (а именно так устроено большинство традиционных сообществ), контроль старших мужчин распространяется на всю систему и включает два элемента: поддержание подчиненного положения женщин по отношению к мужчинам, и поддержание подчинения молодых мужчин старшим. При этом подчиненное положение женщин является ключевым моментом, поскольку его нарушение угрожает стабильности всей системы. Как подчеркивает М.Макинтош, в социальном плане подобная “двухслойная” система социальных отношений не является чем-то уникальным, и ее отголоски в той или иной форме можно обнаружить и в современном обществе.

ГЕНДЕРНАЯ СЕГМЕНТАЦИЯ НЕФОРМАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

Первоначально анализ гендерной сегментации неформального сектора был основан на исследованиях экономики стран третьего мира, где формы и масштабы развития неформальной деятельности начали изучаться еще несколько десятилетий назад. Впоследствии гендерное измерение проникло и в анализ неформального сектора развитых стран. Наконец, в последние годы внимание стала привлекать и неформальная сфера в постсоциалистических странах, отказавшихся от централизованного планирования. Очевидно, что некоторые теоретические подходы, также как и анализ управленческой практики, выработанной при изучении неформальной экономики других стран, могут найти применение и в российских условиях.

Участие женщин в неформальной экономической деятельности имеет сложную внутреннюю структуру и выраженную динамику. В настоящее время многие авторы придерживаются периодизации участия женщин в неформальном секторе, которая была предложена Р.Пирсон в ее исследовании “Гендерные отношения, капитализм и индустриализация стран третьего мира” (1994)²¹. Р.Пирсон выделяет три этапа в процессе воздействия индустриализации на занятость женщин. Первый этап соответствует этапу индустриализации, ориентированному на развитие импорт-замещающего производства, второй этап охватывает период развития экспортно-ориентированного производства, и наконец, третий этап может быть обозначен как период глобальной феминизации рабочей силы.

Первый этап – “импорт-замещающее производство”

Первое аналитическое описание взаимосвязи процессов индустриализации и женской неформальной занятости было предложено в книге Э.Боузрап “Роль женщин в экономическом развитии”²². По мнению Боузрап, процесс экономического развития влечет за собой увеличение экономической пропасти между мужчинами и женщинами, которая находит свое выражение, в частности, в неравном распределении благ, обеспечиваемых экономическим ростом. Основные выводы автора базируются на анализе ситуации в африканских странах (Суб-Сахарский регион) в тот период, когда основная линия национальной экономической политики была ориентирована на развитие внутреннего производства, замещающего импорт. В эти годы, соответствующие пику популярности политики “модернизации”, представлялось, что национальное экономическое развитие может привести к обеспечению индустриальной занятости для населения этих стран, повысить материальный уровень жизни семей и снизить экономическое неравенство. Однако, как показала Э.Боузрап, на практике политика модернизации, ориентированная на импорт-замещающее производство, привела к диаметрально различным последствиям для мужчин и женщин, увеличив экономический и статусный разрыв между ними. Если мужчины в своем большинстве оказались включены в миграционные потоки между деревней и городом и активно вовлекались в новые индустриальные сектора, то женщины оставались в стороне от процессов трудовой миграции и продолжали поддерживать традиционный сельский образ жизни, ориентированный на выживание и экономическое самообеспечение. Точно также и в сельской местности, инициативы по внедрению прогрессивных агротехнологий (получившие название “зеленой революции”), как правило, не затрагивали женщин, которые оказывались вытесненными в домашнее хозяйство и се-

мейное нетоварное сельскохозяйственное производство. В то же время мужчины, проживающие на селе, получали выгоды от выращивания прибыльных культур, поставляемых на рынок. Таким образом, вывод автора заключается в том, что как в городе, так и на селе женщины либо вообще не включаются в процесс модернизации (и фактически остаются за рамками рынка труда), либо попадают в маргинальные слои рабочей силы, выполняя низкостатусную и низкооплачиваемую работу (например, домашняя прислуга, проститутки, уличные торговцы и пр.).

Логика Э. Боузрап (придерживавшейся либерального подхода) получила несколько иное развитие в работах исследовательниц-феминисток (преимущественно марксистской ориентации), которые утверждали, что асимметричное воздействие процессов индустриализации на экономическое положение мужчин и женщин объясняется политикой капитала, заинтересованного в поддержании резервной армии труда (важной составной частью которой являются именно женщины). В развивающихся странах эта тенденция протекает в более острой форме, поскольку рабочая сила, высвобождаемая из сферы сельского хозяйства, не может достаточно быстро поглощаться развивающимся индустриальным сектором²³.

Эти идеи высказывались в тот период, когда доминировали дуалистические модели экономики, основанные на жестком разделении между "формальным" и "неформальным" секторами. При этом формальный сектор воспринимался как очаг современной экономики, в то время как неформальный – как зона господства "хозяйственного традиционализма". Неформальная экономика рассматривалась как переходное явление, характерное для стран, переживающих процесс модернизации, то есть двигающихся по пути от традиционализма к современной индустриальной экономике. В рамках этой парадигмы неформальный сектор рассматривался как периферийная зона экономики, способная давать доход только на уровне бедности и не обладающая потенциалом для независимого роста²⁴.

Вместе с тем, уже в конце 70-х годов появляются исследования, в которых подчеркивается расплывчатость границ между формальным и неформальным секторами, и указывается на особые методологические трудности, возникающие при анализе женской экономической активности. В частности, Л.Ариспе²⁵ на примере Мехико показала, что граница между формальным и неформальным секторами особенно трудноуловима, если речь идет о женской экономической активности. Фактически единственным критерием, позволяющим установить эту грань, является наличие и регулярность получения доходов. Так, например, женщины, работающие в качестве домашней прислуги, считаются частью экономически активного населения, а стоимостная оценка их деятельности включается в валовой национальный продукт. Вместе с тем, женщины, выполняющие точно такие же обязанности у себя дома, не считаются занятыми, а их деятельность остается полностью невидимой для экономической статистики (и не включается в ВВП). Наконец, женщины, которые выполняют подобную работу за деньги, но на нерегулярной основе (как совместители, или на основе взаимовыгодного обмена — например, в рамках локального городского или сельского сообщества), учитываются как работники неформального сектора.

Второй этап – “экспортно-ориентированное производство”

В 80-е годы происходит коренной пересмотр описанной выше концепции неформальной экономики. В эти годы становится все более очевидным, что роль неформального сектора невозможно свести к некоему "переходному периоду" от традиционной экономики к экономике индустриального типа. Вместе с тем, стало пересматриваться и сложившееся ранее представление о роли женщин в рамках неформального сектора. Стратегии индустриализации стран третьего мира, разработанные под эгидой МОТ, продемонстрировали к этому моменту свою полную несостоятельность, не обеспечив решения поставленных экономических и социальных задач. Под воздействием экономического кризиса середины 70-х годов международные корпорации стали разрабатывать новые модели промышленного инвестирования в страны третьего мира, стремясь сократить величину издержек на рабочую силу. Результатом этого стала постепенная переориентация экономики развивающихся стран на принципиально иную стратегию индустриализации, которую характеризует активное развитие производства, ориентированного на экспорт. Начинается складываться так называемая "анклавная" модель модернизации, при которой промышленные зоны компактно расположены внутри социально-экономического пространства, практически не затронутого процессами модернизации. Наиболее яркими примерами по-

добного анклавного сценария является возникновение в странах Восточной и Юго-Восточной Азии и Латинской Америки зон свободной торговли и зон экспортного производства.

Ориентация на минимизацию издержек на рабочую силу приводила к вытеснению в эти зоны ряда трудозатратных производств, не требующих высокой квалификации, но весьма малопривлекательных для населения развитых стран (текстильная промышленность, электроника и пр.) В итоге переход к модели индустриализации, ориентированной на экспорт, привел к существенному росту женской занятости в новых индустриальных секторах. При этом фирмы предпочитали нанимать на работу молодых женщин, еще не успевших создать семью и не имеющих детей.

Дискуссии о том, какие преимущества дала женщинам (и дала ли вообще) эта модель индустриализации, продолжаются до сих пор. Тем не менее, мало кто отрицает тот факт, что эта экономическая стратегия обеспечила существенное расширение женской занятости в целом и сформировала новый тип женской рабочей силы.

Третий этап – “глобальная феминизация рабочей силы”

В отличие от двух вышеописанных, третий этап в осмыслении феномена неформального сектора был связан с определенной периориентацией внимания с экономики стран третьего мира на ситуацию развитых стран. Неолиберальная экономическая политика эпохи М.Тэтчер и Р.Рейгана привела к дерегулированию трудовых отношений и урезанию власти профсоюзов. Результатом этих процессов стало разрушение представлений об абсолютном доминировании формального сектора (со всеми соответствующими гарантиями для занятых) в экономике развитых стран. В итоге произошла глубокая трансформация сферы занятости, изменившая ее основные параметры. Этот эффект, по меткому выражению Г.Стэндинга, получил название “глобальной феминизации рабочей силы”²⁶. Смысл этого процесса заключается не только в количественном изменении параметров участия женщин в экономической деятельности (абсолютное увеличение численности работающих женщин и рост их доли в численности занятых), но и в качественном изменении самих *условий занятости*. Речь идет о том, что условия занятости всех работников, как мужчин, так и женщин, стали все более приближаться к стандартам женской занятости, а, тем самым, все ближе сдвигаться в сторону “неформальности”, (низкая зарплата, ненадежность занятости, расширение частичной занятости, распространение случайной и нерегулярной занятости). И хотя тезис о “глобальной феминизации” разделяют далеко не все исследователи, работающие над проблемами неформальной экономики, практически никто не оспаривает существования вышеперечисленных тенденций в системе занятости развитых стран.

Вместе с тем, трансформация сферы занятости дала толчок к новым теоретическим интерпретациям неформальной экономики²⁷. Эти интерпретации были предложены как в рамках неоклассической, так и марксистской парадигм. Неолиберальный вариант, выдвинутый Всемирным Банком, получил свое наиболее полное выражение в книге Херандо де Сото “Другой путь”²⁸. Автор утверждает, что расширение неформального сектора является реакцией на чрезмерность государственного вмешательства в экономику. В итоге немалая часть населения, не имея возможности удовлетворить свои потребности в рамках формального сектора, вытесняется в зону “неформальности”. С этой точки зрения неформальный сектор следует рассматривать как своеобразный резерв для развития предпринимательства и источник социально-экономической динамики.

Иной подход, также развиваемый в рамках неоклассической парадигмы, был предложен экспертами Международной Организации Труда. Они, также как и де Сото, не отрицают динамизма неформального сектора, но при этом подчеркивают, что в развитии неформальной экономики есть целый ряд слабых мест, таких как низкие производительность труда и доходы, повышенная интенсивность труда, недостаточный профессионализм, и, наконец, техническая отсталость.

Марксистская интерпретация исходит из того, что расширение неформального сектора представляет собой универсальный процесс, происходящий как в странах третьего мира, так и в развитых капиталистических странах. При этом неформальный сектор является не маргинальным приложением к национальной экономике, а ее органичной составной частью. Расширение “зоны неформальности” выражает политику крупных корпораций, развивающих неформальные отношения для обеспечения большей гибкости производства. Эта линия развития вполне отвечает логике *постфордизма*, когда структура занятых на предприятии или фирме состоит из стабильного и небольшого по численности кадрового ядра, окруженного многочисленными периферийными слоями занятых. Подобная структура

обеспечивает широкие возможности проведения гибкой стратегии занятости на уровне фирмы (в плане сокращения или увеличения численности работников). В итоге нестабильная занятость становится одной из ключевых характеристик новых условий капиталистического накопления. Периферийные слои рабочего класса рекрутируются из работников, имеющих относительно более слабые позиции на рынке труда (женщины, этнические меньшинства, нелегальные мигранты, молодежь), что заставляет их соглашаться на худшие условия занятости (более низкая зарплата, худшие условия труда, отсутствие социальных гарантий и должностных перспектив).

Таким образом, на смену представлениям о едином рабочем классе, имеющим сходные социально-экономические позиции и интересы, приходит представление о рабочей силе как принципиально сегментированной и гетерогенной. Эти выводы хорошо согласуются с эмпирическими данными, показывающими, что неформальная экономика глубоко сегментирована по полу, и женщинам принадлежат рабочие места с наихудшими условиями занятости.

Кроме того, женщины выполняют в сфере неформальной занятости практически те же (или сходные) виды работ, что и в домашнем хозяйстве. Объяснение подобного положения дел связано с тем, что неформальный сектор экономики в существенно большей мере, чем формальный, "погружен" в культурный контекст общества. В результате и предложение женского труда, и спрос на него в сфере неформальной экономики отражают культурные предписания в целом, и, в частности, гендерные стереотипы в отношении занятости женщин, согласно которым женская работа вне дома по своему содержанию является продолжением женских домашних обязанностей.

Как показывают статистические данные, в начале 90-х годов завершился двадцатилетний период, в течение которого наблюдался достаточно стабильный рост занятости женщин в формальном секторе экономики. С начала 90-х этот рост наблюдается преимущественно в регионах экспортно-ориентированного производства. Вместе с тем, общий уровень занятости женщин в экономике (включая как формальный, так и неформальный сектор) не понизился, но в ряде регионов даже вырос. Однако этот рост происходил за счет увеличения доли женщин на нижних этажах субподрядных сетей, которые стали активно развиваться именно в эти годы. Организационная перестройка производства, затронувшая многие отрасли (как в развитых странах, так и в экспортных промзонах развивающихся стран), имела в качестве одного из организационных прототипов модель надомной занятости, в которой традиционно были заняты женщины. Таким образом, и в рамках неформального сектора женщины оказались вытеснены в его наименее защищенный и плохо оплачиваемый сегмент. (надомницы, работницы, занятые в маленьких цехах с примитивным оборудованием и плохими условиями труда и пр.). Помимо собственно пола, важным фактором гендерной сегментации являются и семейные ограничения. В частности, женщины, которые до замужества работали на фабрике, после создания семьи, как правило, вынуждены переходить на надомную занятость.

ЗАНЯТОСТЬ ЖЕНЩИН В НЕФОРМАЛЬНОМ СЕКТОРЕ СТРАН С ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКОЙ

Важнейшие особенности неформальной экономики в значительной степени определяются конкретным социально-экономическим контекстом и историческими условиями той или иной страны. До недавнего времени неформальный сектор изучался преимущественно на примере стран Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, и, в меньшей степени, Африки. Затем, уже в конце 80-х гг. пришла очередь европейских стран (преимущественно Южная Европа) и США. Что же касается бывших социалистических стран, то особенности формирования и развития неформальной экономики в этом регионе до сих пор остаются наименее исследованными. Параллели между этими странами и странами третьего мира не представляются достаточно обоснованными в силу различий в культурном и социально-экономическом контексте. Вместе с тем, основными причинами расширения неформального сектора в обоих случаях считаются сокращение степени государственного регулирования экономики и снижение государственных расходов на социальные цели.

Рассмотрим некоторые особенности неформального сектора постсоциалистических стран на примере современной России. Неформальный сектор в России развивался на основе широко распространенных неформальных практик советского периода. Однако, к настоящему времени функции и роль неформальной экономической деятельности существенно изменились. Неформальная занятость перестала играть вспомогательную роль по отношению к доходам от основной занятости, как это было в советское время, когда она обеспечивала небольшое денежное дополнение к зарплате или пенсии. В

настоящее время именно неформальная занятость нередко становится главной опорой семейного бюджета.

Резкий рост неформальной занятости в период экономических реформ проявил многие скрытые характеристики неформального сектора, такие, в частности, как культурная укорененность неформальных отношений и значимость гендерных стереотипов. К гендерному разделению профессий формального сектора на “мужские” и “женские” добавилась аналогичная сегрегация и в неформальной сфере.

Однако, несмотря на то, что внешне российский неформальный сектор имеет немало черт сходства с ситуацией стран третьего мира, существуют и немаловажные отличия.

Во-первых, неформальный сектор в России имеет принципиально иные источники рекрутирования кадров. Как уже было сказано выше, во многих странах третьего мира неформальный сектор поглощает значительную часть лиц, дискриминируемых на рынке труда, таких, в частности, как вынужденные и добровольные мигранты, представители этнических и расовых меньшинств, молодежь, женщины. Для этих групп населения невозможность найти работу в формальном секторе во многих случаях была обусловлена не только наличием дискриминационной составляющей, но и отсутствием необходимой квалификации. В России же немалую часть работников неформального сектора составляют бывшие квалифицированные специалисты с высшим образованием (как женщины, так и мужчины), уволенные с предприятий и из организаций государственного сектора в годы проведения экономических реформ. Однако пути трудовой мобильности мужчин и женщин, потерявших рабочие места в государственном секторе, оказались различными. Если мужчинам нередко удавалось вновь трудоустроиться в государственный сектор либо перейти в развивающийся коммерческий сектор, то женщины заняли низкостатусные ниши в сфере неформальной занятости.

Во-вторых, в отличие от развивающихся стран, неформальный сектор в России имеет иную структуру видов деятельности и, соответственно, занятости: здесь заметно выше доля торговли и услуг при сравнительно слабом развитии собственно производственных видов деятельности (включая домашнее производство). Наиболее типичными для России видами деятельности в рамках неформального сектора являются рыночная и уличная розничная торговля, предоставление разнообразных услуг населению, таких как ремонт и строительство жилья, транспортные услуги (частный извоз), репетиторство, уборка жилых помещений и офисов, приготовление пищи, уход за детьми и престарелыми, пошив одежды.

В-третьих, хотя российский неформальный сектор характеризуется высокой степенью гендерной сегментации, эта сегментация имеет иной характер, чем в неформальном *производстве*. Если в регионах с развитым неформальным производством гендерная сегментация формируется по вертикали вдоль цепочек субподрядчиков, то в России, где преобладают неформальные *услуги*, гендерное разделение труда строится по горизонтальному принципу, то есть по видам деятельности (для сравнения см. лекцию 8 о гендерной сегрегации в занятости).

Как подчеркивает З.Хоткина²⁹, “мужскими” являются наиболее высокооплачиваемые виды деятельности, такие как ремонт квартир и автомобилей, частный извоз. Занятость в среднеоплачиваемых видах деятельности носит смешанный характер при некотором преобладании женщин. К числу этих видов относятся репетиторство, частные уроки, пошив одежды, работа “челноков” и пр. Наконец, в наименее оплачиваемых видах деятельности, таких как уличная торговля или лоточная торговля на рынке (“работа на хозяина”) практически полностью преобладают женщины.

Как отмечает Дениз Кандиотти, еще одной (причем исключительно важной в современном российском контексте) осью гендерной сегментации неформального сектора является *степень криминализации* экономической деятельности. Наиболее прибыльные (и одновременно наиболее криминальные) сферы охраны, рэкета и контроля за рыночными нишами (не говоря уже о чисто криминальных видах деятельности типа сутенерства, содержания притонов, торговли наркотиками и т.п.) являются полностью “мужскими”³⁰. В этих сегментах неформального сектора женщины присутствуют в лучшем случае на нижних этажах “должностной иерархии” (например, проститутки). В целом же женщины обычно занимают так называемые “ниши выживания”, не имеющие значимой криминальной составляющей, но и не обеспечивающие высоких доходов (типа розничной торговли в киосках и на рынках). Подчеркнем, что эту модель гендерного разделения труда никак нельзя считать чем-то новым. Она основана на глубоко укорененном культурном стереотипе, согласно которому рынок, и уж тем более,

неформальный мир патронажа и взяточничества - исключительно мужская область, куда не допускаются женщины.

Помимо пола, важным фактором сегментации в неформальном секторе являются возраст и образование. Специфическое сочетание признаков пола, возраста и образования порождает различные конфигурации гендерной сегментации неформального рынка рабочей силы. "Более прибыльные неформальные работы для женщин в индустрии развлечения, проституции и эскорт-обслуживании заняты молодыми привлекательными женщинами, в то время как более бедные пожилые женщины должны зарабатывать на жизнь на низкооплачиваемых работах в сфере услуг и торговлей на улице. Женщины, социальный и интеллектуальный капитал которых позволял в прошлом получить высокостатусную работу, легче находят возможности применения своих умений либо в возникающем корпоративном секторе, либо в качестве предпринимателей в неформальной экономике. И наконец, структура домохозяйства по возрасту и полу является решающей характеристикой с точки зрения его благосостояния, обрекая пожилых, вдовых и одиноких на ранее немыслимую степень уязвимости." ³¹

Направления государственной политики в отношении неформального сектора

Очевидно, что перспективы женской занятости в России в немалой степени зависят от того, в каком направлении будет происходить эволюция формального и неформального секторов экономики. Успех решения проблем в "зоне неформальности" зависит как от экономической политики государства в отношении неформального сектора, так и от программ иностранных инвестиций и проектов..

В социально-экономическом пространстве современной России неформальный сектор играет неоднозначную роль. С одной стороны, в условиях экономического кризиса неформальный сектор способствует поддержанию занятости и доходов населения, то есть выполняет часть задач, с которыми не могут справиться государство и крупный бизнес. С другой стороны, специфика неформального сектора такова, что он постоянно воспроизводит криминальные и полукриминальные экономические отношения.

Именно поэтому большинство специалистов в этой области подчеркивают, что линия государства должна быть направлена на легализацию неформальной экономики и обеспечение ей стабильного правового климата. В ряду мер государственной политики обычно называют такие, как упорядочение системы налогообложения малого предпринимательства и микропредпринимательства (самозанятости), упрощение порядка регистрации и отчетности в отношении предприятий неформального сектора и т.п.

Однако помимо мер общего характера, затрагивающих всех лиц, занятых в неформальном секторе, необходимы специфические меры, адресованные непосредственно женщинам. В их числе могут быть, в частности, образовательные программы, позволяющие женщинам-предпринимателям приобретать навыки и умения, необходимые для успеха, предоставление финансовых средств (кредитование, субсидирование) на организацию и развитие бизнеса. Наконец, важной формой поддержки является и предоставление юридической помощи лицам, занятым в неформальном секторе.

Примечания

¹ K. Hurt. Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana // Journal of Modern African Studies. 1973, N 11.

² Подробнее см.: Т.Шанин. Эксплоятные структуры и неформальная экономика современной России. В: Неформальная экономика. Россия и мир. М., "Логос", 1999, с. 14.

³ С.Барсукова. Неформальная экономика и сетевая организация пространства в России. // Мир России, N1, 2000, сс. 52-68.

⁴ Там же, с. 53.

⁵ E.Feige. Defining and Estimating Underground and Informal Economics: The New Institutional Economics Approach.// World Development, 1990, Vol.18, N7. Pp.989-1002.

⁶ Seccombe, Wally. The Housewife and her Labour Under Capitalism.// New Left Review 83 (Jan.-Feb.), 1973, pp.3-24.

⁷ M.Molyneux. Beyond the Domestic Labour Debate. // New Left Review, no 116, 1979.

⁸ Galbraith J.K. Economics and the Public Purpose. Boston, Houghton Mifflin Co. 1973.

⁹ M.G.Reid. Economics of Household Production. New York, Wiley and Sons, p.11.

-
- ¹⁰ Подробнее см. L.Goldschmidt-Clermont. Unpaid Work in the Household: A Review of Economic Evaluation Methods. International Labour Office. Geneva, 1982.
- ¹¹ Там же, с. 6.
- ¹² Более подробно по этому поводу см. Lourdes Beneria. Conceptualizing the Labour Force: the Underestimation of Women's Economic Activities. – in: On Work. Historical, Comparative and Theoretical Approaches. Edited by R.E. Pahl. Basil Blackwell, Oxford, N.Y., 1984.
- ¹³ Резолюция была принята на Восьмой Международной Конференции по статистике труда, состоявшейся в Женеве в ноябре-декабре 1954 г. Итоги дискуссии по данному вопросу обсуждаются в G.Standing. Labor Force Participation and Development. Geneva, ILO, 1978, p.30.
- ¹⁴ Gulati L. Occupational Distribution of Working Women. An Inter-State Comparison. Economic and Political Weekly, 25, Oct. 1975, 1692-1704. Цит. По Beneria L. Op.it. p. 376.
- ¹⁵ ILO. Labor Force Projections. Geneva, 1977, VI – 11.
- ¹⁶ Standing G. Op.cit. P. 29.
- ¹⁷ Beneria L. Op.cit. p. 376.
- ¹⁸ O.Hawrylyshyn. Towards a Definition of Non-market Activities. // Review of Income and Wealth (New Haven, Conn.), March 1977, pp. 79-96.
- ¹⁹ L.Goldschmidt-Clermont. Op.cit. p. 4.
- ²⁰ Maureen M. Mackintosh. Domestic Labour and the Household. Sandra Burman (ed.,) Fit Work for Women, Croom Helm, 1979.
- ²¹ Pearson R. (1994). Gender relations, capitalism and Third World+ industrialization // Capitalism and Development / Ed. L.Sklair. L.: Routledge, 1994.
- ²² Boserup E. Women's Role in Economic Development. N.Y. St. Martin's Press. 1975.
- ²³ Saffioti H. Women in Class Society. N.Y.; L. Monthly Review Press, 1978.
- ²⁴ Portes A., Sassen-Koob S. Making it Underground: Comparative Material on the Urban Informal Sector in Western market Economies // American Journal of Sociology. 1987. Vol. 93.
- ²⁵ Arizpe L. Women in the Informal Labor Sector: The Case of Mexico City // Wellesley Editorial Committee (ed.) Women and National Development. Chicago: University of Chicago Press, 1977.
- ²⁶ Standing G. (1989). Global Feminization through Flexible Labor // World Development. 1989. Vol.17.N7.
- ²⁷ Подробнее см. Rakowski C. Convergence and Divergence in the Informal Sector Debate: A Focus on Latin America. 1984-1992 // World Development. 1994. Vol. 22. N 4.; Meagher K. Crisis, Informalization and the Urban Informal Sector in Sub-Saharan Africa // Development and Change. 1995. Vol. 26.
- ²⁸ Soto H. De The Other Path. N.Y. Harper and Row, 1989.
- ²⁹ З.Хоткина. Женская безработица и неформальная занятость в России. Вопросы экономики, 2000, № 3, с. 85-94.
- ³⁰ Д. Кандиотти. Пол в неформальной экономике: проблемы и направления анализа. – в кн. Неформальная экономика. Россия и мир. М., Логос, 1999. с. 366.
- ³¹ Там же с. 367.

РАЗДЕЛ III.

ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ПОЛИТИКИ И ПРАВА

ЛЕКЦИЯ 10. РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН (1900 - 2000)

Государственная политика в отношении женщин — это часть социальной политики, которая формирует правовой и социальный статус женщин как крупной социально-демографической группы, регламентирует их взаимоотношения с обществом.

Выделение государственной политики в отношении женщин в качестве самостоятельного предмета исследования обусловлено рядом причин.

Во-первых, на протяжении всего XX века социальный статус женщин зависел не только от внутренней политики государства в целом, но и от степени гендерной асимметрии в обществе на том или ином историческом этапе. Во-вторых, участие женщин в профессиональной и общественно-политической деятельности имеет ряд специфических проблем, связанных с их репродуктивными и семейными ролями. В-третьих, женщины являются крупной социально-демографической группой населения, поэтому детальное изучение их роли в различных сферах жизни общества способствует более полному осмыслению исторического пути, пройденного российским государством в последнее столетие.

В предлагаемом исследовании государственная политика в отношении женщин рассматривается в конкретно-историческом аспекте.

На каждом историческом этапе детерминантами ее содержания и результативности являются господствующие в обществе и у политической элиты представления о роли и статусе женщины в обществе; тип экономических отношений и уровень социально-экономического развития страны; характер политического режима, уровень демократии в государстве и обществе; уровень взаимодействия субъектов государственной политики: властных структур, политических партий, женских масс.

В основу анализа положен принцип историзма, который позволил рассмотреть государственную политику в развитии, выявить качественные изменения подсистем, осмыслить направленность трансформации политики властных структур в отношении женщин на различных временных этапах.

Гендерный анализ применен автором для изучения социальной политики в сферах образования, занятости, вовлечения женщин в сферу управления.

Различают несколько типов государственной политики в отношении женщин.

Патриархатный тип основан на концепции определенного разделения функций в семье и обществе между мужчиной и женщиной. При этом "естественным" предназначением женщины считаются материнство, воспитание детей и ведение домашнего хозяйства. Мужчине предназначаются роли субъекта государственной, профессиональной и общественной деятельности, главы и "кормильца" семьи, связующего звена между семьей и обществом в целом.

Основными целями патриархатной политики можно считать сокращение участия женщин в профессиональной деятельности; создание условий для выполнения женщиной "естественных" функций матери и хозяйки дома, ограничение ее участия в процессе принятия управленческих решений, общественной сфере, пропаганда идеала незанятой женщины.

Патерналистская политика — это политика государственного протекционизма по отношению к женщине, в основу которой положено марксистско-ленинское понимание путей решения женского вопроса. Основными компонентами этого типа политики являются: достижение равноправного юридического социального положения женщины и мужчины; широкое участие женщин в общественном производстве; создание условий для совмещения женщиной трех ролей: работницы, матери и хозяйки дома; организация системы социальной защиты женщины в виде льгот, пособий, отпусков в связи с рождением ребенка и уходом за ним, ограничений применения женского труда и т.п.

Эгалитарный тип государственной политики ставит основной целью создание равных условий для самореализации личности во всех социальных сферах независимо от пола. Речь идет не об "усреднении" человека, а об устранении полоролевых различий в процессе его социализации, достижении такого состояния общества, когда женщинам и мужчинам будут гарантированы равные возможности для реализации их творческого и личностного потенциала.

Основными направлениями эгалитарной политики являются: участие женщин во всех сферах профессиональной деятельности, включая управление государством; выравнивание соотношения в оплате труда по отраслям производственной и непроизводственной профессиональной деятельности; создание условий для максимального освобождения членов семьи от выполнения рутинной домашней работы; распространение государственных льгот, связанных с уходом за детьми, на обоих родителей; преодоление патриархатных стереотипов мужских и женских ролей в обществе, создание благоприятного общественного мнения о социальном равенстве полов.

Советский период в истории России характеризуется установлением юридического равноправия полов.

Период 1992-1997гг. отличается от предыдущего новыми социальными процессами: становлением российской государственности, формированием политической системы демократического типа, радикальным реформированием социально-экономической сферы, многоплановой социальной дифференциацией общества, снижением уровня жизни значительных слоев населения, в том числе женщин.

Государственная политика в сфере образования женщин

Российская государственная политика в сфере образования женщин включает несколько исторических этапов: 1900 - 1917 гг.; 1917 - 1991 гг.; 1991 - 2000 гг.

В начале XX века задачи демократического преобразования политической системы выдвинули в число первоочередных вопрос о всеобщем начальном образовании. С этим требованием выступили политические партии, общественные организации, крестьянские сходы, собрания рабочих, городские думы. 3 мая 1908 года правительством был принят закон об обязательном бесплатном начальном образовании для детей 8 - 12 лет.

Однако в реальной практике развитие начального образования для девочек сталкивалось с рядом преград. Во-первых, в соответствии с господствовавшей патриархатной концепцией предназначения женщины быть матерью и хозяйкой дома властные структуры считали образование девочек и женщин необязательным. Такое же мнение господствовало в массовом сознании. Во-вторых, экономическая элита была заинтересована в дешевой неграмотной женской рабочей силе. В результате начальное образование развивалось медленными темпами и носило дискриминационный в отношении женщин характер. В начальных школах всех ведомств девочки составляли всего 27 % учащихся¹.

Женское среднее образование развивалось медленными темпами. Средние учебные заведения открылись для девиц всех сословий. С 1870 года они были преобразованы в женские гимназии и прогимназии. Учебная программа в этих учебных заведениях ориентировала девушек на выполнение материнской функции. Женское среднее образование функционировало на средства общественных и частных пожертвований. В начале XX века по всей России в городских школах высшего типа училось всего 22 914 девочек².

Развитию высшего женского образования в России способствовали инициативы либерального течения женского движения. Действовавшие с конца 70-х годов XIX века высшие женские курсы в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Казани и других городах были открыты под давлением женской демократической общественности и функционировали на средства женских организаций³. Первым высшим учебным заведением для женщин стал Женский медицинский институт, открытый по указу императора в 1895 г.

В начале XX века потребности экономического развития страны стимулировали институционализацию женского профессионального образования. Были открыты Высшие женские коммерческие курсы, Женские сельскохозяйственные курсы, Техничко-графический институт, Высшие педагогические курсы в Петербурге и Москве, высшие женские юридические, строительные, технические и другие курсы.

Следует отметить, что развитие среднего и высшего образования затрагивало интересы женщин привилегированных и различных слоев. Для большинства женского населения России, работниц и крестьянок, доступ к полноценному образованию был закрыт.

В советский период политика в области образования женщин претерпела принципиальные изменения. Повышение уровня образования женщин рассматривалось как неременное условие достижения равноправия полов. Ведущим субъектом политики выступали партийные комитеты и органы государственной власти. В результате сочетания идеологических и административных мер к 1926 году в

советской России грамотность женщин в возрасте 9 - 49 лет достигла 42,7 %, а уровень их грамотности в городе стал приближаться к грамотности мужчин: соответственно 73,9% и 88,0% ⁴. К началу 30-х годов неграмотность среди женщин была в основном ликвидирована.

В связи с активным развитием промышленного производства и ростом потребности в квалифицированной рабочей силе с конца 20-х годов в стране стала формироваться система среднего и высшего профессионального образования. С целью вовлечения в эту систему женщин для них бронировалось 50 % мест в школах ФЗУ, 25 % мест на рабфаках высших технических учебных заведений. В результате к 1938 году женщины составляли 43% от общего числа студентов ⁵. В послевоенный период квотирование мест в учебных заведениях было упразднено, поскольку все виды образования стали для женщин доступны.

В целом образование явилось одной из немногих сфер, где женщины достигли фактически равного положения с мужчинами. В начале 90-х годов из тысячи женщин, занятых в народном хозяйстве, 927 имели высшее и среднее образование; а из тысячи занятых мужчин только 914 имели такое образование.⁶ Однако социальная практика выявила ряд крупных проблем и противоречий. Во-первых, женщины были сконцентрированы на малопrestижных и малооплачиваемых работах, в том числе таких, которые требовали высшего образования (народное образование, здравоохранение, культура).

Во-вторых, они имели ограниченные возможности для продвижения по службе, составляя всего 5,6 % от общего числа руководителей предприятий⁷. В-третьих, интеллектуальный потенциал женщин был мало востребован и в сфере науки, процент докторов наук - женщин был незначителен. В-четвертых, как в обществе, так и во властных структурах продолжал держаться стереотип, что политика и управление государством не являются сферой самореализации женщин.

В постсоветский период (с 1991 года) в ходе осуществления социально-экономических и политических реформ в рамках нового российского государства система высшего и среднего образования претерпела определенные изменения. Параллельно государственной системе образования стали функционировать частные, коммерческие учебные заведения всех типов, ежегодно растет число студентов вузов, обучающихся на платной основе. Анализ показывает, что на современном этапе не наблюдается крупных изменений в составе студентов вузов, учащихся техникумов по половому признаку. Вместе с тем наметилась тенденция сокращения доли девушек среди студентов вузов (с 58 % с советский период до 49 % к середине 90-х годов) ⁸. Продолжается процесс концентрации женщин в низкооплачиваемых профессиях. Так, девушки составляют 71 % студентов педагогических, 65 % студентов медицинских вузов. Вместе с тем, идет вытеснение женщин из высокооплачиваемых профессий. В учебных заведениях экономики и права в 1995 году девушки составляли 65 % против 74 % в 1985 году⁹.

По-прежнему не в полной мере реализуется интеллектуальный потенциал женщин в сфере науки. Среди докторов наук женщины составляют 17,9 %, среди кандидатов наук - 31,9 % ¹⁰.

Таким образом, на этапе 1917 - 2000 гг. в российском государстве осуществлены коренные перемены, позволившие обеспечить доступ женщин ко всем формам образования. Однако высокое образование практически не стимулирует экономическую мобильность, продвижение по службе, не влияет на рост материального положения женщин. Поэтому у нас нет оснований утверждать, что в сфере образования Российского государства достигнута гендерная симметрия.

Государственная политика в сфере занятости женщин

Для этапа 1900 - 1917 гг. была характерна патриархатная концепция полоролевых различий в обществе. Мужчине предназначались роли субъекта государственной, профессиональной и общественной деятельности. "Естественным" предназначением женщины считались сферы материнства, воспитания детей и ведения домашнего хозяйства.

Государственные структуры законодательно закрепили недопущение женщин на государственную службу, в сферы политики и хозяйственного управления, к интеллектуальным профессиям, связанным с высшим и специальным образованием.

Вместе с тем, потребности промышленного производства требовали новых источников рабочей силы. Этой дополнительной рабочей силой в начале XX века стали выступать женщины. Одной из причин роста женской занятости можно также считать активизацию рабочего движения и, как результат, замену рабочих - мужчин менее требовательными к условиям труда и менее социально активными

женщинами. В 1913 г. в мануфактурной промышленности женщины составляли 52,9 % занятых в отрасли рабочих¹¹.

Органы государственной власти не считали необходимым разрабатывать последовательную политику в области создания условий для достойного труда женщин, совмещения ими производственной и репродуктивной функций.

Отсутствовали законы об охране мужского и женского труда, что приводило к большому числу производственных травм. Закон о вознаграждении получившим увечье появился только в 1903 г. Социальное страхование рабочих было введено лишь в 1912 г.

Установление в 1906 г. 10-часового рабочего дня и разрешение рабочим по Манифесту от 17 октября 1906 г. учреждать союзы для защиты своих интересов с последующим объединением в профессиональные общества явились следствием давления трудящихся масс, в том числе работниц, на властные органы.

Следует отметить, что занятые в промышленном и сельскохозяйственном производстве женщины, подвергаясь экономической эксплуатации наравне с мужчинами, испытывали и дискриминацию по признаку пола. Гендерное неравенство проявлялось в нескольких направлениях и имело определенную правовую базу.

Образцовый бюджет рабочих, разработанный в 1902 - 1905 гг. по высочайшему поручению, утверждал прожиточный минимум в месяц для мужчины - 21 руб., для женщин - 17 руб.¹² В данную сумму не включались средства на отдых, образование, воспитание детей, лечение. В начале XX века заработная плата женщин, занятых в мануфактурной промышленности, составляла 10 рублей в месяц, против 14 - 15 рублей у мужчин¹³.

Бесправие и закабаленность характеризовали положение крестьянок, составлявших большинство женского населения в России. Являясь незаменимой рабочей силой в сельском хозяйстве, они также вели домашнее хозяйство, занимались детьми, изготавливали одежду для всей семьи.

Неравенство женщин в профессиональной сфере усугублялось отсутствием законов об охране материнства и детства, отсутствием государственной системы ухода за детьми и престарелыми.

Патриархальный характер политики государства в сфере занятости женщин проявлялся в ограничениях возможностей служить на государственной службе, в сферах деятельности, связанных с принятием управленческих решений, в жесткой регламентации допуска женщин к интеллектуальным профессиям.

Только при настойчивом требовании женской общественности в первом десятилетии XX века на государственном уровне были решены вопросы о получении женщинами, имеющими высшее медицинское образование, ученых степеней магистра или доктора, а также права на равную с мужчинами службу в Академии наук.

II Государственная дума, рассмотрев предложения женских организаций, приняла решение допустить женщин в канцелярию думы для работы по письмоводству, счетоводству, стенографии, а также в библиотеке.

По инициативе Российской лиги равноправия женщин (РЛРЖ) и объединения женщин-юристов Государственная дума на своем заседании 16 марта 1912 г. признала желательным принятие закона о допуске женщин в адвокаты.

В 1915 г. по ходатайству Российской лиги равноправия женщин перед директором почт и телеграфа Петербурга женщинам было разрешено работать почтальонами.

В целом наиболее активными субъектами политики в сфере занятости женщин выступали рабочий класс, его политическая организация в лице социал-демократической партии и либеральные женские организации.

Нет оснований утверждать, что государственная политика в сфере занятости женщин в 1900 - 1917 гг. была последовательной. Напротив, государственные меры по вовлечению женщин в профессиональную деятельность носили противоречивый характер и соответствовали консервативно-патриархальной системе воззрений на полоролевые различия. Являясь значимым субъектом экономической жизни, женщины испытывали дискриминацию во всех профессиональных группах. Будучи значительной частью рабочей силы в сферах промышленного и сельскохозяйственного производства, они имели ограниченный доступ к профессиям, требующим высшего и специального образования, были исключены из сферы управления.

Фактически отрицалось право женщин на творческую самореализацию и достойные условия профессиональной деятельности. Их реальный статус на рынке труда был неадекватен темпам экономического развития государства.

В советский период политика правительства основывалась на марксистско-ленинской концепции решения женского вопроса. Основными компонентами этого типа политики являются: провозглашение юридического равноправия женщин и мужчин; широкое участие женщин в общественном производстве; создание условий для совмещения женщиной профессиональной, семейной и репродуктивной функций; организация системы социальной защиты женщин в виде льгот, пособий, отпусков в связи с рождением ребенка и уходом за ним, ограничений применения женского труда и т. п. На протяжении всего этого периода приоритетным направлением "женской" государственной политики выступало вовлечение женщин в общественное производство. Право женщин на труд, его оплату, социальное обеспечение было закреплено во всех Конституциях СССР. В постановлении ЦК ВКП(б) от 15 июня 1929 г. "Об очередных задачах партии среди работниц и крестьянок" подчеркивалось, что "привлечение широких женских трудящихся масс к социалистическому строительству приобретет первостепенное значение"¹⁴. И.В. Сталин называл трудящихся женщин "резервом", а "при правильной политике рабочего класса - настоящей армией рабочего класса"¹⁵.

Темпы вовлечения женщин в общественное производство нарастали на протяжении всего периода. В общей численности рабочих и служащих они составляли в 1928 г. - 24 %, в 1940 г. - 39 %, в 1960 г. - 47 %, в 1980 г. - 51 %, к началу 90-х годов - 51 %¹⁶. Те же тенденции наблюдались в сельском хозяйстве. В общей численности лиц, занятых в сельском хозяйстве, женщин насчитывалось в 1939 г. - 52 %, в 1959 г. - 54 %, к концу 80-х гг. - 45 %. К середине 50-х гг. сложились определенные феминизированные отрасли народного хозяйства. Женщины составляли 74 % от общего числа врачей, 71 % учителей, 95 % медицинских сестер, 99,7 % воспитателей в детских садах, 69 % культурно-просветительских работников, 91 % библиотекарей, 78 % работников связи¹⁷.

В начале 90-х годов уровень занятости женщин трудоспособного возраста составлял 84 %¹⁸. Возросло количество феминизированных отраслей. Женщины были сконцентрированы в следующих отраслях: банковское и страховое дело - 90 %, медицина и социальная защита - 82 %, образование - 79 %, текстильная, швейная промышленность - 70 - 89 %, хлебопекарная и кондитерская - 72 %, обувная - 69 %¹⁹.

Обозначенная тенденция имела ярко выраженный дискриминационный характер, так как по всем отраслям с высоким уровнем концентрации женщин наблюдается следующая зависимость: чем выше доля женщин в отрасли, тем ниже уровень средней заработной платы. В целом заработная плата женщин составляла к началу 90-х гг. около двух третей заработной платы мужчин. По данным Госкомстата СССР в 1990 г. заработную плату до 200 руб. в месяц имели в РСФСР 76,1 % профессионально занятых женщин, свыше 300 руб. - лишь 6,1 %²⁰.

Таким образом, на всех этапах социалистического строительства женщины составляли незаменимую рабочую силу, выступали важным субъектом экономической жизни страны. Между тем государственная политика не была способна решить ряд проблем, которые могли бы существенно повысить трудовой потенциал женщин, улучшить качественные характеристики их профессиональной деятельности.

Во-первых, высокая степень концентрации женщин в низкооплачиваемых профессиях, на предприятиях с непрогрессивной, поточно-конвейерной организацией производства, несоответствие между уровнем образования и тарифным разрядом привели к тому, что в 90-х гг. качество женской рабочей силы было более низким, чем у мужчин. К началу рыночных реформ женщины обладали более низкой конкурентоспособностью на рынке труда.

Во-вторых, на всех этапах 1917 - 1990 гг. государственная политика не ставила целью достижение равноправного участия женщин и мужчин в сфере управления народным хозяйством. В результате в 1985 году руководящие позиции занимали 4,5 % работавших в промышленности женщин и 9 % мужчин²¹.

В-третьих, неотъемлемой частью "женской" государственной политики явилась система социальной защиты женщины, сосредоточение многообразных льгот и выплат, адресованных семье, по месту работы женщин. Традиционное патриархатное закрепление за ними ведения домашнего хозяйства и ухода за детьми было перенесено на ряд льгот на рынке труда. В результате женщины во многих про-

фессиях, в том числе на руководящих должностях, стали восприниматься работодателями как нежелательные работники.

В-четвертых, государственная ориентация всех членов семьи на профессиональную деятельность не была подкреплена развитием службы быта и общественного питания. Разрабатываемые в этом направлении программы не сумели устранить высокую бытовую загруженность женщин.

В связи с этим, нет оснований утверждать, что в советский период женщины и мужчины принимали равноценное участие в экономической жизни.

Все эти проблемы еще более обострились в 1992 - 2000 гг. - на этапе экономических реформ, проводимых новым государством - Российской Федерацией. Обозначим основные из них.

Очевидны негативные изменения в гендерной структуре занятости, ведущие к повышению концентрации женщин в отраслях с низкой заработной платой и сокращению их удельного веса в тех профессиональных сферах, где с началом рыночных реформ возрос уровень оплаты труда. По данным Госкомстата РФ в 1994 г. в феминизированных отраслях заработная плата составляла от 49 до 80 % по народному хозяйству, а в отраслях преимущественно мужской занятости (газовой, угольной, нефтедобывающей) соответственно от 206 до 360 %²².

Формирование частного сектора экономики не оказало положительного влияния на эти процессы по ряду причин. Женщины составляют всего 18 % руководителей малых предприятий, их доля среди работников с высоким и сверхвысоким заработком незначительна²³.

Мужчины занимают 94 % "высших", 85 % "главных" и 68 % "ведущих" должностей на всех уровнях государственной службы. Среди чиновников на "младших" должностях занято 80,6 % женщин; "высшие" должности занимают всего 1,3 % женщин²⁴.

Параллельно развивается процесс вытеснения женщин из общественного производства в целом. Если в 1985 г. женщины составляли 51 % занятых в профессиональной сфере, то в 1995 г. уже 47 %²⁵.

На протяжении всего исследуемого периода властные структуры не предпринимали эффективных мер по привлечению женщин к принятию экономических решений. На современном этапе женщины также не принимают участия в разработке финансовой, бюджетной, коммерческой и других видов политики, не участвуют в разработке политики, касающейся системы налогообложения и норм, регулирующих заработную плату.

Хотя женщины вносят вклад в экономическое и социальное развитие как за счет оплачиваемого, так и за счет неоплачиваемого труда, их неоплачиваемая (домашняя) работа не получает количественной оценки и не учитывается в национальных счетах. Между тем, профессионально занятые женщины затрачивают на ведение домашнего хозяйства в три раза больше времени, чем мужчины. В результате бытовая загруженность продолжает сдерживать карьерные устремления женщины и на этапе экономических реформ.

Таким образом, анализ документальных и исторических источников делает возможным сформулировать ряд выводов о характере государственной политики в сфере занятости женщин на протяжении XX века.

Очевидно возрастание роли женщин в экономической жизни государства на всех исторических этапах, кроме периода перехода к рыночной экономике (1992 - 1998 гг.). В основе этой тенденции лежит свойственная любой экономике закономерность привлекать женскую рабочую силу в период экономического роста и вытеснять ее с рынка рабочей силы в периоды спада.

Несмотря на декларацию государственной поддержки экономически активного женского населения в советский и пост-советский периоды, на протяжении XX века в России сложился специфический рынок труда, имеющий характерные признаки гендерной асимметрии: наличие явной и скрытой сегрегации женщин при занятии рабочих мест; дискриминация по признаку пола при оплате труда; отстранение женщин от полноценного участия в управлении экономикой; низкая степень востребованности образовательного потенциала женщин; малая мобильность женской рабочей силы ввиду высокой бытовой загруженности, отставания по квалификации и выполнения функции материнства.

Концепция государственной политики в сфере занятости женщин на этапе 1917 - 2000 гг. представляла собой эклектичную систему, включающую патриархальные, радикально-демократические, эгалитарные, утопические воззрения и подходы. К началу XXI века при чрезвычайно высокой доле женщин среди профессионально занятых отмечается низкое участие женщин в сфере управления экономической жизнью общества.

Государственная политика по вовлечению женщин в сферу управления

Под государственной политикой по вовлечению женщин в сферу управления понимается деятельность властных структур, направленная на равноправное представительство мужчин и женщин в органах законодательной и исполнительной власти, привлечение женщин к управлению производственными и трудовыми коллективами в экономической и социальной сферах жизни общества.

Впервые российские женщины получили политические права в марте 1917 года, когда под давлением многотысячной манифестации питерских женщин Временным правительством был внесен пункт в положение о выборах в Учредительное собрание, согласно которому члены собрания избирались всеобщим, прямым, тайным и равным голосованием без различия пола. Этот шаг вперед по пути признания женщин субъектом политической жизни явился заслугой либерально-демократического направления женского движения.

Первоначальным этапом участия российских женщин в выборных органах власти можно считать май-август 1917 г., период выборов в городские и районные думы. Результаты избирательной кампании показали неготовность политических партий и населения к признанию за женщинами права на полноценную политическую деятельность. По всем партиям количество кандидатов из числа женщин не превышало 12%, в том числе от партии большевиков - 10 %. По итогам выборов в Центральную городскую думу Петрограда из 200 депутатов было всего 10 женщин (5 %)²⁶.

Второй этап государственной политики по вовлечению женщин в сферу управления охватывает 1917 - 1986 гг. – период социалистического строительства в России. После октябрьской социалистической революции политические права женщин были закреплены в Конституции 1918 г. Они стали обладать пассивным и активным избирательным правом, получили доступ к государственной службе. Однако социальная практика всего советского периода показала, что в сфере политики и управления высокий образовательный и профессиональный потенциал, инициативность и работоспособность женщин оказались наименее востребованными государством. До конца 30-х годов численность женщин-депутатов местных советов было незначительным. Так, в 1922 году, несмотря на призывы партии, они составляли 11 % депутатов городских советов и 1% депутатов сельсоветов²⁷. В 1937 году начала внедряться неофициальная партийная разнарядка на участие женщин в выборных органах власти всех уровней. Среди депутатов Верховного Совета СССР того периода они составляли 30 %, местных советов - около 40%²⁸. В 1960 году процент женщин в представительных органах власти колебался от 27 в Верховном Совете СССР до 41 в районных Советах депутатов трудящихся²⁹. Подобное процентное соотношение держалось вплоть до 1989 года.

Третий этап участия женщин в выборных органах власти начался в 1987 году, в начальный период реформ, и завершился к моменту распада СССР, образования самостоятельного российского государства. Он характеризуется отменой партийной разнарядки представительства женщин в местных Советах. Это привело к резкому снижению доли женщин в законодательных структурах всех уровней. По итогам выборов 1989 года в Верховном совете СССР они составили 18,5%³⁰. Еще ниже был уровень представительства женщин на Всесоюзном съезде народных депутатов.

Период российской государственности (1991 - 1999 годы) отличается углублением гендерной асимметрии в сфере политики и управления. Характерной чертой данного этапа является выступление общественного движения "Женщины России" в качестве самостоятельного субъекта политической жизни. Получив 8,13% голосов избирателей, движение образовало в V Государственной Думе РФ (1993 - 1995 гг.) фракцию, состоящую из 21 депутатки.

В ходе выборов в Государственную Думу 1995 года движение "Женщины России" не сумело набрать необходимые 5% голосов избирателей. Сказались разобщенность женского движения, жесткая конкуренция со стороны мужчин, отсутствие финансовых средств.

Опыта полноценного представительства в органах исполнительной власти женщины нашей страны не имеют. Поскольку в дореволюционный период эти должности были для женщин официально запрещены, целесообразно выделить два этапа в осуществлении политики привлечения женщин к управлению государством: советский и постсоветский периоды.

В период строительства социализма в партийных документах был провозглашен курс на равноправное участие женщин и мужчин в управлении государством. Однако женщины не назначались на высшие государственные посты, не занимали постов министров, за исключением должностей минист-

ров культуры и здравоохранения СССР. В состав Политбюро ЦК КПСС они избирались лишь трижды: Е. Фурцева, А. Бирюкова, Г. Семенова. Периодически женщины стояли во главе президиумов Верховных Советов отдельных союзных республик. Вместе с тем, партийные комитеты контролировали процесс участия женщин в деятельности исполнительных органов власти через привлечение их на должности заместителей председателей президиумов Верховных Советов СССР, Советов Министров СССР и союзных республик. Регулировался процесс представительства женщин на вторых ролях в руководстве отраслевых министерств, партийных комитетов на местах.

Государственная поддержка решения проблемы адекватного представительства женщин в сфере управления осуществлялась по нескольким направлениям: создание женщинам условий для совмещения профессиональной и семейной ролей (увеличение мест в дошкольных учреждениях, снижение уровня заболеваемости детей в детских учреждениях, приближение сферы бытовых услуг к месту работы женщин). Данные меры были направлены в основном на увеличение доли женщин в управлении производственными коллективами всех отраслей, где их процент был также незначителен.

В период радикальных социально-экономических преобразований (1991 - 1999 годы) наметилась тенденция отстранения женщин от участия в управлении государством на всех уровнях. В федеральном правительстве до начала 1994 года была одна женщина-министр – Э.Памфилова. Две женщины являлись советниками Президента РФ. Женщины отсутствовали в высшем управленческом аппарате. В состав правительства в 1997 году входили две женщины - министры здравоохранения и культуры. Три женщины возглавляли федеральные комитеты, имеющие ранг министерств. Однако все эти государственные посты не являются ключевыми при разработке внутренней и внешней политики государства. В составе правительства 1999 года трудится одна женщина, В. Матвиенко, в должности вице-премьера, среди министров женщины отсутствуют. Нет их в Совете безопасности.

Нельзя утверждать, что властные структуры устранились от управления процессом продвижения женщин в сферу управления. 30 июня 1996 года был принят Указ Президента РФ "О повышении роли женщин в системе федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации". Однако анализ показывает, что данная проблема остается нерешенной на всех уровнях власти. Женщины занимают большинство должностей низшей ступени государственной службы.

В ходе предвыборной кампании 1999 года ситуация существенно не изменилась. Ведущие женские организации не смогли объединиться для участия в выборах в Государственную Думу на автономной основе. "Общественно-политическое Движение Женщин России" вошло в состав избирательного блока "Отечество – Вся Россия". Движение "Женщины России" включились в предвыборную борьбу самостоятельно. Политические партии и избирательные блоки, следуя сложившимся стереотипам, при составлении избирательных списков отдали мужчинам явное предпочтение.

Результаты выборов в Госдуму оказались прогнозируемыми. Женщины составляют 7,6 % депутатского состава.

В целом среди факторов, препятствующих адекватному представительству женщин в сферах политики и управления, целесообразно выделить:

- социокультурные стереотипы, ориентирующие женщину на семью, воспитание детей и в значительно меньшей степени на участие в политике;
- низкую степень самооценки, отсутствие в жизненной стратегии большинства женщин притязаний на карьеру политика или руководителя;
- кризисную ситуацию в экономике страны, падение жизненного уровня большинства семей, разрушение социальной инфраструктуры;
- жесткую конкуренцию со стороны мужчин в борьбе за значимые посты во властных структурах, отсутствие у большинства женщин необходимых навыков, деловых контактов и финансовых средств для полноценного участия в этой борьбе.

В целом в 90-е годы, в условиях социальных трансформаций, идет смена парадигмы "женской" государственной политики от патерналистской модели в направлении эгалитаризма. Этому способствует ряд обстоятельств: демократизация политического режима, формирование гражданского общества, активная деятельность новых государственных структур, женщин-депутатов Государственной Ду-

мы, ученых, инициативы женских организаций, развитие гендерных исследований в академических научных центрах и системе высшего образования, использование зарубежного опыта.

Однако закреплённая в документах концепция достижения равноправия женщин и мужчин находится в ярко выраженном противоречии с социальной практикой. Экономические и политические реформы последнего десятилетия сопровождаются снижением социального статуса женщин по всем основным направлениям.

В чем причина? Однозначного ответа нет. Вероятно, сказываются условия переходного периода в развитии государства и общества. Интегрируя в мировое сообщество, Российская Федерация участвует в ряде международных соглашений, принятых по инициативе ООН и направленных на обеспечение равноправия мужчин и женщин. Международные обязательства, взятые на себя Российской Федерацией, стимулируют законотворческую деятельность в области достижения равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин. Подтверждением данного вывода служит тот факт, что из 12 правительственных решений и Указов Президента РФ по данной проблеме 11 приняты после завершения работы IV Всемирной конференции по положению женщин.

Немаловажным фактором является и развитие гражданского общества, элементом которого выступает "новое" женское движение. Многочисленные женские инициативы побуждают органы власти к действию.

Что касается финансового и ресурсного обеспечения принимаемых решений, то здесь органы исполнительной власти действуют по проверенному историей "остаточному принципу", поскольку относят проблему гендерного равенства к второстепенным вопросам внутренней государственной политики.

Примечания

¹ Хвостов В.М. Женщина накануне новой эпохи. М., 1905, с.93.

² Народное образование в России. М., 1910. с.122.

³ Стасов В.В. Надежда Васильевна Стасова: Воспоминания и очерки. Спб., 1899, с. 311-314.

⁴ Народное образование, наука и культура в СССР. Стат.сб. М., 1977, с.269.

⁵ Опыт КПСС в решении женского вопроса. М., 1981, с. 155.

⁶ Социальное развитие СССР. М., 1990, с. 215, 217.

⁷ Женщины в СССР: Стат.материалы. М., 1990, с. 27.

⁸ Женщины России: Стат.сборник. М., 1995, с. 84.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, с. 85.

¹¹ Федоров А.С., Воронов Л.Н. Мануфактурная промышленность. Трехсотлетие царствования дома Романовых: Россия в ее прошлом и настоящем (1613-1913). М., 1914. с.24.

¹² Труды Первого Всероссийского женского съезда в Санкт-Петербурге 10-16 декабря 1908 г. Спб., 1909, с.298.

¹³ Там же, с. 168.

¹⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970, Т. 4, с. 49.

¹⁵ Сталин И.В. К международному женскому дню. Сталин И.В. Собр. Соч. М., 1953. Т.7, с.49.

¹⁶ Женщины в СССР..., с. 24.

¹⁷ Там же, с. 25.

¹⁸ Женщины и дети в СССР. Стат.материалы. М., 1963, с.90-91.

¹⁹ Фонг М. Роль женщины в перестройке российской экономики. Препринт. Вашингтон, 1994, с. 17.

²⁰ Вестник статистики. 1991. № 2, с.53-54.

²¹ Фонг М., Указ.соч., с.18.

²² Женщины и мужчины в России : Краткий статистический сборник. М., 1997, с.56-57.

²³ Там же, с. 67.

²⁴ Информационно-аналитические материалы о численности и составе женщин, занятых в федеральных и региональных органах государственной власти. М., 1998, с.5.

²⁵ Женщины и мужчины России..., с.52,53.

²⁶ Женский вестник. 1917, 9/10, с. 108.

²⁷ Крупская Н.К. Женщина - равноправный гражданин СССР. М., 1937, с. 17.

²⁸ Чирков П.М. Решение женского вопроса в СССР. М., 1976, с.178.

²⁹ Женщины в СССР..., с. 65.

³⁰ Там же, с.21.

ЛЕКЦИЯ 11. ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 1999 г. В РОССИИ¹.

Подводя итоги двадцатого века, серьезные аналитики, как правило, относят к числу его достижений массовый прорыв женщин в политику, в сферу управления обществом.

Наиболее успешной "тихая женская революция" оказалась в таких странах как Канада, Исландия, Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия. Женщины этих стран добились паритетного представительства во всех структурах власти. И, что самое важное, изменили содержание политики. Ее главными приоритетами являются отныне вопросы повседневной жизни людей - здравоохранение, образование, пенсионное обеспечение и т.д. Именно сюда - в социальную сферу и направляется большая часть бюджетных средств.

Под воздействием женщин, пришедших к власти, эти страны стали самыми спокойными и удобными для жизни рядового человека. И именно поэтому - самыми развитыми, устойчивыми. Демократия здесь опирается на прочный фундамент участия граждан в жизни общества, в определении целей и задач его развития. Всех граждан - как мужчин, так и женщин.

Ценность этого опыта признана мировым сообществом. Этот опыт побудил ООН сопоставить особенности и основные направления деятельности парламентов стран мира с различными гендерными характеристиками. По оценкам ООН, только тогда, когда в составе депутатского корпуса той или иной страны больше 20% женщин, законодатели всерьез начинают разрабатывать законопроекты в интересах детей. И только тогда, когда их доля приближается к 30% женщин, появляются законы и государственные программы, отвечающие насущным интересам женщин. Но главный вывод ООН заключается в том, что только паритетное участие мужчин и женщин в структурах государственной власти гарантирует принятие ответственных политических, социальных, экономических решений, а потому обеспечивает устойчивое развитие любой страны.

А как участвуют в политическом процессе российские женщины?

Верность истории заставляет нас вспомнить, что вплоть до начала XX века Россия была абсолютной монархией и правом на участие в политике, правом голоса в ней не обладал никто - ни женщины, ни мужчины. Буржуазная революция 1905 года принципиально изменила ситуацию. На ее волне 17 октября 1905 года появился Высочайший манифест Николая II, объявивший о том, что в стране вводится новый конституционный строй и созывается Государственная Дума - орган народного представительства. Опубликованный 11 декабря 1905 года Закон о порядке выборов в Думу предоставил избирательные права только мужчинам. Женщины оказались, таким образом, исключенными из категории граждан, обладающих политическими полномочиями.

С этого момента возникает вопрос о гражданском равенстве мужчин и женщин, о предоставлении женщинам прав и возможностей участвовать в политическом процессе, избирать и быть избранными в органы представительной власти. Его разрешением занялись, в первую очередь, женские организации, активно отстаивавшие в начале века идеи женского равноправия. Они использовали для этого разнообразные формы коллективного действия - петиции в органы государственной власти, собрания, митинги, демонстрации.

Одной из самых известных акций тех лет было Обращение Русского женского взаимно-благотворительного общества - старейшей из женских организаций - в 1-ю Государственную Думу, под которым подписались 5 000 женщин. Обсуждение этого Обращения в Думе привело к образованию специальной Комиссии, которая должна была разработать законопроект о предоставлении женщинам избирательных прав. Но 1-я Государственная Дума не успела рассмотреть этот вопрос. Она была распущена сразу же после возникновения данной Комиссии.

"Равноправки" (так звали в начале века поборниц женского равноправия в России) обратились и во 2-ю Государственную Думу. Но ни она, ни сменившие ее 3-я и 4-я Думы так и не предоставили женщинам политических прав. И только революционные события 1917 г., в которых женщины участво-

¹ Лекция прочитана по материалам книги: С.Айвазова, Г.Кертман "Мужчины и женщины на выборах. Гендерный анализ избирательных кампаний в 1999 и 2000 гг. в России". М. 2000.

вали очень активно, изменили ситуацию. Февральская революция официально признала равноправие женщин одним из важнейших принципов общественной жизни. Октябрьская - с помощью целой серии декретов по-своему воплотила этот принцип в жизнь.

Сформированная на его основе государственная политика по обеспечению равноправия полов стала своеобразной моделью освобождения женщин и послужила стимулом для утверждения идеи женского равноправия во всем мире. Но в нашей стране ее реализация имела достаточно противоречивые последствия. Женщины были втянуты в общественное производство, получили доступ к образованию, были даже привлечены к участию как в органах местного самоуправления, так и в Верховном Совете - парламенте страны.

Однако реальных властных полномочий эти органы, как известно, не имели. Кроме того, депутаты Верховного Совета не столько "выбирали", сколько "назначали" и уже за "назначенных" - единодушно голосовали. Реальная власть находилась в руках коммунистической партии, точнее - ее руководства: Генерального секретаря, Политбюро, Секретариата и утверждавшего их решения Центрального Комитета. На заре советской власти считанные единицы женщин попали в состав высшего партийного руководства. Женщин совсем не было в них в годы правления Сталина. Они появились там вновь только в годы хрущевской оттепели. За все семьдесят лет советской власти лишь одна женщина, Екатерина Фурцева, входила в состав Секретариата ЦК.

Тем не менее, показатели численности женщин среди депутатов Верховного совета или органов местного самоуправления были впечатляющими. Женщин включали туда по специальной разрядке или квоте. Для органов местного самоуправления была предусмотрена квота в 40-50%, для Верховного Совета - не менее 30%.

Отказ от квот произошел на Съезде народных депутатов СССР в 1989 году. При этом предполагалось, что на смену обеспеченному указаниями "сверху" представительству женщин придет их истинное представительство. Однако, когда парламент приобрел реальные властные полномочия, и выборы начали проводиться не на прежней безальтернативной основе, а в условиях жесткой конкурентной борьбы, это представительство сократилось в несколько раз.

В составе Съезда народных депутатов России, избранного уже в следующем, 1990 г., доля женщин составила 5,6%. Если она и поднималась в последующие годы, то незначительно.

Почему это так? Конечно, страна переживает в эти годы глубочайший кризис. СССР распался, его место заняла достаточно эфемерная структура - СНГ. Россия приступила к новому государственному строительству, во многом отказываясь от бывшего социалистического прошлого. Но в государственной политике в области обеспечения равноправия полов официально соблюдается преемственность. Более того, делается шаг вперед: поскольку приветствуются многопартийность, гражданские инициативы, то возникает множество женских общественных объединений самого разного типа, которые начинают энергично добиваться обеспечения не формального, а реального равноправия.

Под их давлением принимается, в частности, очень важная правовая норма, гарантирующая равенство возможностей для женщин и мужчин во всех сферах общественной жизни. Она закреплена в статье 19 (пункт 3) Конституции РФ, которая входит составной частью в раздел "Права человека". Эта норма сформулирована таким образом: "Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации".

В ее развитие в 90-е годы принимается и целый ряд других правовых документов. В их числе - Указы Президента "О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин" (1993 г.), "О повышении роли женщин в системе федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации" (1996 г.). А также - постановление правительства "Об утверждении Национального плана действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 года", содержавшее, в частности, обязательство расширить представительство женщин в структурах государственной власти.

Свой вклад в обеспечение условий для реализации принципа равных возможностей для женщин и мужчин вносит в 90-е годы и законодательная власть. Важными актами последней стали, в частности, ратификация Конвенции N 156 МОТ "О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями" и принятие "Концепции законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин".

Кроме того, участие России в целом ряде международных соглашений, принятых по инициативе Организации объединенных наций, Международной организации труда и др. в целях ликвидации дискриминации - неравенства в положении мужчин и женщин в сфере труда, управления обществом, в семейной жизни, - накладывает на нее дополнительные обязательства по реальному обеспечению равноправия мужчин и женщин. Это, прежде всего, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (принята в 1979 г.), упомянутая выше Конвенция № 156 МОТ, итоговые документы Всемирной конференции по правам человека (Вена, 1993 г.), Всемирной встречи в интересах социального развития (Копенгаген, 1995), Всемирной Конференции по положению женщин (Пекин, 1995) и др.

Обеспечили ли все эти законодательные акты, указы, постановления равное представительство женщин и мужчин в сфере политики, государственного управления?

Данные статистики со всей очевидностью демонстрируют обратное. Сегодня в системе государственной службы женщины преобладают на должностях, не предполагающих принятия ответственных решений. Они составляют 56% государственных служащих федерального уровня, но руководящие должности занимают только 9% из них, а так называемые "высшие" должности - 1,3%. Например, в составе правительства РФ в 1999 году была одна женщина - вице-премьер В. Матвиенко.

В органах судебной власти на федеральном уровне - в аппаратах Конституционного, Верховного, Высшего Арбитражного судов Российской Федерации работает 606 женщин - около 72% всех служащих. Однако на должностях руководителей секретариатов, помощников председателей судов, их заместителей и судей - всего 3 женщины (14% от общей численности работников этой категории).

Известно, что в 90-е годы структуры законодательной власти превратились в один из важных резервов формирования государственной элиты страны. Что происходит там?

В составе верхней палаты российского парламента, в Совете Федерации (178 чел.) в 1999 году - 1 женщина.

Среди депутатов нижней палаты парламента - Государственной думы РФ первого созыва (1993 - 1995 годы) было 13,6% женщин. В Государственной Думе второго созыва (1995-1999 годы) - 10 %.

В числе депутатов законодательных собраний субъектов РФ - около 10% женщин. Причем от региона к региону наблюдается удивительный разбой. В некоторых из них, например, в законодательном собрании Курганской области, женщины занимают до 30% депутатских мест. А в других региональных парламентах, таких, скажем, как в Курской области, женщин вообще нет.

Поскольку основным каналом выхода в политику, «мостом» между гражданами и государством призваны «по определению» служить политические партии и движения, то важно понять, как обстоит в них дело с представительством женщин, в какой мере они стимулируют женскую политическую активность и содействуют продвижению женщин во властные структуры.

На первое января 1999 года в стране было зарегистрировано 141 общественно-политическое объединение, 6 из них - женские. 17 объединений возглавляли женщины. Но среди руководителей крупнейших политических партий женщин почти нет. Исключение составляет И.Хакамада, вошедшая в тройку лидеров объединения "Союз правых сил".

С другой стороны, известно, что все политические партии и движения охотно используют женщин в избирательных кампаниях в качестве агитаторов, наблюдателей, членов избирательных комиссий. А какую поддержку они оказывают женщинам, если последние демонстрируют намерение баллотироваться в депутаты парламента?

Парламентские выборы 1999 года позволили проанализировать этот вопрос не на основе абстрактных суждений о роли мужчин и женщин в обществе, а на конкретных данных, полученных при изучении списков кандидатов в депутаты от различных партийных объединений, списков кандидатов, шедших по одномандатным округам, партийных программ, официальных результатов выборов, социологических опросов, проводившихся, в частности, Фондом «Общественное мнение».

Прежде чем приступать к такому анализу, отметим немаловажную деталь - в ходе этих выборов конституционная норма о равноправии женщин и мужчин оказалась не привязанной к текущему законодательству, регламентирующему процедуры выборов в органы государственного управления. При отборе кандидатов в списки избирательных объединений, при отборе кандидатов, шедших от партий и блоков по одномандатным округам, при выдвижении кандидатов на пост президента страны гендерная

составляющая деятельности партий и блоков определялась только Конституцией, которая, однако, по определению является законом прямого действия. Как соблюдался этот закон?

1. Гендерный анализ списков кандидатов в депутаты Государственной Думы

Правом на участие в избирательной кампании 1999 года обладали 139 общественных объединений, в их числе - 6 женских. Воспользовались этим правом и были утверждены Центризбиркомом в качестве участников избирательной борьбы 28 объединений, включая 2 женских. Для сравнения: в предвыборной гонке 1995 года к участию в выборах были допущены 43 объединения, одно - женское.

В целом во всех представленных списках, включая два женских объединения, доля женщин среди кандидатов в депутаты составляла около 16%. В 1995 году аналогичный показатель равнялся 14%, а в 1993 - 7%. Это означает, что, несмотря на все сложности нынешней избирательной кампании, в принципе сохраняется тенденция к росту количества женщин в числе кандидатов в депутаты Государственной Думы.

Но в списках партий - фаворитов уровень женского представительства был ниже, чем по всему корпусу участников предвыборной борьбы в целом. В них насчитывалось в сумме только около 11% женских имен: КПРФ - 10%; "Медведь" - 10%; "Яблоко" - 11%; ОВР - 12%. Больше всего женщин числилось в списке Союза правых сил - 17%.

Наиболее широко женщины были представлены в списках тех блоков и объединений, которые изначально являлись скорее аутсайдерами избирательной кампании. Особо выделялись в этом отношении организации социал-демократической ориентации и объединения, во главе которых стояли женщины. Иногда эти параметры совпадали.

Бесспорными лидерами в этом плане можно считать блоки "Мир. Труд. Май", список которого содержал 30% женщин-кандидатов; "За гражданское достоинство" (лидер - Э.Памфилова) - 29% женщин; "Партия мира и единства" (лидер - С.Умалатова) - 22% женщин; экологическое объединение "Кедр" - 22%; «Блок генерала Андрея Николаева и академика Святослава Федорова» - 20%; блок "Социал-демократы" - 19% женщин.

Самый низкий показатель представленности женщин - в списках националистических, великодержавных объединений: в «Блоке Жириновского» - 2,5%; в объединении "В поддержку армии" (В.Илюхин) - 3%; в блоке "За веру и Отечество" - 5%.

Но место месту - разнь. Понятно, что больше всего шансов на депутатский мандат имеют те кандидаты, чьи имена либо значатся в центральной части списка, либо стоят на первых позициях в его региональных частях. Какие шансы в этом плане предоставляли женщинам-кандидатам те или иные объединения? Женщины входили в тройку лидеров - под разными номерами - в следующих 7-ми объединениях:

- Движение "За гражданское достоинство" - Э.Памфилова (1).
- Партия мира и единства - С.Умалатова (1).
- Объединение "Социал-демократы" - Т.Цыба (2).
- Всероссийская политическая партия народа - Т.Буре (2).
- Союз правых сил - И.Хакамада (3).
- Блок генерал А.Николаев-академик С. Федоров - Т.Малютина (3).
- Партия пенсионеров - Р.Маркова (3).

По количеству женщин в центральной части списка и под первыми номерами в региональных частях (то есть в "проходной" части списка) бесспорными лидерами являлись:

- объединение "Мир. Труд. Май" - 3 женщины в центральной и 17 - в региональных частях списка;
- Российская консервативная партия предпринимателей - 18 женщин под первыми номерами в региональных частях списка;
- блок генерала А. Николаева - академика С. Федорова - 6 женщин в центральной части списка, 7 - под первыми номерами в регионах.

В двух случаях женщины удерживали за собой все основные позиции в списках кандидатов в депутаты: в списке блока "Женщины России", где не было ни одного мужского имени; и в списке Российской партии защиты женщин, которая включала 30% мужских имен.

Женщин вообще не было на этих позициях в "Блоке Жириновского" и в объединении "За веру и Отечество".

Среди партий, имевших наибольшие шансы преодолеть пятипроцентный барьер, по данному показателю лидировали ОВР (3 женщины в центральной части списка, 2 - под первыми номерами в регионах) и КПРФ (соответственно 1 и 4).

Шансы женщин в объединении "Яблоко" были более низкими: 1 - в центральной части списка, 3 - под первыми номерами в регионах.

"Медведь" не включал женщин в центральную часть списка и поместил трех под первыми номерами в регионах.

Союз правых сил включил одну женщину в центральную часть списка и двух - под первыми номерами в регионах.

Очевидно, что почти все политические объединения - участники избирательной борьбы предоставляли женщинам и мужчинам совершенно разные шансы для политической карьеры.

Это отчетливо проявилось и при выборе кандидатов, претендовавших на депутатские мандаты от **одномандатных** округов. Среди тех, на кого делали ставку эти объединения в таких округах, было 10-12% женщин.

- КПРФ поддержала в одномандатных округах 140 кандидатов, в том числе 18 женщин;²
- «Яблоко» - 135 кандидатов, в том числе - 18 женщин;
- ОВР - 118 кандидатов, в том числе - 12 женщин;
- СПС - 109 кандидатов, в том числе - 11 женщин;
- «Блок Жириновского» - 78 кандидатов, в том числе 10 женщин;
- «Медведь» - 42 кандидата, в том числе - 4 женщин.

* * *

Следующая серия возникающих при нашем анализе вопросов связана с "качественными" характеристиками кандидатов в депутаты - мужчин и женщин. Зависели ли их шансы на попадание в избирательные списки от таких параметров как возраст, место жительства, должность, с которой "стартовали" претенденты на депутатские мандаты, наличие опыта работы в структурах законодательной власти регионального или федерального уровня? Как эти характеристики сказывались на предпочтениях политических объединений - фаворитов избирательной гонки 1999 года?

Половозрастное распределение кандидатов в депутаты

	всего		до 30 лет		30 - 39 лет		40 - 49 лет		50- 59 лет		старше 60 лет	
"Блок Жириновского"												
м.	82	98%	19	100%	22	96%	20	100%	16	94%	5	100%
ж.	2	2%	-	0%	1	4%	-	0%	1	6%	-	0%
КПРФ												
м.	240	89%	5	71%	15	83%	67	83%	104	90%	49	98%
ж.	30	11%	2	29%	3	17%	14	17%	10	10%	1	2%
"Медведь"												
м.	163	90%	11	92%	46	87%	55	90%	40	89%	11	100%
ж.	19	10%	1	8%	7	13%	6	10%	5	11%	-	0%
ОВР												
м.	202	87%	3	100%	27	90%	63	82%	70	85%	39	100%
ж.	29	13%	-	0%	3	10%	14	18%	12	15%	-	0%
СПС												
м.	159	83%	10	100%	38	83%	64	89%	32	71%	15	79%

² В цифрах могут быть некоторые неточности, т.к. расчет велся по данным кн.: Выборы депутатов Государственной Думы ФС третьего созыва 19 декабря 1999 года. Итоги. Издание Центризбиркома. М. 2 000. Имена и отчества кандидатов здесь не приводятся (даются лишь инициалы), а целый ряд фамилий, как известно, лишен "полового признака". Но о пропорциональном соотношении мужчин и женщин-кандидатов по этим данным можно судить с достаточной долей достоверности, что и является нашей целью.

ж.	33	17%	-	0%	8	17%	8	11%	13	29%	4	21%
"Яблоко"												
м.	155	89%	8	100%	38	93%	56	81%	42	91%	11	100%
ж.	20	11%	-	0%	3	7%	13	19%	4	9%	-	0%

Очевидно, что самое "молодое" из этих объединений - "Блок Жириновского", самое "пожилое" - КПРФ, сразу вслед за ним - ОВР. "Медведь", СПС, "Яблоко" имеют схожую возрастную структуру. Их кандидаты в депутаты в большинстве своем - люди среднего возраста.

Но несмотря на столь явную разницу в возрастном составе кандидатов в депутаты от этих политических объединений, в любом из них - считанные единицы женщин до 30 лет. Среди женщин-кандидатов преобладает группа 40-50-летних. Бросается в глаза и то обстоятельство, что женщины вообще быстрее, чем мужчины, сходят с политической сцены. Их почти нет в возрастной группе старше 60 лет (исключение - 4 кандидата в списке СПС). В то же время среди кандидатов-мужчин значатся лица не только старше 60, но даже старше 70 лет.

Почему это так? Вероятно, рождение и воспитание детей задерживают выход женщин в политику, рождение внуков - провоцирует их уход. Но одним лишь чадолубием вряд ли можно объяснить причины "короткого века" женщин в политике. Выталкивает их из политического процесса скорее всего просто старение. И этот факт нельзя не квалифицировать как проявление дискриминации по признаку пола в определенной возрастной группе.

Распределение кандидатов по месту жительства

	БЖ	КПРФ	"Медведь"	ОВР	СПС	"Яблоко"
Москва	37% (1 ж.)	25% (4 ж.)	30% (3 ж.)	37% (13 ж.)	21% (3 ж.)	21% (5 ж.)
Петербург	1% (1 ж.)	3% (1 ж.)	7% (1 ж.)	6% (1 ж.)	4% (2 ж.)	9% (1 ж.)
Областные центры	33% (-)	46% (10 ж.)	47% (12 ж.)	45% (12 ж.)	56% (19 ж.)	50% (10 ж.)
Малые города	18% (-)	17% (8 ж.)	9% (1 ж.)	8% (3 ж.)	15% (7 ж.)	16% (3 ж.)
Поселки, села	11% (-)	10% (4 ж.)	6% (1 ж.)	6% (-)	4% (2 ж.)	4% (1 ж.)

Понятно, что блок Жириновского не дает женщинам практически никаких шансов на выстраивание политической карьеры, живут ли они в большом городе или на селе. Зато в этом блоке быстрее, чем где либо, могут преуспеть мужчины - выходцы из малых городов и поселков.

Рекрутирование кандидатов в депутаты в малых городах и поселках характерно, правда чуть в меньшей степени, и для КПРФ. Причем коммунисты нашли здесь и самое большое число женщин - кандидатов в депутаты.

СПС и "Яблоко" больше ориентированы на работу в областных центрах. Отсюда эти объединения набирали в 1999 году основное число кандидатов в депутаты - как мужчин, так и женщин.

"Медведь" был чуть больше ориентирован на столичных мужчин. Но жительницы областных центров имели больше шансов попасть в список этого объединения, чем жительницы обеих столиц (Москвы и Петербурга).

Самым столичным являлся список блока ОВР, причем как в отношении кандидатов - мужчин, так и в отношении кандидатов - женщин. Доля представителей Москвы и Петербурга здесь почти равна доле выходцев из областных центров.

Следующий важный критерий отбора - уровень образования кандидатов в депутаты.

Образование

	высшее	незаконченное высшее, сред-
--	--------	-----------------------------

		нее, среднее специальное
"Блок Жириновского"	68	16
КПРФ	258	12
"Медведь"	173	9
ОВР	230	1
СПС	184	8 (2 ж)
"Яблоко"	169	6 (1 ж)

Подавляющее большинство кандидатов в депутаты имели высшее образование. И все же ясно, что для мужчин, стремящихся к политической карьере, отсутствие такого образования является не столь серьезным препятствием, как для женщин. Последние - при наличии иных "показаний" - могли попасть только в списки СПС и "Яблока".

Еще один важный фактор, повышавший шансы претендентов на включение в списки кандидатов в депутаты во всех объединениях, - опыт законотворческой деятельности на федеральном или на региональном уровне.

Опыт депутатской деятельности

	Депутаты Государственной Думы		Члены региональных законодательных собраний	
"Блок Жириновского"	20 (24%)	1 ж.	2	-
КПРФ	95 (35%)	9 ж.	18	1 ж.
"Медведь"	2 (1%)	1 ж.	6	
ОВР	18 (8%)	7 ж.	23	4 ж.
СПС	8 (4%)	1 ж.	6	1 ж.
"Яблоко"	32 (18%)	5 ж.	13	4 ж.

Больше всего кандидатов, имеющих опыт депутатской деятельности - как мужчин, так и женщин, - в списках КПРФ: свыше одной трети. Четверть мест была отдана кандидатам с таким опытом в списке блока Жириновского. Пятая часть - в списке "Яблока". Показательно, что среди кандидатов - женщин в последнем почти половина уже принимала участие в законотворческой деятельности.

Ориентация на кандидатов с опытом работы в федеральном и региональных законодательных собраниях сказалась и на "женской" части списка ОВР: более трети включенных в него депутатов Думы предыдущих созывов - женщины.

Менее всего такая ориентация характерна для списков СПС и блока "Медведь".

В то же время "Медведь", ОВР и СПС сделали ставку на представительство директорского корпуса - руководителей предприятий разного типа. По "удельному весу" мужчин - руководителей лидирует список "Медведя". По числу женщин-руководителей - список ОВР.

Представительство бизнеса и директорского корпуса

	Руководители, заместители руководителей акционерных, государственных, частных предприятий (промышленное и сельскохозяйственное производство, торговля, финансы)		В том числе:	
		доля в списке	муж.	жен.
Блок Жириновского	9	11%	9	0
КПРФ	37	16%	37	0
"Медведь"	42	23%	39	3
ОВР	46	20%	42	4
СПС	39	20%	37	2
"Яблоко"	27	15%	26	1

Уровень представительства руководителей разного рода общественных организаций выше всего в списках ОВР, СПС, "Медведя". Причем больше всего руководителей общественных организаций -

женщин в списке СПС, затем - в списке ОВР. Практически не ориентирован на эту среду блок Жириновского.

Представительство общественных организаций

	Руководители, заместители руководителей федеральных и региональных некоммерческих организаций, профсоюзов, партий, общественных движений		В том числе:	
			муж.	жен.
		доля в списке		
"Блок Жириновского"	3	4%	3	0
КПРФ	18	7%	17	1
"Медведь"	42	23%	39	3
ОВР	84	36%	73	11
СПС	49	26%	35	14
"Яблоко"	24	14%	22	2

Итак, свыше 1/3 мест в избирательных списках принадлежали, с одной стороны, представителям деловых кругов, т.е. бизнесменам и так называемому "директорскому корпусу" (18%), а с другой, - лидерам федеральных и региональных общественных и политических организаций, разнообразных некоммерческих организаций - просветительских, благотворительных и т.д. (19%). Отметим, что первых было больше всего в списке "Медведя" (23%), а вторых - в списке ОВР (36%). Но здесь интересно, главным образом, то обстоятельство, что соотношение мужчин и женщин в этих группах претендентов на депутатские мандаты принципиально различалось.

Среди руководителей и заместителей руководителей акционерных, государственных и частных предприятий (промышленных, сельскохозяйственных, торговых и т.д.), включенных в шесть наиболее перспективных списков, женщин - только 5%, среди же руководителей и заместителей руководителей общественных движений, федеральных и региональных политических структур, фондов, различных некоммерческих организаций и т.д. - 14%.

Похоже, что это связано с особенностями гендерной асимметрии в различных сферах российской общественной жизни. Если доступ в деловую, хозяйственную элиту для женщин закрыт почти наглухо, то в "третьем секторе", в разнообразных структурах формирующегося гражданского общества социальная активность женщин постепенно приносит свои плоды и ведет к смягчению гендерного дисбаланса.

Какое отношение эта диспропорция может иметь к проблеме гендерного паритета в структурах законодательной власти? Самое непосредственное. Уже накопленный опыт российского парламентаризма говорит о том, что мотивы и сама логика поведения представителей деловых кругов и "третьего сектора" в органах законодательной власти не идентичны.

Первые в большей мере ориентированы на защиту интересов своих отраслей, а нередко - и конкретных коммерческих структур, склонны к лоббистской деятельности. Вторые - в силу своего социального опыта, большей настроенности на решение социальных вопросов и большей компетентности в этой области, в силу обязательств, связывающих их с организациями "третьего сектора", - способны сильнее выражать, так сказать, общие интересы широких слоев населения.

Причем речь идет не столько о склонности к популизму, которая может быть в равной мере присуща и депутату из числа "капитанов бизнеса", и парламентария, пришедшему в политику из "третьего сектора", сколько об установке на принятие решений не в частных, групповых, а в коллективных интересах.

* * *

Качественный анализ списков кандидатов в депутаты по-своему свидетельствует о сегментации российского политического пространства и его постепенном заполнении структурами с более или менее отчетливо проявляющимися социальными интересами. В том числе и гендерными - социальными интересами мужчин и женщин.

Можно с полной достоверностью утверждать, например, что блок Жириновского, КПРФ, "Медведь" - структуры более традиционные, авторитарные, чем "Яблоко", СПС, ОВР. А значит, женщинам,

стремящимся сегодня к политической карьере, в принципе предпочтительнее ориентироваться на СПС, ОВР, "Яблоко".

Значит ли это, что политические объединения сознательно озабочены проблемой гендерного представительства, или отмеченные тенденции проявляются стихийно? Ответ на этот вопрос следует искать, прежде всего, в программных документах политических организаций.

2. Программы политических объединений: гендерный аспект

В канун парламентских выборов 1999 года КПРФ не принимала новых больших программных документов. Она шла на выборы с "Программой - минимум". В этом документе, определяя свои основные задачи, партия апеллировала к "народу", "гражданам", говорила о "человеке" вообще, а не о конкретных мужчинах и женщинах.

Ни проблема обеспечения равных возможностей для женщин и мужчин в сфере политики, ни более традиционная задача - защита особых социальных интересов женщин - явно не являются сегодня актуальными для КПРФ. Похоже, что партия решила отказаться от советской традиции, видевшей в решении "женского вопроса" одну из главных вех при продвижении к обществу социальной справедливости.

Межрегиональное движение "Единство" ("Медведь") в качестве программного документа представило вниманию избирателей "Тезисы". В этих тезисах о женщинах, их политических и социальных интересах нет ни слова. Лишь одно положение этого документа с известной долей условности можно оценить как имеющее определенную гендерную окраску. В перечне социальных обязательств движения указано: "Мы готовы предложить программу поддержки семьи и материнства".

В силу по крайней мере двух обстоятельств особой гендерной чувствительностью должно было бы отличаться "Яблоко". Во-первых, потому что современный социал-либерализм - а именно так можно определить комплекс идей, которые отстаивает "Яблоко", - видит в гендерном равенстве естественную основу прочной, консолидированной демократии. Во-вторых, потому что в электорате и среди активисток "Яблока" очень высок процент женщин. Тем не менее, на программном уровне "Яблоко" пока демонстрирует практически полное безразличие к гендерной проблематике. И это не может не отражаться на политических позициях блока, на его успехах и поражениях.

Достаточно обширную программу *Союза правых сил* также приходится отнести к разряду гендерно нечувствительных. Российские демократы, похоже, не усматривают родственной связи, взаимозависимости между вопросами прав и свобод человека и проблемой равенства женщин и мужчин.

А вот в программе ЛДПР есть специальный раздел "Женщины и ЛДПР". Раздел такой же лукавый, как и программа в целом. Он начинается словами: "ЛДПР выступает за равенство женщин, улучшение их материального положения и повышение их социального статуса." Вполне прогрессивное заявление. Но далее следует фраза, которая лишает предыдущие слова всякого смысла. В программе говорится: "...ЛДПР, борясь за счастливую жизнь прекрасной половины русской нации, категорически отвергает феминизм как экстремистское политическое течение, разжигающее антагонизм между полами и стремящееся к нормативному закреплению за женщинами руководящих функций в обществе".

Таким образом, "либерал-демократы" демагогически используют традиционный жупел "феминизма" и запугивают граждан, уставших от войн и конфликтов, еще и потенциальными раздорами между мужчинами и женщинами - ну просто край! А под сурдинку возражают против действующей российской Конституции. Ведь именно в ней, а не в каких-то неизвестных никому из сограждан феминистских декларациях, зафиксирована норма о равных правах и равных возможностях для женщин и мужчин. В том числе - о равных правах и возможностях на руководящие функции в обществе.

Интересно, что "либерал-демократы" используют формулу "равенство возможностей", но они говорят лишь о "равенстве социальных возможностей женщин и мужчин". Это значит, что практически полное отсутствие женщин в избирательном списке "Блока Жириновского" - не случайность, а следствие принципиальной установки на недопущение женщин к рычагам власти.

Однако в ходе избирательной кампании 1999 года появился и гендерно чувствительный программный документ. Он был подготовлен политической организацией, играющей значительную роль на отечественной политической сцене. Программный прорыв в область отстаивания равных прав и возможностей для женщин и мужчин совершила организация "Отечество", опубликовавшая летом 1999

года программу "Отечество" - женщинам". Эта программа была торжественно принята на специальном Женском Форуме, состоявшемся в г. Иваново (июль 1999 г.).

Документ соответствует канонам и стандартам международного права, обязательствам, принятым на себя Россией в качестве участника международных соглашений в этой сфере.

Программа детально описывает все проявления гендерного неравенства, дискриминации российских женщин, которая была усугублена рыночными реформами, проводившимися без должного учета вероятных социальных последствий. И предлагает совершенно конкретные меры законодательного характера для выравнивания социальных позиций женщин и мужчин в нашем обществе, а также для обеспечения их паритетного представительства в структурах власти.

Опубликовав и приняв эту программу совместно с представительницами различных женских объединений страны, "Отечество" создало прецедент - образец нового подхода к отношениям между политической организацией и женской частью российского общества. Однако в процессе переговоров о создании избирательного блока с объединением "Вся Россия" этот инновационный капитал "Отечества" был в значительной мере утерян. Признав устранение гендерного дисбаланса одной из своих программных задач, "Отечество" на практике - в ходе избирательной кампании - продемонстрировало, что в системе его приоритетов эта задача занимает весьма скромное место.

3. Итоги выборов. Гендерный состав Государственной Думы третьего созыва.

В составе Государственной Думы третьего созыва - 450 депутатов. В их числе - 34 женщины. Это - 7,6% депутатского корпуса. 14 из них прошли в парламент по партийным спискам. Представительницы женских объединений - "Женщины России" и "Российская партия защиты женщин", - которые получили соответственно поддержку 2,04% и 0,8% избирателей, в парламент не попали.

По партийным спискам полномочия депутатов получили :

- ОВР - 4 женщины (в списке числилось 29);
- КПРФ - 3 женщины (в списке - 27);
- блок "Единство" - 3 женщины (в списке - 18);
- "Яблоко" - 2 женщины (в списке - 20);
- СПС - 2 женщины (в списке - 33).

Отметим, что женщин - кандидатов в депутаты вообще не было практически в каждом третьем из 225 одномандатных округов. Добиться успеха они сумели в 20 округах.

По одномандатным округам победили:

- при поддержке КПРФ - 8 женщин-кандидатов;
- блока "Единство" - 4 женщины;
- ОВР - 3 женщины;
- СПС - 2 женщины.
- 3 женщины прошли как независимые кандидаты.

"Яблоко" и "Блок Жириновского" не сумели провести по одномандатным округам ни одной из своих представительниц. Не попали в Государственную Думу и женщины - кандидаты в депутаты, выдвигавшиеся по одномандатным округам при поддержке движения "Женщины России".

В итоге *гендерная структура Государственной Думы третьего созыва* выглядит следующим образом (на 1 первое февраля 2 000 г.) :

■ фракция КПРФ	- 95 депутатов,	в их числе	11 женщин;
■ "Единство"	- 81 депутат	-	7 женщин;
■ "Отечество-Вся Россия"	- 43 депутата	-	4 женщины;
■ "Союз правых сил"	- 33 депутата	-	4 женщины;
■ "Яблоко"	- 21 депутат	-	2 женщины;
■ ЛДПР	- 17 депутатов	-	0;
■ "Народный депутат"	- 58 депутат	-	3 женщины;
■ "Регионы России"	- 34 депутата	-	3 женщины.

Приведем для сравнения аналогичную *структуру предыдущей Государственной Думы* (по данным Госкомстата на 25 февраля 1998 года):

- фракция КПРФ: 137 депутатов - в их числе 15 женщин;
- фракция НДР: 65 депутатов - в их числе 7 женщин;
- фракция ЛДПР: 50 депутатов - в их числе 1 женщина;
- "Яблоко": 44 депутата - в их числе 5 женщин;
- "Российские регионы": 43 депутата - в их числе 5 женщин;
- "Народовластие": 42 депутата - в их числе 6 женщин;
- Аграрная депутатская группа: 35 депутатов - в их числе 3 женщины;
- Независимые депутаты: 26 депутатов - в их числе 3 женщины.

В *руководящем составе* Государственной Думы третьего созыва представительство женщин выглядит следующим образом: среди 9 заместителей Председателя две женщины (депутат от блока "Единство" Л.К.Слиска; депутат от СПС И.М.Хакамада); среди председателей 29 Комитетов - две женщины. Представительница фракции КПРФ С.П.Горячева возглавляет Комитет по делам женщин, семьи и молодежи. Представительница депутатской группы "Народный депутат" В.Н.Пивненко - Комитет по проблемам Севера и Дальнего Востока.

Все женщины, получившие мандат депутата, имеют высшее образование. В основном входят в возрастную группу 40-50-летних депутатов. Нет ни одной - в возрасте до 30 или после 60 лет. Отметим, что 13 депутатов-мужчин - моложе 30 лет, 7 - старше 70 лет. Среди женщин-депутатов преобладают уроженки областных центров. Наконец, их главный ресурс - опыт управленческой работы. Причем многие - больше одной трети из женщин-депутатов - начинали свою карьеру либо в рядах КПСС, либо в ВЛКСМ.

Здесь мы сталкиваемся с одним из парадоксов российской политической жизни. КПРФ - организация авторитарно-патриархатного типа, но она, тем не менее, из года в год проводит в законодательную власть больше женщин, чем организации, объявляющие себя демократическими. В чем тут дело? Скорее всего, в том, что коммунисты, даже отрекаясь на программном уровне от идей женского равноправия, продолжают по традиции сохранять ориентацию на женское представительство в органах законодательной власти. К этому привыкли и партийные лидеры, и избиратели, дисциплинированно голосующие за женщин, которых поддерживает КПРФ.

Партии демократического типа, даже выдвигая примерно то же число женщин, что и коммунисты, не способны, по-видимому, без специальной агитационно-пропагандистской работы (а значит - программного обеспечения) убедить своих избирателей в том, что за их представительниц следует голосовать. Сошлемся, для примера, на тот факт, что в ходе парламентских выборов 1999 года "Яблоко" пыталось провести в одномандатных округах примерно столько же женщин-кандидатов, сколько шло у КПРФ. И не добилося ни одной победы.

Это противоречие имеет далеко идущие последствия. В итоге в органы законодательной власти - как федерального, так и регионального уровней, попадают вовсе не носительницы нового демократического отношения к проблеме гендерного равноправия, а женщины, либо вообще не подозревающие о самом существовании гендерной темы в политике, либо патриархатно ориентированные.

Как разрешится это противоречие, сказать пока сложно. Ясно только, что его разрешение требует специальных усилий со стороны заинтересованных субъектов политического процесса.

Гендерная структура нынешней Государственной Думы свидетельствует о четком "мужском" профиле российской законодательной власти - она разбалансирована, не способна учитывать ни политических и социальных интересов российских женщин, ни их особого социального опыта.

Этот дисбаланс негативно сказывается, в первую очередь, на повседневной жизни российских женщин. Только один пример: средняя заработная плата работниц в т.н. женских отраслях производства (легкая, текстильная промышленность) составляет в последние годы около 40% от средней заработной платы по стране. В то же время средняя заработная плата в такой сугубо "мужской" отрасли производства как нефтедобывающая - 360%. Иными словами, все экономическое законодательство, создаваемое российским парламентом, - налоговое, таможенное, кредитно-денежное - объективно способствует сохранению и усугублению гендерного неравенства, поскольку ориентировано на создание более благоприятных условий для "мужских" отраслей, чем для отраслей "женских".

Но гендерная разбалансированность представительной власти напрямую воздействует еще и на устойчивость, эффективность российской политической системы, на принятие решений по основным вопросам развития нашего общества. Известно, что мужчины чаще склонны к силовым решениям, женщины же отличаются большей гибкостью, склонностью к компромиссу и диалогу при анализе конфликтных ситуаций. Если бы в составе Думы, а также в составе правительства и Совета Безопасности было примерно равное количество женщин и мужчин, Россия, возможно, не втянулась бы в затяжной и мучительный военный конфликт в Чечне.

4. Электорат в гендерном измерении³

В парламентских выборах 1999 года приняли участие 66% женщин и только 59% мужчин. Продemonстрировав, как обычно, более высокий уровень электоральной активности, женщины - к тому же численно преобладающие в составе населения - оказали значительно большее, чем мужчины, влияние на исход выборов: среди их участников доля женщин составила 56%, а мужчин, соответственно, - 44%.

Вопрос: За какую партию (избирательное объединение) Вы проголосовали?*

	Все	Пол	
		мужчины	женщины
КПРФ	25	25	25
"Медведь"	23	20	24
ОВР	13	12	13
СПС	8	9	8
"Блок Жириновского"	6	9	3
"Яблоко"	6	5	7
другие партии	11	9	13
против всех	3	5	2
не хочу отвечать, не помню	5	6	4

* Данные опроса об участии респондентов в голосовании и распределении голосов между различными избирательными объединениями, естественно, несколько отличаются от официальных результатов выборов, но отклонения здесь ничтожны, и в ходе дальнейшего анализа ими можно пренебречь

Данные говорят о том, что женщины значительно чаще, чем мужчины, отдавали свои голоса за партии, не преодолевшие пятипроцентный барьер. Частично это объясняется их стремлением поддержать объединение "Женщины России". Но можно предположить, что здесь проявилось и несколько менее прагматичное отношение женщин к акту политического волеизъявления. Показательно, во всяком случае, что 16% женщин, принявших участие в голосовании, не были уверены в том, что поддерживаемые ими партии пройдут в Думу, тогда как среди мужчин доля избирателей, не испытывавших такой уверенности, была значительно ниже - 10%.

Но "пропажа" голосов избирательниц, отданных аутсайдерам, не привела к сколько-нибудь существенному сокращению влияния женщин на распределение депутатских мандатов, так как иной вариант "непрактичного" электорального поведения - голосование "против всех" - оказался значительно более характерным для "сильного пола". В результате были "потеряны" практически равные доли "мужских" и "женских" голосов.

Как явствует из приведенных выше данных, женщины чаще, чем мужчины, голосовали за блоки "Медведь", "Яблоко" и ОВР, и реже - за СПС и, особенно, "Блок Жириновского". При этом их электоральные предпочтения различались весьма существенно, в чем легко убедиться, сопоставив гендерные структуры электоратов шести партий, прошедших в Думу.

	Все участни-	КПРФ	"Медведь"	ОВР	СПС	БЖ	"Яблоко"
--	--------------	------	-----------	-----	-----	----	----------

³ Источник данных: еженедельные общероссийские опросы населения по репрезентативной выборке, проводимые Фондом "Общественное мнение" в 56 населенных пунктах 29 областей, краев и республик всех экономико-географических зон России. Интервью по месту жительства. Размер выборки - 1500 - 2000 респондентов.

	ки выборов						
мужчины	44	43	39	41	47	67	37
женщины	56	57	61	59	53	33	63

Едва ли заслуживает особого комментария тот факт, что единственным избирательным объединением, получившим больше "мужских", нежели "женских" голосов, стал "Блок Жириновского". Если несколько лет назад непопулярность ЛДПР у женщин можно было трактовать как свидетельство антипатии последних к экстремизму, то сегодня речь должна идти скорее о специфике формирующейся в России полукриминальной политической субкультуры, носителями которой оказываются, чаще всего, молодые мужчины.

Наиболее высоким "удельный вес" женщин оказался в электорате "Яблока". Следует отметить, что женщины и раньше симпатизировали движению Г.Явлинского несколько больше, чем мужчины, а события осени 1999 г. способствовали тому, что разрыв увеличился. Дело в том, что снижение политического веса этого движения было обусловлено, главным образом, его критическим отношением к методам проведения антитеррористической операции на Северном Кавказе. Чем более решительно российское общество одобряло действия властей и выступало за войну "до победного конца", тем ниже опускался рейтинг "Яблока".

Но хотя жесткий правительственный курс в период избирательной кампании быстро завоевывал популярность и у мужчин, и у женщин, последние все же поддерживали его не столь упоенно. При чем, как явствует из приведенных ниже данных, различия между позициями мужчин и женщин по этому вопросу оставались весьма ощутимыми.

Вопрос: Как Вам кажется, следует или не следует российским войскам продолжать движение вглубь Чечни?

	9 октября 1999 г.			12 декабря 1999 г.		
	все	мужчины	женщины	все	мужчины	женщины
Следует	51	64	40	69	81	59
не следует	28	22	34	19	11	25
затр. ответить	21	14	26	12	8	16

Вопрос: Одни говорят, что нужно прекратить военные действия в Чечне и начать мирные переговоры. Другие считают, что военные действия в Чечне прекращать нельзя, и мирные переговоры проводить не следует. Какая точка зрения Вам ближе - первая или вторая?

	14 ноября 1999 г.			16 января 2000 г.		
	все	Мужчины	женщины	все	мужчины	женщины
Первая	32	25	39	30	22	37
Вторая	55	66	46	62	73	53
затр. ответить	12	9	16	8	5	10

Неудивительно, поэтому, что среди бывших сторонников "Яблока", отвернувшихся от него накануне выборов, оказалось больше мужчин, чем женщин, и преобладание последних в его электорате, соответственно, усилилось.

Удивительно другое: женщины голосовали за "Медведя" значительно чаще, чем мужчины, несмотря на то, что на протяжении всей предвыборной кампании они изъявляли намерение голосовать за этот блок намного реже, чем представители "сильного пола". Причем еще за неделю до выборов мужчины демонстрировали гораздо большую благосклонность к этому политическому новообразованию.

Вопрос: Если бы выборы в Государственную Думу состоялись в ближайшее воскресенье, за какую партию (политический блок, движение) Вы бы проголосовали скорее всего?

	21 ноября		28 ноября		5 декабря		12 декабря		21 декабря*	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
КПРФ	23	20	24	19	23	20	22	20	25	25
"Медведь"	9	8	16	13	19	16	18	14	20	24
ОВР	11	12	9	11	9	10	9	10	12	13
СПС	4	5	3	4	4	6	7	7	9	8
БЖ	5	3	6	2	7	3	7	3	9	3
"Яблоко"	8	9	8	8	6	8	5	6	5	7

*За какую партию (избирательное объединение) Вы проголосовали? (вопрос задавался только тем, кто участвовал в выборах)

Электоральные предпочтения женщин, таким образом, претерпели существенные изменения в последние дни перед 19 декабря. Это подтверждается и данными опроса, проведенного непосредственно после выборов.

Вопрос: Как давно Вы приняли решение голосовать за эту партию (избирательное объединение)?*

	мужчины	Женщины
более 6 месяцев назад	36	35
3-6 месяцев назад	7	8
2-3 месяца назад	17	17
2-3 недели назад	16	16
в последнюю неделю перед выборами	6	10
в последний день, перед самым голосованием	5	5
затр. ответить	2	3

*Предыдущий вопрос: За какую партию (избирательное объединение) Вы проголосовали?

Стоит, впрочем, обратить внимание на то, что доли мужчин и женщин, принявших окончательное решение накануне выборов либо непосредственно на избирательном участке, - одинаковы. Следовательно, констатируя несколько меньшую устойчивость электоральных предпочтений женщин, нельзя, в то же время, утверждать, что они проявили большую, нежели мужчины, склонность к абсолютно импульсивным решениям.

Но почему на финишном отрезке предвыборной кампании подавляющее большинство женщин, не определившихся ранее в своих политических пристрастиях, отдало предпочтение именно "Медведю"? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к данным, характеризующим мотивы политического выбора избирателей. Как выясняется, гендерные различия проявляются тут весьма ощутимо.

Вопрос: Почему Вы голосовали именно за эту партию (избирательное объединение)? (не более двух ответов)

	мужчины	женщины
я верю (симпатизирую) лидерам этой партии	31	39
я разделяю программу и лозунги этой партии	21	16
эта партия сможет защитить интересы таких людей, как я	16	18
эта партия способна вывести страну из кризиса и обеспечить нормальную, достойную жизнь в стране	19	13
эта партия имеет будущее, перспективы	10	9
я поддерживаю эту партию уже долгое время и голосую по традиции	7	10
эту партию поддерживают многие мои друзья, родственники	8	9
это самая сильная партия, ее поддерживает большинство населения страны	7	7

нельзя сказать, что эта партия мне очень нравится, но остальные еще хуже	6	6
об этой партии я хоть что-то знаю, а про другие мне ничего не известно	2	3
эта партия подверглась нечестным и несправедливым нападениям, и я решил ее поддержать	4	2
Другое	2	1
затр. ответить	2	1

Женщины намного реже, чем мужчины, объясняют свой выбор согласием с программными установками избранной партии либо уверенностью в том, что она "способна вывести страну из кризиса". Иначе говоря - реже ссылаются на рациональные соображения. И гораздо чаще говорят о доверии либо симпатии к партийным лидерам.

Российский избиратель вообще, как известно, склонен персонифицировать конкурирующие политические силы, а механизмы собственно партийной идентификации в отечественной политической культуре развиты сравнительно слабо. Это достаточно убедительно иллюстрируют и приведенные выше данные. Иначе и быть не может, пока процесс "партийного строительства" в значительной мере начинается заново на старте каждой очередной избирательной кампании, и только две общенациональные политические организации - КПРФ и "Яблоко" - функционируют не как "одноразовые" избирательные объединения, а как более или менее "нормальные" парламентские партии.

Но показательно, что именно женщины особенно охотно признают доверие или симпатию к партийным лидерам главным мотивом, определившим их политический выбор. Уже это дает основания предполагать, что они более восприимчивы к агитационно-пропагандистскому воздействию, нежели мужчины.

Суждения респондентов о влиянии СМИ на их электоральное поведение вполне определенно подтверждают это предположение.

Вопрос: Какое влияние оказали телевидение, радио, газеты (СМИ) на Ваше решение об участии в выборах и голосовании перед выборами в Государственную Думу? (не более трех ответов)

	Все	мужчины	женщины
СМИ привлекали мое внимание к предстоящим выборам	30	28	32
СМИ проясняли для меня предвыборную ситуацию	29	25	32
СМИ не оказали никакого влияния на мое решение об участии в выборах и голосовании	25	29	21
СМИ определили мое решение относительно участия в предстоящих выборах и/или намерения голосовать за ту или иную политическую партию	19	17	21
СМИ запутывали, мешали принять определенное решение	12	13	12
я не интересовался политическими сообщениями СМИ	5	5	5
затруднились ответить	5	5	5

Женщины в равной мере склонны и полностью отрицать такое влияние, и, напротив, признавать его определяющим, тогда как мужчины гораздо чаще заявляют, что принимали решения, абсолютно игнорируя СМИ. Оговоримся: подобные утверждения, конечно, не стоит принимать за чистую монету. Подавляющее большинство избирателей черпало информацию о партиях, участвовавших в выборах, прежде всего, из сообщений общенациональных каналов телевидения и радио, что неизменно подтверждалось опросами. Разумеется, "декодировать" эту информацию, отделить объективные факты от тенденциозных интерпретаций, ориентированных на достижение определенного агитационно-

пропагандистского эффекта, зачастую не под силу даже весьма искушенному и политически ангажированному избирателю. Так что декларативный нонконформизм респондентов, отрицающих какую-либо зависимость их электорального поведения от СМИ, свидетельствует не столько о действительном имунитете к пропагандистскому воздействию последних, сколько об установке на критическое восприятие и "фильтрацию" информации.

И все же весьма показательно, что эта установка гораздо более характерна для мужчин, чем для женщин. Кроме того, последние значительно чаще, чем представители "сильного пола", говорят о том, что СМИ проясняли для них предвыборную ситуацию, и несколько реже - выбирают противоположный, критический в отношении СМИ вариант ответа: они "запутывали, мешали принять определенное решение". Женщины, следовательно, с большим доверием, чем мужчины, относились к сообщениям СМИ. К тому же они чаще заявляют, что последние привлекали их внимание к выборам. Такое признание свидетельствует, прежде всего, о том, что "изначальный", не спровоцированный СМИ интерес к выборам был у них несколько меньшим, чем у мужчин. А более низкий уровень политической ангажированности предопределяет обычно повышенную восприимчивость к агитационно-пропагандистскому воздействию.

Таким образом, в "информационной войне", во многом определившей исход избирательной кампании, женщины оказались более уязвимыми "мишенями", чем мужчины. Они благосклоннее, доверчивее относились к СМИ и чаще прислушивались к завуалированным рекомендациям, сквозившим в новостных и аналитических программах телевидения.

О повышенной восприимчивости женщин к внешним воздействиям - в том, что касается политического выбора, - свидетельствуют и приведенные ниже данные.

Вопрос: Принимая решение, голосовать ли и за кого именно, Вы учитывали мнения и советы других людей или нет?

	мужчины	женщины
Безусловно учитывал	10	15
Скорее учитывал	18	21
Скорее не учитывал	28	27
Безусловно не учитывал	41	34
затр. ответить	2	3

Правда, отвечая на уточняющий вопрос о том, чьи именно мнения они учитывали, женщины (как, впрочем, и мужчины) чаще всего упоминали членов семьи, родственников и близких друзей, и крайне редко признавали, что брали в расчет рекомендации политиков или журналистов. Но уже сама предрасположенность к учету чужих мнений способствует некритическому восприятию "советов", растворенных в информационном потоке.

Неудивительно, поэтому, что на последнем этапе предвыборной кампании симпатии женщин, не определившихся ранее в своих электоральных предпочтениях, достались по преимуществу "Медведю", который получил неизмеримо более мощную поддержку со стороны СМИ, чем все прочие избирательные объединения.

Выше уже отмечалось, что женщины намного чаще мужчин утверждали, что руководствовались в день голосования доверием и симпатией к партийным лидерам. И именно этот мотив особенно охотно упоминали избиратели, проголосовавшие за "Медведя". Если среди них о доверии и симпатии к лидерам как об основной причине, определившей их политический выбор, заявили 55% опрошенных, то среди отдавших свои голоса за ОВР, СПС, "Яблоко" и "Блок Жириновского", - от 42 до 48% респондентов. (Что касается коммунистического электората, то здесь, как и следовало ожидать, о лидерах упомянули немногие - лишь 21% опрошенных).

Несмотря на достаточно высокий престиж С.Шойгу, трудно поверить, чтобы имена новоиспеченных политиков, возглавивших избирательный список "Медведя", действительно способствовали моби-

лизации его сторонников в большей мере, нежели имена Е.Примакова, Г.Явлинского, С.Кириенко, В.Жириновского - консолидации электоратов ОВР, "Яблока", СПС, "Блока Жириновского". По-видимому, говоря о доверии и симпатии к лидерам "Медведя", респонденты имели в виду не только, а может быть - и не столько С.Шойгу, А.Карелина и А.Гурова, сколько главного "агитатора" правительственной партии, В.Путина. И именно на женщин его "рекомендация", многократно воспроизводившаяся СМИ на исходе избирательной кампании, произвела особенно сильное впечатление, что - с учетом их "пониженной" в сравнении с мужчинами политической ангажированности и "повышенной" склонности к конформному политическому поведению - представляется вполне естественным.

ЛЕКЦИЯ 12. ПОЛИТИКА РАВНЫХ ПРАВ И РАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ США)

Радикальные изменения гендерной политики западных стран начинаются в 1960-е годы под влиянием второй волны женского движения. Создание действенного государственного механизма по обеспечению равных прав и равных возможностей обеспечило существенное повышение статуса женщин во всех сферах жизнедеятельности. За последние тридцать лет в Соединенных Штатах, как и в Западной Европе, осуществилась революционная по своим последствиям социокультурная трансформация общества. Говорить об окончательном искоренении дискриминационных практик, утверждавшихся в течение столетий, конечно, не приходится. Тем не менее, принципы равноправия и ценности женской эмансипации стали неотъемлемым элементом гендерной политика США. В 1960-1970-е годы на первом этапе стратегия по обеспечению формально-правового принципа равных прав приводит к утверждению “гендерно-нейтральной” практики. Далее, в 1980-1990-е годы переход к стратегии равных возможностей утверждает “гендерно-чувствительную” политику “позитивных действий” (affirmative action) и специальных прав женщин. Основные этапы эволюции этой политики оказываются тесно связанными с двумя ведущими течениями женского движения США: либерального “движения за права женщин” и “радикального освободительного движения”¹.

В 1960-1970-е годы в центре феминистского либерального дискурса оказалась проблема законодательной дискриминации женщин и формирования антидискриминационных политических принципов. Ключевыми понятиями этого дискурса становится дихотомия “равное” (одинаковое) и “различное”. Поскольку в течение 1960-х годов возрождающееся женское движение США находилось в тени уже достигшего своего массового размаха движения за гражданские права черных американцев, то стратегия и тактика борьбы с дискриминацией по признаку пола во многом определялась рамками дебатов по расовой проблеме.

В американской юриспруденции, в отличие от многих западных систем, существовала концепция, призванная оправдать правовое неравенство по признаку расы и пола. Базовое понимание права в демократическом государстве предполагает применение одинаковых стандартов ко всем лицам без исключения. Правовая доктрина, сформулированная Верховным Судом в США в конце 19 века, давала разъяснение этого принципа. Законным, с точки зрения Конституции США, считалось одинаковое “обращение с лицами, находящимися в одинаковом положении”. Соответственно, дискриминационной могла быть признана только практика “неодинакового обращения с людьми, находящимися в одинаковом положении”. Судебная доктрина получила официальное название “раздельное, но равное” обращение. Отсутствие у граждан женского пола одинаковых с мужчинами прав не противоречит принципам американского правового государства, так как мужчины и женщины находятся в неодинаковом положении по своей природе. Суды всех инстанций получили юридическое обоснование отказа в принятии исков по дискриминации по признаку расы и пола. Как и в большинстве стран мира, в Соединенных Штатах женщинам было отказано в возможности иметь свое дело, брать кредиты в банке, поступать профессиональные школы права, теологии, бизнеса, заниматься определенными профессиями, например, адвокатской практикой. В силу системы прецедентного права постановления Верховного Суда США имели статус закона. В 1873 году суд вынес обоснование конституционности законодательного запрета женщинам заниматься адвокатской практикой. В отличие от европейских стран США представляли уникальный случай четкого правового закрепления патриархальных практик. “Естественные биологические различия, — говорилось в решении, — делают женщин непригодными для определенных профессий в гражданской жизни. Их главной сферой деятельности остается хозяйство и материнство. Мужчина является покровителем и защитником жен и матерей, в том числе будущих, от неженственной работы”. Таким образом, дискриминация по половому признаку на основании принципа “различного обращения” или “дифференцированного гражданства” непротиворечивым способом вписывались в американскую систему ценностей, среди которых идея равенства занимала центральное место.

Механизм гендерной политики равноправия

Верховный Суд опроверг доктрину “раздельного, но равного обращения” в середине 1950-х годов в решении по поводу сегрегации в сфере образования, заявив, что раздельное обучение по признаку расы не может быть равным. Вслед за сторонниками движения за гражданские права черных, либеральные феминистки сформулировали свою принципиальную позицию. Любое упоминание о различиях неизбежно ведет как к расизму, так и сексизму. Отмена “различного” правового стандарта приведет к достижению социального равенства женщин и мужчин. Именно эта задача была сформулирована в качестве основной в программе Национальной организации женщин (НОЖ). Созданная в 1966 году под руководством Бетти Фридан, автора знаменитой “Мистики женственности”, эта организация превратилась в самую массовую и влиятельную “группу интересов”. В 1963 году одновременно с изданием книги Б. Фридан появляется первый правительственный документ, анализирующий положение женщин в американском обществе. Документ стал результатом работы Президентской Комиссии по статусу женщин, функционирующей по указу президента Дж. Кеннеди. В Комиссию вошли представители профсоюзов, женских организаций и Женского Бюро при Министерстве труда. В заключительном докладе Комиссии, несмотря на оговорки относительно приоритета соблюдения “естественных женских ролей”, признавалось существование в США дискриминации по признаку пола. Далее в рекомендациях Комиссии указывалось, что для формирования антидискриминационной политики следует соблюдать демократические принципы равных возможностей, прежде всего в сфере трудовой практики, отказавшись от “специального обращения в отношении женщин”². Первым следствием рекомендаций стало распоряжение президента Кеннеди о найме женщин на гражданскую службу с условием их профессионального продвижения “единственно на основе способностей удовлетворять требования рабочего места безотносительно внешних различий”³.

В гендерной политике исполнительной власти закладывается принцип, окончательно сформулированный либеральными феминистками в Декларации целей НОЖ. “Наша правовая система будет продолжать поддерживать низкий статус женщин до тех пор, пока существует любая узаконенная дифференциация по признаку пола”⁴. Традиционная либеральная концепция равенства индивидуальных прав и обязанностей граждан должна была гарантировать решение проблемы гендерного неравенства. Необходимость установления одинакового правового стандарта делала сам термин “различия” неприличным. Главной задачей первого этапа реформирования гендерной политики стало принятие антидискриминационного законодательства, запрещающего использование категории пола при правовом регулировании. По примеру решения расовых проблем политика равных прав женщин должна была стать гендерно-нейтральной, не применяющей в расчет различия между полами.

В США не было принято специального антидискриминационного законодательного акта, как во многих европейских странах. Начиная с 1920-х годов, усилия сторонников женского равноправия были направлены на внесение изменений в Конституцию. Принятие поправки к Конституции, гарантирующей равные права женщин и мужчин, должно было обеспечить юридическую основу для искоренения дискриминационных практик. Поправка о равных правах (ПРП), сформулированная еще в 1923 году, была принята обеими палатами американского Конгресса в 1972 году. Активистки либерального крыла женского движения США восприняли это решение как самую крупную победу. Под их давлением Конгресс определил довольно значительный десятилетний период для ратификации поправки legislatures штатов. Но ПРП, не получив к окончанию этого срока необходимых голосов поддержки со стороны штатов, не стала частью американской Конституции.

В этой ситуации оказалась успешная стратегия параллельного продвижения в Конгресс законов, запрещающих дискриминацию в отдельных сферах жизнедеятельности. С середины 1960-х годов работа женского лобби в Сенате и Палате представителей выдвигается как одна из ведущих тактических линий НОЖ и других либеральных организаций. Сила и влияние массового женского движения в сочетании с четко продуманными эффективными средствами стали первым важнейшим фактором, обеспечившим реформирование гендерной системы США. Вторым фактором явилось создание действенного государственного механизма, обеспечивающего политику равноправия. В этом механизме были задействованы все три ветви власти. Законодательная деятельность федерального Конгресса и legislatures штатов 1960-1970-е годы обеспечила необходимую правовую основу для искоренения дискриминации из всех сфер экономической и социальной жизни. Антидискриминационные законы были подкреплены созданием специальных структур исполнительной власти, отвечающих за утверждение на практике принципов гендерного равенства. Административное регулирование и использование фи-

нансовых рычагов правительства переломило ситуацию не только в государственных учреждениях, но и в частном бизнесе. Вновь созданные структуры исполнительной власти распадались на две основные категории. Первые, создаваемые в соответствии с законами, были призваны контролировать и регулировать трудовые практики в сфере занятости. Вторые, учреждаемые по президентским указам, осуществляли программы "позитивных действий".

Наконец, третьей составляющей частью механизма стала деятельность судов всех уровней по рассмотрению исков, связанных с дискриминацией. Ведущая роль в структуре этой ветви власти принадлежала Верховному Суду. Внутренняя политика США традиционно регулируется законодательством штатов. Поэтому постановления Верховного Суда, признававшие неконституционность законов, имевших дискриминационные элементы, обеспечили целостное реформирование правовой системы Америки. Другим существенным фактором политики равноправия оказалась судебная практика судов низших инстанций. Обычно суды определяли значительные суммы материальной компенсации за возмещение морального ущерба от дискриминации. Предъявление судебных исков становится одним из основных методов борьбы женских организаций. Помимо этого, в 1960-е годы активистки женского движения сосредоточили свои усилия на лоббировании антидискриминационных законов.

Равноправие в сфере занятости

Закон 1963 года о равной оплате за равный труд стал первым в американской истории юридическим актом, ограничивающим дискриминацию по признаку пола со стороны работодателей. Согласно ему, наниматель обязан "одинаково оплачивать труд мужчин и женщин при выполнении ими сопоставимой работы, требующей равной квалификации, опыта, усилий, ответственности и выполненной в равных рабочих условиях"⁵. Этот законопроект, находившийся в Конгрессе еще с довоенных времен, был проведен в жизнь во многом под влиянием деятельности и рекомендаций Президентской Комиссии по статусу женщин.

Юридическая база для ликвидации неравенства в сфере занятости была заложена Законом о гражданских правах 1964 года. Раздел 7 давал определение "незаконной трудовой практики", которое стало основанием для предъявления судебных исков работодателям. С середины 1960-х годов женские организации, развернув национальную кампанию по отстаиванию прав женщин в судах, смогли достаточно эффективно использовать четкие правовые нормы Закона 1964 года. Частные компании преследовались за нарушение законов в случае "отказа в найме, увольнения и иных действий, направленных на дискриминацию лица в отношении оплаты, продолжительности и условий работы по признаку пола"⁶. Через несколько лет в закон были внесены дополнения, распространяющие его действие на федеральные, штатные и местные учреждения и образовательные институты.

Закон 1964 года предусматривал использование аппарата исполнительной власти для воплощения на практике антидискриминационной политики занятости. С этой целью была образована специальная Комиссия по обеспечению равных возможностей при найме. По закону Комиссия имела полномочия не только контролировать исполнение законов, но и служить третейским судьей в досудебном разрешении конфликтов наемных работников и работодателей. Уже во второй половине 1960-х годов Комиссия оказалась завалена десятками тысяч жалоб на незаконную практику в сфере занятости. Комиссия разработала инструкции, дающие более детальное определение дискриминации по признаку пола. Эти инструкции облегчали процедуру предоставления исков в суд. В положениях Комиссии было записано, что "отказ принять на работу женщин по признаку пола, исходя из стереотипной практики, предпочтения и предложений относительно сравнительных характеристик полов, считаются дискриминационными. Кроме того, признано незаконным при найме различать работу на "мужскую" и "женскую", давать рекламу о наличии вакантных мест "только мужчины" или "только женщины", лишать возможности получить работу из-за беременности или рождения ребенка. Все эти действия подпадают под нарушение "Раздела 7"⁷. По примеру федеральной политики административное регулирование дополняет реформирование законодательства штатов. В 1967 году правительство США принимает постановление, в соответствии с которым оно может расторгнуть контракт на федеральный заказ с фирмой, практикующей нарушение прав женщин.

Вслед за реформированием трудовой практики законодатели в течение 1970-х годов радикально пересмотрели все правовые нормы, создававшие барьеры для равноправного участия женщин в предпринимательской сфере. В первую очередь, как и в европейских странах, американские законы должны

были ликвидировать многочисленные условия и ограничения при получении банковских кредитов женщинами. Вслед за возможностью брать кредиты американки получили возможность открывать пенсионные счета в банке и зарабатывать собственную пенсию. В 1968 году вступил в силу закон о равенстве в жилищном строительстве. В нем содержались четко сформулированные положения о том, что любое использование полового признака в качестве основы для ущемления или ограничения прав при покупке, продаже, аренде или кредитовании жилья является незаконным и подлежит судебному пересмотру.

Право на образование

Право на получение одинакового с мужчинами профессионального образования рассматривалось в феминизме как базовое условие женской эмансипации. Организованное женское движение первой волны отстаивало требование доступа к высшему образованию в качестве приоритетной задачи наряду с избирательным правом. Американским феминисткам приходилось отстаивать это право в рамках легитимного дискурса "раздельного, но равного обращения". Более ста лет длились в США публичные дебаты на тему "Зачем образовывать женщин?" Патриархатный ответ на этот вопрос непротиворечивым образом вписывался в систему ценностей американской демократии. Образовывать женщин следовало только в той степени, в какой это соответствовало выполнению ими "гражданской обязанности". Общественное признание женщины получают за свою особую роль носителей моральных ценностей и воспитателей подрастающего поколения. Большинство женщин осознает свою миссию. Поэтому почти полное отсутствие врачей и университетских профессоров среди женщин объясняется тем, что они сами предпочитают быть только медсестрами и учительницами. Этот аргумент XIX века был характерен и для послевоенных консерваторов. Восстановление ценностей "естественного" предназначения, утраченных в период активного вовлечения женщин в военное производство стало частью консервативной политики 1950-х годов. Ведущее место в гендерной пропаганде стал занимать концепт "республиканского материнства". "Единственной великой обязанностью женщин как граждан Америки является оказание морального влияния на своих мужей и сыновей" - так озвучил эту идею кандидат в президенты от республиканской партии Эдлай Стивенсон в середине 1950-х годов. Поскольку "некоторые виды образования могут ослабить физическое здоровье будущих матерей", то отсутствие у женщин доступа ко многим сферам образования никоим образом не нарушает их особых, отличных от мужчин, гражданских прав.

Президентская Комиссия по статусу женщин, провозгласив необходимость соблюдения "естественных прав" женщин на "реализацию своего интеллектуала и профессионального потенциала", тем не менее, осталась верна конвенциональной гендерной идеологии. "Получение женщинами образования с целью самореализации должно быть направлено, - как говорилось в заключительном докладе комиссии, - на выполнение обязанностей по отношению к семье, дому и общине, на обеспечение помощи, вдохновения и сотрудничества своему мужу и детям"⁸.

Феминистки второй волны поставили проблему образования в рамки нового дискурса женских прав. В 1960-е годы американские университеты, колледжи и профессиональные школы, являвшиеся частными образовательными институтами, формально не имели прямых запретов на прием девушек. Вместе с тем, в инженерных школах, школах бизнеса, права и медицины доля женщин не превышала 15%. В 1965 году среди 435 профессоров гуманитарных отделений Гарвардского университета не было ни одной женщины.

Лоббистские усилия феминисток увенчались успехом в 1972 году, когда Конгресс принял Поправку к закону о высшем образовании. "Никто не может быть объектом дискриминации по признаку пола во всех образовательных учреждениях и программах, имеющих федеральную финансовую помощь". На основании этого закона женские организации могли теперь поддержать любые индивидуальные иски по поводу отказа в приеме в университет. Феминистскому лобби в Конгрессе не удалось добиться внесения в закон положения о запрете сексизма в содержании учебных программ и обучающих материалов. Противодействующее женским организациям издательское лобби апеллировало к соблюдению Первой поправки к Конституции о свободе печати.

В течение 1970-х годов по мере утверждения практик гендерного равноправия в университетах феминистки вносили новые поправки, призванные усилить юридическую основу искоренения дискриминации. Реформа образовательной системы страны стала одной из приоритетных национальных за-

дач в эпоху НТР. С середины 1960-х годов Конгресс ежегодно увеличивал бюджетные ассигнования на образование. Поправка 1976 года к Закону о профессиональном образовании обязывала штаты, получающие финансирование на осуществление образовательной реформы, “направлять часть средств на специальные программы по ликвидации дискриминации, вызываемой сексистскими предрассудками и стереотипами”. Для усиления антидискриминационных поправок в Министерстве образования был создан Отдел Гражданских Прав, в который стекались жалобы от студентов и преподавателей на нарушение законов. Угроза потери федерального финансирования заставляла образовательные учреждения постепенно менять свою политику. Дополнения в Разделе 9 требовали от университетских властей осуществлять контроль за соблюдением баланса в представлении финансовой поддержки и других ресурсов для занятий спортом студентов обоих полов. Антидискриминационная практика 1970-х годов радикальным образом изменила ситуацию с соблюдением прав женщин на образование. В 1976 году доля студенток, обучающихся в самых престижных высших учебных заведениях – профессиональных школах права, бизнеса и медицины, увеличилась за десять лет в два раза и составляла в 1986 году 45%.

“Позитивные действия” или гендерно-чувствительная политика

По мере реформирования гендерной политики активистки женского движения убедились в недостаточности законодательных и судебных усилий по запрету дискриминации. Вслед за сторонниками гражданских прав афро-американцев, они утверждали, что сексизм, как и расизм, укоренившись как в социальных институтах, так и в повседневных социокультурных практиках, может быть преодолен только с помощью конструктивных, позитивных мер, компенсирующих существующую несправедливость.

Официально программа “позитивных действий” (affirmative action) берет свое начало с подписания в 1965 году Л.Джонсоном Президентского Указа, обязывающего фирмы, имеющие контракты от федерального правительства, “осуществлять позитивные действия по обеспечению принципа равного обращения со всеми работниками независимо от их расы, цвета кожи, религии или национального происхождения через два года”. Под напором объединенной коалиции женских организаций президент включает в новый указ категорию “пол”.

Обычно программы имели свои конкретные планы и график их осуществления для каждой кампании. Организация могла поставить целью довести постепенно количество женщин среди менеджеров среднего звена до 50% в течение 15 лет. Квоты с их абсолютными цифрами не были характерны для этих программ. Речь шла о том, чтобы женщины, получившие образование и обучение по какой-либо специальности, были пропорционально представлены на руководящих постах.

Единые правила при трудоустройстве были разработаны в 1978 году Комиссией по равным возможностям, Министерством труда и Комиссией по гражданской службе. Эти правила определяли “позитивные действия” как двухступенчатую процедуру. На первой стадии рабочая сила анализировалась с точки зрения ее гендерного, этнического и расового состава. Одновременно анализировалась процедура приема на работу. Если обнаруживался источник исключения определенных групп, то в действие должна была вступать вторая стадия процедуры, требующая ограничения или отмены этих практик исключения. Формы и методы осуществления новых практик были достаточно разнообразны: среди них — подбор персонала из особых групп (targeted recruitment); обучение программам профессионального роста (career advancement training). По примеру университетов Беркли и Стэнфорда особое внимание уделялось созданию специальных фондов для профессионального продвижения женщин и меньшинств, а также для предоставления информации о трудоустройстве. Специальные программы переобучения восполняли недостаток навыков и умений, необходимых для данной работы. Использование новых, нетрадиционных критериев при отборе персонала не только решало задачу разрушения системы предрассудков, но и вносило новые ценности и разнообразие, обновляло корпоративную культуру.

Проблема легитимности “позитивных действий” в политическом дискурсе концентрируется вокруг понятия “справедливость”. В общественных дебатах ей противопоставляется менее противоречивая концепция “равных возможностей”. Целью последней политики, также как и первой, объявляется уничтожение дискриминации на рабочем месте на основе групповых характеристик. Но в отличие от первой, политика “равных возможностей” сконструирована как гендерно-нейтральная. Как указывают ее

сторонники, она направлена на то, чтобы предприниматели и институты не могли ущемлять интересы граждан и права на основе их принадлежности к какой-либо группе, т.е. фактически игнорировали гендерные или расовые характеристики при приеме на работу или продвижении по службе. Эта идея вписывалась в систему ценностей либерально настроенных американцев.

Их оппоненты усматривали нелогичность “позитивных действий” в том, что они фактически закрепляли групповые отличия во имя снятия ограничений в доступе к ресурсам на основе этих отличий. В ответ сторонники программ доказывали невозможность покончить с дискриминацией, только реагируя на ее конкретные проявления, поскольку “реактивная политика” возлагает всю ответственность за борьбу с незаконной трудовой практикой на саму жертву. Игнорирование структурной, косвенной дискриминации закрепляет миф о равных, одинаковых возможностях мужчин и женщин в сфере образования и трудоустройства. Простого запрещения принимать во внимание гендерные характеристики для решения проблемы справедливости не достаточно. “Позитивные действия”, являясь превентивной программой, имеют дело с проблемой на социальном, а не на индивидуальном уровне, и поэтому позволяют искоренять скрытые, невидимые, неосознанные механизмы воспроизводства дискриминации. “Нет большей несправедливости, чем реагировать одинаково на радикально различные ситуации”. Обращаться с людьми как с равными не означает обращаться с ними одинаково. Именно “одинаковое” обращение (понимаемое как равное) вело, по мнению авторов новой политики, к закреплению гендерного неравенства. Например, отсутствие системы детских садов, программ по защите от сексуальных домогательств по-разному влияют на работников мужского и женского пола. На конкурентоспособность женщин оказывают воздействие скрытые структурные барьеры. Антидискриминационное законодательство не способно противостоять фактору неформальных социальных связей “мужских клубов”. Только целенаправленное перераспределение ресурсов может утвердить принцип справедливости⁹.

С целью обеспечения равных возможностей с учетом существовавших групповых различий государство считало необходимым задействовать материальные и административные ресурсы и тем самым оказывать давление на сферу частного бизнеса. Новая сеть учреждений и институтов исполнительной власти на уровне штатов переходила от контроля за соблюдением антидискриминационных законов к утверждению сверху новых радикальных практик повышения статуса женщин. “Позитивные действия” с помощью механизма федерального финансирования создавали режим наибольшего благоприятствования для женщин во всех сферах жизнедеятельности. Университеты, претендующие на гранты и субсидии от федеральных органов власти, были обязаны предоставлять определенные льготы при поступлении и выделять стипендии, в первую очередь, женщинам. Научно-технические федеральные агентства и фонды создавали специальные подразделения и программы, нацеленные на профессиональное продвижение женщин, особенно в традиционно “мужских” отраслях науки. Государственная поддержка обеспечила радикальный рост женского предпринимательства в малом и среднем бизнесе.

Позитивные действия, таким образом, были направлены на ликвидацию структурных препятствий в сфере занятости и образования, мешающих повышению статуса женщин. Государство обеспечивало повышение конкурентоспособности дискриминируемых групп. Вторым направлением нового этапа гендерной политики становится проблема государственных гарантий особых, “специальных прав” женщин.

Проблема “специальных прав” женщин

В европейских странах с их традициями социал-реформизма гендерно-чувствительная политика “равенства с учетом различий” органичным образом вписывалась в легитимный дискурс “государства всеобщего благоденствия”. В рамках этого дискурса гендерное равенство означало, что различия (непохожести, неодинаковости) между мужчинами и женщинами не должны вести к неодинаковости их социально-экономического статуса. Поэтому политика равных прав должна дополняться специальными программами государства по улучшению статуса женщин и удовлетворению их специфических потребностей.

В Соединенных Штатах в силу отсутствия социал-демократических традиций, с одной стороны, и традиционного неприятия государственного вмешательства, с другой, сопротивление социальной политике оказывалось более значительным. Оппоненты настаивали на том, что любое “различие” в обращении с женщинами ведет к закреплению их социальной маргинальности и психологическому ком-

плексу неполноценности. Американские и европейские сторонники новой гендерно-чувствительной стратегии доказывали, что “дифференцированное обращение” является справедливой компенсацией за слишком резкие различия и, в конечном итоге, минимизирует социальные последствия этих различий. Поэтому помимо “позитивных” мер “государство всеобщего благоденствия” должно разделить с женщиной ответственность и бремя обязанностей по рождению и воспитанию детей.

Общественные дебаты по законодательству, связанному с государственным вмешательством в частную сферу жизни, оказались не менее ожесточенными, чем по программам “позитивных действий”. Новые принципы реформирования гендерной системы вызвали, в первую очередь, дискуссии и расколы в самом женском движении. Первый раскол обозначился еще раньше, с появлением в середине 1970-х годов радикального “освободительного” течения в американском феминизме. Отказавшись от либеральной концепции и практики нивелирования различий между полами, группы по “освобождению женского сознания” сделали различие между полами предметом гордости и основой новых философских концепций. Помимо этого радикальные феминистки вторглись в закрытое для публичных обсуждений пространство частной жизни. Их новый лозунг “личное есть политическое” был нацелен как на изменение самосознания самих женщин, так и на трансформацию феминистского дискурса женских прав и женских практик. Стремление нивелировать межполовые различия в политике либерального феминизма фактически работало против женщин, не решая многих насущных проблем. Уязвимость гендерно-нейтрального подхода стала линией второго раскола внутри либерального крыла феминизма. Этот раскол обозначила новая книга Б.Фридан “Вторая стадия” (1981). Формально-правовое равенство не решило проблему женской самореализации. После активного вовлечения в общественную сферу занятости женщины столкнулись с трудностями совмещения профессиональной и семейной роли. Поэтому новым этапом политики, по мнению Фридан, должны стать государственные меры, отвечающие специфическим интересам женщины-матери. Соратницы по НОЖ обвинили Фридан в отступлении от идей либерального эгалитаризма.

В начале 1980-х годов гендерно-нейтральная стратегия либерального феминизма стала объектом критики со стороны представителей нового течения – “цветного феминизма”. Игнорирование внутригрупповых различий между женщинами, отрицание значимости категорий “раса, этничность и класс” в реформировании гендерной системы вело, по их мнению, к закреплению низкого статуса отдельных групп женщин. Как либеральный феминизм, так и первый этап политики позитивных действий оказались ориентированными исключительно на интересы одной группы женщин – белых образованных американок среднего класса. Ярким примером негативных последствий применения гендерно-нейтрального подхода стало законодательство о разводе. Традиции обычного права с концепцией семьи как “единого юридического лица” устанавливали единоличную юридическую ответственность мужа за жену и детей и лишали женщин права подавать на развод и требовать опеки над ребенком. В законодательстве большинства штатов основанием для расторжения брака служило доказательство “вины” одной из сторон. Только аморальное поведение могло убедить судей прервать “святые узы”. Либерализация законов о разводе в 1960-е годы привела к тому, что “виновная” сторона теперь отсутствовала, и судьи просто констатировали конец брака. “Одинаковые” права означали введение принципа “одинаковой” ответственности бывших супругов по опеке над детьми. Мужчина освобождался от значительной суммы алиментов на содержание детей, разделив теперь эти выплаты с женой. Формально он наравне с женой мог претендовать на проживание ребенка с отцом, но фактически в подавляющем большинстве случаев ребенок оставался с матерью. Традиционная доктрина “раздельного, но равного обращения” ранее обязывала судей возлагать ответственность за содержание жены и детей на бывшего мужа, вплоть до ее нового замужества. Новые гендерно-нейтральные нормы обязывали женщин самостоятельно заботиться о своем материальном благополучии после распада семьи. Теперь, если жена была домохозяйкой, бывший муж выплачивал алименты только в течение определенного периода времени, когда она обязана была найти работу. В соответствии с новой доктриной закон не мог принимать во внимание реальную ситуацию женщин, утративших или не имевших профессиональной квалификации в связи с выполнением ею материнских и домашних обязанностей. Собственность, не оговоренная в брачном контракте, в большинстве случаев доставалась мужу, поскольку раздел осуществлялся по принципу равного вклада в ее создание. В подавляющем большинстве дети оставались под опекой матери, в результате чего, по данным статистики, экономический статус разведенных жен-

щин с детьми ухудшался, в среднем, на 70 %, а материальное благополучие разведенных мужчин улучшалось на 40%¹⁰.

В рамках гендерно-ориентированной политики обеспечение специальных прав женщин концентрировалось вокруг проблемы предоставления отпуска по беременности и рождению ребенка, государственной поддержки системы детских учреждений, защиты от порнографии и насилия на улицах и в семье, от сексуальных домогательств на рабочем месте. Приход к власти неоконсерваторов в начале 1980-х годов чрезвычайно осложнил формирование новой гендерной политики. Республиканская риторика "ограничения государственного вмешательства в социальную сферу" становилась удобным аргументом блокирования законопроектов, связанных со специфическими интересами женщин. Законопроект, обязывающий работодателей предоставлять неоплачиваемый отпуск для родителей по уходу за детьми, натолкнулся в 1991 году на президентское вето Дж. Буша, который считал эту меру обременительной для бизнеса. Эта же судьба постигла федеральную законодательную инициативу по сохранению рабочего места и предоставлению неоплачиваемого отпуска в связи с беременностью и рождением ребенка¹¹. К концу 1990-х годов только несколько штатов в США приняло подобные законы. На федеральном уровне также не удалось принять закон, обязывающий включать медицинские расходы по рождению ребенка в общественные фонды страхования наемных работников. Легализация Верховным Судом США в 1973 году права американок на медицинский аборт при беременности сроком до трех месяцев не гарантировала финансирования подобных операций за счет федеральных программ страхования. Для малообеспеченных женщин формальное право остается трудноосуществимым. В итоге их жизнь подвергается риску в случае нелегальной, дешевой операции. Общий объем специальных выплат в США оставался значительно ниже европейского уровня. Даже в рамках "государства всеобщего благоденствия" программы вспомоществования одиноким матерям, семьям с низким уровнем дохода и государственной поддержки, общественной системы детских садов всегда вызывали сопротивление в Конгрессе.

Федеральное правительство пыталось восполнить недостаток законодательных мер по социальным льготам работающим женщинам в программах "позитивных действий". Оно обязывало работодателей обеспечивать своих сотрудников детскими учреждениями. Эффективным рычагом в осуществлении этих мер стало предоставление налоговых льгот фирмам, развивавшим социальную инфраструктуру.

Успешной оказалась феминистская тактика лоббирования специальных законов, гарантирующих личную безопасность женщинам. Реформирование уголовного законодательства обеспечило процедуру судебного преследования и ужесточило наказание за изнасилования. В традициях обычного права насилие против женщин рассматривалось исключительно как "преступление против целомудрия" в рамках нарушения прав собственности мужа или отца. Включение права на свободу от насилия, в том числе от насилия внутри семьи, в дискурс гражданских прав женщин, радикальным образом изменил ситуацию. Преступления этого рода рассматриваются как нарушение базовых конституционных прав личности, подрывающие основы демократического государства. Сексуальные домогательства на рабочем месте по новому законодательству 1980-1990-х годов рассматриваются как нарушение трудовых прав работников. Комиссия по равным возможностям при трудоустройстве осуществляет контроль над исполнением законов и обеспечивает продвижение судебных исков.

Многие задачи, поставленные новым этапом гендерной политики, остались нерешенными. Переход от антидискриминационной политики индивидуального равноправия к стратегиям равенства прав и возможностей женщин и мужчин с учетом различий требует усилий по перестройке всей гендерной системы американского общества, включая гендерную культуру и повседневные практики.

Примечание:

¹ Попкова Л.Н. Социально-правовой статус женщин США: История XX века // Женщина. Гендер. Культура. М. МЦГИ, 1999; Темкина А.А. Женское движение как общественное движение: история и теория // Гендерные тетради. Выпуск первый. СПб. Изд. ИСИ РАН, 1997; Фридан Б. Загадка женственности. М. Прогресс, 1994; Шведова Н.А. Широкое участие женщин в политике – путь к зрелой демократии // США: экономика, политика, идеология. 1999. №3-4.

² American Women. The Report of the President's Commission on the Status of Women and other Publications of the Commission. N.Y. Scribner, 1965. P. 213.

-
- ³ Эванс С. Рожденная для свободы. История американских женщин. М. “Прогресс”, 1993. С. 279.
- ⁴ Major Problems in American Women’s History. Documents and Essays. Ed. By M.Norton. N.Y. 1989. P. 398.
- ⁵ Women’s Rights in the United States. A Documentary History. Westport, 1994. P. 279.
- ⁶ Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты. М. “Прогресс”, 1993. С. 363.
- ⁷ Фридмен Л. Введение в американское право. М. “Прогресс”, 1992. С. 262.
- ⁸ American Women. The Report of the President’s Commission on the Status of Women and other Publications of the Commission. N.Y. Scribner, 1965. P. 101.
- ⁹ Clayton S. and Gosby E. *Justice. Gender and Affirmative Action*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 1995. P. 40.
- ¹⁰ Women’s Movement of World. An International Directory and Reference. Longman, 1988. P. 308
- ¹¹ Stetson D.M. Women’s Rights in the U.S.A. Policy and Gender Roles. Belmont, Brooks Cole Publ. Company, 1991. P. 186.

РАЗДЕЛ IV.

ГЕНДЕР И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

ЛЕКЦИЯ 13. ГЕНДЕРНЫЕ ПОДХОДЫ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Традиционно социальная политика рассматривается как часть внутренней политики любого государства, выраженная в его социальных программах и мероприятиях, регулирующая, как правило, отношения в обществе в интересах социума в целом. Основная цель данной политики - гармонизация общественных отношений, создание гарантированных условий для жизни граждан, обеспечение справедливости в обществе. На протяжении веков в различных общественных системах существовали разные подходы к пониманию сущности и механизмов реализации социальной политики. Однако в последние десятилетия все большее число исследователей формируют свои идеи вокруг тезиса о "глобализации социальной политики и социализации глобальной политики"(1) Основой для этого являются рассуждения о том, что на современном этапе развития экономики изучение социальной политики конкретной страны приобретает над-национальный характер, что бросает вызов традиционным подходам к анализу социальной политики и выходит за пределы интересов одной нации. Эта тенденция достаточно четко прослеживается в тематике различных международных форумов последнего десятилетия, проводимых на самом высоком уровне. Например, в исследовании Международной организации труда (МОТ) 1993 года делается вывод о том, что социальное благополучие и внутренняя политика в более общем понимании - могут рассматриваться как стремительно развивающийся транснациональный бизнес, в котором мировые стандарты и общая постановка проблем играют роль экспансии программ отдельных государств... что в итоге позволяет выявить нормативные модели и организации, связывающие национальные общества (2) Примеры подобного подхода прослеживаются, например, в документах Всемирного Конгресса по социальному развитию (1995 г., Копенгаген).

Поскольку человек рождается, развивается и действует в определенной социальной среде, различают макросреду, то есть общественно-экономическую систему в целом, и микросреду - непосредственное окружение человека (его семья, коллектив в котором он учится или работает, формальные или неформальные группы).

И хотя в своем современном виде социальная политика сформировалась в начале нынешнего века, ее различные формы, а фактически и разные подходы к пониманию того, что есть ее сущность, появились одновременно с появлением государства. Например, общественные бани в Древнем Риме и Греции способствовали профилактике инфекционных заболеваний и эпидемий, хотя, разумеется, социальная роль этих заведений не ограничивалась только медицинскими задачами. Киевский князь Владимир в 996 году издает Устав, в соответствии с которым была определена выплата "десятины" на содержание церквей, предписывая последним на эти средства заботиться о больных и калеках и строить больницы.(3)

Можно говорить о нескольких подходах к определению социальной политики, не забывая о том, что это понятие не поддается какому-то исчерпывающему определению. Мы будем иметь ввиду не социальную политику вообще, а те действия, которые предпринимает государство в обществе:

- социальная политика формирует (в лице государства) цели развития общества и показывает механизмы достижения этих целей;
- социальная политика, главным образом, направлена на обеспечение жизнедеятельности нетрудоспособного населения общества;
- социальная политика должна исправлять негативные социальные последствия, которые могут возникнуть в обществе в результате стихийных бедствий, войн, социальной и экономической нестабильности.

Социальная политика, исходя из этимологии понятия "социальный", является синонимом понятия "общественный", а следовательно термин "социальная политика" приравнивается к термину "общественная политика", что на практике означает исполнение функций общественного регулирования. Такая точка зрения впервые была изложена в работе немецкого исследователя Цвиденека "Социальная политика" (1911 г.), в которой автор определял социальную политику, как выполнение *"общественных действий по решению проблем, затрагивающих все общество."*(4)

В более поздних трактовках понятия "социальная политика" было предложено еще одно понимание, суть которого заключалась в том, что в качестве объекта социальной политики рассматривается какой-то определенный класс или социальная группа и, следовательно, социальная политика общества формируется, исходя из интересов данного класса или социальной группы.

Существует и еще один подход, рассматривающий социальную политику в качестве регулятора благосостояния общественных групп, когда государство принимает на себя ответственность за всех. Он нашел свое воплощение, например, в теории "государства всеобщего благосостояния".

Каждая из предложенных позиций содержит долю истины, и каждая не потеряла своей актуальности и на сегодняшний день. Изучение этих и других точек зрения позволяет прийти к выводу, что главное в социальной политике государства - поддержание равновесия в обществе, так сказать, в "штатном режиме", но особенно - в экстремальных ситуациях. При таком подходе - социальная политика - это воспроизводство тех социальных ресурсов государства, из которых данное общество черпает свою силу и тем самым воспроизводит себя. При этом государство не механически воспроизводит эти ресурсы, а обязано находить наиболее эффективные пути для этого.

Каким образом и с помощью каких механизмов можно добиться данной цели?

Во-первых, путем предоставления населению социальных гарантий, за соблюдение которых государство принимает на себя определенные обязательства. В известном смысле можно утверждать, что число социальных гарантий и их набор - это показатель цивилизованности общества, который может быть выражен с математической точностью. Например, сравнение показателей состояния социальной сферы современного российского государства с показателями системы, существовавшей до 1991 г. будет не в пользу первого, особенно если учесть, что многие социальные гарантии сейчас только декларируются.

Во-вторых, через перераспределение материальных средств, в результате которого достигается определенный уровень жизни как общества в целом, так и каждого его члена. Здесь наиболее явно прослеживается связь между социальной и экономической политикой государства.

В-третьих, с помощью обеспечения определенного качества жизни общества, благосостояния населения в целях снятия социальной напряженности. Это фактически означает удовлетворение материальных и нематериальных потребностей человека. Социально гарантированный минимум удовлетворения потребностей — это водораздел между социальной и экономической потребностью, определение той части общественных ресурсов, которые образуют коллективные блага бесплатного пользования.

И, наконец, в-четвертых, путем перераспределения государством доходов населения и юридических лиц через налоговую систему. Если еще совсем недавно налоги были неким абстрактным понятием для граждан СССР, то теперь каждый гражданин России, по крайней мере, формально, включен в эту систему в соответствии с действующим законодательством.

Под социальной политикой понимается также и систематическое воздействие государства на различные сектора социальной сферы, особенно в условиях переходных обществ. Важной чертой социальной политики является жесткая взаимосвязь отдельных ее направлений. Например, реформы в здравоохранении, влияют не только непосредственно на состояние здоровья, но и на рынок труда, систему пенсионного обеспечения и, наконец, на национальную безопасность. Поэтому при прогнозировании эффективности социальной политики и ее последствий необходимо учитывать изменения не только в сфере, непосредственно являющейся объектом ее приложения, но и в других областях жизни.

Бесспорно, что главная роль в формировании и осуществлении социальной политики принадлежит государству, его представительным и исполнительным органам, между действиями которых прослеживается как тесная взаимосвязь, так и четкое разграничение полномочий. Государственное вмешательство (в любой форме) требует тщательного анализа возможных последствий воздействия государства на социальные процессы - слишком велика вероятность "незапланированных результатов". Определенное значение имеет и социальная деятельность предприятий или фирм. Значительна роль и других институтов гражданского общества - общественных, профсоюзных организаций, а также партий и общественных движений. Именно равнодействующая усилий государственных и негосударственных структур придает механизму социальной политики смешанный характер и прямо влияет на ее эффективность.

Есть еще ряд условий, которые необходимо соблюдать при формировании социальной политики государства. Всегда должен быть учтен баланс между текущими и перспективными интересами общества, между совпадающими и несовпадающими интересами различных социальных групп, между общественными и личными интересами граждан. Своевременно снимая возникающие противоречия и учитывая неизбежность "платы" за социальный прогресс, государство всегда стоит перед сложным выбором - удовлетворению интересов каких социальных групп отдать предпочтение на каждом конкретном этапе. Иными словами, один из главных вопросов социальной политики - это вопрос о социальных приоритетах, то есть тех социальных задачах, которые признаются всем обществом на данном этапе его развития как первоочередные и требующие немедленного решения.

Социальная политика реализуется через социальные программы и социальные мероприятия. Любая социальная программа представляет собой систему мероприятий, направленных на решение определенной общегражданской проблемы. Кроме того, обязательное условие для осуществления государством социальной политики - необходимое законодательство. В России основы законодательства, действующего ныне в этой области, заложены Конституцией Российской Федерации 1993 г. и конкретизированы в других федеральных законах и местных законодательных актах. Хотя следует иметь в виду, что законодательная база сформирована далеко не полностью, и это создает затруднения для деятельности государства в рассматриваемой сфере.

Организационные и финансовые формы реализации социальной политики государства также многообразны: по сути, любая страна пытается решить эти проблемы по-своему. Почему каждая выбирает тот или иной путь, те или другие способы решения социальных проблем, определяется многими факторами, такими как, например, национальные и культурные традиции, уровень экономического развития, состояние политической системы. Объем средств, затрачиваемых различными государствами на социальную сферу, варьируется так же, как и масштабы социальных гарантий, предоставляемых гражданам.

Сейчас, когда Россия пытается найти свою собственную модель будущего развития, очень важно знать и понимать, что уже сделано в этом направлении в мире. К примеру, американская модель, основанная на идеологии индивидуализма и личной социальной ответственности, является плодом исторического развития именно этой страны. Поэтому ее прямое заимствование без учета особенностей России, имеющей 70-летний опыт господства государства в социальной сфере и доминирования идеологии патернализма, представляется малопродуктивным. В то же время вызывает несомненный интерес опыт западноевропейских стран, а также Японии, имеющих более близкие к нам ориентиры и традиции в социальной политике.

Несмотря на значительное разнообразие социальных программ, которые принимаются и реализуются в европейских странах, между ними есть много общего. Прежде всего, это **идея государства благосостояния**. В специальной литературе содержится множество определений государства благосостояния. Разбор этих определений - не задача данной лекции. Более подробно мы коснемся этого вопроса, когда будем говорить о влиянии идеологий на социальную политику и, прежде всего, о теоретической рефлексии на понятия гендер и государство благосостояния.

Сейчас же только заметим, что именно в идеологиях получили свое концентрированное выражение дифференцированные подходы к социальной политике, государству благосостояния. Критерием разграничения того или иного подхода является как раз оценка авторами роли государства в социальном развитии общества. Двумя полярными точками зрения традиционно являются воззрения "правых" и "левых", между которыми лежит широкий спектр теорий, в основном опирающихся на традиции социал-демократии. В последнее время появились новые перспективы в оценке государства благосостояния, связанные с уже оформившимися новыми движениями, отстаивающими права или различных категорий населения общества (например, женщин) или демонстрирующие иной взгляд на современный миропорядок (например, представители движения зеленых). Общий мотив новых подходов - *традиционная социальная политика не смогла обеспечить равное включение различных групп и слоев в жизнь общества, преодолеть дискриминацию и неравенство, а потому, мол, надо искать другие варианты, которых, опять же, много.*

Как вы можете заметить, это положение является и лейтмотивом тех исследователей, которые являются сторонниками именно гендерного подхода в социальной политике.

Следует отметить, что названные модели являются не столько описанием конкретных стран, а как бы идеальными конструкциями, что позволяет выделить общее, особенное и единичное в многообразных подходах к роли государства в социальной политике. На практике данные модели так или иначе пересекаются, не существуя в "чистом виде".

В Российской Федерации в наиболее обобщенном виде можно выделить три основных направления социальной политики: прямая поддержка тех, кто нуждается в ней, через систему социального обеспечения; регулирование занятости населения и развитие трудовых ресурсов страны; предоставление социальных услуг гражданам страны, через систему здравоохранения, образования и социального обслуживания.

Социальная сфера сегодня - это тема и болезненная, и актуальная не только потому, что она волнует миллионы людей, но и потому, что именно здесь накопилось много нерешенных вопросов, требующих безотлагательного решения. Социальная ситуация определяется сегодня в первую очередь последствиями экономического кризиса. В интересующем нас анализе это - спад производства, падение спроса на рабочую силу, инфляция, обесценивание доходов и сбережений граждан, безработица, изменение качества рабочей силы. В какой мере возможен гендерный подход к социальной политике и возможен ли он вообще?

Есть несколько вариантов. С одним из них вы можете познакомиться, прочитав книгу Гилиан Паскаль "Социальная политика: новый феминистский анализ", которая сейчас переводится на русский язык и в которой отражены социальные изменения в занятости женщин, образовании, политике. В книге анализируется изменение моделей социального обеспечения. Традиционная модель теряет устойчивость, но изменения, происходящие в системе социального обеспечения происходят значительно медленнее, чем те изменения, которые происходят на рынке труда или в семье. (5) Будем называть этот путь теоретическим.

Есть и другой путь, который я определяю как практический. И для меня характерным признаком этого практического пути явилась последняя специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН: "Женщины-2000: равенство между полами, развитие и мир в XXI веке", проходившая в июне 2000 г. в Нью-Йорке. В день открытия выступила Министр Португалии по делам равноправия Мария де Боле-Розерия, которая одновременно озвучивала и позицию Совета Европы, суть которой сводилась к следующему - вопрос о положении женщин находится в системе национальных приоритетов большинства европейских стран. И дело не только в том, что на программы по улучшению положения женщин в Португалии, например, выделяются десятки миллионов долларов, что в Греции уполномоченный по равноправию есть в каждом районе страны, а скорее, в общем настрое на положительный результат. И это очень обидно, так как сама практика равноправия была впервые во всей полноте реализована в нашей стране. Пусть не все удалось сделать так, как задумывалось, но сам пример Советского Союза привлек миллионы сторонников и стал неким трамплином для мирового сообщества. Представители делегации Японии раздавали на Генеральной Ассамблее брошюру, которая называется "Основной Закон для достижения гендерного равенства в обществе". Обратите, пожалуйста, внимание на последний раздел - Национальные механизмы по продвижению гендерного равенства в стране. И на последнюю страницу - кто издатель - Управление по гендерному равенству. Офис Премьер-министра. Правительство Японии. А это означает только одно, что для государства гендерное равенство не абстрактная, а вполне конкретная проблема, которая может быть решена.

Социальная политика должна быть понятна и мужчинам, и женщинам. И, учитывая ограниченность когнитивных способностей человека, можно предположить, что существует некий порог, после которого изменения на макроуровне перестают восприниматься индивидом, и тогда он начинает игнорировать или отторгать проводимую государством социальную политику. В таком случае дальнейшее наращивание усилий государства в этом направлении будет приводить только к незапланированным результатам. Можно также утверждать, что для разных социальных групп порог восприятия социальной политики неодинаков. Шансы на реализацию будут выше у тех направлений социальной политики, которые люди понимают и обсуждают с большей готовностью. Социальная политика воспринимается гражданином через осознание тех решений, которые принимает государство. В свою очередь сущность государственного управления проявляется, прежде всего, в механизмах формирования и принятия решений. При этом должны быть соблюдены некоторые обязательные условия:

- в принимаемых решениях должны быть учтены прошлые обязательства государства перед своими гражданами, а также и возможные последствия реализуемых шагов, и таким образом обеспечена преемственность между прошлым, настоящим и будущим;

- процесс принятия решений исследуется прежде всего с позиций нормативной и поведенческой теории, что предполагает, с одной стороны, постоянный поиск оптимальных решений (на основе использования различных моделей, операций и других рациональных средств), с другой - учет всех многообразных факторов, влияющих на принятие решений в каждой конкретной ситуации;

- в принятии государственных решений участвует большое число субъектов, применяются разнообразные технологии, решаются задачи самых различных уровней сложности;

- принятие государственных решений формируется под влиянием множества факторов, характерных для социокультурных традиций данного общества, определенных природой и структурой государства, а также организацией административной среды на всех уровнях решения.

В проведении той или иной политики, и как следствие, в выработке тех или иных решений задействованы все элементы структуры государственных органов: центр - регион - отдельная территория, а также затрагиваются интересы различных отраслей и ведомств, организаций, групп влияния и, наконец, отдельных лиц, заинтересованных в принятии определенных решений.

Сложность управления механизмом принятия решений связана с тем, что само государство в этом процессе выступает одновременно, по крайней мере, на трех основных уровнях.

Во-первых, в качестве субъекта политического руководства обществом. Его главная цель - поддержание политической стабильности, проведение некоторой политической линии. В условиях кризиса может обостряться борьба правящих элит, что не только не способствует усилению государственной власти, а может наоборот, ослаблять государственность. При этом принимаемые решения становятся аргументом борьбы за власть между различными группами.

Во-вторых, государство выступает органом макроэкономического регулирования и управления обществом. В этом случае главным уже является не власть, а обслуживание населения и функционирование общества как единого целого. Поэтому важнейшим ориентиром для принятия государственных решений становится закон, который должен гарантировать эффективность государственного управления на всех уровнях. И здесь, в плане реализации принимаемых решений, на ведущие позиции выходит государственная администрация, а отношения управляющих и управляемых, становятся ведущими.

В-третьих, само государство выступает в виде определенной административной структуры, как совокупность иерархически соподчиненных организаций. На этом уровне в значительной степени проявляет себя технология принятия решений, в которой реализуются определенные аппаратные законы и правила.

И хотя каждый из этих уровней поддерживает свой баланс во взаимоотношениях с обществом, ведущей тенденцией должна быть, при всей ее противоречивости, единая система межуровневого взаимодействия. Только тогда можно говорить о государственной политике, а анализ соотношений различных уровней управления позволит определить, где именно сосредоточен центр выработки государственных решений. Не менее важна последовательность этапов принятия решений. Существуют несколько отличающихся друг от друга подходов к определению этих этапов, которые в концентрированном виде могут быть сведены к трем основным:

(1) подготовительный, (2) принятие решений, (3) реализация решений.

Подводя некоторые итоги, можно отметить следующее: последние десятилетия XX века ознаменовались изменениями, которые поражают своей масштабностью и значимостью; многие устоявшиеся понятия теряют свою определенность в силу современного социального кризиса в ряде стран и происходит некоторый сдвиг, как попытка построения новых картин, адекватной нам социальной реальности. Методическая поправка, которая может быть необходимой - не только осознание необходимости гендерных подходов в социальной политике, но и поиск технологий, без которых эти невозможно осуществить.

Примечания.

1. Bob Deacon with Michelle Hulse and Paul Stubbs. Global Social Policy. International Organizations and the Future of Welfare, SAGE Publications, 1997
2. Цитируется по: Bob Deacon with Michelle Hulse and Paul Stubbs. Global Social Policy, p. 6
3. Об общественном призвании в России. - С.-Петербург, 1818, с.3
4. Цит. по Бурдзядлов.Ф.Э. Современная социальные политика: между планом и рынком., М., 1996
5. Gillian Paskall. Social Policy: a new feminist analysis.- 2nd ed., Routledge, 1997

ЛЕКЦИЯ 14. ГЕНДЕР И ГОСУДАРСТВО БЛАГОСОСТОЯНИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА.

В предыдущей лекции мы говорили о том, что в наше время появились некоторые иные перспективы в оценке государства благосостояния, связанные с новыми движениями, которые уже оформились и которые по сути отстаивают права определенных классов или различных групп общества. Общий мотив этих новых подходов - *традиционная социальная политика не смогла обеспечить равное включение различных групп и слоев в жизнь общества, преодолеть дискриминацию и неравенство, а потому надо искать другие варианты и осваивать новые пути*. В этой лекции мы порассуждаем о том, как гендерный подход может быть интегрирован в доминирующие в настоящее время теории государства всеобщего благосостояния. В связи с этим мы должны поставить и фактически ответить на два важных вопроса

Вопрос первый - почему вообще нам интересен "гендер" как некий аналитический предикат или концепт в понимании и изучении теории государства всеобщего благосостояния?

Вопрос второй - каким образом можно гендерный подход интегрировать в разнообразные исследования государства и можно ли это сделать вообще?

При ответе на первый вопрос мы должны прежде всего понимать, что этот ответ подразумевает некоторое критическое отношение к распространенным теориям государства всеобщего благосостояния, к рассуждениям о его зарождении, росте, последствиях развития, нынешнем состоянии. Надо определить те теоретические категории, которые помогают нам понять, что же такое процветающее государство, государство всеобщего благосостояния? Мы можем задать себе и дополнительные вопросы, как например, чего мы достигаем интегрированием понятия "гендер" в общепризнанные теории государства всеобщего благосостояния? Ответ на этот подвопрос будет в основном зависеть от того, насколько мы заинтересованы в анализе обстоятельств и причин мужского господства в современном нам обществе. В любом случае, нас будет интересовать воздействие социальной политики на гендерные отношения. Но есть и обратная связь - гендерные отношения влияют на социальную политику и ее курс. Другими словами, мы можем анализировать, насколько "гендеризация" теорий государства всеобщего благосостояния позволит нам по-другому взглянуть на понимание вариантности национального пути и методов воздействия социальной политики на развитие общества в целом. Кроме того, останавливаясь подробнее на гендерном аспекте социальной политики и ее основной линии, можно лучше понять, что собственно Эспин-Андерсен (Esping-Andersen) подразумевает под системой правления в благополучном государстве. (1) Критика, направленная в адрес общепризнанных теорий, не должна заключаться только в указании на то, что они дескать, не содержат гендерный подход, но наверное прежде всего в том, что они не уделяют должного внимания исследованиям взаимодействия социального класса и капиталистического рынка в рамках определенного развития социальных прав. Гендерные социальные отношения не могут быть просто объяснены языком политических и экономических отношений с позиций власти. Они редко лежат в основе классификации теорий государства всеобщего благосостояния. Еще одно замечание, которое вы найдете в работах Орлофф (Orloff), состоит в том, что долгое время считалось, что теории государства всеобщего благосостояния и феминистские теории развивались, что называется, бок о бок, не влияя друг на друга. Анна Шола Орлофф предположила, что в будущем будет происходить некое сращивание концептуальной структуры теории государства всеобщего благосостояния и опыта исследований, касающихся отношений гендера и государства. (2)

Итак, задачи лекции - во-первых, рассмотреть эволюцию исследований теории государства всеобщего благосостояния за последние десятилетия. Далее - посмотреть этапы трансформации понятия "гендер". И в итоге разобраться, где и как эти две относительно различные исследовательские традиции могут быть синтезированы и решить, можем ли мы найти примеры такого синтеза. В работах Кис Керсберген (Kees van Kersbergen) говорится, что в качестве такого примера может служить Голландия, где государственная политика изначально руководствовалась как теориями государства, так и теориями феминизма, что, по ее мнению, является поразительным парадоксом в социальной политике этой страны.(3)

Для того, чтобы двигаться дальше в наших рассуждениях, мы должны вспомнить основные теории государства всеобщего благосостояния. Согласно Эспин-Андерсен, основная проблема, вокруг которой концентрируются споры о процветающем государстве, это: "...может ли и при каких условиях, классовое разделение и социальное неравенство, возникающие при капитализме, корректироваться парламентской демократией". (4) Возможность государства изменить отношения капиталистического рынка посредством расширения социальных прав обсуждалась еще в работах Т. Маршалла (Marshall). Маршалл еще в работах 60-х годов высказал мнение о том, что гражданство состоит из гражданских, политических и социальных прав, происхождение которых тесно связано с последовательной сменой этапов истории капиталистических демократий. (5) В 18 веке гражданские права установили личную свободу, в 19 веке политические права озаменовали политическую свободу, в 20 веке - социальные права обеспечили основу социального благополучия. Социальный принцип гражданства включает в себя "полный спектр прав": от права в минимальном экономическом благосостоянии и защищенности, до равноправия в пользовании результатами общественного развития и постоянного существования в соответствии со стандартами, закрепленными в обществе. Гражданские права возникли как права индивида на свободу, особенно в экономической сфере. Политические права определяются Маршаллом как усиление индивидуальных гражданских прав, и это демонстрирует некое общественное соглашение и в итоге устанавливается всеобщее право голоса, которое "рассматривает отдельный голос, как глас индивида". Развитие же социальных прав понималось главным образом как следствие попыток заставить гражданские права действительно работать и как возможность снять барьеры (бедность, недостаток образования и другие), которые мешают полному проявлению гражданских и политических прав. Маршалл твердо уверен, что либеральные и социально-демократические принципы могут быть объединены для создания лучшей жизни как для сообщества, так и для его граждан. (6)

Суть подобных подходов проистекает из общефилософского подхода к пониманию прав и может быть выражена достаточно кратко: каждый человек обладает правом на определенные блага. Представления об идеальном или реальном устройстве общества и месте индивида в нем неоднократно корректировались по мере их реализации в исторической перспективе. В результате этих корректировок рождались разнообразные реформистские программы, в которых представления о правах человека подвергались пересмотру. Эти программы стимулировали новый цикл реформ, направленность которых, тем не менее, происходила в общем русле: гражданские права и политическое равенство, государство всеобщего благосостояния и социальная справедливость, индивидуальность и право выбора. (7)

Эта традиция поддерживалась многими исследователями, работы которые появились позже, в 70-х, 80-х годах. Это Камерон, Корпи (Cameron, Korpi), (8) тот же Эспин-Андерсен и другие. Как правило, они сосредотачивали свое основное внимание на условиях, при которых вторжение демократической политики может реформировать и смягчать социальные последствия капиталистического рынка. По их мнению, можно рассматривать следующую закономерность - распределение ресурсов власти между основными социальными классами в капиталистическом обществе в последние десятилетия все больше определялось степенью вмешательства политики в экономику. Нас интересуют прежде всего фундаментальные теоретические положения исследований Эспин-Андерсена. (9) Он предложил две основные концепции. Первая сводится к тому, что в настоящее время сложилось общепринятое понимание того, что социально-демократическое понимание государства благосостояния является лишь одной вариацией разностороннего процветающего капитализма. Вторая заключается в отстаивании тезиса о том, что высокие уровни затрат являются неким показателем статизма благосостояния, и мало что может объяснить в сущности властных отношений, которые составляют отличие государства благосостояния. Согласно Эспин-Андерсену, представляется сомнительным, что управление государ-

ством благосостояния с точки зрения социальных затрат может прояснить, какими характерными чертами обладают все типы государства благосостояния. Поэтому Эспин-Андерсен предлагает рассматривать перекрещивающиеся национальные различия в развитии государства благосостояния. Это различия в: а) качестве социальных прав; б) существующей модели стратификации; и с) взаимодействии рынка, государства и семьи. Основываясь на этих различиях, Эспин-Андерсен выделил три типа режимов государства всеобщего благосостояния, в которых социальное демократическое государство благосостояния - лишь один из частных случаев. Чертами упомянутой системы правления являются: универсализм социальных прав, декоммодификация (степень, на которую индивиды или семьи могут поддерживать принятые в обществе стандарты жизни, в независимости от их участия в рынке) и наличие среднего класса. В качестве примера такой системы могут быть рассмотрены Скандинавские страны.

Несколько слов о либеральной модели, которая исторически характеризуется влиянием либерально-трудовой этики и превалированием влияния рынка. В отличие от социально-демократической системы правления, либеральная система сужает спектр социальных прав рабочего класса и "бедноты". Либеральную систему правления можно наблюдать в США, Австралии, Канаде и других странах.

Следующая группа может быть образована из консервативных (корпоративных) статичных режимов континентальной Европы. Декоммодификация действительно может являться элементом социальной политики этих государств. Однако определяющие черты лежат скорее в природе статусных различий социальной политики. Социальные права тесно связаны с понятиями класс и статус. Другим ключевым моментом этой системы правления является защита и поддержка семьи и функций, которые она выполняет. Государство берется за выполнение социальных функций только тогда, когда семья оказывается не в состоянии выполнить их самостоятельно. Организационная структура схем социальной защищенности отражается во влиянии корпоративного наследия в таких странах, как Германия, Австрия, Франция и Италия.

Остановимся на **характеристике типов систем благосостояния**. Более пристальное рассмотрение типологий будет предметом вашего самостоятельного анализа. Мы же можем предположить следующее - в любом случае, при любой системе правления ее концепт будет более значимым, если в него включить гендерный подход. Так, для социально-демократических государств определяющей является идея "дружелюбия по отношению к женскому полу".

Страны из либеральной группы основное внимание уделяют ограниченному характеру социальных прав, примером чего может служить предложения о взаимоотношении между умеренным социальным страхованием и содействием в определении потребностей. С точки зрения гендерного подхода, связь между двумя "путями" социальной защищенности была проанализирована преимущественно с позиции "женского" пути определения потребностей и "мужского" пути социального обеспечения. Скорее всего, в подобной модели государства благосостояния абсолютным идеалом будет выступать собственник - человек, который принадлежит только себе и является экономически независимым. Пока он зависит от социального обеспечения, он получает фактически то, за что он заплатил заранее и способен поддерживать свою индивидуальность как личность, имеющие права. Для тех, кто не соответствует данному идеалу, существует путь социальной защиты, заключающийся в осуществлении помощи в определении потребностей. Люди, а в основном это женщины, которым приходится прибегать к этому способу социальной защиты, являются клиентами государства благосостояния.

Среди исследований по двусторонней либеральной модели США отметим работу Барбары Нельсон (B.Nelson) о ранних социальных программах США, как например, Workmen's Compensation и Mother's Aid. При анализе этих программ Нельсон показывает не только двойной стандарт обеспечения благосостоянием, но и показывает, как программы социального обеспечения поддерживают и укоренившуюся систему семейной жизни, семейного стандарта (поддерживаем кормильца, значит поддерживаем домашний очаг).(10)

Пример теоретического подхода можно найти в работах Нэнси Фрэйзер (N.Fraser), которая попыталась связать эти два пути с предположениями о существовании гендера, соответствующего идентичности обладателя прав (маскулинная подсистема) и зависимости клиента от социальных механизмов государства благосостояния (феминная подсистема). (11) Данный подход был подвергнут критике Орлофф, которая заявила, что это всего лишь часть реально существующей картины, так как гораздо большее число женщин интегрированы в государство благосостояния напрямую через своих мужей,

так что формально все это основано на их косвенном отношении к рынку труда через брак. Орлофф предлагает заменить двухсторонний подход с позиции разного отношения к мужчинам и женщинам, подходом, который основан на определении типа семьи или домохозяев. В качестве примера рассматривается семья, которая состоит из мужчины, зарабатывающего на жизнь, и женщины, зависимой от него, но другие члены семьи, фактически содержатся ею, хотя она не выступает в качестве "рабочей силы", а для достижения благосостояния использует свой статус матери. (12)

Во многих исследованиях либеральный режим чаще всего рассматривается как обратная сторона социально-демократического режима, который характеризуется, как уже отмечалось, с одной стороны, низким уровнем стратификации, а с другой - высоким уровнем коммодификации, что, безусловно, отражается на различиях в вопросе достижения мужчинами и женщинами статуса социально равноправных граждан.

Гораздо меньше исследований связи гендера и благосостояния было проведено в Бельгии, Германии и Голландии. Ситуация может стать прозрачнее, если понять, как гендерные отношения маркировали социальную политику. При внимательном отношении ясно просматривается, как высокий уровень социального обеспечения и декоммодификации сосуществуют с высокой степенью зависимости граждан женского пола. Социальная политика Голландии может быть понята при рассмотрении гендерных тождеств, которые исторически соответствовали таким группам, как "кормильцы семьи" и "хранительницы очага". Но и сегодня доминирование модели "кормилец - хранительница очага" в голландской социальной политике рассматривается в контексте широко распространенной в современной идеологии некой установки "семейной жизни" в политической истории государства.

Если бы нам пришлось отвечать на вопрос: где, в какой области современной социальной политики мы должны искать возможность и необходимость гендерного подхода, то абсолютно верный ответ был бы: в области социальных прав.

Следующий вопрос - может ли социальная политика государства уменьшать рыночную зависимость как мужчин так и женщин в реализации их социальных прав и как определить ту степень, когда это возможно? И вообще можно ли описать, объяснить переход от личной зависимости к зависимости государственной? Это достаточно трудно сделать, тем более, что нынешний лозунг нашего государства как бы противоположный - мы ищем в рынке панацею от всех бед, а переход от государственной зависимости к личной, как некий социальный стандарт. Здесь уже не до рассуждений по поводу гендерного равенства или неравенства. Однако, суммируя факты, все же можно сказать, что если мы хотим интегрировать гендерный подход в социальные схемы, то мы должны изменить прежде всего концептуальный подход. На сегодняшний день продолжение рассуждений в данном ключе затруднительно. Необходим новый концепт, к определению которого в полной мере, на мой взгляд, мы пока не готовы, что в полной мере отражено в программных или теоретических (идеологических) документах политических партий и движений России. Необходимо понятие, которое не только бы заключало в себе эффекты взаимоотношений капиталистического рынка и экономического развития, но и в равной мере являлось чувствительным к социальной дифференциации и культурному плюрализму. То, как гендерные аспекты закреплены в формулировке и осуществлении социальной политики важно не столько для практики, сколько для развития основополагающих теорий. Таким образом, мы не можем рассматривать лишь взаимоотношения между рынком, государством и семьей; нам необходимо инкорпорировать гендерные структуры, которые соединяют эти различные сферы, в структуру сравнительного анализа различных моделей государства всеобщего благосостояния. Это означает, что мы должны сфокусировать свое внимание на предположениях о задачах и обязанностях (формальных и неформальных) мужчин и женщин. Весь вопрос гендерного аспекта, которые связывает структуры государства, рынка и семьи, является на самом деле вопросом гендерно-маркированного общества.

И в заключении, следует отметить, что многие положения, рассмотренные в этой лекции, появились в контексте заочной дискуссии с авторами статей, объединенных в сборник под общим названием "Gendering Welfare States" (1997), в свою очередь отражающих материалы семинара 1993 "Государство благосостояния и Гендер".

Примечания.

1. Esping-Andersen, Gosta (1987) "The comparison of policy regimes: an introduction", in Martin Rein; Esping-Andersen, Gosta (1990) "The Three Words of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity Press.
2. Orloff, Anna Shola (1993) "Gender and the social rights of citizenship: state policies and gender relations in comparative research", American Sociological Review, 58(3)
3. Цит. по: "Gendering Welfare States" Ed. by Diana Sainsbury. (1997), pp. 11,12.
4. Esping-Andersen, Gosta (1990) "The Three Words of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity Press, p.11
5. Marshall, T.H.(1964) "Class, Citizenship and Social Development"Garden City, NY,p.11
6. Marshall, T.H.(1964) "Class, Citizenship and Social Development"Garden City, NY, p.72, 94
7. Подробнее анализ этапов философии прав человека дан в работе Теодора Шанина "Социальная работа как культурный феномен современности: новая профессия и академическая дисциплина в контексте социальных теорий и политической практики наших дней"// Взаимосвязь социальной работы и социальной политики., М., 1997
8. Cameron, David R. (1978) "The expansion of the public economy: a comparative analysis", American Political Review, 72: 1243-61; Korpi, Walter (1978) "The Working Class and Welfare Capitalism, Unions and Politics in Sweden", London: Routledge & Kegan Paul
9. Esping-Andersen, Gosta (1987) "The comparison of policy regimes: an introduction", in Martin Rein, p6; Esping-Andersen, Gosta (1990) "The Three Words of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity Press, p.37
10. Nelson, Barbara (1990) "The origins of the two-channel welfare state: workmen's compensation and mothers' aid, in Linda Gordon (ed.), Women, the State and Welfare. Madison: University of Wisconsin Press. pp.123-157
11. Fraser, Nancy (1989a) Unruly Practieces: Power, Discourse and Gender in Contemporary Social Theory. Minneapolis: University of Minnesota Press
12. Orloff, Anna Shola (1993) "Gender and the social rights of citizenship: state policies and gender relations in comparative research", American Sociological Review, 58(3), p. 315.

ЛЕКЦИЯ 15. ГЕНДЕРНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Существуют ли гендерные различия в состоянии здоровья мужчин и женщин? Есть ли существенные гендерные отличия в показателях заболеваемости и смертности? Насколько образ жизни влияет на различия в здоровье и чья жизнь в этом отношении более предсказуема: мужчины или женщины? На эти вопросы не так легко найти однозначные ответы. Попробуем это сделать.

Наиболее ошеломляющее различие, которое зафиксировано в любых статистических сборниках, в любой стране - **это то, что продолжительность жизни женщин во всем мире значительно выше, чем у мужчин**. Исключение составляют всего несколько стран, в которых женщины и мужчины живут одинаковое число лет или даже мужчины - дольше. По данным ООН таких стран всего четыре: Бангладеш, Индия, Мальдивы и Непал. Мы не будем рассматривать причины того, почему именно в этих странах сложилась такая демографическая картина. Важен сам факт: такие страны есть. Однако общая тенденция - совершенно иная. Из анализа таблиц, объединенных общим названием "Контроль за осуществлением целей МКНР (Международная конференция по народонаселению и развитию, 1994, Каир): отдельные показатели" (1) следует, что "мужские" показатели смертности превышают "женские" во всех возрастных группах и по основным причинам смертности, таким как сердечно-сосудистые заболевания, злокачественные опухоли, несчастные случаи.

Мужчины в России живут в среднем на 12-15 лет, а женщины - на 6-9 лет меньше, чем, например, в странах Западной Европы. А самой большой проблемой с начала 90-х годов остается высокий уровень преждевременной смертности населения. Нельзя не отметить и огромную — более 12 лет — разницу в средней продолжительности жизни женщин (73,1 года) и мужчин (61,0 год). Такой разницы нет больше ни в одной стране мира. Это является свидетельством не только демографического, но и социального неблагополучия. (2). Более подробно эта тема отражена в работах И.А. Калахиной и И.В. Корховой (3).

Женщины чаще болеют и становятся инвалидами, но их проблемы со здоровьем обычно менее серьезны чем у мужчин, или, если быть более точными, они меньше угрожают их жизни нежели те, ко-

торами страдают мужчины. По наблюдениям Л. Вербругге (1985) "мужчины и женщины изначально страдают одними и теми же заболеваниями; гендерные же различия наблюдаются в частоте возникновения проблем и поступи смерти". Так, например, по результатам американских исследований сердечно-сосудистые заболевания являются одной из основных причин смертности для женщин старше 66 лет, но они же — "убийца номер один" для мужчин около 40 (4).

На продолжительность жизни мужчин оказывают неблагоприятное влияние по крайней мере два основных фактора: биологический и социальный, точнее - социально-психологический. С биологической точки зрения, организм мужчины имеет некоторые особенности или ограничения. И как следствие, более высокие показатели смертности мужчин в пренатальном и неонатальном периоде. Хотя процентное соотношение колеблется из года в год, вероятность смертности среди мальчиков (по данным американских исследований) в пренатальном периоде выше, чем у девочек, примерно на 12%, а среди новорожденных — на 130% (5). В детстве организм мальчика более уязвим, чем организм девочки, что проявляется задолго до того, как они начинают в полной мере испытывать воздействие различных социальных ролей в обществе. Несчастные случаи, например, вызывают больше смертей среди мужчин, чем среди женщин. Предполагается, что мужчины агрессивнее как в игре, так в дальнейшем, и в работе. Высокие показатели смертности от несчастных случаев среди мужчин можно частично отнести и за счет того, что их работа чаще связана с опасными видами деятельности, с так называемой "работой повышенного риска".

Например, по данным Страховой компании "Метрополитен" (6) наиболее опасной работой в США является ныряние за губками, затем следуют гонки на мотоциклах, хождение по канату, работа в сталелитейной промышленности, рубка леса, охрана быков, работа подрывников, шахтеров и государственных полицейских. Кстати, опасно быть также и Президентом США, по статистике, не всем из них посчастливилось насладиться всей полнотой нормальной жизни.

Еще одним фактором, который вносит свой вклад в более высокие показатели смертности среди мужчин, может служить конкуренция на работе и напряжение, связанное с работой. Образ жизни бизнесмена или специалиста, сориентированного на карьере, его погоня за "успехом в жизни" является характерной чертой мужчины среднего класса американского общества и рассматривается как серьезная составляющая возможности стресса среди этой группы мужчин.

Американские страховые компании относят мужчин-специалистов среднего возраста к группе риска, особенно тех, кто курит, имеет избыточный вес и склонен работать сверхурочно.

В России ситуация несколько иная: в нашей стране женщины чаще, чем в США выбирают профессии повышенного риска, и многие женщины испытывают стресс в связи с продвижением по служебной лестнице. Выборочный опрос Российских страховых компаний показывает, что учет профессий повышенного риска не предусмотрен при заключении страхового договора.

Следующая проблемная группа - **гендерные различия в показателях заболеваемости**. Если проанализировать результаты медицинских обследований учащихся московских школ, то заметен значительно больший охват мальчиков, чем девочек. Мальчикам предстоит служить в армии, а потому им оказывается повышенное внимание. Поэтому с определенным допущением можно сказать, что элементы дискриминации закладываются уже с детства — со стороны работников здравоохранения девочкам уделяется меньше внимания. В тоже время у 75% девочек по окончании школы имеются хронические заболевания (опрос родителей девочек 11-14 лет в одной из московских школ показал, что ни одной из них не было рекомендовано, например, посещение детского врача гинеколога, хотя по рассказам родителей проблемы были, но на них или не обращали внимание или пытались обойтись своими знаниями и опытом) (7). Может быть, это одна из причин того, что в зрелом возрасте у женщин отмечаются более высокие показатели заболеваемости.

Американские исследователи провели анализ данных Национального центра медицинской статистики США и выявили, что у женщин регистрируется особо высокие показатели острых заболеваний, а именно инфекционных и паразитных, а также нарушения респиративных и пищеварительных функций. Единственной острой патологией, чаще фиксируемой среди мужчин, являются травмы. У женщин показатели острой патологии, не связанные с беременностью, в одиннадцать раз выше, чем у мужчин. У мужчин более высокие уровни заболеваемости раком в молодом и преклонном возрасте; у женщин наиболее высокая заболеваемость приходится на возрастную группу от 20 до 55 лет (8). Общая тенденция такова: среди женщин больше распространены хронические патологии, которые не являются

ведущими причинами смертности. Мужчины в большей степени страдают такими хроническими заболеваниями, которые могут прервать жизнь человека. Женщины активнее пользуются услугами здравоохранения. И это утверждение верно даже в тех случаях, когда пользование услугами по родовспоможению и наблюдению беременности исключаются из анализа. На этом основании Роберт Вилсон (Robert Wilson, 1970) полагает, что при рассмотрении различий между мужчинами и женщинами можно говорить об обратном соотношении между смертностью и заболеваемостью. Женщины чаще болеют, но живут дольше. Мужчины реже болеют, но раньше умирают. Однако существует вероятность того, что на самом деле женщины болеют не чаще, чем мужчины, а просто, в силу разных обстоятельств, более чутко относятся к своему организму и при проявлении дискомфорта спешат устранить его. Это предположение может быть верным уже потому, что когда мы обращаемся к анализу хронических заболеваний, исследователи не находят существенных различий в жалобах со стороны мужчин и женщин.

На мой взгляд, **наиболее интересный аспект изучения различий в здоровье у мужчин и женщин связан с изменениями в образе жизни.** Было время, когда жизнь мужчин и женщин была, как говорится, предсказуемой, потому что для мужчин был типичен один тип поведения, а для женщин - другой. В силу этого гендерные различия в видах деятельности, целях и продолжительности жизни принимались как само собой разумеющееся и могли прогнозироваться в той или иной степени. Однако, уже упоминавшаяся работа Вербруге указывает на важные изменения в образе жизни американцев, которые могут привести к существенному выравниванию показателей смертности среди полов. Автор справедливо говорит, что на продолжительность жизни женщин влияет их профессиональная занятость. Например, в сравнении с 50-ми годами женщины все чаще работают на рабочих местах, которые раньше считались исключительно мужскими, употребляют больше алкоголя, и курят больше сигарет.

А вот доказательства изменений в заболеваемости раком легких имеются уже сегодня. До окончания Второй мировой войны, американские женщины практически не курили. В 1961 году рак легких стоял на восьмом месте среди заболеваний, служащих причиной смертности среди женщин, а к началу восьмидесятых годов он стал уже занимать второе место. То есть, с 1960 по 1983 годы темпы роста смертности от рака легких среди женщин составляли 6,2% в год. Национальный центр медицинской статистики США связывал этот факт со старением групп женщин - активных курильщиц. (10) В Америке, как известно - объявлена суровая война курильщикам. На самолетах американских авиакомпаний запрещено курить во время всего полета, даже если это рейс Москва - Нью-Йорк (9часов), не курят на работе и в общественных местах. В гостинице вы будете жить на определенном этаже, потому что при регистрации у вас обязательно спросят курите Вы или нет. Из личных наблюдений могу заметить, что прошедшие 10 лет (первый раз я была в США в 1990 году, последний совсем недавно, в июне 2000 года) существенно изменили картину - курильщиков стало заметно меньше и особенно среди мужчин. По данным все того же Национального центра медицинской статистики, доля курящих женщин с 1960 до середины 1980 -х оставалась неизменной, где-то на уровне 30% и только с 1985 году численность курящих женщин понемногу начала снижаться. В настоящее время в результате того, что часть мужчин бросила курить, число курящих мужчин и женщин в США практически сравнялась. В то же время в нашей стране только среди выпускников школ курят 53% юношей и 28% девушек; курят 60% мужчин и 15% женщин в возрастной группе 20-69 лет. Злоупотребление алкоголем также является одним из ведущих факторов кризиса состояния здоровья населения нашей страны. При этом следует отметить, что в структуре больных алкоголизмом за последние 10 лет значительно увеличился удельный вес женщин, в динамике очевидно, что если в начале 80-х годов соотношение между числом больных алкоголизмом мужчин и женщин было 1:10, то в 1995 году это соотношение уже было 1:6. Специалисты считают, что перспективы лечения алкоголизма у женщин хуже, чем у мужчин - отношение общества к женщинам значительно жестче и нетерпимее, а потому они стараются скрыть свое состояние, позднее обращаются за помощью, если обращаются вообще. (11)

Еще одна проблемная группа связана с гендерными различиями в психических заболеваниях. Большинство исследований, посвященных изучению "истинных" уровней распространенности психических расстройств (имеются ввиду те, которые подлежат лечению), с разбивкой по половому признаку указывают на то, что:

- отсутствуют четкие различия по полу в уровнях заболеваемости шизофренией;

- показатели общего настроения и состояния тревожности устойчиво выше у женщин независимо от места и времени;
- показатели личностных нарушений устойчиво выше у мужчин независимо от времени и места.

Эти результаты исследований Брюса и Барбары Доренвенд опровергают утверждения о том, что психические нарушения чаще встречаются у женщин, чем у мужчин, и что изменение роли полов в жизни американского общества способствует более широкому распространению психических заболеваний среди женщин. Те же Доренвенды указывают - заболеваемость в зависимости от пола остается неизменной, хотя и проявляется по-разному: у женщин выше склонность к депрессии и тревожности, в то время как мужчины чаще страдают от нарушений личности. Примечательно, что эти нарушения характерны для всего двадцатого столетия и не зависят от изменения роли полов. (12)

Следует также отметить, что ухудшение окружающей среды и изменение климата, новые болезни, общественные беспорядки, экономическая нестабильность угрожают здоровью жизни и безопасности любого человека, будь-то мужчина или женщина. Именно социально-экономическое состояние социума в 50% является важнейшим фактором, детерминирующим состояние здоровья населения. Негативные явления распространяются очень быстрыми темпами и в широких масштабах. Однако, к счастью, не менее быстрыми темпами расширяются и возможности людей в вопросах охраны здоровья, совершенствуются технологии медицинской помощи и тем самым достигается социальный прогресс. И в этом наше спасение и в чем-то гарантия, что у каждого человека есть шанс быть здоровым. Другое дело, каковы возможности для его реализации.

Обратимся к таблице приоритетов Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), обозначенных в период ее образования еще в 1948 году. За прошедшие годы многое изменилось, но по-прежнему - состояние здоровья матери и ребенка - один из приоритетов деятельности ВОЗ. Почему? Причин много, но все-таки, некоторые из них мы, видимо, можем назвать, что называется, сходу. Среди них главный... - матери и дети - это большинство населения в любой стране, а дети, к тому же - это будущее нации и общества. Можно дополнить их и другими. Например тот факт, что большинство болезней, которые приводят к смертности и патологиям у детей или которые возникают в период беременности, могут быть предотвращены, диктует необходимость гендерных измерений здравоохранения, начиная с возраста мальчиков и девочек. Именно поэтому социальные усилия в любом обществе направлены прежде всего на сохранение их здоровья.

Здоровье можно рассматривать как бы с двух сторон: на уровне популяции (в этом случае, прежде всего, работают показатели смертности и заболеваемости) и на уровне индивида (речь идет об индивидуальных характеристиках здоровья). При анализе этих показателей мы обнаруживаем парадоксальную ситуацию: популяционный индикатор значительно ниже у мужчин, однако все показатели индивидуального здоровья значительно ниже у женщин. Гендерные измерения здравоохранения могут оказать неоценимую услугу в понимании задач общественного здравоохранения. Низкие характеристики индивидуального здоровья женщин связаны с высокими биологическими (продолжение рода) и социальными (выживание в сложных условиях) нагрузками, а следовательно общество должно обратить внимание именно на помощь женщинам в этом направлении; плюс найти необходимые технологии (возможно, через те же СМИ), которые заставили бы женщин относиться к собственному здоровью, как наивысшей ценности, данной им от рождения, и требовать от государства соблюдение гарантированных прав на медицинское обслуживание. Та же цель стоит и перед мужским населением страны, но задачи и технологии сохранения их здоровья будут несколько другими. И одна из основных задач - увеличение средней продолжительности жизни мужчин и снижение смертности среди мужского населения в трудоспособных возрастах. Разрыв в средней продолжительности жизни между мужчинами и женщинами на фоне сокращения рождаемости, может превратить наши города в некие сообщества одиноких женщин после 60, что собственно говоря уже происходит в сельской местности, где демографическое старение выражено ярче (в целом по России в 1999 году доля лиц пенсионных возрастов среди мужчин составляла 13,3%, среди женщин - 27,5%, т.е. почти в 2 раза выше; в городе показатель демографического старения - 19,9% в сельской местности - 23,2%). (13).

Кроме того, низкие показатели здоровья женщин самым непосредственным образом сказываются на здоровье детей. И здесь статистика безжалостна: основными в структуре младенческой смертности являются причины связанные со здоровьем матери: доля нормальных родов в 1996 году составила только 34%; заболевания возникающие на первой неделе жизни младенцев - свыше 40%, врож-

денные аномалии - 25%. Смертность детей первого года жизни в России в 2-4 раза выше, чем в экономически развитых странах. (14)

Индивидуальное здоровье - это один уровень здоровья женщин и мужчин, некий "индивидуальный потенциал", состоящий из набора различных факторов. Здоровье населения (или популяции) - уровень другой, хотя взаимодействие этих уровней - очевидно. В совокупности они образуют единый ресурс здоровья общества. Включение гендерного подхода в анализ состояния и прогнозирования здоровья позволит полнее ответить на многочисленные вопросы: кто выигрывает или проигрывает в уровне смертности, при наличии или отсутствии каких заболеваний это происходит и в каких возрастах? какие факторы личного или общественного порядка оказывают влияние на эти процессы и каковы последствия этого воздействия для мужчин и для женщин? Ответы на эти вопросы позволяют корректировать политику государства в области охраны здоровья граждан, исходя из естественно существующего социального неравенства, которое существовало и будет существовать - общество всегда будет разделено на две большие социальные группы: мужчин и женщин.

Примечания

1. Народонаселение мира, 1999 год. UNFPA, С. 79-85.
2. Веселкова И.Н. Социальная нестабильность и состояние здоровья населения России // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. М., 1999. С. 51.
3. Кабалихина И.Е. Гендерные различия в смертности населения; Корхова И.В. Гендерные аспекты здоровья // "Народонаселение. №2, 2000.
4. Verbrugge, Lois M. 1985. "From sneezes to adieux: Stages of health for American men and women". "Social Science and Medicine", 22.
5. The social demography of health. Medical Sociology, 1989, p. 46
6. Ibid. P. 43.
7. Об итогах хода реформ и задачах по развитию здравоохранения и медицинской науки в РФ на 2000-2004 годы и на период до 2010 года. Доклад Министра здравоохранения РФ Ю.А.Шевченко. М., 2000. С. 13.
8. National Center for Health Statistics, 1986 (Wash. D.C. U.S. Government Printing Office)
9. Wilson Robert N. 1970. The Sociology of health. N.Y. Random House.
10. National Center for Health Statistics, Health United States, 1985 (Wash. D.C. U.S. Government Printing Office, 1985)
11. Данные приводятся по: Алкоголь и здоровье населения России. 1900 - 2000. Под ред. А.К. Демина., стр.20, 74-75, 236
12. Bruce P. Dohrenwend and Barbara Snell Dohrenwend, "Sex Differences and Psychiatric Disorder," American Journal of Sociology, 81(1976), 1453
13. Об итогах хода реформ и задачах по развитию здравоохранения и медицинской науки в РФ на 2000-2004 годы и на период до 2010 года. Доклад Министра здравоохранения РФ Ю.А.Шевченко. М., 2000, стр. 7.
14. Веселкова И.Н. Социальная нестабильность и состояние здоровья населения России // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. М., 1999. С. 56; Об итогах хода реформ и задачах по развитию здравоохранения и медицинской науки в РФ на 2000-2004 годы и на период до 2010 года. Доклад Министра здравоохранения РФ Ю.А.Шевченко. М., 2000, стр. 6-7.

ЛЕКЦИЯ 17. РОССИЙСКИЙ МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ РАВНЫХ ПРАВ И РАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ

Российское законодательство, регламентирующее положение женщин на рынке труда

Законодательные основы положения мужчин и женщин на рынке труда заложены в Конституции РФ, Конвенциях МОТ, ратифицированных Россией, Кодексе законов о труде Российской Федерации (КЗоТ), Законе РФ "О занятости населения РФ" и других законодательных актах.

В Конституции РФ зафиксированы гарантии права на труд; равенство прав и свобод и равенство возможностей для их реализации у мужчин и женщин.

Положение российских женщин на рынке труда регламентируется целым рядом международных Конвенций, ратифицированных Россией¹. Порядок взаимодействия российского трудового законодательства и международных соглашений состоит в следующем: если международными договорами, ратифицированными Россией, установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены в российском трудовом законодательстве, то применяются правила международного договора. Таким образом, международные договоры имеют приоритет над российским законодательством.

В 1997 г. Россией была ратифицирована Конвенция МОТ N 156 (1981г.) "О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящихся с семейными обязанностями". В настоящее время Государственная Дума разработала законодательные поправки с целью приведения КЗоТ в соответствие с положениями этой Конвенции. В результате такой работы в КЗоТе вместо запрещающих правил, которые должны остаться только для беременных женщин и кормящих матерей, будут введены требования о получении согласия работницы, имеющей малолетнего ребенка, на ранее запрещенные работодателю действия: привлечение к сверхурочным и ночным работам, в праздничный день, командировки и т.п. Подобный подход способен существенно снизить негативное отношение к женщинам на рынке труда.

Российское законодательство в целом и законодательство, регламентирующее трудовые отношения, в частности, не содержат норм, которые можно было бы квалифицировать как дискриминационные по отношению к женщинам. КЗоТ и Закон РФ "О занятости населения РФ" гарантируют всем гражданам свободу выбора рода деятельности, охрану труда, защиту от необоснованного увольнения или необоснованного отказа от работы и т.д.

Значительная часть законодательных актов, регламентирующих положение женщин на рынке труда, является следствием инкорпорирования международных норм в российское трудовое законодательство. Отличительной чертой этого инкорпорирования является то, что в российском трудовом законодательстве международные нормы, как правило, толкуются расширительно, предоставляя больше льгот женщинам, чем это предусмотрено международными документами. Например, если в Конвенция МОТ N 103 "Об охране материнства" ст.3 пп.2 и 3, записано, что продолжительность отпуска по беременности и родам составляет, по меньшей мере, 12 недель и включает период обязательного послеродового отпуска, а продолжительность обязательного послеродового отпуска устанавливается законодательством каждой страны, но ни в коем случае не составляет менее 6 недель, то в России КЗоТом (ст.165) продолжительность этого отпуска установлена (в нормальных условиях) по 70 дней до и после родов и т.д.².

Кроме того, в российском трудовом законодательстве существуют нормы, предоставляющие отдельным категориям женщин особые социально-трудовые гарантии, не имеющие мировых аналогов. К этим нормам относится, например, предоставление родительского отпуска по уходу за ребенком до 3-х лет; упоминавшиеся выше ограничения занятости женщин во вредных и особо вредных условиях труда; предоставление женщинам, работающим и проживающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, права работы по сокращенной 36 часовой рабочей неделе с сохранением заработной платы и ежемесячного дополнительного выходного дня без сохранения заработной платы (Закон "О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним областях" ст. 21 и 22) и т.д.

Сегодня основной проблемой трудового законодательства, регламентирующего положение женщин на рынке труда, является его применение. В нашей стране в условиях правового нигилизма най-

дется не так много законов, которые выполняются на практике. Трудовое законодательство не является в этом смысле исключением. Это касается не только неформальной, но и официальной занятости. Причем, как показывают исследования, нарушают законы все субъекты трудовых отношений, включая государство. И дело не только в том, что действующее трудовое законодательство не соответствует реальным трудовым отношениям, но и в слабости судебной системы. Последнее выражается в частности в том, что масштабы нарушений социально-экономических прав граждан перестали соответствовать числу судей и судебных инстанций. В результате российские суды оказались захлестнуты судебными исками. Кроме того, отсутствует система досудебного разбирательства трудовых споров, что могло бы во многом разгрузить судебную систему и облегчить процесс защиты прав.

Совершенно особой проблемой является защита от дискриминации. Несмотря на то, что российское законодательство, регламентирующее положение женщин на рынке труда, является в достаточной степени адекватным международным нормам, в настоящее время приходится констатировать практическую бездейственность в отношении **фактов дискриминации по признаку пола**.

Эксперты выделяют три основные причины создавшегося положения. Во-первых, несмотря на то, что Россия ратифицировала Конвенцию ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и Конвенции МОТ, запрещающие дискриминацию, пока эти международные акты недостаточно конкретизированы в отраслевом законодательстве, кроме того, до сих пор остаются не разработанными критерии определения дискриминации. Во-вторых, правовое сознание современных российских судей и людей, применяющих эти Конвенции, таково, что они не способны на практике квалифицировать дискриминационные ситуации и факты дискриминации, как дискриминацию. В-третьих, существующая сегодня практика судов не ориентирована на применение антидискриминационных норм, уже имеющих в российском трудовом законодательстве³.

Отсутствие механизмов пресечения дискриминации приводит к тому, что судебные иски не подаются даже при грубых нарушениях. Не следует забывать и то, что чрезвычайные по своим масштабам нарушения работодателями и государством значительной части конституционных и социально-трудовых прав трудящихся и, в первую очередь, невыплата зарплаты, пенсий, пособий, принудительный перевод на режим неполной занятости и т.д., а также низкая эффективность их защиты, переводят проблемы дискриминации по признаку пола на периферию общественного сознания, тем самым усиливая асимметрию восприятия прав мужчин и женщин.

В России эффективность действия ратифицированных Конвенций МОТ значительно снижает закрытость, если не сказать "секретность", докладов Правительства РФ по их выполнению и неинформированность широкой общественности не только о сути, но и просто о существовании этих международных документов.

Политика равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин на рынке труда и ее реализация

В настоящее время на федеральном уровне ответственными за разработку и реализацию законодательства для мужчин и женщин на рынке труда являются Комитет Государственной Думы по делам женщин, семьи и молодежи; Департамент по делам семьи, женщин и детей Министерства труда и социального развития РФ, Комиссия по вопросам женщин, семьи и демографии при Президенте РФ, Комиссия по вопросам улучшения положения женщин при Правительстве РФ. Конкретные направления работы по реализации политики равных прав и возможностей разработаны и осуществляются в рамках Концепций улучшения положения женщин в Российской Федерации, Национального плана действий по улучшению положения женщин и повышению их роли до 2000 года, Концепции законодотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин. Кроме того, эти вопросы вошли, хотя и ограничено, в Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, работодателей и Правительством РФ и Федеральную Целевую программу содействия занятости населения РФ, разрабатываются соответствующие региональные программы. Различными аспектами проблем занятости женщин занимается целый ряд неправительственных женских организаций.

Развитие и совершенствование законодательных норм, регламентирующих положение женщин на рынке труда и обеспечивающих реализацию политики равных прав и возможностей, в дальнейшем

будет проходить в соответствии с "Концепцией законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин", которую Государственная Дума РФ приняла в ноябре 1997 года, несмотря на то, что проблемы положения женщин в не являются для большинства российских депутатов приоритетными. В основу этого документа заложено понимание того, что права женщин являются неотъемлемой частью прав человека. Именно в этом ракурсе в документе представлена реальная оценка положения российских женщин во всех сферах жизнедеятельности и, в первую очередь, в сфере занятости и на рынке труда и разработана общая стратегия и приоритетные направления развития законодательства по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин, недопущению дискриминации по признаку пола.

Важным документом федерального уровня, очерчивающим рамки политики равных прав и возможностей на рынке труда, стала Концепция улучшения положения женщин в Российской Федерации, принятая Постановлением Правительства РФ N 6 от 8 января 1996 года. В преамбуле этого документа зафиксировано, что он определяет общую стратегию и приоритетные направления государственной политики в отношении женщин и нацелен на реализацию принципа равных прав, свобод и создания равных возможностей для женщин и мужчин. Несомненным достоинством этой Концепции является то, что она стала одним из первых официальных документов этого уровня, в котором было признано существование в России дискриминации женщин на рынке труда.

В одном из разделов Концепции, целиком посвященном проблемам обеспечения равных прав на рынке труда, предусмотрено в частности:

- Разработать законодательные акты, предусматривающие экономические стимулы для повышения заинтересованности работодателя в приеме на работу граждан с семейными обязанностями, в том числе на условиях неполного рабочего времени.
- Добиваться развития систем содействия и контроля за расширением участия женщин в малом и семейном предпринимательстве, включая предоставление льгот по налогам, кредиту и страхованию данных сфер.
- Расширять системы консультирования и профессиональной ориентации женщин, желающих основать свое дело и оказывать содействие в практической реализации программ.
- Укреплять систему профессионального обучения и переобучения женщин, в том числе женщин, имеющих перерывы в трудовой деятельности.
- Разрабатывать меры по реализации принципа равной оплаты за равный труд и работу равной ценности.
- Создание системы контроля за положением женщин на рынке труда, соблюдением трудового законодательства.

Таким образом, основные направления работ, заложенные в данной Концепции, касаются разработки мер содействия занятости, преодолению неравных стартовых условий и прошлой дискриминации.

В заключительной части Концепции, зафиксировано, что "в целях реализации Концепции следует обеспечить включение блоков вопросов по улучшению положения женщин в РФ в разрабатываемые проекты нормативных актов, Федеральные, отраслевые и региональные программы".

Национальный план действий по улучшению положения женщин и повышению их роли до 2000 года, утвержденный Постановлением Правительства РФ от 29 августа 1996 г., направлен, в том числе, на решение проблем положения в сфере занятости. Все его действия нацелены на содействие занятости отдельных категорий женщин (женщин-дипломатов, незанятых женщин, являющихся единственными кормильцами, женщин-предпринимателей и т.д.), то есть на расширение позитивной дискриминации или преодоление прошлой дискриминации в отношении отдельных групп женщин. В тоже время Национальный план предусматривает следующие направления работы:

- Подготовка предложений о введении в трудовое законодательство норм об обязательной переподготовке (подготовки) женщин, вернувшихся из отпусков по беременности и родам, по уходу за ребенком.
- Создание дополнительных рабочих мест для женщин путем расширения сети учреждений социального обслуживания.
- Подготовка информационных материалов о положении женщин на рынке труда.

- Обеспечение освещения в СМИ выполнения Конвенций ООН и МОТ.

В странах-членах МОТ, к которым принадлежит и Россия, важнейшим инструментом реализации политики равных прав и равных возможностей в сфере занятости и на рынке труда, считается система социального диалога, в рамках которого на федеральном уровне общие принципы регулирования социально-трудовых отношений устанавливает Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ. В России такие соглашения заключаются с 1992 г. (в 1992-95 гг. они заключались ежегодно, а затем каждые два года: на 1996-97 и 1998-99 гг.). Анализ текстов соглашений, подписанных на периоды 1996-1997 и 1998-1999 гг., показывает, что основные принципы регулирования социально - трудовых отношений, которые устанавливаются Соглашением, и совместные действия по его реализации, формально гендерно нейтральны, а точнее в них практически не учитываются проблемы, стоящие перед работающими или желающими работать женщинами.

Так в Генеральном соглашении, заключенном на 1996-97 гг. "женщины" упоминались только один раз в пункте, посвященном необходимости укрепления нормативной, правовой и методической базы развития учреждений социального обслуживания семьи, женщин и детей.

В Генеральном соглашении, заключенном на 1998-99 гг., решению проблем именно женщин в сфере занятости уделено больше внимание. Им посвящен один, правда крайне важный пункт: в разделе "Защита трудовых прав, охрана труда и экологическая безопасность", обращается особое внимание на необходимость соблюдения трудовых прав женщин и несовершеннолетних.

Однако реальных мероприятий для выполнения поставленной задачи оказалось явно недостаточно. Так, например, план мероприятий Правительства РФ по реализации Генерального соглашения по этому пункту предусматривает лишь организацию комплексных проверок работы предприятий и организаций в Волгоградской, Московской, Пермской и Свердловской областях.

Решению проблем положения женщин в сфере занятости и рынке труда могли бы помочь разработка и реализация специализированных программ. Однако Правительство РФ до сих пор не признает эти проблемы как самостоятельные и рассматривает их в лучшем случае фрагментарно, и только как частные случаи проблем занятости населения вообще. До сих пор Россия не имеет ни одной программы федерального уровня, целиком нацеленной на улучшение положения женщин на рынке труда. Эти вопросы пока входят как составные части в Федеральную Целевую программу содействия занятости населения Российской Федерации на 1998-2000 годы и Комплексную программу мер по созданию и сохранению рабочих мест на 1996-2000 годы.

В Федеральной Целевой программе содействия занятости проблемы улучшения положения работающих женщин не являются приоритетными. Их анализ не вошел в социально-экономическое обоснование Программы, они не были включены в список ее ключевых проблем и перечень основных задач, важнейших целевых показателей и направлений государственной политики занятости.

В то же время необходимо отметить, что в Программе существуют специальные разделы, посвященные вопросам дискриминации на рынке труда и проблемам положения работающих женщин. Так работа по профилактике дискриминации на рынке труда предусматривает: совершенствование действующего законодательства, разработку нормативной базы досудебного разбирательства трудовых споров; формирование системы региональных органов по разрешению коллективных трудовых споров; усиление контроля за соблюдением прав работников, повышение роли коллективных трудовых договоров; выравнивание уровней оплаты труда мужчин и женщин.

Деятельность по содействию занятости женщин планируется сосредоточить в основном на 3 условных группах экономически активных женщин: женщин, имеющих высшее и среднее профессиональное образование, прежде всего, впервые вступающих в трудовую жизнь; работниц "женских" отраслей, испытывающих глубокий кризис; женщин в регионах, традиционно испытывающих недостаток рабочих мест.

Регулирование занятости женщин, имеющих высшее и среднее профессиональное образование, намечается осуществить по трем направлениям: предотвращение дискриминации женщин - специалистов при массовом высвобождении персонала; вывод женщин с производств с вредными условиями труда и их профессиональная переориентация и переподготовка в связи с меняющейся конъюнктурой рынка труда.

Основными направлениями действий в области содействия занятости женщин в "женских" отраслях, испытывающих глубокий кризис, будут: профессиональная переориентация и переподготовка в случае отсутствия перспектив развития производства; повышение квалификации безработных женщин.

Содействие занятости женщин в регионах с традиционным недостатком рабочих мест предполагает: усиление социальной поддержки семей, как правило, многодетных, для снятия давления на рынок труда со стороны женщин, имеющих детей; развитие общественных работ, особенно в сфере социальной инфраструктуры; возрождение национальных промыслов и других традиционных сфер занятости.

К сожалению, подавляющее большинство направлений работы по улучшению положения женщин в сфере занятости и на рынке труда, обозначенных в Программе, не нашли в ней дальнейшей конкретизации в виде запланированных мероприятий. Так из 100 конкретных мероприятий, разработанных в рамках Программы, на основе которых и намечается ее выполнение, только четыре (4) четко адресованы женщинам. Два из них касаются женщин, которых планируется в будущем высвободить с рабочих мест с вредными условиями труда. Одно - предусматривает дальнейшую разработку и реализацию региональных планов по улучшению положения женщин, и одно посвящено обучению различных категорий граждан, в том числе незанятых женщин, основам предпринимательской деятельности. Не было запланировано ни одного мероприятия, реализация которого позволила бы снизить дискриминацию женщин на рынке труда.

В Комплексной программе мер по созданию и сохранению рабочих мест на 1996-2000 годы проблемам женщин практически не было уделено внимания. Так среди 38 намеченных мероприятий, было только одно, касающееся женщин детородного возраста, высвобождаемых рабочих мест с вредными и опасными условиями труда. Для этих женщин в 1998-2000 году планировалось осуществить меры по обеспечению рабочими местами.

22 июня 1999 г. Правительством РФ было издано Постановление "О мерах по поддержанию занятости населения". Финансирование этой программы будет проводиться с участием средств не только Фонда занятости, но средств территориальных бюджетов. В рамках этого постановления предусмотрено создание в экономике примерно 3 млн. рабочих мест - общественных работ (подсобные, вспомогательные и погрузочно-разгрузочные работы, работы по уборке, благоустройству и пр.). Практика показывает, что это, как правило, физически тяжелые работы. Представляется, что в дальнейшем потребуются разработка дополнительного списка общественных работ, которые были бы более подходящими для женщин (уход за больными, детьми, участие в массовых статистических опросах). В программе оказался не разработан адресный подход к созданию рабочих мест для мужчин и женщин, который учитывал бы их положение на рынке труда.

В целом можно констатировать, что, несмотря на то, что политика равных прав и возможностей для мужчин и женщин имеет статус государственной политики и формально существуют законодательные предпосылки для успешной ее реализации, пока не удалось создать целостной и действенной политики в этой области и механизма ее обеспечения.

Главной особенностью описанных выше соглашений, планов мероприятий и программ является то, что практически ни в одно из них не заложен механизм обратной связи, процедуры контроля за результатами и оценки эффективности реализации. Ни одно из них не предусматривает изучения того, как и каким образом та или иная программа или мероприятие повлияют на положение женщин в сфере занятости, не заложены процедуры сбора информации о том, в какой степени реализация конкретных мероприятий помогла мужчинам и женщинам в решении их проблем.

Недостатком представленных программ является практически полное отсутствие таких важных направлений работы, как повышение информированности и правовой грамотности женщин о своих трудовых правах, создание действенного механизма защиты от дискриминации, а также мероприятий по выравниванию семейных и родительских обязанностей. Последнее особенно важно, если учесть, что к дискриминации женщин на рынке труда приводит широкое распространение как среди работодателей, так и среди самих работников традиционного взгляда на гендерные роли и разделение труда между мужчиной и женщиной, когда на женщине лежит большая часть ответственности за ведение домашнего хозяйства, воспитание детей и именно с женщиной ассоциируются льготы, предназначенные для всех работников с семейными обязанностями.

В ближайшем будущем в России планируется проведение реформы пенсионного обеспечения, одна из целей которой состоит в установлении более жесткой зависимости размеров будущей пенсии человека от величины его заработной платы и продолжительности платной занятости. Программой реформы запланирован переход от принципа солидарности поколений на смешанные принципы. Предполагается, что новая государственная пенсионная система будет многоуровневой и включать в себя две составляющие: социальные пенсии (для тех, кто не сумел заработать трудовой пенсии) и трудовые пенсии, состоящие из двух частей (условно-накопительной и собственно накопительной), размер которых в обоих случаях будет зависеть только от времени выплаты пенсионных взносов, от размера пенсионных выплат, и ожидаемой продолжительности жизни застрахованного на момент его выхода на пенсию.

Реализация такой программы означает дальнейшее увеличение различий средних размеров трудовых пенсий женщин и мужчин. В существующей пенсионной системе пока удастся сочетать трудовые и социальные элементы. Так, например, в трудовой стаж, который учитывается при начислении пенсии и влияет на ее размер, включаются отпуска по уходу за ребенком; для матерей, имевших пять и более детей, снижается возраст выхода на пенсию и пр. В накопительной пенсионной системе разница в пенсиях будет определяться уже не только дифференциацией заработной платы по полу, но различиями в страховом стаже у мужчин и женщин. И, если в новой системе государство не будет компенсировать родителям потери их пенсионных взносов в связи с такими общественно-полезными перерывами в профессиональной занятости, таких, как отпуск по уходу за ребенком, бюллетени, в том числе бюллетени по уходу за больным ребенком и т.д., которые используют преимущественно женщины, размеры пенсионных выплат последних составят только 40-60% величины пенсионных выплат у мужчин (при условии их равной с женщинами квалификации, возрасте выхода на пенсию, трудовом стаже и пр.). Таким образом, новая пенсионная система, задуманная как гендерно нейтральная, может привести к усилению вторичной дискриминации пенсионеров - женщин.

И еще одна проблема: в настоящее время в России установлен низкий возраст выхода на пенсию, дифференцированный по признаку пола. Для мужчин он составляет 60, а для женщин 55 лет, что на 5-10 лет ниже, чем в большинстве стран Запада. Задача повышения пенсионного возраста для женщин на 5 лет зафиксирована в Программе реформы пенсионного обеспечения Правительства, что с одной стороны, несомненно, облегчит положение Пенсионного Фонда России, но с другой - негативно скажется на ситуации рынка труда в целом.

Примечания

¹ Конвенция МОТ N 45 (1935 г.) "О применении труда женщин на подземных работах в шахтах любого рода".

Конвенция МОТ N 100 (1951 г.) "О равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности"

Конвенция МОТ N 103 (1952 г.) "Об охране материнства"

Конвенция МОТ N 111 (1958 г.) "О дискриминации в области труда и занятий"

Конвенция МОТ N 122 (1964 г.) "О политике в области занятости"

Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

² Баскакова М.Е. Равные возможности и гендерные стереотипы на рынке труда. М.: МЦГИ, 1998, с. 18-23.

³ Завадская Л.Н. Российские реалии: проблема равенства полов // Интеграция женщин в процесс общественного развития. М. 1999, с. 393

**ЛЕКЦИЯ 18. ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ИНВЕСТИЦИЙ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ
КАПИТАЛ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ^{1 2}**

В социалистический период развития в нашей стране была построена особая система инвестиций в образование населения, которая была вполне адекватна существовавшим тогда экономическим отношениям. Характерными чертами этой системы было, с одной стороны, то, что для каждого конкретного человека образование было формально бесплатным (исключение составляли лишь краткосрочные специализированные курсы, типа курсов иностранных языков и репетиторская предвузовская подготовка абитуриентов), а инвестиции шли в основном по линии государства. С другой стороны, человек, имевший высокий уровень образования, не получал значительных экономических выгод. Государственное регулирование заработной платой не допускало значительной дифференциации в оплате труда, да и имевшаяся дифференциация отражала скорее не содержание и сложность труда или ответственность работника, а некие идеологические предпочтения или необходимость срочного решения каких-либо проблем.

Главной задачей системы высшего образования было обслуживание социалистической экономики, которая функционировала неэффективно и развивалась преимущественно за счет экстенсивных факторов (в частности, за счет экономически нерационального наращивания числа специалистов с высшим образованием, подготавливаемых по недостаточно широкому кругу специальностей). В то же время не делалось никаких попыток рассчитать экономическую эффективность существовавшей системы образования даже на макроэкономическом уровне.

Формально существовавшая система высшего образования была гендерно нейтральной. Однако существовал ряд высших учебных заведений и специальностей, по которым обучение девушек не производилось. Такие ограничения были, как правило, обусловлены существованием списка профессий и производств, на которых не разрешался труд женщин. Существовали и иные, как правило, неформальные препятствия по приему девушек в те или иные ВУЗы или на те или иные специальности. Однако эти препятствия не носили экономического характера, а были скорее результатом распространности определенных гендерных стереотипов.

Переход страны на рыночные отношения привел к определенному изменению представлений о "карьере", престижности той или иной профессии и, соответственно,

отношения населения к образованию. С начала перестройки и до середины 90-х годов происходило абсолютное сокращение численности студентов высших учебных заведений. Затем ситуация изменилась и за 1994-99 гг. их количество увеличилось в 1.4 раза³.

Наиболее динамично изменяется число учащихся в негосударственных высших учебных заведениях: за 1993-99 гг. таких студентов стало в 3.6 раза больше, однако до сих пор в общей массе студенчества они составляют только около 7%. В государственных ВУЗах число студентов также росло, однако не столь бурно: за 1992-99 гг. их стало больше на 709 тыс.чел., причем этот прирост численности студентов на 96% происходил за счет тех, кто обучался на платной основе.

Платное образование распространено среди различных государственных ВУЗов и по специальностям крайне неравномерно. Среди обучающихся по техническим специальностям оплачивают свое обучение 5-10 % студентов, зато среди тех, кто учится на специальностях по экономике и управлению, обучение оплачивает каждый второй. Не редки случаи, когда в техническом ВУЗе платным является практически только обучение на экономическом или юридическом факультетах.

Кроме того, судя по данным государственной статистики о динамике выпуска специалистов высшими учебными заведениями по группам специальностей, рост численности студентов ВУЗов происходит главным образом за счет обучающихся гуманитарно-социальным и экономическим специальностям (то есть по тем специальностям, по которым доля оплачивающих свое обучение максимально высока). И хотя государственная статистика не публикует данных о дифференциации по полу студентов обучающихся на платной и бесплатной основе, исходя из того, что платными стали преимущественно традиционно "женские" специальности (в 1998/99 учебном году девушки составляли 67% всех обучающихся по гуманитарно-социальным специальностям и 70% обучающихся экономике и управлению), а традиционно "мужские" остались бесплатными (юноши составляют 74% всех студентов, обучающихся по машиностроительным специальностям, 78% - по радиотехническим и пр.), можно предположить, что платность в большей мере коснулась девушек.

Одним из основных направлений реформирования системы образования в России была трансформация системы его финансирования. Для этого в начале 90-х годов предполагались:

- поиск путей увеличения масштабов финансирования системы образования

- за счет увеличения государственных средств, выделяемых на эту сферу, и прекращения практики ее финансирования по остаточному принципу;
- за счет привлечения новых источников финансирования, в первую очередь средств населения;
- создание новой системы распределения средств уже внутри самой сферы образования, в зависимости от количества и качества образовательных услуг.

Что касается увеличения государственных расходов на образование, то, как известно, "прорыва" на этом направлении не произошло ни в относительном, ни в абсолютном исчислении. И в начале, и в конце 90-гг. на образование формально выделялось по 3,6% от ВВП. В международном сравнении эта цифра выглядит достаточно скромно, особенно если учесть, что Международная комиссия по образованию рекомендовала странам мира в XXI веке направлять на расходы образования 6% ВВП.

Несмотря на фактически стабильную долю ВВП, реальное наполнение этих финансовых потоков в последнее десятилетие существенно сократилось. Экономические неурядицы периода радикальных реформ привели к сокращению объема ВВП. В результате в 1997 г. в России в реальном выражении он составлял только 61 % уровня 1991 г. Естественно, что в соответствии с "усыханием" ВВП, пропорционально "усыхал" и ручеек средств, направляемых государством на образование.

При анализе экономики образования важны размер и динамика подушевого показателя ВВП, а особенно государственных расходов на образование на 1 человека. Что касается подушевого показателя ВВП, то за период 1991-1998 гг. его значение уменьшилось с 3200 до 1937 долларов США, или на 39 п.п. (процентных пункта). А реальный объем государственных расходов на образование в расчете на одного учащегося сокращался со скоростью 5-10% в год.

Второе направление трансформации системы финансирования образования - "формирование зависимости финансирования учебного заведения от количества и качества образовательных услуг" до последнего времени не получало реального развития и находилось на стадии программной проработки.

Очевидно, что при такой формуле развития образования индивидуальные материальные затраты на обучение существенно увеличиваются, что, в свою очередь, с одной стороны, неизбежно приводит к росту неравенства в доступе к образованию, а с дру-

гой - поднимает вопрос об экономической эффективности высшего образования для каждого отдельного человека.

Можно утверждать, что реальная материальная отдача от высшего образования будет существенно различаться у мужчин и женщин. Дело в том, одинаковыми у мужчин и у женщин будет только плата за образование, использование учебных материалов и прочие прямые расходы. Что касается косвенных издержек и прямых выгод от получения высшего образования, то они формируются вне сферы образования - в сфере занятости, где очень четко выражена дискриминация по признаку пола. Анализ положения, которое занимают сегодня российские женщины в сфере труда, позволяет говорить о том, что им гораздо сложнее (если вообще возможно) будет "отрабатывать" свои затраты на образование.

Раскроем этот тезис.

В классической модели (модели инвестиций в человеческий капитал) **суммарная материальная выгода от инвестиций в образование** (в том числе в высшее образование) возникает как разница между выгодой от повышения заработной платы, вызванной более высоким уровнем образования работника, и которую человек получает в течение всей трудовой жизни (**выгоды от получения образования**), и понесенными им издержками (**издержки на образование**), куда входят: недополученная заработная плата за время обучения и прямые издержки в виде платы за обучение, учебники и пр.), которые несет человек в период получения образования.

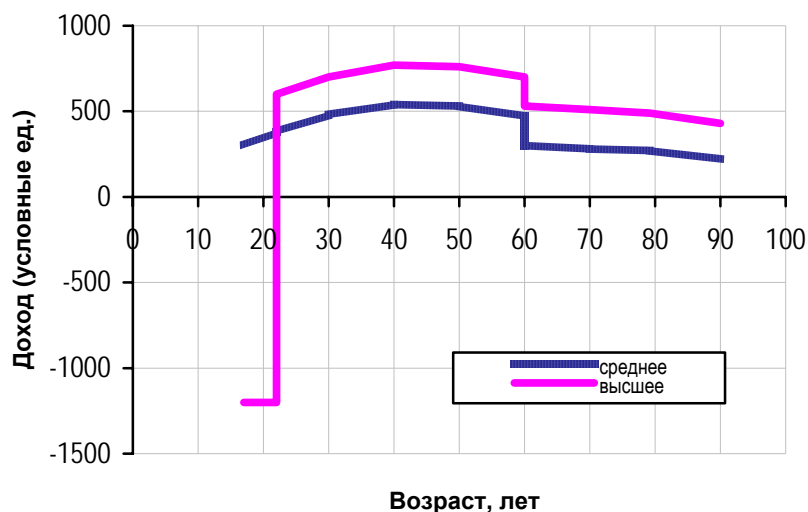
Рассмотрим более подробно составляющие этого уравнения в контексте российской экономической, социальной и демографической реальности, а также покажем, каким образом возникает дифференциация значений этих составляющих для мужчин и женщин.

Издержки на образование

В соответствии с классической моделью инвестиций в человеческий капитал, издержки, которые несет человек при получении им образования, можно классифицировать как прямые и косвенные. К прямым издержкам относятся - собственно плата за обучение, расходы на учебники, общежитие, оплата репетиторов и прочее.

В число косвенных издержек в первую очередь входят упущенные заработки, то есть "недополученная оплата труда", если юноша или девушка обучались на дневных отделениях учебных заведений и не работали. На наш взгляд, в случае учета в модели такого рода издержек, к ним стоит относить также недовыплаченные пенсионные взносы за период обучения. Дело в том, что в связи с введением в нашей стране новой системы

Рис.1 .Схема доходов человека в зависимости от его возраста и уровня образования

пенсионного обеспечения, основанной на накопительных принципах, время обучения не будет входить в пенсионный стаж (как, собственно, оно уже не входит в него сегодня), кроме того, отсутствие заработка в период обучения приводит к неуплате страховых взносов в Пенсионный фонд. Таким образом, работник в течение периода обучения не производит пенсионных накоплений, что снижает размер его будущих пенсионных выплат. И тут следует помнить, что пенсионные взносы, сделанные в начале трудовой карьеры, являются самыми "длинными" деньгами в пенсионных накоплениях человека, ведь именно на эти деньги инвестиционный доход начисляется наиболее продолжительное время. Расчеты показывают, невыплата пенсионных взносов за пять лет обучения в ВУЗе может уменьшить пенсионные накопления человека на 10-20% (при условии отсутствия зависимости между уровнем образования и заработной платы и весьма консервативной ставке инвестиционного дохода в 6% годовых).

Плата за образование

Размер платы за обучение в нашей стране для юношей и девушек одинаков, но он сильно дифференцирован в зависимости от ВУЗа, его местонахождения (или вернее от удаленности этого места от столичного региона), наименования специальности, по которой проводится обучение, и пр. Так, в провинциальных высших учебных заведениях год платного обучения стоит 100-500 \$. В столичных государственных ВУЗах обучение значительно дороже и обходится в пределах 700- 7000 \$. Например, стоимость одного года

учебы в МГИМО - 5000-7000 \$, Российской правовой Академии Минюста РФ - 2400 \$, Российской экономической Академии им. Г.В. Плеханова - 5000 \$, Московском государственном педагогическом университете им. В.И. Ленина - 800-2000 \$, РГГУ - 2000-3000 \$. Однако, если не слишком заботиться о престижности учебного заведения, то модную и вполне "громкую" специальность можно получить в группах "выходного дня" или иных гибких форм организации процесса усвоения знаний и за 300-600 \$ в год.

Выгоды от получения образования

Выгоды от получения образования могут возникнуть только при условии существования в стране прямой зависимости уровня оплаты труда работника и уровня его образования. Величина этих выгод в классической теории равна разнице между доходами людей с разным уровнем образования (например, с высшим и базовым средним), полученными ими в течение трудовой жизни.

Представляется, что к этим выгодам необходимо добавить также ту часть пенсионных накоплений человека, которую он смог сделать за счет более высокой заработной платы, соответствующей его более высокому уровню образования. Расчеты показывают, что пенсионные накопления мужчин с высшим образованием могут быть максимально увеличены в 1.3 – 2.8 раза (по сравнению с мужчинами, имеющими только среднее образование), у женщин - в 1,5-3,1 раза (по сравнению с женщинами, имеющими среднее образование). Правда картина будет менее оптимистичной, если сравнивать пенсионные накопления мужчин и женщин.

Как следует из всего сказанного выше, экономическая результативность инвестиций в человеческий капитал будет зависеть от множества факторов, но главными среди них можно считать: продолжительность обучения, размер оплаты обучения, размер заработной платы, величина трудового стажа, демографический фактор.

И если два первых фактора, при всех прочих равных условиях, можно будет считать гендерно нейтральными и с большой вероятностью имеющими одинаковое значение для обучающихся мужчин и женщин, то с другими факторами дело обстоит значительно сложнее. Значения этих факторов, а также их составляющих, будут дифференцированы по признаку пола. И, следовательно, эти факторы будут иметь различное влияние на результативность инвестиций в образование у мужчин и женщин. Это положение обусловлено главным образом различиями гендерных ролей, принятых в нашем обществе, и что в свою очередь определяет специфику положения женщин и мужчин как в доступе к образованию, так и в сферах образования, занятости и на рынке труда.

Естественно, что материальная заинтересованность является отнюдь не единственным стимулом, заставляющим людей стремиться к более высокому уровню образования. Но недооценивать его тоже нельзя. Так, например, по мнению профессора Ассара Линдбека, опыт Швеции свидетельствует об очень вероятной взаимосвязи числа желающих получить более высокое образование и дифференциации уровня оплаты труда в зависимости от уровня образования работника. Так, в Швеции в 60-70-х годах падение дохода на человеческий капитал с 12% до 3% (за счет уменьшения дифференциации заработной платы в зависимости от уровня образования) сопровождалось сокращением в 80-е годы числа студентов, а повышение (за счет роста дифференциации заработной платы) этого дохода в середине 80-х годов до уровня 5% - увеличением числа студентов в начале 90-х годов.

Рассмотрим более внимательно эти параметры.

А. размер заработной платы

В нашем случае интерес представляют зависимость заработной платы работника и уровня его образования, а также дифференциация заработной платы по признаку пола, поскольку, чем теснее прямая зависимость уровня оплаты труда и уровня образования, тем, при всех прочих равных условиях, выше и уровень эффективности инвестиций в образование. И чем меньше дифференциация заработной платы по признаку пола, чем меньше и различий в эффективности этих инвестиций для мужчин и женщин.

Дифференциация заработной платы работника в зависимости от уровня его образования

Общей для всех экономически развитых стран является тенденция более высокой оплаты труда более высококвалифицированных и более образованных работников. Так в странах ОЭСР работники, с университетским образованием зарабатывают на 50-100% больше работников, имеющих только среднее образование.⁴ При этом в разных странах и в разные периоды времени дифференциация оплаты труда по уровню образования работника может меняться. Например, в США надбавка за образование увеличилась с 13% в 1979 г. до 38% в 1987 г. и до 53% в 1993 г.⁵ Для Японии характерна стабильность различий в заработной плате работников с разным уровнем образования. А вот во Франции и Швеции в последние десятилетия, наоборот, происходило уменьшение дифференциации заработков в зависимости от уровня образования работника. Так, во Франции в период 1970-93гг. разница между заработной платой лиц, имеющих университетское образование и не имеющих его, уменьшалась на 1-2.5% ежегодно.

В развивающихся странах, по данным Всемирного Банка, в последние годы оценочная норма прибыли начального образования составила более 30%, среднего и высшего - 20%.⁶

В России тоже существовала и существует прямая зависимость размера заработной платы работников от уровня их образования. Правда в советские времена эта зависимость была достаточно своеобразна.

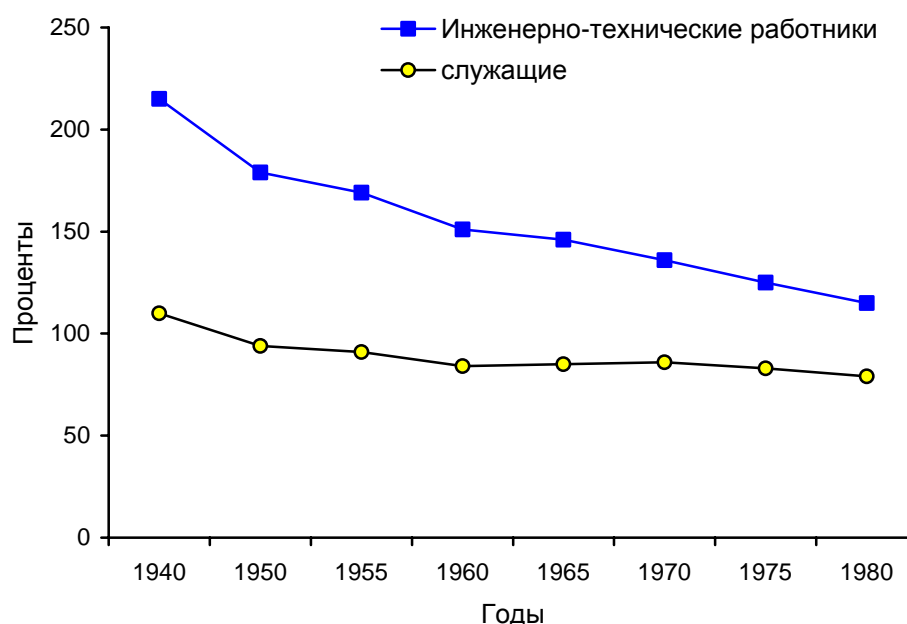

Рис. 2. Средняя заработная плата инженерно-технических работников и служащих в процентах к средней заработной плате рабочих в промышленности.⁷

Как свидетельствуют данные, представленные на рис. 2, за 40 лет (с 1940 по 1980 гг.) практически произошло "выравнивание" заработной платы инженерно-технического персонала и рабочих (что в значительной степени отражает дифференциацию заработной платы между работниками с различными уровнями образования). Если в начале этого периода заработная плата инженерно-технических работников превышала заработную плату рабочих в среднем в 2.15 раза, то в конце - только в 1.15 раза. Такое снижение дифференциации в зарплатах между рабочими и специалистами являлось результатом идеологического воздействия на экономические процессы.

В результате в конце 80-х годов медианные значения зарплат наиболее и наименее образованных работников были практически равны. В качестве иллюстрации этого положения можно рассматривать таблицу 1 и рисунок 4, построенные по данным обследования 310 тыс. семей, проведенного Госкомстатом СССР в марте 1989 г.⁸

Перестройка, а затем и переход страны на рыночные отношения сломали социалистическую систему оплаты труда и, соответственно, прежние зависимости размера заработка работника от уровня его образования.

Сегодня в России важной особенностью оплаты труда стал чрезмерно высокий разброс ее значений. Зависимость заработной платы работника от уровня его образования выражена недостаточно четко. Но в целом, исследования и массовые социологические опросы показывают, что несмотря на то, что проведение так называемой "шоковой терапии", привело к обесценению значительной массы человеческого капитала, накопленного еще в социалистический период, и не нашедшего себе применения в новых экономических условиях, в целом произошло увеличение дифференциации в оплате труда работников с разным уровнем образования по сравнению с социалистическим периодом. В целом массовые опросы показывают, что заработная плата работников со средним образованием составляет 60-70% заработной платы работников с высшим образованием.

Впрочем, высокий уровень дохода до сих пор не ассоциируется у населения с высоким уровнем образования, не зря занятость только по одной из трех наиболее прибыльных, по мнению респондентов ВЦИОМ, профессий/занятий (банкир, преступный авторитет, "звезда" эстрады) подразумевает наличие высшего образования.⁹

Дифференциация заработной платы мужчин и женщин, имеющих разные уровни образования

Для всех стран мира характерно отставание женщин от мужчин по уровню заработной платы, но практически во всех из них с ростом уровня образования этот разрыв сокращается. Об этом, в частности, говорят данные, представленные на рис. 3.

В России ситуация своеобразная. Как и в западных странах, у нас женская заработная плата в среднем существенно отстает от мужской. Правда, размер этого отставания эксперты оценивают по-разному. По данным Госкомстата РФ, он составляет 30%, по данным мониторинга ВЦИОМ - 48%.

Таблица 1.

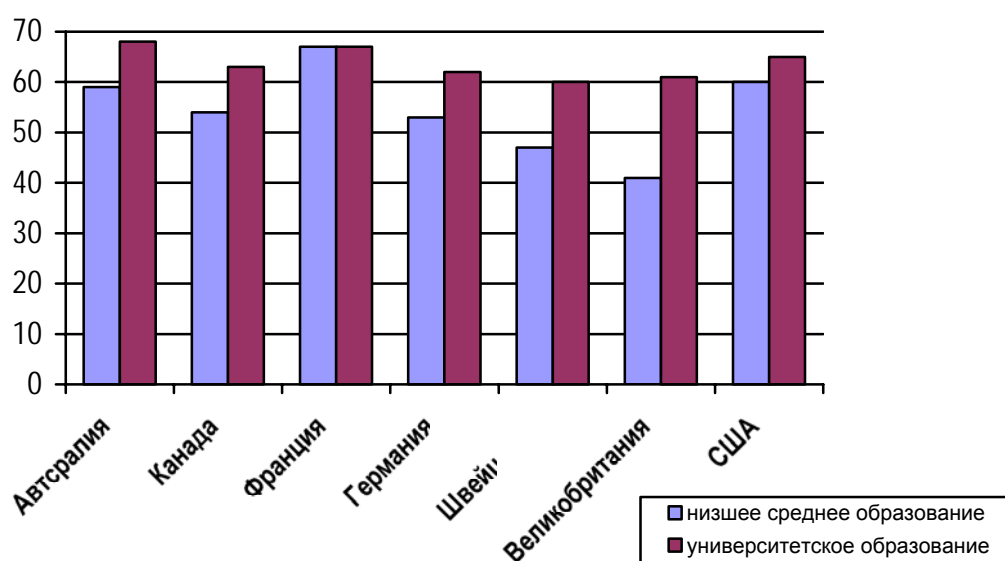
Отношение медианной заработной платы женщин к медианной заработной плате мужчин в зависимости от уровня их образования (1989 г.)

Уровень образования	Отношение медианной заработной платы женщин к
---------------------	---

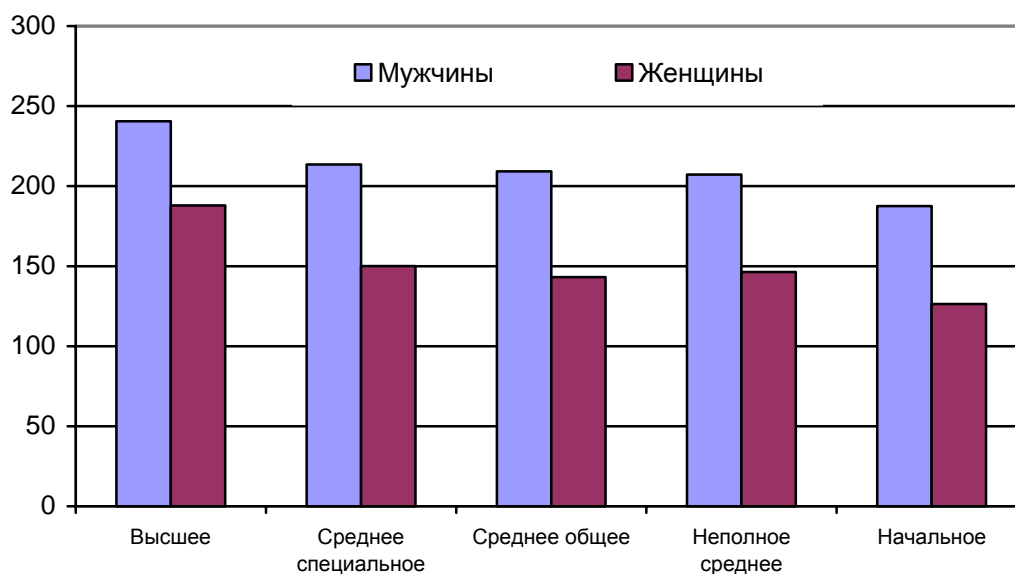
	медианной заработной плате мужчин
Высшее	0.78
Среднее специальное	0.70
Среднее общее	0.68
Неполное общее	0.71
Начальное	0.67

Что касается дифференциации различий в заработной плате мужчин и женщин по уровню образования, то в конце 80-х годов она была и у нас. В этот период наибольшие различия в медианных значениях заработной платы были у мужчин и женщин с начальным образованием, наименьшие различия - у имевших высшее образование. Кроме того, данные упомянутого выше опроса семей, проведенного в 1989 г., показывают, что женщины с повышением уровня своего образования получали значительно больший выигрыш в заработной плате, чем мужчины. Так абсолютная разница медианных значений заработной платы мужчин с начальным и высшим образованием составляла 53 руб. (188 руб. для имеющих начальное образование и -241 для имеющих - высшее, т.е. рост образования с минимального до максимального уровня давал рост заработной платы в 1.28 раза), то у женщин эта абсолютная разница составляла -72 руб.. (126 руб. с начальным и 188 руб. с высшим), а соответствующий рост 1.49 раза.

Рис. 3. Годовой заработок женщин в % к годовому заработку мужчин соответственно уровню образования в экономически развитых странах, 1994 (1993 г.)

Современная картина дифференциации заработной платы мужчин и женщин,

обладающих различным уровнем образования, несколько иная. Так из данных PLMS следует, что для семи выделяемых уровней образования в пределах "нет среднего образования" - "высшее образование" размер средней заработной платы женщин колеблется без видимых закономерностей от 53% до 66% заработной платы мужчин. И только женщины, закончившие аспирантуру, имеют заработную плату практически такую же, как мужчины с аналогичным уровнем образования. Их заработок составляет 94% мужского.

Рис.4. Медианные значения заработной платы мужчин и женщин в зависимости от уровня их образования (СССР, март 1989 г.)

В современной России график зависимости заработной платы работника от возраста выпуклый с максимальным значением в возрасте 40-50 лет, с последующим резким падением в предпенсионных возрастах (см. рис. 5).. Причем снижение столь велико, что заработки пожилых становятся практически равными заработкам людей, только начинающих свою трудовую карьеру. Причем это характерно и для мужчин и для женщин при любом уровне их образования. Для экономически развитых стран характерной является иная зависимость, когда заработная плата работника непрерывно повышается с его возрастом, а в предпенсионных возрастах лишь замедляются темпы ее роста.

Б. величина трудового стажа

Трудовой стаж - период получения материальных выгод от полученного образования, поскольку определяет продолжительность получения заработной платы. Чем больше трудовой стаж, тем больше, при всех прочих равных условиях, величина выгод.

Формально ограничением трудового стажа являются законодательно установленные границы трудоспособного возраста. В настоящее время в России продолжительность этого возраста у мужчин и у женщин различается при одинаковом для обоих полов возрасте начала трудоспособности (в общем случае это - 15 лет) пенсионный возраст для женщин установлен в 55 лет, для мужчин в 60 лет. Таким образом, максимально возможная продолжительность профессиональной занятости женщин формально на 5 лет меньше, чем у мужчин, что не может не сказываться на величине трудового стажа и суммарных материальных выгодах от получения образования.

Реальная продолжительность платной занятости человека формируется под воздействием многих обстоятельств, среди которых в первую очередь отметим: общее состояние экономики страны, ситуацию на рынке труда (а точнее - уровень безработицы и распространенность дискриминации), законодательно определенные рамки трудоспособного возраста и общественно-полезных перерывов (таких, например, как отпуск по уходу за ребенком, призыв в армию и пр.), гендерные стереотипы относительно участия/неучастия в платной занятости, демографическая ситуация (включая уровень рождаемости в стране, продолжительность жизни и пр.) и т.д.

Достижение мужчиной или женщиной пенсионного возраста совсем не означает обязательного прекращения трудовой активности. И как показывают социологические опросы, чем выше уровень образования работника, тем больше вероятность того, что он продолжит профессиональную занятость и в пенсионном возрасте.

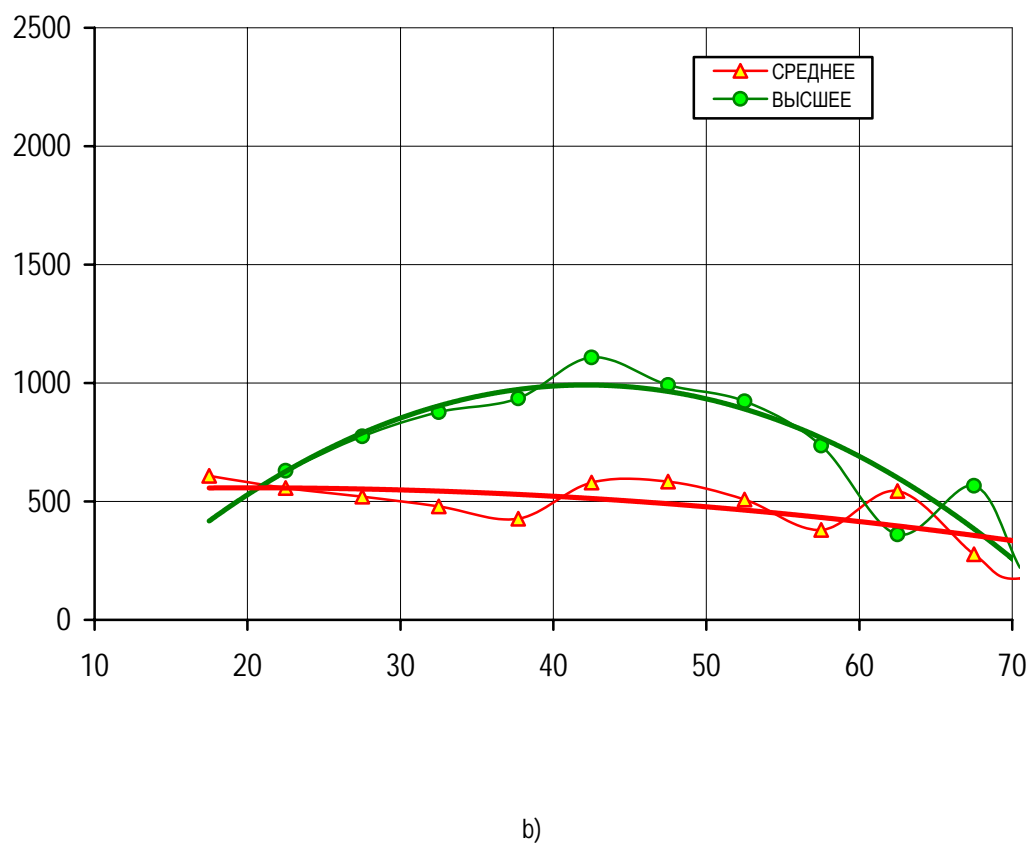
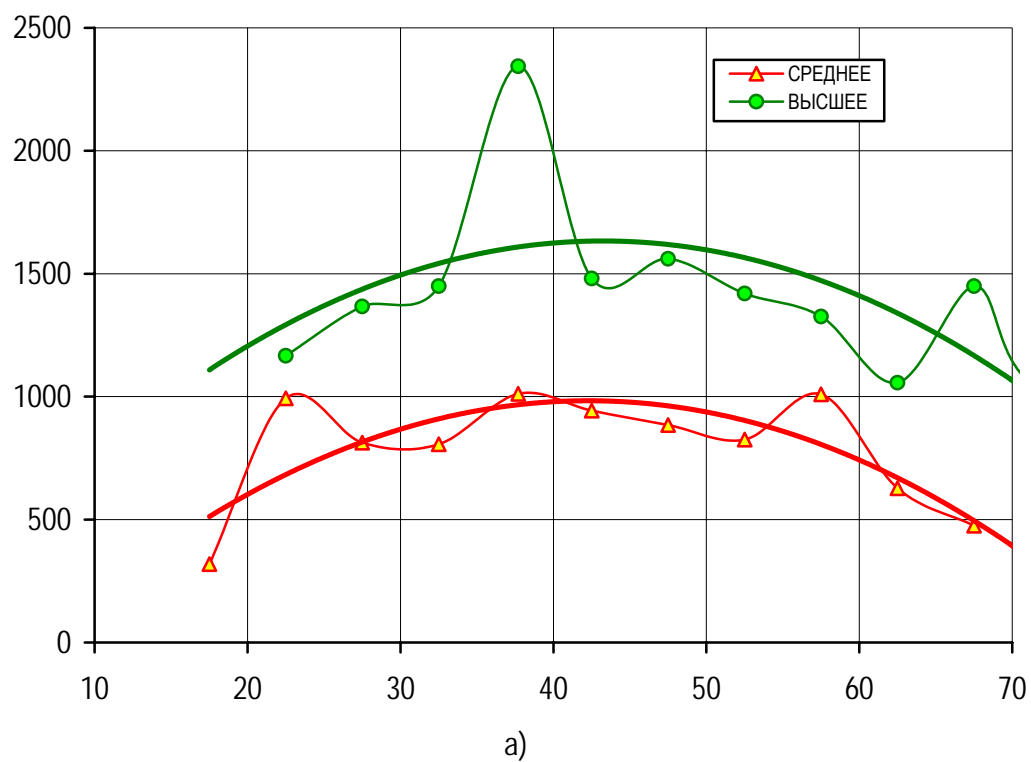

Рис. 5. Средняя заработная плата в зависимости от возраста и уровня образования

Для исследования гендерных аспектов инвестиций в человеческий капитал важно, что значения всех этих параметров дифференцированы у мужчин и женщин, у лиц с разным уровнем образования.

И еще крайне важные замечания, основанные на а) предположении, вполне правдоподобном для стабильной экономики, о непрерывном, хотя и не равномерном росте заработной платы человека в течение его трудовой жизни, и б) на утверждении о существовании определенной дифференциации в заработной плате между мужчинами/женщинами и работниками с разным уровнем образования.

Во-первых, перерывы в трудовой деятельности человека, расположенные на разных участках его профессиональной карьеры, не являются равнозначными с экономической точки зрения: чем ближе эти перерывы расположены к концу трудоспособного периода, тем они "дороже". Во-вторых, при равной продолжительности перерывов и одинаковом их расположении на трудовом стаже, размер недополученных доходов будет больше у работника с более высоким уровнем образования. В-третьих, при равной продолжительности перерывов, одинаковом их расположении на профессиональном пути, а также при совпадающем образовательном уровне работников, размер недополученных доходов будет больше у мужчин.

Теперь рассмотрим более подробно дифференциацию по полу некоторых основных параметров трудового стажа.

Безработица. Несмотря на то, что в начале 90-х в России много говорилось о том, что безработица имеет женское лицо, и о том, что именно женщинам с высшим образованием потеря работы грозит в первую очередь, эти утверждения были справедливы только для официально регистрируемой безработицы. Расчеты по данным выборочного обследования по проблемам занятости, проводимого Госкомстатом РФ, показывают, что для безработицы, рассчитанной по стандартам МОТ, это утверждение неверно. И у мужчин и у женщин наименьший уровень безработицы характерен для имеющих высшее образование (причем, как для мужчин, так и для женщин).

В период экономического кризиса происходил серьезный рост безработицы (у мужчин ее уровень увеличился за 1992-98 гг. с 5% до 14%, у женщин с 4% до 13%), который затронул все образовательные группы населения. Однако в первую очередь пострадали наименее образованные. Так в рассматриваемый период наиболее высокие темпы роста уровня безработицы были характерны для имеющих уровень образования "средняя школа" и ниже. У мужчин этой группы уровень безработицы вырос в 2.83-4.25 раза (максимальный рост был зафиксирован у имеющих начальное образование), у женщин - 2.71-4.5 раз (с максимумом в той же образовательной группе).

Среди экономически активного населения, обладающего более высоким уровнем образования, безработица распространялась не так быстро, и в первую очередь это относится к имеющим высшее образование. У женщин с высшим образованием темпы роста уровня безработицы были наименьшие среди всех образовательных групп - 1.75. У мужчин - 2.33. В результате 1998 г. уровень безработицы мужчин и женщин из этой образовательной группы был практически в 2 раза меньше, чем по населению в целом (7% для мужчин и женщин имеющих высшее образование против 14% среди всех мужчин и 13% среди всех женщин).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что безработица имеет сходные масштабы распространения (и, следовательно, близкое воздействие на продолжительность платной занятости) среди мужчин и женщин, принадлежащих к одной образовательной группе, однако она значительно шире распространена среди населения, обладающего более низким образовательным статусом. Или иными словами, безработица

является фактором, уменьшающим суммарные материальные выгоды, в первую очередь для населения с низким уровнем образования.

Экономическая неактивность. В последние годы в связи с либерализацией трудовых отношений и трансформацией стереотипов относительно обязательности для человека платной занятости, все большее количество россиян оказываются в домашнем хозяйстве, то есть прерывают свой трудовой стаж или вообще заканчивают профессиональную деятельность. В первую очередь это касается женщин. В 1996 г. соотношение числа женщин (в возрасте 15-72 года), занятых в домашнем хозяйстве и профессионально занятых, было 11 : 100, у мужчин это соотношение выглядело как 1 : 100. То есть на сто профессионально занятых женщин приходилось 11 домохозяек, а на сто занятых мужчин - только 1 домохозяйин.

Опросы Госкомстата РФ показывают, что мужчины и женщины, имеющие высокий уровень образования, менее склонны к занятости в домашнем хозяйстве, чем имеющие образование в пределах средней школы. Так среди женщин, имеющих высшее образование, соотношение занятых в домашнем хозяйстве и профессионально занятых 7 : 100, а среди имеющих образование в пределах средней школы 14 : 100.

Таким образом, переход в домашнее хозяйство, обозначающий прекращение (временное или окончательное) получение материальных выгод от занятости в большей степени касается женщин, чем мужчин, причем женщины с высоким уровнем образования менее склонны к прекращению занятости.

Использование социальных льгот. Важным ограничителем фактического трудового стажа человека является практика использования им такой социальной льготы, как отпуск по уходу за ребенком. Эта мера семейной политики, вводившаяся поэтапно начиная с 1981 г., сегодня позволяет родителям или иным лицам, осуществляющим фактический уход за ребенком до 3 лет, прерывать профессиональную деятельность с гарантией сохранения рабочего места (что в настоящее время фактически не практикуется), сохранением формального трудового стажа и чисто символической оплатой. В реальности использование работником этой социальной льготы означает для него фактическое прекращение на время пребывания в отпуске материальной отдачи от вложений в образование. Стоит отметить, что сегодня социальные льготы, предназначенные для работников с семейными обязанностями, используются в подавляющем большинстве случаев женщинами. Так, несмотря на то, что еще в 1991 году материнский отпуск по уходу за ребенком был трансформирован в родительский, это ничего не изменило в практике его использования. Как показывают данные выборочного обследования Госкомстата населения по проблемам занятости на конец октября 1998 г., мужчины этот отпуск фактически не используют (среди находящихся в таком отпуске мужчины составляют только 1%). Таким образом, каждое пребывание женщины в отпуске по уходу за ребенком сокращает ее фактический трудовой стаж на 3 года.

Демографический фактор. Время окончания профессиональной карьеры людей, количество перерывов в их занятости, связанных с рождением и воспитанием ребенка, и их размещение на векторе времени, а в конечном итоге, средняя продолжительность трудового стажа работников, во многом зависят от демографических процессов. Так, например, с одной стороны, снижение рождаемости приводит к сокращению частоты использования отпусков по уходу за малолетним ребенком, и, следовательно, увеличению трудового стажа, с другой стороны - рост уровня смертности, сокращение ожидаемой продолжительности жизни - к сокращению стажа.

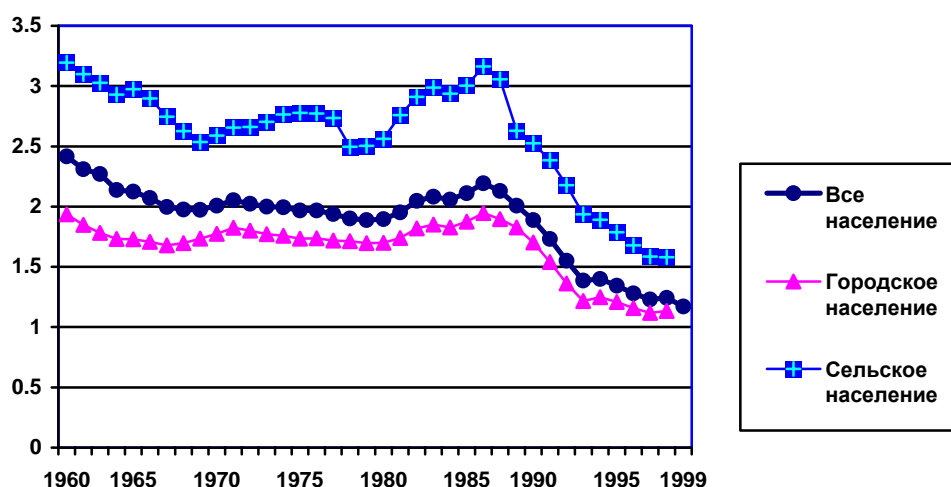
Влияние демографических процессов на стаж оплачиваемой занятости в основном зависит от таких параметров, как (1) количество детей, приходящееся на одну женщину (определяет среднее количество перерывов, приходящееся на одну женщину); (2) средний возраст женщины при рождении ребенка и интергенетические интервалы (определяет типичное размещение перерывов на карьере и "стоимость" каждого перерыва);

(3) продолжительность жизни (является одним из ограничителей продолжительности профессиональной деятельности или получения пенсионных выплат).

Снижение уровня рождаемости не является в России проблемой только сегодняшнего дня. Демографы фиксируют падение значений статистических показателей, характеризующих этот процесс, уже в течение нескольких десятилетий. Но кризисное положение возникло только в последние годы. Еще в 1990 г. Россия имела достаточно высокие значения суммарного коэффициента рождаемости - 1.89. Среди западноевропейских стран более высокое значение имели только Ирландия - 2.12 и Норвегия 1.93. Падение рождаемости в России в последние десять лет было столь стремительно, что, несмотря на падение рождаемости и в экономически развитых европейских странах, уже к концу 90-х Россия по этому показателю среди них оказалась на последнем месте.

По оценкам экспертов, столь резкое падение уровня рождаемости вышло за рамки обычных колебаний этого показателя. Несомненно, что частично эта ситуация была обусловлена снижением эффекта воздействия мер семейной политики, введенных в 80-х годах и тем, что в свое время введение этих мер закономерно привело к реализации отложенных рождений и стимулированию рождений раньше запланированного срока. Но основной вклад в снижение рождаемости, произошедшее в последние годы, внесли значительные перемены в репродуктивном поведении россиян. Современные российские семьи все чаще ограничиваются одним ребенком. С 1990 по 1998 гг. число вторых детей у женщин сократилось в 1.81 раза, третьих - в 2.12 раза, четвертых и более чем в 2.18 раза.

Рис. 6. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в России 1961-1999 гг.

Для нашей страны характерен достаточно низкий и достаточно стабильный, по сравнению с экономически развитыми странами, средний возраст женщин, родивших детей, а также средний возраст женщин при рождении ими первого ребенка. Значение первого показателя на протяжении 30 лет колебалось в пределах 25-27 лет с достижением минимума - "24.9 лет" в 1994 г., после чего последовал его постепенный рост до отметки "25.3 лет".

Сходная динамика и у среднего возраста матери при рождении первенца, который уже 30 лет незначительно колеблется вокруг 23 лет. При этом в 1998 г. практически 15% всех рождений пришлось на женщин в возрасте до 20 лет и 55% на женщин в возрасте до 25 лет, 23% первенцев появляется у женщин до 20 лет и 75% первенцев у женщин до 25 лет.

Для России в отличие от экономически развитых стран характерен высокий уровень показателей смертности, причем в последнее десятилетие ситуация ухудшается и, следовательно, негативное влияние этого фактора на экономическую отдачу от вложений в человеческий капитал только возрастает. Так за период радикальных экономических реформ (1992-1999 гг.) общий коэффициент смертности населения страны (число умерших на 1000 человек населения) повысился с 12.2 до 14.7 или, иными словами, на 20 п.п. Не внушают оптимизма и демографические прогнозы. Так по расчетам Госкомстата РФ, проведенным с учетом тенденций, сложившихся в 2000 году, можно ожидать дальнейшего роста общего показателя смертности вплоть до уровня 15.7-15.8.

В нашей стране мужская смертность была высокой всегда, но сегодня ее уровень можно обозначить как один из самых высоких в мире. Продолжительность жизни российских мужчин в 1999 г. была несколько ниже 60 лет (точнее 59.8 лет), то есть среднестатистический россиянин доживает только до пенсии. Меньше, чем в России живут главным образом мужчины африканских стран, расположенных к югу от Сахары. Положение с женской смертностью совершенно иное, по этому показателю Россия вполне сопоставима и со странами бывшего СССР, и с бывшими социалистическими странами. Продолжительность жизни россиянок в 1999 г. составляла 72.2 года, что было "только" на 6-8 лет меньше, чем у жительниц экономически развитых стран.

Основой такой дифференциации несомненно служат социально-экономические факторы, среди которых в первую очередь следует назвать: худшие условия труда, высокий риск смертности мужчин трудоспособного возраста при прохождении службы в армии, повышенный травматизм и склонность к сердечно-сосудистым заболеваниям (как следствие разных социальных и культурных представлений о поведении мужчин и женщин), более широкое распространение среди мужской части населения алкоголизма и курения и пр.

Малочисленные исследования, посвященные влиянию образования на смертность населения, показывают, что так же, как и в развитых странах, в нашей стране показатели продолжительности жизни тем выше, чем выше уровень образования: в 1989 году разрыв в продолжительности жизни между группами людей с высшим и неполным средним образованием у мужчин составил 7 лет и около 2 лет у женщин¹⁰.

В России уровень образования влияет на смертность мужчин значительно сильнее, чем на смертность женщин. Расчеты авторов исследования показывают, что на каждый год обучения смертность в России снижается на 9% у мужчин и на 7% у женщин.¹¹

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наибольшие различия в продолжительности жизни у мужчин и женщин в группе с минимальным уровнем образования. Повышение уровня образования нивелирует разницу в показателях смертности мужчин и женщин.

С точки зрения оценки экономической отдачи от вложений в образование, большая продолжительность жизни лиц, имеющих высшее образование, означает, что эти люди чаще доживают до пенсии и имеют возможность получать не только большие доходы (из-за разницы в уровне оплаты труда), но получать их более продолжительное время, по сравнению с людьми, имеющими среднее образование. И в пенсионном возрасте у них остаточная продолжительность жизни выше и, следовательно, сумма пенсионных выплат больше за счет большего размера пенсий (ведь пенсионные выплаты рассчитываются исходя из размера пенсионных отчислений человека и общих таблиц продолжительности жизни) и более продолжительного периода их получения.

Таблица 2

Временная (отсроченная) продолжительность жизни мужчин и женщин в интервале возрастов от 20 до 69 лет в разных образовательных группах в 1979 и 1989 гг.¹²

Уровень образования	1979		1989		(1989)-(1979)	
Мужчины						
Высшее и н/высшее	44.37	43.51	45.60	44.79	1.23	1.28
Среднее специальное	42.65		44.14		1.49	
Среднее общее	39.14	39.47	40.76	40.72	1.62	1.25
Неполное среднее, начальное	38.99		39.44		0.44	
Женщины						
Высшее и н/высшее	47.45	47.28	48.04	47.82	0.58	0.54
Среднее специальное	47.16		47.69		0.53	
Среднее общее	46.02	46.21	46.33	46.50	0.31	0.29
Неполное среднее, начальное	45.92		45.65		-0.27	

Модель

В рамках проекта "Гендерные аспекты инвестиций в человеческий капитал" была создана экономико-математическая модель оценки размеров эффективности инвестиций в образование с учетом следующих факторов: стоимости предвузовской подготовки, стоимости обучения в высшем учебном заведении, размера заработной платы работников (дифференцированной по полу и уровню их образования) в течение трудовой жизни, существования общественно-полезных перерывов в занятости человека (прохождение срочной службы в рядах Российской армии для юношей и пребывании в отпуске по уходу за ребенком для девушек), размеров пенсионных выплат, ожидаемой продолжительности жизни (дифференцированной по полу и уровню их образования), пенсионного возраста.

Одной из проблем при сравнении издержек на получение образования и материальных выгод от него заключается в том, что эти процессы разнесены во времени. А стоимость денег зависит от времени. Например, одна тысяча рублей сегодня без сомнения обладает большей ценностью, чем та же тысяча, но через год. Действительно, эту тысячу можно положить в банк, а через год получить ее обратно вместе с процентами по вкладу. Таким образом, чем далее во времени отнесено получение денег, тем меньшей ценностью они обладают и, соответственно, чем раньше произведены траты, тем выше их стоимость. Поэтому для корректного сравнения финансовых потоков, растянутых во времени, мы использовали дисконтирование, то есть приведение денежных сумм к определенному времени (определение их современной стоимости).

При дисконтировании считается, что денежные суммы инвестируются с определенной процентной ставкой. Очевидно, чем выше процентная ставка, тем меньше современная стоимость будущих доходов. При долгосрочных финансовых расчетах обычно используют консервативную процентную ставку 4-8% годовых. Это связано с тем, что долгосрочные расчеты имеют смысл только для стабильной экономики. В противном случае они могут просто не понадобиться. Именно поэтому при расчетах издержек на образование и денежных потоков, связанных с получением будущих доходов, использовалось дисконтирование при сложной процентной ставке равной 6% годовых. Все денежные потоки приводились к возрасту начала рабочей карьеры, то есть к 17 годам.

Следует напомнить, что ранее нами было изучено влияние уровня образования на размер будущей пенсии. Поэтому при расчете отдачи от образования необходимо учитывать не только доход, полученный в виде заработной платы, но и будущую пенсию. Иначе расчеты будут неполными. При расчете, в соответствии с рекомендациями МОТ, использовалось предположение о том, что работнику назначается пенсия в размере 60% от его заработной платы.

Другая проблема заключается в учете фактора смертности. Хотя в классической модели эффективности инвестиций в человеческий капитал этот фактор не учитывается, мы в нашей работе были вынуждены принять во внимание его действие. Как было показано выше, во-первых, дифференциация ожидаемой продолжительности жизни в России чрезвычайно велика как по полу, так и по уровню образования, а, во вторых, уровень ожидаемой продолжительности жизни крайне низок, особенно у мужчин, что определяет значительное его влияние на размер трудового стажа.

Для расчета экономической отдачи от инвестиций в образование была применена модель заработной платы, аналогичная той, которая была использована при расчетах пенсионных накоплений и пенсионных выплат¹³. Расчеты проводились дифференцированно по полу для а) трех вариантов роста заработной платы, соответствующих трем типам карьеры (пессимистической, ожидаемой и оптимистической) и б) четырех уровней образования (среднее, техникум, высшее и аспирантура).

Кроме того, в расчетах экономической отдачи была предусмотрена возможная прерывистость трудового стажа: для мужчин - служба в армии в течение 2 лет; для женщин, в зависимости от детности, - пребывание в отпуске(ах) по уходу за ребенком до достижения им 3-х летнего возраста.

Размеры затрат на образование и их соотношение с заработной платой в модели устанавливались исходя из данных социологических исследований (были использованы результаты специализированного опроса студентов I курса МГПУ им. Ленина и RLMS).

Результаты расчетов показали существенную дифференциацию отдачи от вложений в образование для мужчин и женщин и определили экономические и социально-демографические условия, при которых получение высшего образования становится для мужчин и женщин экономически нецелесообразным. В качестве примера приведем два базовых расчета.

Пример 1. Как видно из данных, приведенных в табл. 3, при вполне "щадящих" условиях оплаты образования (400\$ разовой оплаты курсов и по 500\$ ежегодно в течение 5 лет), при существующих соотношениях уровней платы за образование и средней оплаты труда, и мужчины и женщины, получившие платное высшее образование, вне зависимости от наличия или отсутствия в их трудовом стаже общественно-полезных перерывов, при любой карьере оправдывают свои вложения в образование.

Таблица 3

Суммарные материальные выгоды, которые могут быть получены мужчинами и женщинами в течение их трудовой жизни (в годовых заработных платах 17 летнего)

Дополнительные условия: плата за подготовительные курсы 400 \$ (1.2 годовой зарплаты 17 летнего), и оплата обучения в ВУЗе 500 \$ в год (1.4 годовых зарплат в год); возраст выхода на пенсию дифференцирован по полу (55 лет для женщин и 60 лет для мужчин), таблица смертности учитывает различия в продолжительности жизни мужчин и женщин с разным уровнем образования.

Тип карьеры	Пол	Общественно-полезные перерывы	Уровень образования	
			среднее	высшее
Пессимистическая карьера	мужчины	Не служили в армии	27.629	33.231
		Служили в армии	25.755	30.430
	женщины	Без детей	21.238	22.117
		Один ребенок	19.450	19.187
Ожидаемая карьера	мужчины	Два ребенка	17.801	16.477
		Три ребенка	16.251	13.973
		Не служили в армии	39.871	55.719

		Служили в армии	37.931	52.495
	женщины	Без детей	31.429	39.156
		Один ребенок	29.351	35.750
		Два ребенка	27.281	32.348
		Три ребенка	25.226	28.971
Оптимистическая карьера	мужчины	Не служили в армии	52.113	78.207
		Служили в армии	50.108	74.560
	женщины	Без детей	41.621	56.195
		Один ребенок	39.252	52.313
		Два ребенка	36.760	48.218
		Три ребенка	34.202	43.969

Правда, женщины, не сделавшие удачной карьеры, а вернее реализовавшие только "пессимистическую" карьеру, могут получить суммарно больший доход по сравнению с женщинами, имеющими среднее образование, только при условии отсутствия детей. При этом разница в суммарных доходах будет минимальна - 4 п.п

У женщин, сумевших реализовать среднюю (ожидаемую) или успешную (оптимистическую) карьеру, таких проблем не возникает. Все они вне зависимости от числа детей в среднем получают суммарный доход выше, чем женщины со средним образованием и сопоставимым числом детей. Рост числа детей нивелирует разницу в суммарных доходах женщин с разным уровнем образования. Например, при реализации средней, ожидаемой карьеры, у бездетных женщин эта разница составляет 24.6 п.п. в пользу женщин с высшим образованием, при условии рождения трех детей (а вернее использования трех отпусков по уходу за ребенком) эта разница сокращается до 14.8 п.п. У женщин, реализовавших оптимистическую карьеру, соответствующие цифры будут 35.0 п.п и 28.6 п.п

Если сравнить суммарные доходы мужчин и женщин, оплативших свое образование из расчета 400\$ разовой оплаты курсов и по 500\$ ежегодно в течение 5 лет, то расчеты показывают, что при пессимистической карьере суммарные доходы мужчин (не имевших перерывов) будут в 1.5-2.4 раза больше суммарных доходов женщин (в зависимости от наличия и числа детей). При удачной, оптимистической карьере, этот разрыв будет существенно меньше - 1.4-1.8 раз.

Правда здесь следует отметить, что в настоящее время (судя по данным RLMS, на основе которых построен рис.5), оптимистическая карьера трудно реализуема, причем как для мужчин, так и для женщин.

Пример 2.

Таблица 4.

Суммарные материальные выгоды, которые могут быть получены мужчинами и женщинами в течение их трудовой жизни (в годовых заработных платах 17 летнего)

Дополнительные условия расчета: плата подготовительные за курсы 1000 \$ (3 годовых зарплаты 17 летнего), и оплата обучения в ВУЗе по 3000 \$ в год (8.5 годовых зарплат в год); возраст выхода на пенсию дифференцирован по полу (55 лет для женщин и 60 лет для мужчин), таблица смертности учитывает различия в продолжительности жизни мужчин и женщин с разным уровнем образования.

Тип карьеры	Пол	Общественно-полезные перерывы	Уровень образования	
			среднее	высшее
Пессимистическая карьера	мужчины	Не служили в армии	27.629	-2.519
		Служили в армии	25.755	-5.320
	женщины	Без детей	21.793	-12.688
		Один ребенок	20.005	-15.618

		Два ребенка	18.357	-18.328
		Три ребенка	16.806	-20.832
Ожидаемая карьера	мужчины	Не служили в армии	39.871	19.969
		Служили в армии	37.931	16.745
	женщины	Без детей	32.501	5.229
		Один ребенок	30.422	1.823
		Два ребенка	28.352	-1.579
		Три ребенка	26.298	-4.956
Оптимистическая карьера	мужчины	Не служили в армии	52.113	42.457
		Служили в армии	50.108	38.810
	женщины	Без детей	43.208	23.146
		Один ребенок	40.839	19.264
		Два ребенка	38.348	15.169
		Три ребенка	35.789	10.920

Значительно менее веселая картина представлена в примере 2, в дополнительных условиях которого заложены более высокие, чем в предыдущем примере, но достаточно распространенные в реальной жизни ставки оплаты образования: 1000 долларов за подготовительные курсы и по 3000 долларов в год за учебу.

Как видно из данных расчета, представленных в таблице 4, для того, чтобы просто "оправдать" затраты на обучение, и мужчины и женщины должны сделать как минимум ожидаемую карьеру, причем женщины не должны иметь более одного ребенка. Но даже при условии оптимистической карьеры и мужчины и женщины в результате получают меньше материальных выгод, чем мужчины и женщины, имевшие образование на уровне средней школы. Причем женщины, получившие высшее образование, даже при оптимистической карьере получают материальных выгод в 1.8-3.8 раза меньше (в зависимости от наличия и числа детей), чем мужчины, не имевшие перерывов в занятости.

Приведенные примеры достаточно наглядно иллюстрируют, что формальная гендерная нейтральность системы платного высшего образования при сложившихся в России условиях оплаты труда вообще и оплаты труда женщин в частности, при существующих особенностях развития экономики и гендерной асимметрии в сфере занятости, не обеспечивает мужчинам и женщинам равной эффективности их вложений в образование.

Примечания

¹ Лекция разработана на основе результатов проекта "Гендерные аспекты инвестиций в человеческий капитал", осуществленного при финансовой поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров, предоставленной в рамках конкурса Индивидуальных исследовательских проектов Программы по глобальной безопасности и устойчивому развитию.

² В современной экономике труда понятие "человеческий капитал" было введено сравнительно недавно и, как правило, используется для объяснения того, почему образование и опыт человека влияют на оплату его труда. По определению С. Фишера, Р. Дорнбуша и Р.Шмалеци, зафиксированном в "Экономика", - человеческий капитал есть мера воплощенной в человеке способности приносить доход. Человеческий капитал включает врожденные способности и талант, а также образование и приобретенную квалификацию.

³ В лекции использованы материалы официальной статистики, опубликованные в сборниках Госкомстата РФ. Данные из других источников оговариваются особо.

⁴ Доклад о состоянии занятости в мире в 1998-1999 гг. МОТ. М.1999. С.66.

⁵ Цит. по "Доклад о состоянии занятости в мире в 1998-1999 гг." МОТ. М.1999. С. 66.

⁶ Знания на службе развития. Отчет о мировом развитии 1998/99 гг. Всемирный Банк. С.72.

⁷ Рассчитано по "Труд в РСФСР. Статистический сборник. (Для служебного пользования)". М. 1981. С.271.

⁸ Рассчитано по "Условия труда и быта женщин". Статистический сборник. М., 1992. С.211.

⁹ Мониторинг общественного мнения. ВЦИОМ. №5, 1999. С. 61.

¹⁰ О положении семей в Российской Федерации. - М.: Юрид. лит. 1994.

¹¹ Неравенство и смертность в России. Московский Центр Карнеги, 2000, с.43

¹² Неравенство и смертность в России. Московский Центр Карнеги, 2000, с.37

¹³ Расчеты выполнены в рамках проекта "Гендерные аспекты пенсионной реформы в России", реализованного при финансовой поддержке Фонда Форда в 1997-98 гг.

ЛЕКЦИЯ 20. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИНСТИТУТЕ СЕМЬИ В РАЗЛИЧНЫХ ТЕЧЕНИЯХ ФЕМИНИЗМА

Я не буду останавливаться на взглядах феминисток первой волны, хотя многие из вопросов, обсуждаемых представительницами второй волны, были поставлены уже тогда. Так же, как и сегодня, эти взгляды зависели от культурно-исторических условий, и, в немалой степени, от личного опыта мыслительниц (точно так же, как и сами взгляды могли влиять на их личную жизнь). Очень характерны в этой связи представления о семье Александры Коллонтай, которую относят к **марксистскому феминизму** в России. Для нее изменения в семье должны были стать как причиной, так и следствием социальных преобразований. Выступая за обобществление быта, она настойчиво пропагандировала коллективные формы ухода за детьми не только для того, чтобы дети не усваивали от своих родителей "буржуазные" представления и не подвергались угнетению с их стороны, как считали другие идеологи. Она считала, что дети при коллективном воспитании могут научиться солидарности, и воспринимать мир сквозь коллективные, а не эгоистические ценности. Она не призывала к насильственному отлучению детей от матерей, наоборот, подчеркивая силу материнского "инстинкта", она считала возможным распространить его не только на собственных детей, но и на чужих. Кроме того, по ее мнению, материнство могло бы быть более радостным, если бы можно было покончить с нищетой, болезнями, тяжелым трудом, которые предполагалось преодолеть в процессе построения коммунизма¹. Она считала, что в коммунистическом обществе не будет места абортам, рождение детей будет не личным выбором, а общественным долгом, беременные и кормящие матери будут под общественным присмотром. Однако Коллонтай не предполагала, что эта идея будет реализовываться в тоталитарном обществе, в частности, при Сталине. В действительности она отдала дочь на воспитание бывшему мужу, и поддержала законодательство об абортах 1917 г., которое в 1936 г. было отменено.

Неординарные взгляды на семью выдвигала и Симона де Бовуар, представительница феминизма второй волны во Франции. Она вышла из консервативной мелкобуржуазной среды, но с помощью образования смогла преодолеть границы своего происхождения и отвергла традиционные женские роли. Симона де Бовуар поддерживала близкие отношения с известным философом Жаном Полем Сартром, до 40 лет жила в отеле и вообще вела образ жизни типичный для мужчин-интеллектуалов. Это, безусловно, повлияло и на ее взгляды на взаимоотношения полов. В возрасте около 40 лет она задалась вопросом: "Что есть женщина?" Изучив психологию, историческую и философскую литературу, она написала свою знаменитую книгу "Второй пол" (1949). Ее основная концепция - экзистенциализм - заимствована у Сартра. Согласно этой концепции, индивидуальная судьба человека жестко не детерминирована особенностями раннего детства (как считал психоанализ) или экономическими условиями (как утверждал марксизм) - у человека есть свобода выбора. Но если Сартр видел проблему в конфликте себя свободного и Другого, то Симона де Бовуар доказывала, что этим Другим всегда является женщина. Она определяется по отношению к мужчине, а не по отношению к себе, она несущественна по сравнению с ним "существенным", он - абсолют, она - другое. Причины такого положения не являются биологическими, психологическими или экономическими, вся цивилизация построена так, что производит это "творение, что-то среднее между женщиной и евнухом", которое и называется женщиной. Знаменитой стала ее фраза "Женщиной не рождаются, ею становятся"². В то же время де Бовуар воспринимала все, что связано с физиологией материнства - менструации, беременности, роды и лактацию - с явным неприятием, и, считала, что только преодолев в себе все женское, биологическое, женщина может стать настоящим человеком. Она не предполагала, что "человеческое" может интегрировать и традиционно "женские" ценности - заботу, кооперацию, материнство - так же, как и отцовство.

Либеральный феминизм. В 1963 году в Америке вышла в свет книга Бетти Фридан "Загадка женственности"³. Объектом исследования были благополучные американские домохозяйки среднего класса в послевоенный период, основным уделом которых стало обслуживание детей и мужа. Проанализировав стереотип "настоящих" женщин, представленный в популярных журналах, кинофильмах, телепередачах, и сопоставив его с результатами опроса 300 типичных американских домашних хозяек, она пришла к выводу, что образ счастливой домашней хозяйки - это миф, навязанный женщинам для того, чтобы манипулировать их сознанием. В действительности, доказывает она, материальное благополучие домашних хозяек из среднего класса, получивших к тому же высшее образование, не может компенсировать им осознание неполноценности, нереализованности, неудовлетворенности жизнью.

Поэтому в их среде часто встречаются психические расстройства, алкоголизм, самоубийства, жестокое обращение с детьми. Самое страшное, пишет она, что эту модель поведения они передают своим дочерям. Речь, конечно, шла о женщинах, принадлежащих к среднему классу.

Главная идея Фридан – женщинам **необходим** доступ к образованию, специальные программы повышения квалификации, причем, как и большинство других либеральных феминисток, она не выступала против семьи вообще. Представительницы либерального феминизма требовали более широкого участия женщин в экономической, социальной и политической жизни и создания социальных возможностей для совмещения женщинами семейных и профессиональных ролей. Для этого они предлагали создание детских дошкольных учреждений, в том числе на рабочих местах, гибкий график работы, привлечение мужчин к выполнению домашней работы, предоставление и женщинам и мужчинам отпусков по уходу за детьми.

По мнению, например, Сьюзен Окин семья должна быть не разрушена, а реорганизована в соответствии с принципом *справедливости*⁴. Равноправие в семье означало для нее справедливое распределение работы по дому и уходу за детьми между женами и мужьями. В доме дети должны получать образцы равноправия, а мужчины – обучаться уходу и заботе о других, что поможет им научиться вставать на точку зрения другого и также стать более справедливыми. Позднее радикальные феминистки критиковали такую позицию, поскольку Окин не ставила вопроса, почему с женщинами в семье обращаются несправедливо и каковы реальные механизмы для изменения их статуса в семье.

Общая критика либеральных представлений о семье со стороны представительниц других течений (в частности, социалистического и радикального): неправомерное принятие мужских ценностей за общечеловеческие, маловероятно, что мужчины с энтузиазмом начнут выполнять семейные обязанности, которые в обществе оцениваются невысоко (и именно поэтому не оплачиваются). В капиталистическом обществе соревновательности, установленной мужчинами, нельзя не учитывать женскую репродуктивную роль. В Америке, например, где либеральные феминистки неохотно приняли кампанию за материнские права и привилегии. Два десятилетия их деятельности привели к тому, что там сложилась наихудшая, в сравнении с Западной Европой, система помощи матерям и детям. В итоге, когда женщины, имеющие детей, начинают делать карьеру, они сталкиваются с большими проблемами⁵.

Радикальный феминизм. Согласно Кейт Миллет, «семья является главным институтом патриархата»⁶. Поскольку семья – это основной источник социализации детей, в ней, согласно Миллет, впервые происходит обучение мальчиков и девочек патриархатной власти и разделению труда по полу. На примере родителей дети обучаются ролям, характеру и статусу, соответствующим их полу. Затем это находит подкрепление среди сверстников, школы, СМИ.

Для радикальных феминисток семья поддерживает патриархат в публичной сфере, а также сама по себе является источником угнетения женщин. Семья далека от сконструированного в патриархальном обществе института, предположительно основанного на взаимной любви и уважении, в котором удовлетворяются эмоциональные, сексуальные и бытовые потребности взрослых партнеров и происходит уход за детьми. Это, по их мнению, социальный институт, в котором эксплуатируется женский труд, может насильственно проявляться мужская сексуальная власть, и где ретранспируются стереотипы гендерных идентичностей и дискриминационные модели поведения.

Некоторые представительницы радикального феминизма (например, Кристин Дельфи) так же, как либеральные феминистки рассматривали любой домашний труд, включая уход за детьми, как не приносящий удовлетворения и способствующий деградации. Но, в отличие от либеральных феминисток, радикалки не считали такое положение вещей просто случайностью, которая может измениться за счет помощи мужа или домашней прислуги. Они доказывали, что мужчины получают преимущества от сложившейся ситуации, как в виде домашнего комфорта, так и путем инвалидизации женщин, которые в силу домашней загруженности не могут конкурировать с ними в сфере политики и оплачиваемой работы. Соппротивление мужей в участии в домашней работе нельзя расценивать, как это делали либеральные феминистки, как удивительное или несправедливое. Это сопротивление и конфликты по поводу того, кому, например, стирать или готовить – это не личные разногласия, а проявление более широкой борьбы за власть. Некоторые из радикалок видели выход просто в отказе продолжать бытовое обслуживание мужчин и предлагали проживать только в женских домохозяйствах. Другие верили, что мужчин можно заставить помогать, но это не произойдет само собой, а только в результате длительной борьбы. Для многих из них решение виделось не только в отказе от домашней работы, но и в

отрицании семьи как таковой, что вело к отрицанию традиционных ценностей и экспериментированию с альтернативными жизненными стилями. Опыт, однако, показал, что разделение труда по полу происходит и в коммунах так же, как в нуклеарных семьях, "прогрессивные мужчины" могут лишь делать вид, что они уступают феминистским принципам, но на самом деле они слишком много выигрывают от патриархата и поэтому не обращают внимания на женские жалобы. Многие феминистки на своем опыте убедились, что традиции выполнения женщинами домашней работы тяжело преодолеть⁷.

Внимание других авторов привлекла проблема сексуальной эксплуатации в браке. Они утверждали, что патриархат основан преимущественно на мужском насилии и контроле над женской сексуальностью. Выявление фактов домашнего физического и сексуального насилия и сексуального оскорбления (abuse) женщин и детей для многих из них стало основанием рассмотрения семьи как института патриархатного угнетения, в котором многие женщины сталкиваются с мужской властью в ее наиболее грубой и агрессивной форме⁸.

Связь между случаями насилия в семьях и патриархатом как социальной системой стала видна на примере нежелания властей вмешиваться в "частную жизнь", а также того факта, что во многих американских штатах, (так же, как до сих пор и в России) изнасилование в браке не считается преступлением. В 70-х гг. эти идеи были подробно описаны Суламифь Файерстоун. По её утверждению, "любовь, возможно, даже больше, чем рождение детей, – основа женского угнетения"⁹. Даже для женщин, которым удалось избежать худших форм мужской агрессии, брак не предоставляет сексуальной или эмоциональной свободы, а увековечивает форму доминирования, замаскированную под любовь.

По мнению В. Брайсон, уже в 80-х годах даже в радикальном направлении несколько смягчилось отношение к семье. Некоторые авторы увидели, что, например, в традиционной семье женщины помогают друг другу и поддерживают "сестринство" и заботятся друг о друге. Для многих из них семья выступает бастионом против классового и расового угнетения¹⁰.

Психоаналитический феминизм более подробно анализирует процесс формирования идентичности по признаку пола и опирается при этом на открытие Фрейда *бессознательного* и *детской сексуальности*. Одной из первых ученых, пересмотревшей многие положения Фрейда, была его последовательница из Германии Карен Хорни. Ссылаясь на работы Георга Зиммеля, известного немецкого социолога начала века, она отмечала, что "вопрос состоит в том, насколько эволюция женщин в современном психоанализе изучалась по мужским меркам, и насколько в результате этого искажены представления об истинной природе женщин"¹¹. Так, в частности, К. Хорни недоумевала, почему в основу психоаналитической концепции было положено различие между полами в строении гениталий и при этом другое величайшее различие, а именно - различие ролей мужчин и женщин в воспроизводстве потомства не рассматривалось вообще¹². Известному комплексу зависти женщин к пенису она противопоставляет зависть мальчиков и мужчин к материнству. "А ведь чисто с биологической точки зрения, в материнстве или способности к нему женщина имеет неоспоримое, но почему-то не принимаемое в расчет, физиологическое преимущество"¹³. Одновременно она рассматривает и конфликты материнства, что позднее развивается некоторыми феминистскими авторами (см. ниже) в тезис о том, что реальные практики материнства отличаются от института материнства, сконструированного в условиях патриархата.

Остановимся кратко на ее концепции моногамного брака. Хорни задается вопросом, почему так редки хорошие браки, почему брак – это так часто смерть любви, почему так часто угасает сексуальное влечение партнеров друг к другу. И, конечно, она подходит к объяснению конфликтов и проблем в браке с психоаналитической позиции. Для нее проблема брака и нарастающей нелюбви друг к другу – это результат привнесения в брак неразрешенных конфликтов в детстве. Неизбежные конфликты - это результат выбора супруга по сходству с родителем противоположного пола. Поскольку в детстве отношение к матери и отцу связано с запретом на инцест, эта установка переносится и на партнера по браку. Страдание — есть одно из условий, при которых брак может устоять против сильнейшего запрета инцеста. Условие быть несчастным и страдать может касаться, например, домашней или профессиональной жизни, которая подсознательно выстраивается так, что человек "приносит постоянные жертвы ради семьи"¹⁴. Требование монопольного права на партнера по браку и связанную с этим ревность она также выводит из инфантильного желания получить мать или отца в исключительную собственность. При этом, замечает она, мужчины превзошли женщин в требовании верности. Хорни согласна с тем, что частично это можно объяснить желанием мужчин быть уверенными в своем отцовстве. Главное,

считает она, что в патриархатном обществе для мужчин это не вопрос любви, а вопрос престижа и власти. И этот "двойной стандарт" (разные требования, предъявляемые женщинами и мужчинами к верности друг к другу, и, соответственно, обществом к сексуальной морали обоих полов), например, находит отражение в насмешливом отношении к "рогоносцам". Требование девственности невесты интерпретируется ею как требование "сексуального" рабства. В более ранней статье "Проблема моногамного идеала" (1927) она делает вывод о том, что знание о неизбежности конфликтов супружества не должно означать, что любой конфликтный брак нужно прекратить. В более поздней работе "Проблемы брака" (1932) она приходит к выводу, что "стандарт моногамии нуждается в пересмотре, и мы должны вновь попытаться непредубежденно исследовать происхождение брака, ценность и исходящую из него опасность"¹⁵. Замечу, что сама Карен Хорни развелась с мужем, прожив с ним 28 лет и воспитав трех дочерей.

К. Хорни также поднимает вопросы о проблемах становления мужской идентичности, в отличие от женской, что позднее развивалось в работах американских феминисток. Так, например, она считает, что в основе показного проявления маскулинности лежит детский страх многих мужчин, что они могут не удовлетворить женщину. Женщина же может участвовать в половом акте, зачать и родить оставаясь фригидной. Одно из коренных биологических различий, по ее мнению, состоит в том, что мужчине нужно доказывать свою маскулинность, а женщинам нет. Взрослые мужчины постоянно вынуждены получать подтверждение со стороны и окружающих своей маскулинности, что, например, находит проявление в их потребности завоевывать все больше женщин. Причем наиболее привлекательными выглядят те женщины, которые способны наградить их какими-то дополнительными доказательствами их мужественности. Мужская идентичность противопоставляется женской, которая, в свою очередь, предполагает и противоположные качества – инфантильность, незрелость и истеричность.

В рамках собственно психоаналитического феминизма такие авторы, как Дороти Диннерстайн и Нэнси Чодоров, использовали теорию "объектных отношений" для развития тезиса о том, что дифференциация родительских ролей способствует дальнейшему воспроизводству "гендерных" отношений. Эти авторы согласны с психоанализом в потребности ребенка психологического отделения от матери для формирования ее/его собственной идентичности. Однако они показали, что это отделение является более важным и одновременно более трудным процессом для мальчиков, чем для девочек. По их мнению, базовая потребность мужчин доминировать над женщинами вытекает из необходимости в раннем детстве противопоставить себя матери, подавив свою привязанность к ней и сформировать свою идентичность на эмоциональном фоне "страха, гнева и обиды". В классической работе "Воспроизводство материнства" Н. Чодоров пишет о том, что и отношение матери к дочерям и сыновьям различается¹⁶. Первых они рассматривают как продолжение себя, а сыновей как "других", всячески поощряя при этом дифференциацию по признаку пола. В результате у взрослых мужчин и женщин существуют различные типы личности: "мужественное я" основано на отделении, а "женственное я" – на связи с другими. Сходную позицию высказывает Д. Диннерстайн в книге "Русалка и Минотавр"¹⁷, также основываясь на психоаналитической теории. Зависимый ребенок воспринимает свою мать как "всемогущую", а не как человека, имеющего свою собственную жизнь. В результате у мужчин формируется потребность контролировать женщин и ненависть к ним. Основной тезис, вытекающий из данной теории – необходимость участия отцов в уходе за детьми, начиная с ранних стадий развития, для формирования неагрессивной по отношению к женщинам мужской идентичности.

Этот тезис оказался небесспорным. Например, одно из возражений заключалось в том, что неясно, как капиталистическая система будет приспосабливаться к необходимости выполнения обоими родителями родительских обязанностей. Симпатизирующая феминистской перспективе, сторонница биосоциального подхода Алис Росси считает, что если родительские стили мужчин и женщин построены на принципе полового диморфизма, то возрастание мужского участия в уходе за маленькими детьми не повлечет того эффекта, который ожидают некоторые феминистские теоретики¹⁸. Например, в вышеуказанной работе Чодоров предполагается, что гендерные различия возникают вследствие того, что преимущественно женщины выполняют родительскую роль и в отношении дочерей, и в отношении сыновей. Если бы отец делал то же самое в отношении сыновей, полагала она, мальчики вырастали бы менее эгоистичными, более чувствительными к людям и личным отношениям и с менее жесткими границами "эго". Но, по мнению Росси, согласно исследованиям "одинокого отцовства" и "эгалитарных отцов" (т.е. теми, кто разделяет с женами обязанности по уходу за детьми) эта гипотеза не подтвержда-

ется. Мужчина привносит в родительство “мужественность”, а женщина – “женственность”. Поэтому участие отца в воспитании мальчика на ранних стадиях не сделает сыновей такими же, какими являются сегодня дочери, но скорее усилит различия по полу, или в случае “эгалитарного родительства” расширит диапазон характеристик как у сыновей, так и у дочерей.

Французская школа психоанализа также по-другому, нежели Чодоров, рассматривает процесс становления идентичности. Основываясь на идеях Жака Лакана, Юлия Кристева, Люси Иригарэй, Хелен Сиксу утверждают, что формирование “я” происходит под влиянием языка (или символического порядка). Этот символический язык есть отражение патриархатной власти, поэтому соответствующим образом и происходит формирование и наполнение идентичности, т.е. представление о себе как девочке или мальчике. При этом, считают они, необходимо развитие женского языка и женских рассуждений, с помощью которых девочки могут выразить собственные переживания и опыты и, таким образом, сами формировать свои идентичности без помощи мужского языка¹⁹. Критика классического психоанализа состоит также в допущении дуализма мужской и женской природы. Хотя классики не стояли на биодетерминистской позиции, а считали, что мужская и женская идентичности социально формируются в процессе монополии матерей на воспитание, они не делали акцент на различиях становления гендерных идентичностей в различных семейных типах разных культур, принимая за норму только белых представителей среднего класса.

В последние годы Н.Чодоров и ряд других феминистских авторов принимают постструктуралистскую парадигму, подтверждая существование множества феминностей и маскулинностей, детерминированных не только отношениями в детстве, но и активно формируемых через культуру и язык, в частности. Помимо анатомического строения и социокультурных условий, формирующих личностные биографии, существуют многообразные жизненные опыты, наблюдения за опытами других людей, отношения с другими людьми помимо родителей, чувственное взаимодействие с миром, опосредующее эти исходные условия. В разных контекстах могут актуализироваться разные “ощущения” себя или презентации себя – в одном может быть пол, в другом сексуальное предпочтение, профессия, брачный и семейный статус, социальная позиция конкретной этнической или культурной группы²⁰.

Постмодернистский феминизм ставит под сомнение универсальность знаний и понятий, сформировавшихся в период эпохи Просвещения, признает относительность любой теории, отвергает полярные категории (бинарные оппозиции): мужчина — женщина, публичное — частное, культура — природа, анализирует связи между знанием, дискурсом и властью. Например, утверждается, что дискурсы возникают и развиваются в недрах привилегированных социальных институтов, наделенных властью, таких как правительство, средства массовой информации, право, медицина и система здравоохранения, религия, образование. Семья, например, подвергается массированному дискурсивному влиянию со стороны членов этих внушительных институтов, которые стремятся не только сформировать правильные представления о ней, но и регулировать поведение ее членов. Причем, феминистский постмодернизм подчеркивает, что знание – это отражение опыта мужчин, имеющих власть. А опыт и рассуждения других социальных групп, включая женщин, остаются не услышанными. Феминистки, воспринявшие эти идеи, стали уделять внимание не только женщинам, но и другим угнетенным группам, относящимся к разным классам, расе, этносу, представителям разной сексуальной ориентации. Они деконструируют не только понятие “женщина” и “мужчина”, но и понятие “семья”, полагая, что оно идеологическое и сконструированное.

Основы такой конструкции, по их мнению, возникли в период развития капитализма на Западе, когда предполагалось, что “семья” должна быть гетеросексуальной, нуклеарной, имеющей определенное пространство и время. На самом деле, доказывают они, существуют разные типы домохозяйств и разные формы интимности²¹.

Примечания

¹ Коллонтай А. М. Избранные статьи и речи. М. Политиздат, 1972.

² Де Бовуар С. Второй пол. М. Прогресс. 1998, с.310.

³ Фридан Б. Загадка женственности. М. Прогресс. 1994.

⁴ Okin S.M. Justice, Gender and The Family. New York: Basic Books, 1989.

-
- ⁵ Bryson V. *Feminist Political Theory: An Introduction*. Macmillan. 1992.
- ⁶ Миллет К. Сексуальная политика (главы из книги). Пер. с англ. // Вопросы философии, 1994, № 9, с.155.
- ⁷ Bryson V., op.cit., pp.198-199.
- ⁸ Op.cit., pp.200-201.
- ⁹ Firestone S. *The Dialectic of Sex*. New York: Bantam Books, 1979.
- ¹⁰ Bryson V. Op.cit., pp.203-204.
- ¹¹ Хорни К. Женская психология. Санкт-Петербург. Восточно-Европейский Институт психоанализа, 1993, с.28.
- ¹² Там же, с.30.
- ¹³ Там же, с.31.
- ¹⁴ Там же, с.57.
- ¹⁵ Там же, с.100.
- ¹⁶ Chodorow N. *The reproduction of mothering. Psychoanalysis and the sociology of gender*. University of California Press. 1978.
- ¹⁷ Dinnerstein D. *The Mermaid and Minotaur*. L. Souvenir. 1976
- ¹⁸ Rossi A. Gender and Parenthood. // *American Sociological Review*. 1984. Vol. 49, #1.
- ¹⁹ Bryson V. Op.cit., pp.227-228.
- ²⁰ Chodorow N. Individuality and difference in how women and men love. // *Psychoanalysis in contexts: Paths between theory and modern culture*. London. Routledge. 1995.
- ²¹ Baber Kr. M., Allen K.R. *Women and Families. Feminist Reconstructions*. The Guilford Press, 1992. PP. 8-23.

ЛЕКЦИЯ 21. КРИТИКА КОНЦЕПЦИИ ПОЛОВЫХ РОЛЕЙ. ПРИМЕНЕНИЕ ФЕМИНИСТСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ К АНАЛИЗУ СУПРУЖЕСТВА И РОДИТЕЛЬСТВА

Развитие феминистских исследований в социологии семьи на Западе. В конце 60-х — начале 70х годов в американской социологии семьи доминировали академические работы, причем большинство из них включало микроисследования брачного и семейного взаимодействия с точки зрения теории половых ролей. Предполагалось, что семья отлична от других социальных институтов. Вопрос об идеологическом разделении “частной и публичной” сфер не ставился. Хотя многие семейные социологи доказывали, что их работы были аполитичными, на самом деле они были скорее ориентированы на укрепление брака и семьи, чем на постановку вопросов о природе семейного института и нормативного разделения труда по полу внутри него. Эти два последних направления анализа развили феминистские исследовательницы. К списку “отцов - основателей социологии семьи” в США можно добавить “матерей - основательниц”¹. Это, прежде всего, Константина Сафилиос-Ротшильд². Она критикует классические (выполненные мужчинами) исследования семейной власти, основанные на теории “ресурсов”, и показывает, что дисбаланс супружеской власти в пользу мужчин обусловлен недооценкой женских качеств, ценностей и видов деятельности (то, что впоследствии стали называть “невидимой работой”). Джесси Бернارد сопоставила показатели эмоционального благополучия, показатели самоубийств, пристрастие к алкоголю, психические расстройства среди одиноких, разведенных и состоящих в браке женщин и мужчин. По её заключению, мужчины больше заинтересованы в браке, чем женщины, поскольку одинокие и разведенные женщины по всем показателям оказались более благополучны, нежели мужчины того же брачного статуса³. Мирра Комаровски⁴ описывала противоречия в системе семейных ролей в США, когда женщины были вполне способны совмещать несколько ролей, а мужчины отвечали исключительно за внесемейную сферу (ее первые работы 1940 г. и 1962 г. еще не содержали феминистской критики). Сегодня число феминистских исследовательниц семьи и взаимоотношений женщин и мужчин в частной сфере составляет сотни в Америке и Западной Европе. Предметами их исследований являются опыты дискриминации женщин, а также влияние “гендера” на частную жизнь как женщин, так и мужчин.

В конце 50-х - начале 60-х годов в Америке наиболее распространенной перспективой в изучении семьи был структурно-функциональный подход, в основе которого лежал **термин “половые роли”**. Парсонс и его последователи доказывали, что семья, основанная на разделении половых ролей, оптимальна для индустриального общества. Вначале феминистские исследовательницы семьи использовали понятие половой роли, а критиковали только саму теорию необходимости их дифференциации. Но затем и само понятие стало объектом критики. Американская исследовательница М.Ферри анализирует основные аргументы критики этого термина в западной литературе в течение 80-х годов⁵. Во-первых, возникновение “половой роли” как понятия было признано продуктом специфических исторических условий. Парсонс, Райсман и другие социологи 1950-х годов, сконструировав идеальные с их точки зрения типы мужского и женского поведения, фактически выступили против таких изменений в гендерной системе, как получение женщинами образования, вовлечение в работу вне дома и потерю прерогативы мужчин среднего класса на работу. Во-вторых, понятие “половой роли” все чаще стало интерпретироваться как взаимодействие между деятелями (актерами) и структурами, которое позволяет изменять усвоенные в детстве модели поведения. Исследовательницы показывали, что многие женщины осознают, что они меняются, став взрослыми, ? одни активно вовлекаясь в работу, другие ? в материнство. Выяснилось, что не столько усвоенная в детстве “половая роль”, т.е. ранняя социализация, сколько конкретные жизненные обстоятельства - взросление и ресоциализация в определенных социальных институтах и социо-культурных условиях определяют деятельность, ценности и идентичность взрослых женщин и мужчин на определенном этапе их жизненного цикла. В-третьих, семьи стали рассматриваться как основной источник женского угнетения, поскольку именно в них происходит овладение “половыми ролями”, что в последующем отражается на положении женщин и мужчин на рынке труда и в образовательной системе. Таким образом, семьи часто считались как пережиток или устаревшая традиция в модернизирующемся и “эгалитаризирующемся” обществе, в котором “традиционные половые роли” могут быть определены как все более “дисфункциональные”. Однако опыт женщин из среды рабочего класса или, наоборот, верхних слоев общества, а также представительниц дискриминируемых расовых и этнических групп

доказывает, что определение "семьи" как основного локуса угнетения женщин, считает Ферри, неверно. Семьи часто выступают как институты поддержки и сопротивления женщин другим видам социального угнетения, предоставляя основу для самоуважения тем, кто находится в еще более трудной социальной ситуации с точки зрения доступа к власти и ресурсам.

М.Осмонд и Б.Торн выделяют **пять основных положений феминистской методологии в исследовании семьи**:

1. Тезис об особой ценности женских, девичьих опытов и мировосприятия. Хотя феминистки и обращаются к жизням и опыту мужчин и мальчиков, но только в случае анализа женских проблем, таких, как аборты, уход за детьми или сегрегации в сфере занятости. Феминистская теория ориентирована не просто на изучение женщин, но на мир, видимый сквозь призму обычно игнорируемых и недооцененных женских опытов. Подчеркивая женские опыты, исследовательницы показывают неполноту знания, которое объявлялось полным, а на самом деле было основано на жизненных опытах белых, гетеросексуальных мужчин, принадлежащих к привилегированному классу. Использование опытов женщин во всем их многообразии открывает новые возможности познания мира с позиции ранее считавшейся маргинальной группы.

2. Использование в качестве основного понятия "гендер". Оно включает два взаимосвязанных элемента: а) социальное конструирование и излишнее подчеркивание различий между женщинами и мужчинами; б) использование в обществе этих различий для установления властных отношений над женщинами. Гендер, подобно социальному классу и расе, фундаментальная основа неравенства и социальной стратификации. Гендерные отношения – это отношения власти. В сравнении с мужчинами женщины обесценены и признаются второстепенными – в социальном, экономическом, политическом и юридическом плане. Но на самом деле они не пассивные жертвы, а творцы культуры и истории. Рассматривая гендер как процесс взаимодействия полов, феминистки делают фокусом гендерные отношения, показывая, что жизни мужчин находятся также под влиянием "созданных конструкций".

3. Гендерные отношения должны анализироваться в специальном социокультурном и историческом контексте. Например, можно проследить разную степень распространенности насилия и его формы мужей над женами и само содержание этого понятия в различные исторические периоды в различных странах и культурах. Одновременно предлагается пересмотреть понятие "традиция", а вместо него использовать "гендерный договор" (или "гендерный контракт" в терминологии А.Темкиной). То, что, например, было нетрадиционно для рабочего класса (отсроченное рождение детей), могло быть традиционным для женщин ? представительниц среднего класса.

4. Ориентируясь на женские опыты как центральные, феминистские социологи ставят вопрос об универсальности понятия семья. Исторически, в разных культурах и даже внутри одного общества женщины и мужчины жили в разных типах домохозяйств, разных родственных союзах, типах интимных и сексуальных отношений. Феминистские авторы показали, что универсальное понятие "семья" является идеологическим и подразумевает опыт определенного класса (например, в теории Т.Парсонса и Р.Бейлса речь шла только об опыте среднего класса), конкретные культурные нормы и гетеросексуальные обязательства и всегда предполагает угнетение женщин. Семья – культурная система обязательств, эмоциональных связей, переплетение любви и доминирования. Домохозяйство – экономическая категория (совместное проживание, общие доходы и расходы).

5. Феминистская школа предпочитает ценностно-фиксированные подходы. Поскольку феминистки хотят не только познать мир, но и изменить его, они рассматривают существующие гендерные отношения и любую женскую подчиненность как неприемлемую и нуждающуюся в изменении. Это политическое обязательство не означает, что феминистское знание не является достоверным в научном смысле. Вместе с современными постмодернистскими теоретиками они задают вопрос, почему в определенные исторические периоды некоторые формы знания принимаются, а другие запрещаются. Их ответ состоит в том, что в патриархальном обществе в качестве знания квалифицировались лишь рассуждения (дискурсы), исходящие от обладателей власти, т.е. преимущественно мужчин⁶.

В обзоре феминистских исследований семьи 1980-1990 гг. М. Ферри, одна из признанных в США специалисток в этой области, излагает свое понимание **гендерного подхода к анализу семьи**⁷. Ферри отмечает, что хотя феминистки предлагают разнообразные и даже иногда противоречивые концепции анализа семьи, между ними по некоторым вопросам существует и согласие. В первую очередь, это признание того факта, что мужское доминирование в семьях ? это часть широкой системы мужской

власти, причем оно не является ни естественным, ни неизбежным. И если многие традиционные исследования рассматривали семью как более или менее закрытую систему, которую можно изучать без рассмотрения их взаимодействия с политикой и экономикой, то гендерный подход пересматривает представления об *автономности семьи и солидарности* её членов.

В основе идеи *автономности* лежит традиционное деление между публичной и частной сферами. Семья определяется как "убежище в бессердечном мире", где превалируют фундаментально другие социальные отношения, позволяющие женщинам осуществлять комплементарную роль. В прежних исследованиях предполагалось, что экономика и политика имеют небольшое и не прямое влияние на взаимоотношения в семьях и на их жизнедеятельность.

Под *солидарностью* подразумевается традиционная концептуализация "семьи" как целого, "склеенной вместе семьи", являющейся единичным "актором" (дейтелем) с единой классовой позицией, стандартом жизни и сферой интересов. Миф о едином семейном интересе распространялся даже на сферу воспроизводства, при этом игнорировалось существование конфликта интересов между женщинами и мужчинами и людьми разных поколений. Феминизм пересматривает также и эти положения. Исследователи 80-х гг. предложили новые подходы, в соответствии с которыми семья определяется как полностью интегрированная в экономическую и политическую системы, а также признается несоответствие, а иногда и конфликтность интересов ее членов.

Исследователи семьи 80-х гг. развили новые подходы, в соответствии с которыми семья полностью интегрирована в широкую экономическую и политическую системы, а также признается несоответствие, а иногда и конфликтность интересов ее членов.

Феминистский подход к материнству и сексуальности. Феминистские исследовательницы изучают различные сферы семейной жизни, но специальное внимание они уделяют материнству и сексуальности, поскольку раньше эти сферы определялись через биологию и инстинкт. Они же подчеркивают, что эти сферы социально сконструированы и поэтому могут меняться исторически. Реальные женские опыты часто отличаются от конвенциональных определений материнства и сексуальности, и потому была предложена теория, объясняющая эти различия. Кроме того, эти темы стали предметами спора между самими феминистками, в частности, в отношении природы и важности "полового различия", а также споры о женщинах как жертвах или их потенциальной способности сопротивляться угнетению. Сексуальность была признана сконструированной мужчинами⁸. В частности, в рамках радикального феминизма была выдвинута идея, согласно которой избавление женщин от угнетения невозможно до тех пор, пока мужчины будут контролировать женские тела. То, что считалось исследователями семьи как допущение, А.Рич⁹ и другие феминистки ставят под сомнение. Были написаны работы о сексуальном опыте женщин, а также о гетеросексуальных отношениях, основанных на взаимности, а не мужском доминировании. Эти работы вместе с требованиями расширения информации о контрацепции и права на аборт внесли вклад в развитие сексуальной автономии женщин. Особая тема, развиваемая феминистскими исследовательницами, изнасилования во время ухаживания, в супружеских отношениях, в отношениях сожительствующих пар, сексуальное насилие над детьми и инцест. Было показано, что сексуальное насилие в семье является результатом власти мужчин над женщинами, родителей над детьми. Для противодействия насилию предлагалось создание убежищ, обучение женщин самозащите, совершенствование законодательства. По мнению радикальных феминисток (А. Дворкин и К. МакКиннон) мужская сексуальность всегда содержит элементы агрессии и насилия, в то время как женщины более эмоциональны и внимательны и имеют более межличностную сексуальную "природу". Другие авторы (Г. Рубин, К. Вансе) выступили против такой "естественности", доказывая огромные внутриполовые различия в проявлении сексуальности. Работы афро-американских женщин (А. Уолкер, Г. Нейлор, Т. Моррисон) поставили проблему одновременного удовольствия и эксплуатации во взаимоотношениях женщин и мужчин, а также влияние расизма на сексуальную эксплуатацию женщин африканского происхождения. Относительно недавние американские исследования установок и поведения в сфере сексуальности свидетельствуют, что за последние три десятилетия различия между женщинами и мужчинами резко уменьшились¹⁰.

По мнению М. Осмонд и Б. Торн думать о **материнстве** как о "роли", как делали некоторые ученые, значит упрощать противоречивую и эмоционально нагруженную активность. Вместо того, чтобы видеть современную организацию материнства (например, возложение основной заботы о детях

на женщин) как проблему, многие мужчины – социологи семьи принимали этот факт за допущение¹¹. Современное движение (2-й волны) изначально было критично к доминирующей идеологии материнства. Б. Фридан привлекла внимание к изоляции матерей, живущих в пригородах, вынужденных все свое время проводить с детьми и фактически не имеющих своей собственной жизни (напомню, что это был период бэби-бума в Америке). В начале 70-х социолог Анн Озкли подвергла сомнению доминирующий тезис, что “ все женщины испытывают потребность быть матерями, все женщины нуждаются в своих детях, все дети нуждаются в своих матерях”¹². Она, как и другие феминистские исследовательницы, осознавала кросскультурные и исторические вариации в организации заботы о детях. Хотя, писала она неизвестно таких обществ, в которых отцы бы выполняли большую часть ухода за детьми, они в разных обществах в разной степени участвуют в воспитании, и часто уход осуществляется коллективно женщинами, мужчинами, братьями и сестрами, бабушками и дедушками или специальными нянями. (Замечу, что в России, например, эту роль часто выполняли кормилицы, гувернантки).

В начале 70-х годов феминистки провозгласили тезис, что материнство должно быть делом выбора, и боролись за возможность женщин заниматься другими видами деятельности - дополнительно или вместо рождения и воспитания детей. А.Рич провела различие между материнством как институтом и идеологией, с одной стороны, и реальными опытами матерей, с другой¹³. Ее ключевой тезис - в патриархатном обществе институт материнства создан для угнетения женщин. Мужчины-эксперты на протяжении истории контролировали женские тела, препятствовали контролю над рождаемостью и абортами, мужчины-медики установили отчуждающие ребенка от матери условия деторождения, педиатры, терапевты, религиозные деятели, писатели – в большинстве мужчины – создавали идеализированные образы матерей и, определяя их “здоровую идентичность”, предъявляли к ним невыполнимые требования. Но эти положительные образы “матерей”, не могут быть приравнены к реальным опытам. Опыты – это отражение того, как на женщин воздействовали патриархатные институты и как они в них выживали. Материнство может быть удовлетворительным для женщин, когда они будут сами способны определять свои судьбы. А. Рич привлекает собственный, часто болезненный опыт и приглашает других женщин сделать то же самое, чтобы описать реальный мир материнства. Поскольку прямые голоса матерей обычно не представлены в традиционных работах по социологии, психологии и литературе, артикуляция этого опыта была крайней важна. Например, до феминистского движения крайне мало было написано об отношениях матерей и дочерей, феминистки, привнесли эту тему в социологию семьи. Они также сделали видимой “работу заботы”, которой так непропорционально много у женщин, работу “кормления и обеспечения”, с помощью которой женщины создают смысл “быть семьей” и “родственную работу”, т.е. поддержание отношений с родственниками, что соединяет домохозяйства вместе. Феминистки описали опыты матерей в разных жизненных ситуациях: опыты одиноких матерей, матерей-лесбиянок, женщин и мужчин, которые стараются распределить поровну родительские обязанности, и множество сходных опытов замужних женщин, которые работают полное время, но продолжают ухаживать за детьми и выполнять всю домашнюю работу. Они описали переживания латиноамериканских матерей-эмигранток в США, которых подвергли принудительной стерилизации, и матерей, имеющих опыт применения новых репродуктивных технологий *in vitro*. Все эти работы объединяет внимание к “гендерным опытам” и социальному контексту власти. Были также исследованы внесемейные сферы активности матерей: взаимодействие со школой, детскими садами, кроме того, были изучены амбивалентные и иногда эксплуатирующие отношения между матерями и нянями, помощницами по хозяйству. Это выявило, в частности, сложные отношения между гендером, расой и классом¹⁴.

Я уже упоминала работы авторов в рамках психоанализа в связи с формированием идентичности мальчиков и девочек. Что касается непосредственно материнства, Н. Чодоров в 1978г. поставила вопрос “Почему женщины – матери?”, почему они не только рожают детей, но и заботятся о них (17). Ее ответ – идентичность девочек формируется на основе заботы о других и, таким образом впоследствии они становятся матерями. Т.е. родительство обусловлено не столько биологическими, а в большей мере социально-культурными факторами. Отмечу, что последние исследования, проведенные в США, свидетельствуют, что генетическая модель объясняет лишь от 18% до 25% индивидуальных различий отцовского участия, и от 23% до 39% материнского (18).

М. Ферри демонстрирует, как путем отделения гендера-роли от пола индивидов, гендерная перспектива предоставляет модель для анализа родительства. Она приводит пример исследования мужчин, выполняющих традиционные обязанности матерей, и показывает, что мужчины, исполняя родительские обязанности ежедневно, начинают думать и вести себя таким же образом, как ведут себя женщины-матери. Другой пример: деловые женщины, оплачивающие неквалифицированный труд ухода за детьми, определяют в качестве "матерей" тех, кто предоставляет эти услуги, а себя считают "отцами"¹⁵.

Таким образом, один из важных исследовательских вопросов касается собственно содержания материнской и отцовской ролей. В известной книге "Искусство любить" Эрих Фромм обосновывает разницу в материнской и отцовской любви, ее идеальные типы. По его мнению, материнская любовь безусловна, мать любит ребенка за то, что он есть. Такую любовь "не нужно заслуживать, тем более ее нельзя контролировать". Отцовская любовь – это обусловленная любовь. "Отец представляет собой другой полюс человеческого существования, где мысли, вещи созданные человеческими руками, закон и порядок, дисциплина, путешествия, приключения. Отец это тот, кто учит ребенка, как узнавать дорогу в большой мир. С этой отцовской функцией тесно связана и другая, которую можно назвать социально-экономической". В отношении мальчиков это означало "передачу собственности лучшему из них, заслужившему отцовскую любовь"¹⁶. Можно видеть, что такое видение ситуации автором основывалось на дифференциации ролей женщин и мужчин, которое существовало в соответствующий исторический период. С тех пор резко изменилось положение женщин, и, в частности, в России, где они успешно освоили мир публичной сферы и "дорогу в большой мир". Но насколько изменились представления о специфике родительских ролей? Согласно данным исследования, проведенного при моем участии¹⁷ 58% мужчин и 61% женщин в Санкт-Петербурге и 42 % и 49 % соответственно в Туле считают, что матери и отцы, совместно проживающие с детьми "поразному влияют на них", подавляющее большинство остальных считают, что содержание этих ролей одинаково. Большинство объясняет это "природой женщин и мужчин". Хотя ненамного меньше тех, кто связывает это с тем фактом, что это "просто два разных человека, вне зависимости от пола". Интересны дополнительные комментарии респондентов: "авторитет отца более значителен", "мать и отец разное количество времени проводят дома ? разное влияние", "мужчина отвечает за одни черты характера, женщина ? за другие", "отец ? это сила, чувство ответственности, а мать — уют, нежность, любовь", "потому, что они различаются физиологически и анатомически". Одновременно хотелось бы привести фрагмент из интервью с родителями подростков в 1998г., достаточно показательный в плане возможной тенденции универсализации родительской роли: *Мать мальчика 14 лет, Воронеж, в недавнем прошлом зав. ателье, образование высшее, 40 лет, первый брак.* "Сыном больше должен заниматься муж, но поскольку у нас такой муж...или у него такое умственное развитие...или он такой вообще...не могу сказать. Ну, раз у нас роли поменялись, что теперь... Я себя в какой-то степени ощущаю в роли папы. *Роль матери в чем заключается?* - Не знаю, чтоб помогать, наверное, ребенку во всем буквально. Потому что я понимаю, что если я не помогу, допустим, не внушу, что надо учиться, вот, например, если бы мне мать не внушила, что надо учиться, безусловно, я, может быть, и не стала бы учиться. И я также сыну внушаю: "Сынок, неизвестно, кем ты будешь работать, но надо выучиться, стараться, стремиться." И у него уже такая усидчивость. *А роль отца в чем?* - Отец вообще должен всем заниматься. Он должен сыну помогать, учить, слова нужные говорить, но у нас этого нет".

М. Ферри подробно останавливается на применении гендерного подхода к анализу **домашней работы, оплачиваемой работы и распределению денег** в семьях, на примере исследований, которые реконструируют и деконструируют эти понятия.

Исследования семьи на Западе исходили из допущения, что мужчины "традиционно" были единственными оплачиваемыми работниками и что они, таким образом, обеспечивали зависимых членов. Феминистская концепция половых ролей приняла справедливость этой точки зрения, но доказывала, что такая модель распределения ролей несправедлива и открыта для изменений. Новая гендерная перспектива, наоборот, проверяет реальность этой версии и требует большей исторической аккуратности, ставя под вопрос два ключевых элемента мифа мужского доминирования. Первое, она признает, что женщина всегда вносила вклад в экономику домохозяйства, включая оплачиваемую работу внутри и за пределами дома. Второе, мужская работа анализируется как часть гендерной структуры занятости, которая существенно менялась во времени.

Поскольку женщины всегда работали, образ женщины на рынке труда как "нетрадиционный" должен быть пересмотрен, считает М.Ферри. Традиционные женские обязанности включали обеспечение семейного дохода, когда это было необходимо. Черные женщины и рабочие-эмигрантки были особенно экономически активны. Цель феминистских исследований, считает она, более точно подсчитать женские вклады в разное время, в разных культурах, среди различных классов и рас. Социальная конструкция мужчин как "работников", проводящих значительную часть времени вне дома и приносящих зарплату, которая может поддерживать неработающих членов - это феномен только поздней индустриальной эры. Социальная связь маскулинности с ролью единственного добытчика - новая, а не "традиционная". М. Ферри приводит исследование Райн, изучавшей формирование среднего класса менеджеров в начале 19 века в Нью-Йорке, и идеалы материнства и маскулинности, которые конструировались в этот период. Поскольку образование было новым средством занятия классовой позиции, матери стали отвечать за то, чтобы сыновья как можно лучше учились и воспитывали у них такие качества, как честность и работоспособность. От матерей ожидалось создание "человеческого капитала", который может оценить потенциальный работодатель. Self-made-man (человек, который сделал себя сам) возник как новый культурный идеал в 19 веке, но его "делание" было гендерным процессом, в котором матери и жены имели ясно предписанные роли. М. Ферри также приводит пример добровольного участия женщин высшего класса в жизни территориальных сообществ (комьюнити), что способствовало укреплению семейную классовую позицию. Другой пример, невидимая женская работа в создании предприятий, официально принадлежащих их мужьям. Профессиональные успехи мужчин также часто зависят от вклада жен в формирование их статуса - то, что Папанек назвала "одной карьерой на двоих"¹⁸. Семейная структура, часто используемая для объяснения бедности, считает М.Ферри, должна также включаться в социологическое объяснение преуспевания.

Признание факта сконструированности оплачиваемого труда в индустриальном обществе в качестве "гендерной" (мужской) формы работы также помогает, по мнению М. Ферри, объяснить, почему включение женщин в рынок рабочей силы не могло стать панацеей, которую ожидали феминистские сторонники "ролевой экспансии". Женщины, которые стали делать традиционно мужские карьеры, стали нуждаться в "женах", поскольку организация рабочих мест и структура занятости в капиталистической экономике предполагают наличие неоплачиваемого работника дома.

В итоге, подчеркивает Ферри, гендерный характер оплачиваемой работы и роли добытчика внутри домохозяйства, создает препятствия в достижении равноправия в обеих сферах, поскольку они часть одной замкнутой системы. Идея несовместимости домашних и профессиональных обязанностей исторически сконструирована. Поэтому перед феминистками стоит задача изменения в социальной системе "работа-семья", а не предоставления женщинам возможности освоить как можно больше ролей. Так, требование изменений в системах проезда до работы, нормального графика работы, создание национальных политик занятости добавляются к традиционным требованиям предоставления общественных форм ухода за детьми, гибкого графика работы и усиление политики равных возможностей для женщины. Поскольку мужская работа и карьера гендерны и построены на структуре семейной поддержки, которая также гендерна, изменения для жен с необходимостью предполагают изменения для мужей. Домашняя работа - это больше, чем невидимый и неоплачиваемый труд, обеспечивающий оплачиваемую работу. Это - гендерный труд, отражающий социальную значимость маскулинности и феминности и, таким образом, власть. Понятие "домашняя работа" включает различные обязанности. Женская работа в семьях в индустриальных странах совершенно непохожа на ту, которую они выполняют в развивающихся странах - добыча воды, сбор урожая, вязание одежды и т.д. Обозначение этих обязанностей "домашней работой" позволяет игнорировать потребности женщин-рабочих и исключать этот их труд при подсчете Валового Национального Продукта. Что такое домашняя работа в историческом контексте, считает М. Ферри, ? это проблема. Трудовые обязанности меняются по содержанию и перемещаются между оплачиваемым и неоплачиваемым трудом. В разных культурах в разное время не было чего-то одного, что бы постоянно определялось как домашняя работа. Идея домашней работы как особой формы труда возникает только в период индустриализации как противопоставление оплачиваемой работе. Это различие выражает экономическую ценность ? когда труд, сделанный женой фермера квалифицируется как не производственная домашняя работа, уменьшаются ее претензии на семейные ресурсы. Часто работа, которую женщина делает дома

бесплатно, может на уровне специальных служб быть оплаченной работой. Так, уход за детьми был частью домашней работы, затем стал оплачиваемой профессией и в условиях экономического спада (например, сегодня в России) вновь передается домой, как неоплачиваемый труд, больницы пытаются любой ценой отправить пациентов домой для того, чтобы за ними ухаживали члены семей, обычно жены, дочери, и падчерицы.

Гендерная перспектива пытается объяснить, почему увеличение числа работающих жен, в частности, на Западе не привело к существенным изменениям в мужской домашней работе. В противоположность допущениям теории ресурсов не обнаружено зависимости между зарплатами и продолжительностью домашней работы мужа и жены ни на Западе, ни в России. По крайней мере, для некоторых домохозяйств более приемлемо не делать некоторых работ, нежели это будет сделано человеком "неправильного" пола.

С точки зрения гендерной перспективы важно символическое значение, придаваемое домашней работе. Для женщин – это чаще выражение любви и заботы, и поэтому она старается сделать как можно больше и чувствует вину за невыполненные домашние дела. Для мужей – домашняя работа символизирует субординацию, как в армии, когда она выступает как наказание, и поэтому они всячески стараются ее избегать. Различные значения, придаваемые мужьями женской оплачиваемой работе, увеличивают вариативность поведения среди мужей. Те из них, которые поощряют работу жены вне дома, помогают больше, а те, кто пытается препятствовать попыткам жен достичь независимости, практически ничего не делают по дому.

Контроль над денежными ресурсами внутри домохозяйств также часто носит "гендерный характер". Феминистские исследовательницы отмечают, что даже внутри одного домохозяйства, члены семьи не обязательно имеют одинаковый стандарт жизни. В некоторой степени бедность среди женщин и детей замутнена их нахождением в домохозяйствах, где мужчина имеет "адекватный доход", но он не распределяется пропорционально с другими членами. Доказательства из развивающихся стран о том, что мужчины тратят больше денег на себя, а женщины на детей, начиная от одежды и заканчивая обучением, не изучались эмпирически в развитых странах. Экономические обследования по-прежнему рассматривают доход домохозяйства как черный ящик, делая нереалистичные предположения о равном распределении. Например, М.Ферри ссылается на исследование женщин, чьи "доходы" количественно как-бы уменьшились после оставления ими избивающего супруга. При этом они отмечали, что в действительности их реальный доход, т.е. траты на себя и ребенка выросли¹⁹. Вероятно, такая ситуация часто распространена в российских семьях с мужьями алкоголиками, которые даже могут зарабатывать относительно много денег, но жена и дети не имеют возможности их тратить. Исследования в США свидетельствуют, что жены контролируют финансы в низко доходных домохозяйствах, где управление деньгами означает "контроль над дефицитом", когда же семейный доход достаточно высок – это делают обычно мужья. Кроме того, надбавки и дополнительные деньги рассматриваются мужчинами обычно как их собственные.

Даже, если жены зарабатывают намного больше мужей, в соответствии с гендерными нормами, мужья считают себя вправе контролировать и ее деньги. Этот факт я хочу подтвердить выдержкой из интервью, приведенного в статье, посвященной "новым русским". "Для женщины у меня была очень неплохая зарплата. Траты типа туфли, платья покупала себе сама, не обращаясь к мужу. Видимо, он понимал, что я могу себе это позволить... Вдруг возникло такое... Он начал считать, что это все у меня уже есть. Лишнее уже. Тогда я начала СКРЫВАТЬ от него кое-какие покупки. Я покупала, скрывала, затем доставала как-будто это у меня уже было. Он конечно понимал, что это что-то новое, но... Вот я купила себе шубу норковую на свои деньги, премию. Я сказала, что это мне подарили родители... Купила себе сабо, сказала, что поменялась на туфли с подружкой. Пыталась обходить эти моменты, а он оставлял без комментариев..."²⁰.

Другой пример применения гендерного подхода в области социологии семьи я хочу продемонстрировать в своей лекции на примере анализа супружеской заботы. Линда Томпсон так же, как и М.Ферри подчеркивает, что гендерный подход предполагает отказ от концепции "природных половых различий" и "половых ролей". Гендерная перспектива делает акцент на институциональном контексте и контексте взаимодействия. Эта перспектива связывает четыре уровня анализа ? широкий социо-исторический контекст, опосредующий контекст, процессы взаимодействия и последствия на индивидуальном уровне – в анализ единого процесса социального конструирования гендера. Она определяет

заботу как "активность, направленную на защиту и поддержание благополучия другого человека, внимание к другому и удовлетворение его/ее потребностей"²¹. Причем, забота – это основная составляющая супружеской любви. Поэтому, вместо того, чтобы поставить вопрос, кто более заботлив в семьях, женщины или мужчины, гендерная перспектива пытается проанализировать, *какие условия необходимы для того, чтобы и те и другие были заботливы*. С точки зрения феминистской перспективы именно партнерские отношения жен и мужей, когда каждый из них в равной мере проявляет заботу друг о друге (и о тех, кто их окружает), могут быть залогом успешного брака.

1. **Широкий социально-исторический контекст** включает как структурные (институциональные), так и символические (мифы, образы, истории, метафоры, идеологии) условия. И те, и другие меняются исторически и влияют на взаимодействия между людьми. Томпсон приводит пример того, как в 19 веке возникновение рыночной экономики повлияло на брак и семейную жизнь. Сфера семьи, включая и заботу о муже и близких родственниках, стала исключительно женской сферой. Идеология, которая сопровождает разделение между семьей и работой, предполагает и дифференциацию между "феминной любовью" и "маскулинным саморазвитием". Идеальная женщина должна была быть внимательной, жалостливой, утешающей и сотрудничающей, идеальный мужчина – честолюбивым и независимым. Эти символические различия ограничивали и возможности проявления заботы для мужчин в браке. Различие между феминной любовью и маскулинной автономией предполагало и различные проявления заботы со стороны женщин и мужчин. Образ любви как феминной возлагает на женщин и ответственность за любовь, которая определяется как самопожертвование, эмоциональная теплота, ранимость и чувствительность. Этот образ не признает, что мужчины могут также заботиться о жене, например, в процессе сексуальных отношений или выполняя домашние дела для того, чтобы создать возможность для совместного досуга. Образ маскулинной автономии не позволяет признать их потребность в проявлении заботы, а образ феминной любви ограничивает возможности мужчин в проявлении любви. Поэтому даже в современных браках потребности супругов, придерживающихся этого символического различия, часто приходят в противоречие. Женщины требуют больше внимания, отзывчивости и близости; мужчины проявляют сдержанность и постепенно отдаляются. Женщины несчастны с мужьями, которые молчаливы и нечувствительны, а мужчины чувствуют себя несчастными с женами, которые не понимают и ограничивают их лучшие побуждения в проявлении заботы.

Томпсон также показывает, как три различных сценария поведения в браке (или образа брака), существующих в Америке, определяют сферы активности мужчин и женщин и различные представления о заботе и гендере. Вероятно, такая типология предполагает успешные браки, в которых представления женщин и мужчин о должном поведении совпадают.

Так, в *товарищеском браке* эмоциональные взаимоотношения между членами семьи, особенно между мужьями и женами, самодостаточны. Привязанность к другим лицам, находящимся за пределами брака, – родственникам и друзьям – ограничивается, имеется четкое различие между домом и внешним миром. Дом является единственным местом, в котором можно найти любовь, внимание, сопереживание и готовность помочь. Дом – это убежище, укрывающее от жизненных невзгод, "незаботливого" и противоречивого внешнего мира. В подобном браке имеется четкое разделение труда. Женщины являются хранительницами идеализированного домашнего мира, а мужчины обеспечивают семейный доход. Ответственность за заботу возлагается непосредственно на женщину, а оплачиваемая работа мужчин освобождает их от каких-либо обязательств и проявления заботы, в том числе путем участия в домашних делах. В товарищеском браке, считает Томпсон, "мужчины имеют структурные и символические преимущества над женщинами"²².

Идеал *независимого брака* предполагает полное удовлетворение личностных потребностей и желаний и свободу от обязательств. Такая свобода означает право определять собственные предпочтения и желания и следовать им до тех пор, пока человек не ущемляет аналогичную свободу других лиц. Стремлением как мужчин, так и женщин в таких браках является не любовь, а саморазвитие. Ни мужчины, ни женщины не несут ответственность за заботу. В США такие браки, в которых оба супруга ориентированны на карьеру, особенно распространены среди пар высшего и среднего класса. Оба партнера используют оплачиваемую работу как оправдание для пренебрежения домашними обязанностями и стараются добиваться успеха в жизни. Метафорой независимого брака является контракт и экономический обмен. Так как независимый идеал отражает рыночную экономику

и служит ей, он пользуется структурной и символической поддержкой в более широком социальном контексте (в частности, на рабочем месте).

Если оценивать товарищеский брак, в котором заботу проявляет женщина, и независимый, в котором заботу не проявляет ни один из супругов, то первый, как отмечает Томпсон, имеет большую привлекательность. Широко бытует мнение, что если женщина не заботится о близких, никто не станет этого делать.

Третий образ или идеал брака – взаимозависимый. В таком браке оба партнера обязаны заботиться друг о друге, удовлетворять потребности друг друга, нести друг за друга ответственность, поощрять планы друг друга и способствовать их осуществлению. Этот образ характеризуется любовными взаимоотношениями. Оба партнера признают потребность друг в друге и строят длительные взаимоотношения. Однако, отмечает, Томпсон, по крайней мере в США, взаимозависимый идеал брака имеет меньшую структурную и символическую поддержку, чем товарищеский и независимый. Поэтому, так важны меры государственной семейной политики, способствующие существованию таких взаимозависимых, партнерских браков. В качестве таких мер предлагаются семейные отпуска, гибкий график работы, государственная забота о детях.

Один из исследовательских вопросов, который возникает при анализе гендера в браке в связи с другими стратификационными характеристиками. Например, осуществляется ли забота в браках чернокожих, которые в США до сих пор подвергаются дискриминации? Как отмечает Томпсон, было установлено, что совместный опыт социальной и экономической несправедливости обеспечивает чернокожих мужчин и женщин одинаковыми возможностями для проявления заботы и делает их особенно чувствительными и ответственными по отношению к другим членам семьи. Важными институтами поддержки и заботы является община (community) и церковь. Однако при этом даже если чернокожие мужчины и женщины и обладают особой чувствительностью к другим, многие из них, к сожалению, не проявляют эту способность в супружестве. «Лишь менее трети замужних женщин ответили, что в случае возникновения серьезной проблемы они обратятся прежде всего к своим мужьям»²³. Чернокожие мужчины и женщину чаще, чем белые, занимают одинаковое положение в экономической иерархии, причем жены чаще зарабатывают столько же, сколько мужья, или даже больше, что нетипично для белых пар в США. Однако экономическое равенство чернокожих пар редко способствует проявлению заботы в браке со стороны мужчин. Культурные традиции вынуждают многих чернокожих мужчин и женщин в меньшей степени полагаться на супружескую заботу и обращаться в случае необходимости к многочисленным родственникам.

Необходимо отметить, что подобный вывод был сделан при анализе положения мужчин и женщин в советских семьях, где оба супруга также чаще всего находились в сходном экономическом положении, что, однако, не способствовало принятию на себя мужьями семейных обязанностей, в том числе и заботы²⁴. При этом надо отметить, что структурные условия (например, государственная забота о детях) и идеология (идеал образцовой советской семьи, в которой супруги имеют равные права и обязанности) всячески способствовали партнерским супружеским отношениям. Вероятно, культурные символы и традиции меняются очень медленно, либо необходимы другие интерпретации гендерного неравенства в супружестве.

2. Опосредующий контекст – следующий уровень анализа, который Томпсон выделяет для анализа гендера в браке. Этот уровень акцентирует внимание на каждодневном взаимодействии, на том, как микроструктурные условия формируют гендерное самовосприятие, представления и модели поведения. Вопрос состоит в том, одинаково ли ведут себя мужчины и женщины, находящиеся в сходном социальном контексте? Например, почему женщины склонны предъявлять высокую требовательность к браку, а мужчины стремятся самоустраняться от многих проблем. Известно, что независимо от пола, партнер, предлагающий изменение, склонен требовать, а партнер, которого просят об изменении, – устраниваться. Томпсон считает, что именно позиция партнера в опосредующей социальной структуре, а не гендер, влияет на поведение. Согласно идеологии раздельных сфер и феминной любви, жены с большей вероятностью, чем мужья берут на себя ответственность за обеспечение качества брака, и именно эта ответственность заставляет женщин стремиться к изменениям.

Распределение власти является одним из первостепенных контекстуальных условий для анализа гендера в браке. Исследовательский вопрос состоит в том, обусловлены ли гендерные различия

властными отношениями мужчин и женщин в большей степени, чем чем-либо еще? Ведут ли себя одинаково мужчины и женщины, если власть между ними распределяется поровну? Некоторые исследователи утверждают, что различные стили общения жен и мужей обусловлены их различными властными статусами в семье²⁵. Именно поэтому женщине необходимо слушать, соглашаться, быть деликатной, уклончивой и почтительной, что демонстрирует отсутствие интереса к власти со стороны женщины. Мужской разговор властный – прямой, четкий и ответственный. Причем, с точки зрения теории ресурсов, тот из супругов, кто имеет больше материальных, психологических, сексуальных ресурсов, имеет и больше власти в семье. Согласно же феминистским исследовательницам – женщины в любом случае имеют меньше власти в семье из-за своего социального статуса в обществе в целом. Существует также предположение, что отличие “женского” общения от “мужского” не связано с властью, а обусловлено склонностью женщин проявлять заботу. Разнообразие женской и мужской власти в браке и ее связи с потребностью в заботе требует дальнейших исследований.

В опосредующий контекст Томпсон включает также взаимоотношения жен и мужей с ближайшим социальным окружением. Женщины нередко обращаются не только к своим мужьям, но и к друзьям, родственникам и коллегам. Мужья в свою очередь предъявляют им претензии, что они проводят слишком много времени вне семьи. Для большинства мужчин брак является замкнутым и автономным от других взаимоотношений, поэтому они хотят полного внимания со стороны жен. Некоторые мужчины считают, что жены “не так зависят от них, как им хотелось бы”, потому что жены могут обращаться в трудные минуты к другим людям. У женщин и мужчин имеются различные гендерные нормы, касающиеся заботы в отношении других людей. Общение женщин с подругами имеет важное значение для их взаимоотношений в семье, для них это источник поддержки, и утешения. Друзья – мужчины обычно выражают расположение друг к другу подшучиванием, совместным выполнением работ и оказанием взаимных услуг. Другим женщинам мужчины также редко доверяют свои семейные проблемы. Вероятно, поэтому они и требуют больше эмоциональной поддержки от собственных жен, нежели жены от них.

Однако существует еще и понятие “опосредующей ситуации”. Некоторые исследования свидетельствуют о том, что мужья также способны проявить заботу о женах. Обычно, это “крайние” ситуации, например, когда жены больны. Томпсон делает вывод, что мужчины способны перейти “символическую гендерную границу” в том случае, когда в их заботе возникает явная потребность, никто больше не может проявить ее и тот, кто в ней нуждается, от них зависит.

3. Я уже упоминала в предыдущих лекциях, что для анализа гендерных отношений важно изучать **каждодневные взаимодействия** людей. Анализ супружеского взаимодействия предполагает изучение гендерных ожиданий от партнера по браку, представлений о собственном должном поведении и процесса согласования ожиданий и представлений каждого из супругов. Чем в большей мере совпадают гендерные представления супругов о должном поведении каждого из них и своем собственном в начале совместной жизни, тем более вероятно, что их брак будет безконфликтным и успешным. Но часто эти представления не совпадают или меняются у жены или у мужа на различных стадиях жизненного цикла или под воздействием различных обстоятельств – изменение работы, получение образования – то, что называется в гендерной теории “структурные условия”²⁶. Поэтому, в частности, Томпсон формулирует исследовательские вопросы так: Каким образом партнеры ограничивают или меняют свои гендерные представления и аргументы в процессе ежедневного общения, переговоров и конфликтов? Какие стратегии предпринимают партнеры для того, чтобы согласовать свои гендерные представления, эмоциональные потребности и потребности менять свое поведение во вновь возникающих жизненных ситуациях?

Взаимодействие создает ситуацию, которая вызывает определенные гендерные ожидания у партнера и подтверждает или не подтверждает гендерные представления о себе. Томпсон иллюстрирует эту ситуацию на примере супружеской заботы, когда муж возвращается домой, переживая стрессы по поводу работы. Обычно, в такой ситуации, партнер передает свои гендерные ожидания с помощью слов или действий. Например, муж устало опускается в любимое кресло, чтобы показать, что он измучен работой и нуждается в заботе. Жена, интерпретируя действия партнера может сделать вывод, что ситуация совпадает с ее гендерной идентичностью (гендерной концепцией себя). Процесс взаимодействия дает ей возможность “делать” гендер, проявить себя как жену и продемонстрировать заботу в отношении мужа. Представление о себе будет управлять ее поведением,

поскольку оно мотивировано партнером и ситуацией. Как правило, люди обращают больше внимания на информацию, которая соответствует их собственным самовосприятиям. Если жена считает себя заботливой, она обратит внимание на сигналы, поступающие от партнера, и на ситуацию, которая позволит ей проявить заботу.

Маловероятно, что жена удовлетворит ожидания партнера, если они противоречат ее самовосприятию. В случае если они отвечают ее самовосприятию, она подтверждает его гендерные ожидания, отослав детей, посидев с ним немного и предложив ему пива. Но жена может не спросить его, как прошел день, потому что у нее имеются собственные гендерные представления и ожидания и согласно им, беседа не является способом проявления заботы. Еще один вариант жена может удовлетворить ожидания мужа, даже если они противоречат ее самовосприятию, но партнер обладает достаточной властью. То есть жена может проявить заботливость к мужу, проявившему слабость, даже если она не считает себя заботливой. И, наконец, оба интерпретируют ее действие. Если жена подтверждает представление о себе, вдобавок правильно ответив на ожидания, мужа, он будет испытывать чувство удовлетворения. Однако, удовлетворение гендерных ожиданий, прогиворечащих собственному восприятию, может приводить к отчуждению и конфликту. Жена может быть неудовлетворена и в том случае, если не получает каких-либо признаков благодарности за заботу, когда муж придерживается традиционных представлений о женщинах и семейных обязанностях. Если жена не подтверждает ожидания партнера, может возникнуть конфликт из-за того, что муж не доволен ею.

Томпсон также приводит пример выработки гендерных стратегий в ситуации конфликта. В качестве таких стратегий подтверждений или не подтверждений гендера друг друга она приводит примеры: сопротивления, вызова, проявления ответственности, извинения, оправдания, принуждения, обмана, тайного плана²⁷. Наиболее успешной гендерной стратегией в браке в случае конфликта признано общение (переговоры), для того, чтобы выработать единую гендерную стратегию²⁸.

Вместе, день за днем, партнеры создают гендерные стратегии, помогающие выполнять семейную работу и избегать столкновения потребностей и убеждений. Часто супружеским парам требуются какие-либо миры. Томпсон, например, предлагает такой сюжет: гендерная индивидуальность Нэнси включает домашнюю и оплачиваемую работу. Она хочет, чтобы ее муж, Эвен, принимал участие в работе по дому и постоянно говорит с ним об этом. Гендерная индивидуальность Эвена основана на оплачиваемой работе. То, что Нэнси тоже работает, считается нормальным до тех пор, пока она справляется с домашней работой. На протяжении ряда лет Эвен пассивно сопротивляется, отказываясь выполнять работу по дому и ухаживать за детьми. Супруги часто ссорятся и придираются друг к другу. У них разные способы передачи заботы. Эвен передает любовь и заботу через секс. Нэнси чувствует, что он ее любит и о ней заботится, когда муж готовит обед и занимается уборкой. Она измучена работой по дому и ссорами и не интересуется сексом. Обоим партнерам недостает заботы.

Чтобы разрядить эту ситуацию, Нэнси и Эвен создают семейный миф, общую гендерную стратегию: она отвечает за уборку верхнего этажа, он – за уборку нижнего. Последний включает его гараж, мастерскую и собаку. Нэнси выполняет остальную работу по дому и заботится о детях. Она переходит также на неполный рабочий день. Сейчас оба супруга расценивают свой брак как равноправный и справедливый, выработанная стратегия позволяет Нэнси подтвердить свое представление об эгалитаризме и удовлетворить эмоциональную потребность в домашней стабильности, а также получить определенную помощь по дому. Стратегия позволяет Эвену подтвердить свое гендерное представление, что работа по дому является, прежде всего, обязанностью женщины и удовлетворить эмоциональную потребность в домашней стабильности и сексуальных отношениях с супругой.

4. И еще один уровень анализа гендера – **индивидуальный**.

Как женщины и мужчины определяют себя как женщин и мужчин и как они определяют феминность и маскулинность? Многих ученых феминистской перспективы беспокоит, что ответственность женщин за заботу подрывает их автономность. Они считают, что следует определять и мужчин, и женщин как заботливых и автономных одновременно, а не делить эти качества между полами. Поскольку существуют разнообразные модели проявления заботы в браке, каковы перспективы автономности мужчин и женщин? По мнению наилучшим для мужчин и женщин является независимый брак. Он обеспечивает безопасность и поддержку, поскольку партнеры не боятся, что им нанесут удар или бро-

сят, он также предоставляет свободу для самоанализа и построения новых способов взаимоотношений.

Она приводит пример развития депрессии у женщин: 1) когда забота является самопожертвованием – предпочтение потребностей других своим собственным как способ сохранения взаимоотношений; 2) когда происходит замалчивание и подавление собственных потребностей и желаний как способ избежать конфликтов и разрушения взаимоотношений. В таких случаях происходит утрата собственного я или гнев в ответ на причинение себе неудобств ради сохранения взаимоотношений, что выливается в депрессию.

В перспективе, отмечает Томпсон, для создания хорошей гендерной теории следует объединять многочисленные уровни анализа в единый процесс социального конструирования гендера. "Наше представление о гендере следует продвигать от перспективы к теории. Для объяснения социальных изменений мы нуждаемся в теории, устанавливающей диалектические причинные связи между институциональным, контекстуальным, межличностным и индивидуальным уровнями анализа"²⁹. Причем, отмечает она, "гендерная перспектива поощряет исследователей задавать новые вопросы и не позволяет искать слишком простые ответы, обвиняющие общество, женщин или мужчин в существующем гендерном устройстве".

* * *

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что применение гендерного подхода для анализа семейных отношений на Западе, и тем более в России, пока не до конца сформировавшаяся область исследований. Но уже имеющиеся работы позволяют сделать вывод о том, что использование понятия "гендер" позволяет не только выявить дискриминацию женщин, как это было показано в предыдущих феминистских работах (так же, как и в работах по социологии семьи советского периода), но и преодолеть дихотомии понятий материнства и отцовства, женской и мужской сексуальности, работы и дома, денег и любви, эгоизма и альтруизма, и их традиционные ассоциации с феминностью и маскулинностью. Следует, вероятно, согласиться с точкой зрения М.Ферри, что хотя семейные роли гендерны (т.е. предполагают поведение, соответствующее полу, обычно дискриминирующее женщин), выражение "гендерная роль" является теоретическим противоречием, поскольку нет отдельной и дихотомичной роли, которая бы включала разнообразие гендерных норм и значений в каждой конкретной культуре и в конкретное историческое время. Изучение этих норм и символических значений и их влияние на брачно-семейные отношения в меняющихся социокультурных условиях России – задача социологов семьи.

Примечания

¹ Osmond M.W., Thorne B. Feminist Theories: The Social Construction of Gender in Families and Society //Sourcebook of Family Theories and Methods. N.Y. Plenum Press. 1993, p. 600.

² Safilios-Rothschild C. Family Sociology or Wives' Family sociology: A Cross-Cultural Examination of Decision-Making.// Journal of Marriage and the Family, 1969, N31.

³ Bernard J. The future of Marriage. N.Y. World Publishing, 1972; Boss P., Gurko T. Relationships of Men and Women in Marriage // Families Before and After Perestroika. Russian and U.S. Perspectives. Eds. Maddock J. W., Hogan M.J. Antonov A.I., Matskovsky M.S. The Guilford Press.1994, p. 39.

⁴ Komarovskiy M. Cultural Contradictions and Sex Roles: The Masculine Case. // American Journal of Sociology. 1973, January.

⁵ Ферри М.М. Феминизм и семейные исследования // Современные семьи (обзор исследований 80-х годов) Миннеаполис. 1991. (пер. с англ. Гурко Т.А.). Гендерные тетради (Отв. ред. Клецин А.А.) Вып.2. СПб. СПб филиал Института социологии РАН, 1999, сс.73-75.

⁶ Osmond M.W., Thorne B. Op.cit., pp. 592-593.

⁷ Ферри М.М. Там же, сс. 72-73.

⁸ Osmond M.W., Thorne B. Op.cit., pp.615-617.

⁹ Rich A. Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence. Signs. 1980, N 5, p. 646.

¹⁰ Oliver M.B., Hyde J.Sh. Gender Differences in Sexuality: A Meta-Analysis.// Psychological Bulletin, 1993, vol. 114, N 1.

¹¹ Osmond M.W., Thorne B. Op.cit., p.613.

-
- ¹² *Oakley A. Woman's Work: The Housewife, Past and Present. N.Y.Pantheon Books, 1974, p.186.*
- ¹³ *Rich A. Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution. N.Y.: Bantam, 1977.*
- ¹⁴ *Osmond M.W., Thorne B. Op.cit., p.614.*
- ¹⁵ *Ферри М.М. Там же, с. 77.*
- ¹⁶ *Фромм Э. Искусство любить. М. Педагогика.1990, с.55.*
- ¹⁷ *Гурко Т.А. Вариативность представлений в сфере родительства // Социологические исследования. 2000, № 11.*
- ¹⁸ *Ферри М.М. Там же, с. 84.*
- ¹⁹ *Ферри М.М. Там же, с. 93*
- ²⁰ *Мещеркина Е. Биографии "новых русских": гендерная легитимация предпринимательства в постсоветском пространстве. // Гендерные исследования. № 2, 1999, с.142.*
- ²¹ *Thompson L. Conceptualizing Gender in Marriage: The Case of Marital Care // Journal of Marriage and the Family. 1993. August, p. 557.*
- ²² *Thompson L. Op.cit., p. 560.*
- ²³ *Thompson L. Op.cit., p. 561.*
- ²⁴ *Гурко Т.А., Босс П. Отношения мужчин и женщин в браке // Семья на пороге третьего тысячелетия. Ред. А.И. Антонов, М.С. Мацковский, Дж.У.Мэддок, Дж. Хоган. М. Институт социологии РАН, Центр общечеловеческих ценностей. 1995. С. 65.*
- ²⁵ *Гурко Т.А., Босс П., Там же, с. 48-50; Thompson L. Op.cit., P. 562.*
- ²⁶ *Boss P., Gurko T., Op.cit., P. 55.*
- ²⁷ *Thompson L. Op.cit., P. 563.*
- ²⁸ *Гурко Т.А., Босс П. Там же. С. 55*
- ²⁹ *Thompson L. Op.cit., P. 567.*

РАЗДЕЛ VI.

ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

ЛЕКЦИЯ 22. ГЕНДЕР В ИСТОРИИ: ПРОБЛЕМАТИКА И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Гендерная история как часть нового междисциплинарного научного направления - гендерных исследований женщин - сформировалась на Западе в конце 1970-х - начале 1980-х годов. Еще в 60-е годы, когда в рамках бурно развивавшегося женского движения новый импульс получило стремление придать феминистскому сознанию собственную историческую ретроспективу, многие молодые историки стран Западной Европы и Америки, подобно другим гуманитариям и обществоведам, избравшим объектом своих изысканий женщину, стали заниматься историей женщин, обоснованно полагая, что изучение прошлого, как и анализ современности, должно опираться на информацию, касающуюся обоих полов. Сначала их исследования, призванные восстановить справедливость в отношении “забытых” предшествовавшей историографией женщин, воспринимались научным сообществом скептически, причем не только историками-традиционалистами, но и многими социальными историками, не признававшими за различиями пола определяющего статуса, аналогичного таким ключевым инструментам социальной детерминации, как класс или раса. Но этот гиперкритицизм лишь подливал масло в огонь борьбы против “мужского шовинизма” и стимулировал развитие “женской истории”, причем особенно в ее радикально-феминистской форме.

Однако параллельно с этим шел активный теоретический поиск и процесс “академизации феминизма”, который постепенно привел к прочной институционализации нового направления в общественных и гуманитарных науках. Поворот в общественном и профессиональном сознании, который произошел во второй половине 70-х годов, снял множество преград субъективного толка. К началу 1980-х высшие учебные заведения западных стран, включившие в свои программы курсы женской истории, насчитывались уже сотнями, а многие десятки из них предоставляли студентам возможность специализироваться в этой области.

За последние четверть века история женщин пережила невероятный бум. Сегодня публикации по этой тематике имеют свою постоянную рубрику уже в десятках научных журналов, ежегодно выходит в свет множество исследований по всем периодам и регионам, а также обобщающие работы разного уровня, освещающие практически все вопросы, имеющие отношение к жизни женщин прошедших эпох. Библиографию по этому вопросу можно найти в моей статье “История женщин сегодня”¹. Историки анализируют судьбы женщин прошлого и исторический опыт отдельных общностей и социальных групп, соотнося эти индивидуальные и групповые истории женщин с общественными сдвигами в экономике, политике, идеологии, культуре. Со временем ставятся все новые проблемы, разрабатываются специфические категории и понятия. Разработка проблематики, методологии и концептуального аппарата “истории женщин” осуществляется благодаря широкому междисциплинарному сотрудничеству представительниц всех социально-гуманитарных наук, теоретиков и практиков феминистского движения.

До середины 70-х годов господствовала установка - “восстановить историческое существование женщин”, написать особую “женскую историю”. Приверженцам этого направления удалось раскрыть многие неизвестные страницы истории женщин самых разных эпох и народов, но такой описательный подход очень скоро обнаружил свою ограниченность: он мог привести к созданию так называемой “her-story” (“ее истории”), обреченной в лучшем случае на параллельное существование с той, по существу дискриминировавшей женщин, историографией, которую феминистки небезосновательно называли “his-story” (“его-историей”). Но в отсутствие последовательной ориентации на совмещение двух версий истории в единую интерпретацию, необходимых для этого теоретических схем и специальной исследовательской программы, возникали новые барьеры, которые лишь усугубляли изолированное положение “женской истории”.

Представительницы второго направления, которое выдвинулось на первый план в середине 1970-х годов, стремились объяснить наличие конфликтующих интересов и альтернативного жизненного опыта женщин разных социальных категорий, опираясь на феминистские теории неомарксистского толка, которые вводили в традиционный классовый анализ фактор различия полов и определяли ста-

тус исторического лица как специфическую комбинацию индивидуальных, половых, семейно-групповых и классовых характеристик ². Для представительниц этого направления способ производства и отношения собственности остаются базовой детерминантой неравенства между полами, но реализуется она через определенным образом организованную систему прокреации и социализации поколений в той или иной исторической форме семьи, которая сама представлена рядом социально-дифференцированных структурных элементов, отражающих классовые или сословно-групповые различия.

На рубеже 70-х и 80-х годов обновление феминистской теории, расширение методологической базы междисциплинарных исследований, создание новых комплексных объяснительных моделей не замедлило сказаться и на облике "женской истории". Это касалось, в первую очередь, самого переопределения понятий "мужского" и "женского". В 80-е годы ключевой категорией анализа становится "гендер", призванный исключить биологический и психологический детерминизм, который постулировал неизменность условий бинарной оппозиции мужского и женского начал, сводя процесс формирования и воспроизведения половой идентичности к индивидуальному семейному опыту субъекта и абстрагируясь от его структурных ограничителей и исторической специфики. Поскольку гендерный статус, гендерная иерархия и модели поведения задаются не природой, а предписываются институтами социального контроля и культурными традициями, гендерная принадлежность оказывается встроенной в структуру всех общественных институтов, а воспроизводство гендерного сознания на уровне индивида поддерживает сложившуюся систему отношений господства/подчинения во всех сферах. В этом контексте гендерный статус выступает как один из конституирующих элементов социальной иерархии и системы распределения власти, престижа и собственности, наряду с расовой, этнической и классовой принадлежностью.

Интегративный потенциал гендерных исследований не мог не привлечь тех представительниц "женской истории", которые стремились не только "вернуть истории оба пола", но и восстановить целостность социальной истории - таких, как Н.Дэвис, М.Перро, Дж.Скотт, Л.Николсон, Л.Тилли, Дж.Беннет и др. Гендерный подход быстро завоевал множество активных сторонников и "сочувствующих" в среде социальных историков и историков культуры. Так, в результате пересмотра концептуального аппарата и методологических принципов "истории женщин" родилась гендерная история, в которой центральным предметом исследования становится уже не история женщин, а история гендерных отношений.

Гендерные историки исходят из представления о комплексной социокультурной детерминации различий и иерархии полов и анализируют их функционирование и воспроизводство в макроисторическом контексте. При этом неизбежно видоизменяется общая концепция социально-исторического развития, поскольку она должна включать в себя и динамику гендерных отношений. Реализация тех возможностей, которые открывал гендерный анализ, была бы невозможна без его адаптации с учетом специфики исторических методов исследования и генерализации, без тонкой "притирки" нового инструментария к неподатливому материалу исторических источников, что потребовало от историков самостоятельной теоретической работы.

Основные методологические положения гендерной истории в обновленном варианте были сформулированы Джоан Скотт в программной статье "Гендер - полезная категория исторического анализа" ³. Как известно, различие между женскими и гендерными исследованиями определяется содержанием ключевых понятий "пол" и "гендер". В трактовке Дж.Скотт гендерная модель исторического анализа состоит из четырех взаимосвязанных и несводимых друг к другу комплексов. Это, во-первых, комплекс культурных символов, которые вызывают в членах сообщества, принадлежащих к данной культурной традиции, множественные и зачастую противоречивые образы. Вторая составляющая - это те нормативные утверждения, которые определяют спектр возможных интерпретаций имеющихся символов и находят выражение в религиозных, педагогических, научных, правовых и политических доктринах. В-третьих - это социальные институты и организации, в которые входят не только система родства, семья и домохозяйство, но и рынок рабочей силы, система образования и государственное устройство. И, наконец, четвертый конституирующий элемент - самоидентификация личности. Иными словами, выстраивается уникальная синтетическая модель, в фундамент которой закладываются характеристики всех возможных измерений социума: системно-структурное, социокультурное, индивидуально-личностное. Предполагаемое развертывание этой модели во временной длительности реконструирует историческую динамику в гендерной перспективе. Именно с этим плодотворным подходом связаны надежды на будущее гендерной истории. Но от создания модели до эффективного осуществ-

ления ее интегративного потенциала в практике конкретно-исторического исследования - долгий и трудный путь.

Введение в научный оборот новой концепции не только оживило дискуссию по методологическим проблемам истории женщин, но и выявило в ней самые "горячие" зоны. Особую остроту приобрел вопрос о соотношении между понятиями класса и пола, между социальной и гендерной иерархией, между социальной и гендерной мифологией и, соответственно, между социальной и гендерной историей. Решения фундаментальных проблем гендерно-исторического анализа требовали прежде всего практические потребности уже далеко продвинувшихся конкретных исследований, которые показали, с одной стороны, многообразную роль женщин в экономических, политических, интеллектуальных процессах, с другой - противоречивое воздействие этих процессов на их жизнь, на реальные и символические гендерные отношения, а также выявили существенную дифференцированность индивидуального и коллективного опыта, проистекающую из взаимопересечения классовых и гендерных перегородок, социальных, этнических, конфессиональных и половых размежеваний. Гендерный анализ не просто добавил новое измерение и позволил преодолеть некоторые ограничения классического социального анализа, но по существу внес неоценимый вклад в то преобразование целостной картины прошлого, которое составляет сегодня сверхзадачу обновленной социокультурной истории.

В тематике гендерной истории отчетливо выделяются ключевые для ее объяснительной стратегии узлы. Каждый из них соответствует определенной сфере жизнедеятельности людей прошлых эпох, роль индивидов в которой зависит от их гендерной принадлежности: "семья", "труд в домашнем хозяйстве" и "работа в общественном производстве", "право" и "политика", "религия", "образование", "культура" и др. В центре внимания оказываются важнейшие институты социального контроля, которые регулируют неравное распределение материальных и духовных благ, власти и престижа в историческом социуме, обеспечивая, таким образом, воспроизводство социального порядка, основанного на гендерных различиях. Особое место занимает анализ опосредующей роли гендерных представлений в межличностном взаимодействии, выявление их исторического характера и возможной динамики. Специфический ракурс и категориальный аппарат исследований определяется соответствующим пониманием природы того объекта, с которым приходится иметь дело историку, и возможной глубины познания исторической реальности.

Именно эта ориентация на преодоление гендерно-исторической автономии и пристрастие к комплексным исследованиям самого высокого уровня характеризует новое направление, которое можно было бы условно назвать моделью "женской истории" четвертого поколения, если бы в этой версии она вообще не переставала быть просто историей женщин. На самом деле траектория движения историографии фиксирует иные вехи: от якобы бесполой, универсальной по форме, но по существу игнорирующей женщин истории к ее зеркальному отражению в лице "однополой", "женской истории" и от последней - к действительно *общей* истории гендерных отношений и представлений, а еще точнее к обновленной и обогащенной социальной истории, которая стремится расширить понимание социального и свое предметное поле, включив в него все сферы межличностных отношений - как публичные, так и приватные. По существу, речь идет о новой исторической субдисциплине с исключительно амбициозной задачей - переписать всю историю как историю гендерных отношений, покончив разом и с вековым "мужским шовинизмом" всеобщей истории, и с затянувшимся сектантством "женской истории".

Критический момент, которому предстоит определить будущее гендерной истории, состоит в решении проблемы ее сближения и "воссоединения" с другими историческими дисциплинами, а говоря иначе - определения ее места в новом историческом синтезе. Признаки продвижения к позитивному решению этого вопроса проявляются, в частности, в том, что главные узлы проблематики гендерной истории возникают именно в точках пересечения возможных путей интеграции истории женщин в пространство всеобщей истории. Такие перспективы отчетливо просматриваются в истории материальной культуры и повседневности, а в последнее десятилетие - в истории частной жизни. Внимание историков привлекают гендерно-дифференцированные пространственные характеристики и ритмы жизнедеятельности, вещный мир и социальная среда, специфика мужских и женских коммуникативных сетей, магические черты "женской субкультуры", "мужская идеология". В фокусе истории частной жизни оказывается эмоционально-духовная жизнь индивида, отношения с родными и близкими в семье и вне ее, женщина как субъект деятельности и объект контроля со стороны семейно-родственной группы, формальных и неформальных сообществ, социальных институтов и властных структур разного уровня.

I. Гендер, разделение труда и контроль над собственностью.

Этой проблеме посвящен обширный комплекс статей и монографий, большая часть которых сосредоточена на переломной эпохе начала нового времени (см. статьи и монографии L.Tilly, M.Roberts, G.Jacobsen, M.Prior, M.Howell, G.Gullickson, M.Wiesner, C.Middleton, B.Hill и др.). В основе многих работ лежит тезис о трансформации гендерных отношений в связи с генезисом капитализма, разработанный теоретиками гендерных исследований. Историки констатируют двойственный характер этих изменений, отмечая как позитивные - создание рабочих мест и, следовательно, возможности увеличить семейный доход или самостоятельно заработать на жизнь, так и негативные. Здесь главный упор делается на изменение статуса женщин в результате "диалектического взаимодействия" новых процессов в идеологии и экономике, которое привело к еще большему ограничению доступного женщинам пространства хозяйственной деятельности. В результате потери домохозяйством производственных функций женский труд утратил свою ценность, что не могло и не было полностью компенсировано в сложившихся общественных представлениях, несмотря на одновременное возрастание роли и значения материнства.

Особое внимание обращается на то, как изменяется само понимание трудовой деятельности: на смену средневековому, сконцентрированному на домохозяйстве и включавшему выполнение любых задач по содержанию семьи, приходит ограниченное представление, которое связывает с понятием "работа" только участие в рыночной экономике и, в особенности, в сфере производства и, таким образом, полностью исключает не только репродуктивную деятельность женщин (в широком смысле этого слова - вынашивание и воспитание детей, забота обо всех членах семьи), но и ведение ими домашнего хозяйства. Одновременно, последовательная профессионализация многих занятий, требующая формального обучения и предварительного лицензирования, закрывала доступ к ним для подавляющего большинства женщин. Все эти изменения закреплялись и в религиозных представлениях. Так, например, протестантские авторы, стремясь снять деление на духовенство и мирян, описывали любое занятие как "призвание" для мужчин, то есть как деятельность, к которой мужчина мог быть призван Богом и мог получить своим трудом его благословение, в то время как для женщины они считали единственно возможным призванием - быть хорошей женой и матерью.

В целом гендерные историки объясняют вытеснение женщин из цехового производства совокупностью экономических, политических и других причин. Наряду с такими явлениями, как усиление конкуренции со стороны внецеховых сельских и городских промыслов, опасения за качество продукции и рост политической роли цехов в некоторых городах после так называемых цеховых революций, они подчеркивают важное значение идеологического фактора, которое связывается с развитием комплекса идей, основанных на понятиях "цеховой чести", "мужской солидарности" и, наконец, "буржуазной респектабельности". В условиях создавшейся в результате протоиндустриализации угрозы цеховой монополии со стороны рыночной продукции домашних промыслов цеховая идеология была направлена на девальвацию всякой производственной деятельности за пределами мастерской, хотя установить границу между мастерской и домашним хозяйством иногда было очень нелегко. В отсутствие точных критериев тем большее значение приобретала ставшая привычной идентификация женщин с домохозяйством.

Ключевой вопрос состоит в том, расширились или сократились в связи с развитием капитализма возможности женщин в коммерческой деятельности и в управлении собственностью. В целом, несмотря на коренные сдвиги в экономике рассматриваемого периода, оценивая роль женщин в этой сфере, исследователи все же обнаруживают больше преемственности, чем изменений ⁴.

II. Проблема приватного и публичного в гендерной истории.

Историки, антропологи и социологи фиксируют частичное или полное совмещение дихотомии мужского/женского и дихотомии публичного/приватного в разных культурах и обществах. Гендерные историки опираются на антропологические исследования, связывающие неравенство полов непосредственно с функциональным разделением человеческой деятельности на частную (домашнюю) и публичную сферы и с вытеснением женщин из последней. Рассматриваются различные исторические модели соотношения приватного и публичного, отражающие распределение власти, престижа и собственности. Власть трактуется в широком смысле, как способность воздействовать на людей для дости-

жения своих целей, и рассматривается с точки зрения возможности женщин оказывать влияние на принятие решений и действия других людей или групп в условиях мужского господства. Сегодня понятие "women's power" применяется во множестве работ по гендерной истории, рассматривающих роль женщин в экономике, их воздействие на принятие политических решений, а также особенности так называемых женских сетей влияния, под которыми понимаются межиндивидуальные связи между женщинами или формирующиеся вокруг одной женщины⁵. Эта же концепция применяется также при изучении способов активного влияния женщин на изменение и передачу новых культурных стереотипов.

Особое внимание исследователи уделяют роли женщин в религиозной сфере и, в частности, лидерству женщин в аффективных формах средневековой набожности, отмечая их публичный характер. Позже, в эпоху Реформации, религия была одной из немногих сфер, открытых для проявления индивидуальных предпочтений и реализации не востребуемых способностей женщин. Хотя женщины не участвовали в разработке вопросов религиозной политики, у них предполагалось наличие религиозных убеждений, которые могли вступать в противоречие с идеалом покорности и пассивности, становясь побудительным мотивом и внутренним оправданием публичных акций⁶.

Очень редко обладая формальным авторитетом, женщины действительно располагали эффективными каналами неформального влияния. Устраивая браки, они устанавливали новые семейные связи; обмениваясь информацией и распространяя слухи, формировали общественное мнение; оказывая покровительство, помогали или препятствовали мужчинам делать политическую карьеру; принимая участие в волнениях и восстаниях, проверяли на прочность официальные структуры власти и т.д. Инструменты и формы этого влияния рассматриваются гендерными историками в рамках различных моделей соотношения приватного и публичного, отражающих распределение власти, престижа и собственности через систему политических, культурных, экономических институтов, которая в каждом обществе определяла конкретно-историческое смысловое наполнение понятий "мужского" и "женского". Иначе говоря, именно исторические изменения в конфигурации частной и публичной сфер общественной жизни выступают как необходимое опосредующее звено в социальной детерминации гендерно-исторической динамики, то есть в определении траектории и темпов изменений в гендерных отношениях и представлениях.

Каковы бы ни были действительные первопричины разделения публичного и приватного - а установить их невероятно трудно именно потому, что это произошло так давно, за пределами письменной истории - с течением времени оно несомненно претерпело существенные изменения. Роль женщин в частной жизни и их отношение к публичной сфере стояли в центре проблематики исследований по истории женщин. Эти исследования пытались выяснить механизм действия патриархатной системы, сохранявшей в течение многих столетий и в самых разных условиях подчиненное положение женщин как в сексуально-репродуктивной ("частной"), так и в социально-экономической и политико-правовой ("публичной") сфере. Согласно этим теориям, и "приватизация женщин" в семье, и рост их активности вне дома описывались в терминах оппозиции частного и публичного, индивида и государства, домашнего хозяйства и общественного производства.

В классической Греции, где производственная деятельность сосредоточивалась в домохозяйстве, сфера публичного, или полис, была чисто политической, и ею заправляла небольшая группа взрослых граждан мужского пола. В Древнем Риме, с его четкой концепцией публичной власти, женщины были исключены из нее со всей определенностью. Но уже в каролингский период, когда действительным центром отправления власти стала курия крупного феодала, а не государство, это различие почти исчезло, что практически свело на нет ограничения властных полномочий женщин-наследниц. Однако с постепенным развитием государственного аппарата и усилением контроля с его стороны влияние женщин снижалось. В целом ряде работ по истории нового времени приводятся очень убедительные доказательства того, что так называемое освобождение индивида, которое у большинства историков ассоциируется со временем и с воздействием Реформации, подъемом национальных государств и разрушением традиционных общинных структур, не было последовательным и отличалось гендерной исключительностью: через определенный промежуток времени, в XIX в., происходит "второе закрепощение" женщины семейными структурами: создается культ семьи и домашнего очага, который как раз индивидуальной свободе женщины отнюдь не способствовал. Уже начало XIX в. отмечено очень высоким уровнем демаркации частного и публичного. Именно публичная сфера, включающая мир политики, юридические права и обязанности, рыночные институты, признавалась сферой "реаль-

ной" власти, престижа и могущества. Метафора разделенных сфер, которая зримо выражала и подспудно оправдывала расхождение гендерных статусов, стала - наряду с культом домашнего очага и "кодексом чистоты" - своеобразной ортодоксией общественного сознания и совсем не случайно именно основанная на ней теоретическая модель заняла впоследствии ведущее место в концептуальных построениях и риторике "женской истории".

Гендерные историки вносят в эту схему свои коррективы. Например, во многих работах вопрос о так называемой автономизации частной сферы уходит на задний план. Исходным моментом является понимание зависимости и даже возможности функционирования публичной сферы, в которой почти безраздельно доминировали мужчины, от созидательной деятельности женщин в домашней частной жизни. Семья становится фокусом исследования не только из-за того, что в ней реализуется взаимодействие полов, а потому что именно она является тем местом, где перекрещиваются и воздействуют друг на друга приватная и публичная сферы жизни, местом координации и взаимного регулирования репродуктивной и всех других форм человеческой деятельности.

III. Гендерные отношения и гендерная идеология.

Во многих работах исследуются нормативные предписания, гендерная идеология и расхожие представления о женщинах, которые обычно фиксируют сугубо мужской взгляд на этот предмет и, несмотря на наличие некоторых внутренних противоречий, рисуют в целом негативные стереотипы мужского восприятия, а также навязываемые социумом модели женского поведения, жестко ограничивавшие свободу выражения (см. исследования M.Angenot, P.Darmon L.Woodbridge, M.Lazard, S.Davies, A.R.Jones и др.). Мыслители всех исторических эпох писали о женщинах, стараясь определить, что отличает их от мужчин и создать идеалы женского поведения и репрезентации. Эти идеи были зафиксированы в религиозной литературе, научных и философских трактатах, поэтических и других произведениях, которые сохранялись и читались последующими поколениями. Это не только делает их доступными для исторического анализа, но, прежде всего, означает, что эти идеи оказывали свое влияние на сознание людей во все последующие эпохи и периоды истории. В особенности сказанное касается идей тех авторов религиозных, научных и философских трудов, которые считались высшими и непрекаемыми авторитетами: так идеи этих отдельных образованных мужчин, с одной стороны, отпечатывались в умах огромного большинства мужчин и женщин, не способных сформулировать и увековечить свои собственные мысли, и с другой, служили основой для юридических норм, имевших целью регламентировать поведение. На деле, эти "авторские" мнения и идеи уже больше не считались таковыми, а рассматривались в качестве религиозной истины или научного факта, в особенности тогда, когда извлекаемые из них правила поведения вводили действия женщин в те границы, которые соответствовали расхожим понятиям мужчин.

Многие из этих представлений, которые составляли неотъемлемый элемент общественного сознания европейцев в новое время, были унаследованы им от античных и средневековых писателей и от религиозных мыслителей. И хотя по многим другим вопросам мнения и суждения этих авторов существенно разнились, в том, что касалось женщин, они были на редкость единодушны: они рассматривали женщин как определенно низшие, по сравнению с мужчинами, существа и обеспечили последующие поколения бесчисленными примерами отрицательных свойств женского характера.

Научная революция XVII века, которая буквально перевернула картину мира образованных европейцев, открыв им новый взгляд на вселенную, мало что изменила в давно сложившемся представлении о женской неполноценности. Более того, некоторые историки считают, что она его усугубила, отстаивая ассоциируемые с мужчинами - или определяемые как в некотором роде мужские - понятия разума, порядка, контроля, механических законов, и продолжая идентифицировать женский характер с иррациональностью, неупорядоченностью и необузданной природой. Признание галеновской идеи о комплиментарности полов было далеко от понимания их равноправия, а к концу XVIII в. оно привело к распространению представлений о том, что половые различия пронизывают все виды человеческого опыта: даже форма скелета доказывала большинству наблюдателей, что женщине самой природой предназначено сидеть дома и выхаживать детей. Вплоть до XX в. наука давала больше "доказательств" неравенства полов, чем аргументов в пользу их равноправия.

Вся гендерная идеология строилась на взаимосоотнесенных и взаимоопределяющих концепциях, одним своим полюсом обращенных к женщинам, а другим - к мужчинам, но видимая ее сторона

имела "женский образ", поскольку ее творцы - интеллектуалы предпочитали рассуждать о противоположном поле. Однако в основе всех их идей относительно женщин и в законах, которые следовали из этих идей, лежали понятия, в которых эти мужчины осознавали свои собственные гендерные характеристики.

IV. Гендерные представления и гендерная идентичность

Одно из наиболее активно разрабатываемых направлений гендерной истории сосредоточено на изучении "мира воображаемого" - представлений о гендерных ролях и различиях, причем с особой остротой поднимается вопрос о соотношении гендерного сознания, разнообразных форм дискурса и общественной практики. Существенный прогресс в этом направлении тесно связан с новыми тенденциями в историографии, с расширением ее эпистемологических основ на фоне общего крутого поворота в развитии современного гуманитарного знания и нового сближения истории и литературы. Однако, анализ литературных текстов ставит перед историей гендерных представлений дополнительные и весьма серьезные методологические проблемы. Некоторые исследователи, признавая условность всех литературных жанров, предпочитают искать "золотую середину" между "чисто литературным" и социально-интеллектуальным подходом, считая одинаково непродуктивным как отрицать всякую связь между художественными образами и действительностью, так и видеть в литературных произведениях прямое отражение реальных гендерных отношений или массовых представлений. В качестве компромисса между этими двумя крайностями механизм взаимодействия литературы и жизни понимается следующим образом: имея очень слабые корни в общественных взглядах, условные литературные персонажи могли играть активную роль в их формировании и оказывать определенное влияние на поведение современников и даже представителей последующих поколений. Компромиссное решение призвано, таким образом, примирить два противоположных тезиса: о дискурсивном конструировании социального и социальном конструировании дискурса: с одной стороны, в литературных произведениях отражаются меняющиеся представления о "мужском" и "женском", а с другой, сама литература активно содействует изменению гендерных представлений⁷.

Концепции других гендерных исследований гораздо ярче обнаруживают свои постмодернистские истоки: представление о "непрозрачности" любого, тем более литературного текста (как впрочем и самого языка) и его неререференциальности относительно "объективной" действительности, подчеркивание роли знаковых систем в конструировании реальности - вплоть до сведения всей гендерной истории к истории гендерных представлений. И именно в этой связи особый интерес представляют попытки соединить литературоведческий анализ с подходами и достижениями социальной истории. Инициатива в этом направлении принадлежит историкам литературы, не только стремящегося уйти от расхожего дуализма "представлений и реальности", "литературы" и "социального фона", "индивида" и "общества", "культуры элиты" и "народной культуры", "творчества" и "восприятия", или производства и потребления культурных текстов, но и убедительно демонстрирующим, наряду со своими узкопрофессиональными навыками, глубокое знание социально-исторического контекста, в котором были созданы литературные произведения. В этих работах социальные отношения и представления, структурирующие этот контекст, рассматриваются отнюдь не как необязательный общий фон, без которого можно было бы обойтись при прочтении литературного текста, если понимать последний как "вещь в себе". Напротив, именно им отводится определяющая роль в отношении всех видов коллективной деятельности (в том числе и языковой) и - опосредованно - в формировании гендерного сознания.

В этой перспективе представляется вполне естественным "возвращение" от модных постструктуралистских теорий интерпретации смысловой деятельности индивида к диалогической концепции Бахтина и социально-ориентированному подходу в изучении культурной практики. Идеальная модель двустороннего взаимодействия-столкновения дискурса и практики, сложившихся в прошлом нормативных категорий культуры и реалий текущего момента позволяет выстроить логическую цепь, способную связать в единый узел анализ лингвистических, социальных и психологических процессов. Особенно плодотворной она оказывается для изучения литературных памятников переходных эпох, в которых так или иначе проявился кризис сознания, порождаемый попыткой осмыслить и "обустроить" качественно изменившуюся ситуацию с точки зрения прошлого и даже на его языке. При этом наиболее многообещающими, с точки зрения истории гендерных представлений и гендерной идентичности, являются исследования, максимально использующие не только выдающиеся памятники литературы, но и произ-

ведения второго-третьего ряда, а также внелитературные тексты, с перекрестным выявлением их интертекстуальных связей и исторических условий возникновения и функционирования⁸.

Важным средством поддержания гендерной асимметрии, помимо прямого насилия, являлся контроль над женской сексуальностью в самом широком смысле, во всех ее действительных и мнимых проявлениях. Общество контролировало сексуальное поведение своих членов с помощью богатого набора инструментов: от светских и церковных судов до народных обрядов, карающих нарушителей моральных норм публичным унижением. И если суды действовали на основе законов или канонов, то добровольные блюстители общественной нравственности исходили из собственных групповых представлений и местных обычаев. Стандарты того, что считалось приемлемым сексуальным поведением, варьировались по странам и социальным группам, но каковы бы они ни были, преступившая их женщина рисковала прежде всего своей репутацией. Конечно, позитивные и негативные образцы женского поведения устанавливались мужчинами, но они внедрялись и в сознание женщин и усваивались ими наравне с другими культурными ценностями в процессе социализации. Именно этим, в частности, объясняют, почему женщины вместе с мужчинами участвовали в преследовании ведьм. Наряду с моральными стимулами конформизма бесспорно важную роль играло и то обстоятельство, что материальное и социальное благополучие женщины во многом зависело от ее соответствия эталону добропорядочной жены и матери и от противодействия тем, кто уклонялся от этого стандарта.

Старая народная мудрость, которая присутствовала (с незначительными нюансами) в фольклоре всех европейских этносов и утверждала, что "внешний мир" принадлежит мужчине, а место женщины дома, задавала индивиду целостную культурную модель, всеобъемлющий образ, который, как и все ему подобные, помогал как-то упорядочивать жизнь, придавая смысл хаотичной и запутанной действительности, воспринимать и толковать переживаемые события, выстраивать свою линию поведения. Женщины, как правило, хорошо знали "свое место" в "мужском мире", поскольку эта фраза лишь резюмировала некую совокупность ожидаемых от них характерных черт, эмоций и отношений, а также предписываемых им моделей поведения, которые неизбежно подразумевали соответствующие обязательства, ограничения и запреты. Свою действительную плоть и кровь самая долговечная и прочная из всех иерархических систем - столетиями воспроизводившаяся гендерная иерархия - всегда обретала в процессе интериоризации мужчинами и женщинами хранимых в арсенале культуры гендерных моделей и формирования своей индивидуальной гендерной идентичности.

Исключительно ярко рисует такую модель американская писательница М.Митчел, размышляя о судьбе матери своей героини в главе 3 знаменитого романа "Унесенные ветром": "Никто не назвал бы жизнь Эллин легкой или счастливой, но легкой жизни она и не ждала, а если на ее долю не выпало счастья, то таков, казалось ей, женский удел. Мир принадлежал мужчинам, и она принимала его таким. Собственность принадлежала мужчине, а женщине – обязанность ею управлять. Честь прослыть рачительным хозяином доставалась мужчине, а женщине полагалось преклоняться перед его умом. Мужчины ревели как бык, если загонял себе под ноготь занозу, а женщина, рожая, должна была глушить в груди стоны, дабы не потревожить покоя мужа. Мужчины были несдержанны на язык и нередко пьяны. Женщины пропускали мимо ушей грубые слова и не позволяли себе укоров, укладывая пьяного мужа в постель. Мужчины, не стесняясь в выражениях, могли изливать на жен свое недовольство, женщинам полагалось быть терпеливыми, добрыми и снисходительными".

V. Гендерный статус и проблема периодизации

Проблема периодизации была унаследована и некритически воспринята гендерной историей от истории женщин "первого поколения", которая выдвинула в качестве одной из своих основных задач пересмотр общепринятых схем периодизации, построенных исключительно на историческом опыте мужчин. Наиболее генерализованная схема Моник Пьетр выделяет три очень продолжительных фазы в соответствии с превалировавшим в это время образом женщины: на заре истории это был образ "Матери-Прародительницы", в некоторых древних обществах (Египет, Рим) и особенно с упрочением христианства и моногамии - образ Жены-Супруги, а начиная с эпохи Возрождения - образ Женщины-Личности.

Что касается характеристики отдельных периодов истории, то самый яркий образец был дан лидером американского феминизма 70-х гг. Джоан Келли. Она разработала собственную модель "женской свободы", которая учитывала регламентацию обществом женской сексуальности, место женщин в

хозяйственной и политической сфере (доступ к собственности, власти, образованию, профессиональному обучению и т.д.), роль женщин в культурной жизни общества и, наконец, систему представлений о женщинах в общественном сознании, в искусстве, литературе и философии. Проведенный по этим основаниям анализ привел Келли к выводу об усилении зависимости и снижении гендерного статуса женщин в конце XV-XVI вв. и позволил вынести ставший общепризнанным вердикт: "У женщин не было никакого возрождения, по крайней мере его не было в эпоху Ренессанса". Следуя во многом в том же русле, американская исследовательница Джоан Ландес опровергла представление о раскрепощающем воздействии Великой французской революции на историю женщин.

В поисках корреляции между статусом женщин и характером общественной организации истории идут вслед за антропологами, которые подчеркивают ее непрямой характер и указывают на то, что усложнение общественных структур влекло за собой снижение авторитета женщины в семье, сокращение ее имущественных прав, установление двойного стандарта норм поведения и морали и, вместе с тем, усиление неформального влияния женщин через более широкую сеть социальных связей за пределами семьи и домохозяйства⁹. Вот почему, сохраняя в целом периодизацию, фиксирующую структурные трансформации в обществе, гендерная история делает акцент на различных последствиях этих перемен для мужчин и для женщин, на долю которых достались не дивиденды, а издержки "прогресса". Оказывается, что в более отдаленное время асимметрия гендерной системы была гораздо слабее, чем в более поздние, что в эпохи, которые традиционно считаются периодами упадка, статус женщин относительно мужчин отнюдь не снижался, а в так называемые эры прогресса плоды последнего распределялись между ними далеко не равномерно. Однако при такой постановке проблемы, несмотря на несовпадение фаз исторического опыта мужчин и женщин, задача периодизации исторического развития отходит на второй план, речь уже идет главным образом о его оценке и реинтерпретации. И хотя XVI-XVII столетия почти единодушно оцениваются гендерными историками как эпоха крупных сдвигов, которые в основном негативно отразились на статусе женщин в патриархальной семье и общественном производстве, именно к этому времени они относят важнейший позитивный момент в избранной ими картине исторической динамики - рождение "женского вопроса" и традиции феминизма.

Переход от истории женщин к гендерной истории дал мощный импульс научной полемике о возможных путях интеграции новой дисциплины в историю всеобщую, но проблема периодизации не была переосмыслена с учетом новых концепций и задач. Все попытки ее решить повидимому обречены на неудачу, не в последнюю очередь потому, что с учетом кардинального сдвига в общей направленности от истории женщин к истории взаимоотношений между полами сама постановка задачи дать специальную периодизацию истории с позиции одного, но только другого, пола, выглядит анахронизмом.

VI. "Гендерная история мужчин"

Новорожденная "история мужчин", призванная дополнить свою "женскую половину" во многом проходит тот же путь, но гораздо быстрее. Как ни странно, "историки мужчин" сталкиваются с таким же негативным отношением многих собратьев по профессии, не признающих эвристического потенциала нового направления. А ведь именно с позиции "истории мужчин" можно убедительно показать, как гендерные представления пронизывают все аспекты социальной жизни, вне зависимости от присутствия или отсутствия в ней женщин. В последнее время появились и сторонники комплексных подходов к истории мужчин и патриархальной системы, которые учитывают не только психические и культурные составляющие гендерной идентичности, но и положение субъекта в гендерно-социальной иерархии, а также конфигурацию последней¹⁰.

Например, известно, что степень участия мужчин в отправлении политических функций в раннее новое время определялась, в отличие от женщин, не гендерным, а набором социальных и других факторов - классом, возрастом, положением, занятием, местом проживания и т.д. При этом новейшие исследования показывают, что концепции "мужественности" также были важными признаками, определяющими доступ к политической власти. В рассматриваемый период понятие "истинного мужчины" подразумевало статус женатого главы домохозяйства, так что те неженатые мужчины, чей класс и возраст давал им в принципе гражданские права, не могли участвовать в политической жизни в той же мере, что и их женатые братья. На холостяков смотрели с подозрением, потому что они, как и незамужние женщины, вели образ жизни, который не соответствовал подобающему им месту в гендерно-дифференцированной социальной системе. Некоторые из этих мужчин, такие как подмастерья в Гер-

мании, Англии, Франции и других странах Западной Европы, осознавая, что им никогда не суждено стать главами домохозяйства, создали альтернативные концепции мужественности и мужской чести, которые резко отличались от господствующей. Они стали рассматривать свое холостяцкое состояние, принудительно навязанное им цеховыми мастерами, как нечто позитивное и предпочитали подчеркивать свою свободу от политических обязанностей, а не отсутствие политических прав. Верность исключительно мужской организации подмастерьев считалась в их среде крайне важной, она была ключевой в их понятии "истинного мужчины".

Еще более заметное место занимает проблема переплетения социальных и гендерных различий в исследованиях по истории мужчин более позднего времени. Например, формирование мужской идентичности в XIX веке было детерминировано балансом между тремя ее компонентами, связанными с домом, работой и кругом общения: достойная работа, единоличное содержание семьи и свободное общение на равных с другими мужчинами. Все эти компоненты, в свою очередь социально обусловлены. Концепция разделенных частной и публичной сфер в исследованиях по истории нового времени оказывается неадекватной еще и потому, что как раз возможность свободного перехода между ними являлась мужской привилегией. Проблема состоит в разработке таких концепций и методов, которые действительно позволили бы совместить гендерный и социальный подходы в конкретно-историческом анализе.

Современные гендерные исследования пронизали собой, хотя и неравномерно, почти все области исторической науки: на сегодняшний день история женщин и гендерная история в ее наиболее широком истолковании представляют собой огромное междисциплинарное поле, охватывающее социально-экономическое, демографическое, социологическое, культурно-антропологическое, психологическое, интеллектуальное измерения, и имеет объективные основания стать весьма важным стратегическим плацдармом для реализации проекта "новой всеобщей истории", способной переосмыслить и интегрировать результаты исследований микро- и макропроцессов, полученные в рамках "персональной", локальной, структурной и социокультурной истории.

Примечания

¹ Репина Л.П. История женщин сегодня // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л.Бессмертного. М., 1996. С.35-73.

² Liberating Women's History / Ed. B.A.Carroll. Urbana, 1976. Kelly J. Women, History and Theory. Chicago, 1984. Sex and Class in Women's History / Ed. J.L. Newton et.al.L., 1983.

³ Scott J.W. Gender: A Useful Category of Historical Analysis // American Historical Review. 1986. Vol.91. N 5. P.1053-1075.

⁴ Cahn S. Industry of Devotion: The Transformation of Women's Work in England, 1500-1660. N.Y., 1987; Women and Work in Pre-Industrial England / Ed. by L.Charles, L.Duffin. L., 1985; La Donna nell'economia secc.XIII-XVIII. Prato, 1990.

⁵ Women and Power in the Middle Ages / Ed. by M.Erler and M.Kowaleski. Athens-L., 1988. McNamara J.A., Wemple S. The Power of Women Through the Family in Medieval Europe: 500-1100 // Clío's Consciousness Raised / Ed. by M.Hartman, L.W.Banner. N.Y., 1974.

⁶ Crawford P. Public Duty, Conscience and Women in Early Modern England // Public Duty and Private Conscience in Seventeenth-century England / Ed. by J.Morrill et al. Oxford, 1993. P.57-76; Silent but for the Word: Tudor Women as Patrons, Translators and Writers of Religious Works / Ed. by M.P.Hannay. Kent (Ohio), 1985; Triumph Over Silence: Women in Protestant History / Ed. by L.R.Greaves. Westport (Conn.), 1985; Women in Reformation and Counter-Reformation Europe: Public and private worlds / Ed. by S.Marshall. Bloomington, 1989; Rapley E. The Devotes: Women and Church in Seventeenth-century France. Montreal, 1990 etc..

⁷ Woodbridge L. Women and the English Renaissance: Literature and the Nature of Womankind, 1540-1620. Urbana-Chicago, 1984.

⁸ Aers D. Community, Gender, and Individual Identity: English Writing, 1360-1430. L.-N.Y., 1988; Culture and History 1350-1699: Essays on English Communities, identities and writing. L., 1992.

⁹ Anderson B.S., Zinsser J.P. A History of Their Own: Women in Europe From Prehistory to the Present. N.Y. etc., 1988; Becoming Visible: Women in European History / Ed. by R.Bridenthal et al. Boston etc., 1987; Connecting Spheres. Women in the Western World, 1500 to the Present / Ed. by M.J.Boxer, J.H.Quataert. N.Y.-Oxford, 1987.

¹⁰ Tosh J. What Should Historians Do With Masculinity? Reflections on Nineteenth-Century Britain // History Workshop Journal. 1994. N 38. P.179-202. Manful Assertions: Masculinities in Britain Since 1800 / Ed. by M.Roper, J.Tosh. L., 1991.

ЛЕКЦИЯ 23. ОСВЕЩЕНИЕ СВЯЗИ ЯЗЫКА И ПОЛА В ИСТОРИИ ЛИНГВИСТИКИ

Проблематика гендерных исследований (ГИ) в лингвистике может быть рассмотрена в диахронном и синхронном аспектах, тесно друг с другом связанных¹.

Изучение взаимосвязи языка и пола его носителей принято разделять на два периода, рубежом которых являются 60-е годы XX века:

1) **биологический детерминизм** - нерегулярные (и не связанные со смежными науками) исследования, основанные главным образом на наблюдениях разрозненных фактов;

2) **собственно гендерные исследования** - широкомасштабные исследования, идущие с 60-х годов и обусловленные ростом интереса к прагматическому аспекту языкознания, развитием социолингвистики и существенными изменениями в традиционном распределении мужских и женских ролей в обществе, позволившими увидеть лингвистические факты в новом свете и по-новому интерпретировать их.

Сегодня нам представляется более правильным назвать три фазы развития ГИ: между первым и вторым этапами находится небольшой промежуточный период, продолжавшийся с начала примерно до середины нашего века и послуживший подготовительной базой современных ГИ. В это время началось накопление фактов, заставивших усомниться в исключительно биологическом характере полового диморфизма. Этот период мы назовем **переходным**.

1. Биологический детерминизм

Впервые рефлексия о соотношении языка и пола возникла в античности при осмыслении категории грамматического рода. Древнейшей и долгое время единственной гипотезой о причинах появления и функционирования в языке категории рода стала символическо-семантическая, базировавшаяся на соотношении природной биологической категории *sexus* с грамматической категорией *genus*. Сторонники символическо-семантической гипотезы считали, что грамматический род возник под влиянием природной данности - наличия людей разного пола¹. Хотя точки зрения на детерминированность категории рода биологической реальностью в ряде аспектов не совпадали, единым было мнение о несомненной связи природного пола и грамматического рода. Гипотеза основывалась на двух особенностях мифологического мышления - анимизме и антропоморфизме. Символическо-семантическую гипотезу представляли ученые, оказавшие огромное влияние на лингвистику (Гердер, Гримм, В. Гумбольдт и др.), что предопределило ее длительное господство в лингвистическом описании. При этом для объяснения экстралингвистической мотивированности категории рода исследователи использовали свой неязыковой опыт. Это привело к появлению оценочности в интерпретации категории рода: мужской род оказывался первостепенным из-за приписывания именам, относящимся к нему, семантики силы, активности, энергии. Имена женского рода, напротив, характеризовались пассивностью, подчиненностью. Таким образом, условия социальной реальности экстраполировались на законы развития языка. Удар по символическо-семантической гипотезе нанесло открытие языков, в которых категория рода отсутствует. Тем не менее, в рамках критики этой гипотезы и постепенного вытеснения ее морфологическим и синтаксическим объяснением категории рода неизменным оставалось признание того, что категория рода сама способна влиять на человеческое восприятие соответствующих слов и понятий. Так, персонификация приписывает объектам, обозначаемым словами женского рода, свойства лиц женского пола, а объектам среднего и мужского рода - свойства лиц мужского пола. По данным Р. Якобсона, русские представляют себе дни недели в соответствии с родом слова. Грех в немецком сознании ассоциируется с женщиной (*die Sunde*)².

¹ Для удобства изложения термин **гендерный** используется для обозначения полового диморфизма в языке по отношению ко всем этапам изучения этого феномена. Однако само понятие *gender* вошло в лингвистическую терминологию лишь в конце XX века, и в языкознании по сей день не всегда четко разграничиваются категории *genus*, *sexus* и *gender*.

Следующим стимулом исследования гендерного фактора в языке стало открытие в XVII веке “экзотических” первобытных языков, где имели место разделение на мужской и женский варианты. Сообщения о таких языках спорадически появлялись с 1664 года, но систематических исследований по ним не проводилось. Общим для всех немногочисленных описаний гендерной вариативности было то, что мужской вариант рассматривался как собственно язык, а женский - как отклонение от него. Строго говоря, речь шла не о мужском и женском языках, а только о женских. Примечательно, что даже в 1990 г. в Лингвистическом энциклопедическом словаре (статья “Женский язык”) представлена подобная точка зрения.

Особенностью этого периода были преимущественно описательный характер научного дискурса и сугубо биологический подход к анализу. Как правило, исследователи исходили из как бы predetermined природой различий в когнитивных и в целом в интеллектуальных способностях мужчин и женщин. Соотношение пола, образования, культуры, возраста не рассматривалось; выводы делались на нерепрезентативном материале. Считалось, что все различия между мужской и женской речью определяются биологическим полом. Исходным пунктом интерпретации признаков полового диморфизма в языке и речи была их *природная обусловленность*.

2. Переходный период (первая половина XX века)

В начале нашего века интерес к гендерным аспектам языка и коммуникации несколько возрос благодаря трудам Э. Сепира, О. Есперсена, Ф. Маутнера, хотя самостоятельного направления еще не сформировалось.

Накопившаяся к этому времени информация о различиях в языке в связи с полом его носителей у народов, находящихся в стадии первобытного развития, и в ряде языков юго-восточной Азии навела лингвистов и философов на мысль о возможности гендерных различий в “цивилизованных” языках Европы. В 1913 году вышел посвященный критике языка труд Маутнера³, в котором он признает гендерные различия в языке, обосновывая их социальными и историческими причинами. Анализируя коммуникацию в различных социальных слоях, автор выявил ряд особенностей мужского и женского речевого поведения.

По Маутнеру, женщины менее образованы и поэтому стремятся без нужды использовать иностранные слова, тогда как образованные мужчины их не употребляют, будучи в состоянии найти эквивалент в родном языке. Маутнер считал, что творческое использование языка - прерогатива мужчин, а женщины лишь способны усвоить создаваемый мужчинами язык. Возникновение “женского” языка Маутнер связывает с историческими традициями античного театра, где первоначально женские роли исполняли мужчины. Лишь с появлением на сцене женщин в технике драматургии произошли изменения, давшие возможность “звучать” и женскому варианту языка. Исторический подход привел автора к выводу о том, что общество восприняло “женский” язык тогда, когда женщинам позволено было выступать, что свидетельствует о влиянии неравноправного положения полов на языковую социализацию. Ранее социальные аспекты гендерной вариативности языка не учитывались, однако идея Маутнера долгое время не находила дальнейшего развития и оставалась невостребованной.

Э. Сепир⁴ сосредоточил внимание на различиях, имплицитных социальной идентичности (person implications) в индейских языках нутка и коасати. Пол и статус Сепир относит к тем измерениям социальной идентичности, которые посредством лингвистической формы выражают “отклоняющуюся от нормы” речь. Сепир рассмотрел также фонологические различия в рамках одной морфемы, интерпретируя их как сигнализацию пола. Сепир пришел к выводу, что пол маркируется индексально и облигаторно в морфологии многих языков. Этот факт подтвердился дальнейшими исследованиями индейских, а затем и других языков. Было установлено, что этот тип различия является главным и наиболее частотным способом гендерной дифференциации, зафиксированным в лингвистической литературе.

В 1922 году Отто Есперсен посвятил целую главу фундаментального труда о происхождении и развитии языка особенностям женской языковой компетенции⁵. Есперсен дал более широкий, чем Сепир, обзор дистинктивных признаков пола в языке. Его также считают одним из первых лингвистов, обративших внимание на существование мужских и женских предпочтений в пользовании лексиконом. По Есперсену, женщины употребляют иную, нежели мужчины, лексику, более склонны к эвфемизмам и менее - к ругательствам. Женщины, считает автор, консервативны в употреблении языка, что иллюстрируется на примере сообществ эмигрантов и иных изолированных групп, где сохраняется родной язык

и одновременно усваивается новый. При этом женщины чаще остаются монолингвальными, а мужчины быстрее усваивают новый язык. На синтаксическом уровне женщины предпочитают эллиптические конструкции и паратакис, тогда как в речи мужчин чаще встречаются периоды и гипотаксис, чему Есперсен дает более высокую оценку и на этом основании делает вывод об умственном превосходстве мужчин. Хотя Есперсен наиболее полно для своего времени интерпретировал вопрос о влиянии гендерного фактора, его воззрения в последующий период подвергались критике в связи с тем, что свои выводы он сделал, основываясь лишь на личных наблюдениях, многие из которых не были достаточно обоснованы.

В целом первый и второй периоды изучения гендерного фактора в языке характеризуются двумя особенностями: а) исследования носили нерегулярный характер и находились на периферии лингвистики; б) в ходе описания особенностей мужской и женской языковой компетенции сформировалась концепция "дефицитности" "женского" языка по отношению к "мужскому". Нормой признавался "мужской" язык, а отклонением от нормы - "женский". Однако на втором этапе появились новые данные, а также тема заинтересовала крупных лингвистов, что способствовало большему распространению гендерных исследований и повышению их авторитета.

3. Собственно гендерные исследования (вторая половина XX века)

С конца 60-х - начала 70-х годов XX века произошел коренной поворот в гендерных исследованиях. Он был вызван как сменой научной парадигмы (переход от структурализма к прагматике), так и социальными изменениями.

Большую роль сыграли развитие социолингвистики, формирование постмодернистских трактовок познания и подъем феминистского движения. Именно в этот период сформировались несколько лингвистических направлений, различающихся по концептуальным установкам, методам исследования и характеру изучаемого материала. Эти направления имеют много точек соприкосновения, поэтому их разграничение носит в известной мере условный характер:

- Социолингвистические ГИ.
- Феминистская лингвистика.
- Собственно гендерные исследования, изучающие оба пола.
- Исследование маскулинности (men's studies) - новое направление, возникшее в начале 90-х гг.
- Психолингвистическое изучение пола, смыкающееся в последнее время с нейролингвистикой. Сюда же мы относим биодетерминистское направление, исходящее из природной заданности когнитивных различий мужчин и женщин, обусловленной неодинаковым гормональным балансом⁶, а также исследование детской речи.
- Кросскультурные, лингвокультурологические исследования, в том числе гипотеза гендерных субкультур⁷.

Названные направления под разным углом зрения изучают следующие группы проблем:

1. Язык и отражение в нем пола: номинативную систему, лексикон, синтаксис, категорию рода и ряд сходных объектов. Цель такого подхода состоит в описании и объяснении того, как манифестируется в языке наличие людей разного пола, какие оценки приписываются мужчинам и женщинам и в каких семантических областях они наиболее распространены. Это могут быть как исследования одного языка, так и сопоставительные труды.

2. Речевое поведение мужчин и женщин, где выделяются типичные стратегии и тактики, гендерно специфический выбор единиц лексикона, способы достижения успеха в коммуникации (достижение статуса эксперта, гендерные предпочтения в выборе синтаксических конструкций и т.д.), - то есть специфика мужского и женского говорения. В этой области, в свою очередь, можно выделить несколько концептуальных подходов, прежде всего теорию социокультурного детерминизма и теорию биодетерминизма.

Многие из направлений развиваются в междисциплинарной парадигме, что вообще является отличительной чертой ГИ. Другая их особенность - прикладной характер, ряд успешных попыток реформирования языка, что, видимо, можно объяснить значительной политической активностью феминизма.

Следует отметить, что названные направления не сменяли друг друга, а "вырастали" одно из другого, и в настоящее время продолжают сосуществовать, в ряде случаев конкурируя друг с другом.

Кроме того, гендерный аспект языкознания характеризуется тем, что практически любая область лингвистики (проблемы референции, когнции, морфологии, грамматики, синтаксиса, лексикологии и фразеологии, семантики и прагматики, лингвистики текста и т.д.) могут быть рассмотрены с точки зрения отражения в них гендерных отношений.

Рассмотрим каждое из названных течений.

3.1. Вклад социолингвистики в изучение гендера

Стимулом для более интенсивных и систематических гендерных исследований послужило развитие социолингвистики, предоставившей в распоряжение ученых обширный статистический материал о функционировании языка в группах людей, объединенных по признаку профессии, пола, возраста, городского или сельского образа жизни и т.д. Так, квантитативные исследования⁸ показали, что пол носителей языка определенным образом влияет на использование языка. В частности, для англоязычной среды было установлено, что женщинам свойственно употребление более престижных вариантов произношения.

Аналогичные результаты были получены при исследовании гендерных аспектов коммуникации на материале ряда других европейских языков⁹.

Модель гендерных различий Лабова отличалась от предыдущих концепций следующим:

1. В фокусе исследования находилась фонология, а не морфология.
2. Анализ проводился на базе актуального говорения представительной группы людей, а не на данных одного или нескольких информантов. Интроспективный метод не применялся.
3. Результат своего исследования Лабов рассматривал как вероятностный, допуская возможность вариативности. Таким образом, Лабов доказал, что любой говорящий варьирует использование языка и не произносит один и тот же фонологический вариант слова во всех случаях его употребления. Этот вывод имел существенное научное значение, так как более ранние труды по гендерной проблематике, как правило, имплицитно или эксплицитно содержали вывод об имманентном характере различий мужского и женского говорения как биологически обусловленного фактора.
4. Данные Лабова позволяли провести квантитативное исследование, в то время как материал предыдущих исследований не только не подвергался статистическим процедурам, но и не мог быть им подвергнут в силу метода (или его отсутствия), при помощи которого собирались данные. Все фонологические варианты, изученные Лабовым, были предметом сознательной оценки говорящими, произносившими и осмыслявшими их как правильные или неправильные формы произношения. Методом квантитативного анализа Лабова пользовались в дальнейшем и другие его последователи. Успешно применяется он и в настоящее время¹⁰.

В социолингвистике также встречается гипотеза о большей консервативности "женского" языка, однако ее обоснованность вызывает у ряда исследователей сомнения.

3.2. Феминистская лингвистика

В конце 60-х - начале 70-х годов гендерные исследования в языке получили еще один мощный импульс благодаря так называемому Новому женскому движению в США и Германии, в результате чего в языкознании возникло своеобразное направление, названное феминистской лингвистикой (ФЛ), или феминистской критикой языка. Главная цель феминистской лингвистики состоит в разоблачении патриархата - мужского доминирования в общественной и культурной жизни.

Основополагающей в области лингвистики стала работа Р. Лакофф "Язык и место женщины"¹¹, обосновавшая андроцентричность языка и ущербность образа женщины в картине мира, воспроизводимой в языке¹². К специфике феминистской критики языка можно отнести ее ярко выраженный полемический характер, разработку собственной лингвистической методологии¹³, привлечение к лингвистическому описанию результатов всего спектра наук о человеке (психологии, социологии, этнографии, антропологии, истории и т.д.), а также ряд успешных попыток влиять на языковую политику. Зародившись в США, наибольшее распространение в Европе ФЛ получила в Германии с появлением работ С. Тремель-Плетц "Linguistik und Frauensprache" и Л. Пуш "Das Deutsche als Männersprache". Существенную роль сыграли также в распространении феминистской критики языка труды Ю. Кристевой.

Идеология феминизма часто рассматривается как одна из составляющих постмодернистской философии. Отсюда - ее повышенный интерес к феноменам языка. ФЛ, а также ведущие постмодер-

нистские теоретики (Деррида) обратили внимание на неравномерную представленность в языке лиц разного пола.

Язык фиксирует картину мира с мужской точки зрения, поэтому он не только антропоцентричен (ориентирован на человека), но и андроцентричен (ориентирован на мужчину): язык создает картину мира, основанную на мужской точке зрения, от лица мужского субъекта, с точки зрения мужской перспективы, где женское предстает главным образом в роли объекта, в роли "Другого", "Чужого" или вообще игнорируется, в чем и состоит феминистский "упрек".

ФЛ выделяет следующие **признаки андроцентризма**:

1. Отождествление понятий "человек" и "мужчина". Во многих языках Европы они обозначаются одним словом: *man* в английском, *homme* во французском, *Mann* в немецком. В немецком языке есть и еще одно обозначение - *Mensch*, но и оно этимологически восходит к древневерхненемецкому *mannisco* - "мужской", "относящийся к мужчине". Слово *der Mensch* мужского рода, но иронически может употребляться по отношению к женщинам с артиклем среднего рода - *das Mensch*.

2. Имена существительные женского рода являются, как правило, производными от мужских, а не наоборот. Им часто сопутствует негативная оценочность. Применение мужского обозначения к референту-женщине допустимо и повышает ее статус. Наоборот, номинация мужчины женским обозначением несет в себе негативную оценку.

3. Существительные мужского рода могут употребляться неспецифицированно, то есть для обозначения лиц любого пола. Действует механизм "включенности" в грамматический мужской род. Язык предпочитает мужские формы для обозначения лиц любого пола или группы лиц разного пола. Так, если имеются в виду учитель и учительница, достаточно сказать "учителя". Таким образом, считает ФЛ, в массе случаев женщины вообще игнорируются языком.

4. Согласование на синтаксическом уровне происходит по форме грамматического рода соответствующей части речи, а не по реальному полу референта:

Нем.: *Wer hat hier seinen Lippenstift vergessen?* (Букв.: Кто забыл здесь **его** помаду?) - хотя речь идет о женщине.

5. Фемининность и маскулинность разграничены резко - как полюса - и противопоставлены друг другу, в качественном (положительная и отрицательная оценка) и в количественном (доминирование мужского как общечеловеческого) отношении, что ведет к образованию гендерных асимметрий.

Эта тематика особенно подробно разработана на материале английского и немецкого языков.

В ФЛ просматриваются два течения: первое относится к исследованию языка с целью выявления "асимметрий в системе языка, направленных против женщин"¹⁴. Эти асимметрии получили название языкового сексизма. Речь идет о патриархатных стереотипах, зафиксированных в языке и навязывающих его носителям определенную картину мира, в которой женщинам отводится второстепенная роль и приписываются в основном негативные качества. В рамках этого направления исследуется, какие образы женщин фиксируются в языке, в каких семантических полях представлена женщина и какие коннотации сопутствуют этому представлению. Анализируется также языковой механизм "включенности" в грамматический мужской род: язык предпочитает мужские формы, если имеются в виду лица обоего пола.

На взгляд представителей этого направления, механизм "включенности" способствует игнорированию женщин в картине мира. Исследования языка и сексистских асимметрий в нем основываются на гипотезе Сепира-Уорфа: язык не только продукт общества, но и средство формирования его мышления и ментальности. Это позволяет представителям ФЛ утверждать, что все языки, функционирующие в патриархатных и постпатриархатных культурах, суть мужские языки и строятся на основе мужской картины мира. Исходя из этого, ФЛ настаивает на переосмыслении и изменении языковых норм, считая сознательное нормирование языка и языковую политику целью своих исследований.

Именно к этому периоду относится возникновение понятия *gender* как концепта, альтернативного названным двум категориям (*genus* и *sexus*), призванного подчеркнуть социальный характер отношений между полами и исключить биологический детерминизм, имплицитно присутствующий в понятии *sexus*, которое связывает социальное предназначение и ожидания в отношении поведения индивида с его биологическими свойствами.

Вторым направлением ФЛ стало исследование особенностей коммуникации в однополых и смешанных группах. Эти исследования характеризуются широким охватом: анализируются самые разные

аспекты ведения аргументативных диалогов - телевизионные ток-шоу, диалоги врачей и пациентов, речевое общения в семье и т. д. В основе исследований лежит предположение о том, что на базе патриархальных стереотипов, зафиксированных в языке, развиваются разные стратегии речевого поведения мужчин и женщин. ФЛ дополняет теорию речевых актов Остина-Серля данными, существенными для интерпретации высказываний: выражением в речевых актах власти и доминантности, по-новому формулирует условия соблюдения принципа кооперации Грайса, расширяет представления о коммуникативных неудачах, относя к ним прерывание говорящего, невозможность завершить высказывание, утрату контроля над тематикой дискурса, молчание и ряд других параметров. Все это можно считать ценным вкладом в анализ дискурса.

Были установлены, например, некоторые отличительные черты женского речевого поведения¹⁵ :

- женщины чаще прибегают к уменьшительным суффиксам;
- для женщин более типичны косвенные речевые акты; в их речи больше форм вежливости и смягчения, например, утверждений в форме вопросов, иллюкуции неуверенности при отсутствии самой неуверенности;
- в речевом поведении женщин отсутствует доминантность, они лучше умеют слушать и сосредоточиться на проблемах собеседника;
- в целом речевое поведение женщин характеризуется как более "гуманное".

Однако именно этот факт, на взгляд представителей феминистской лингвистики, имеет при общении в смешанных группах отрицательные последствия для женщин. Их предупредительное, неагрессивное и вежливое речевое поведение укрепляет сложившиеся в обществе пресуппозиции и ожидания того, что женщины слабее, неувереннее и вообще менее компетентны.

Таким образом, женская коммуникация, по сравнению с мужской, оказывается "дефицитной".

ФЛ подвергла сомнению гипотезу "дефицитности" женской коммуникативной интеракции, выдвигнув на ее место гипотезу "дифференции". В этой связи критически были осмыслены выводы Р. Лакоффа (в указанной выше работе) о ситуации "двойной связанности" (double bind), в которую попадают женщины при коммуникации в смешанных группах: типично женские тактики речевого поведения (уступчивость, кооперативность, более редкое по сравнению с мужчинами употребление перформативов, иллюкуции неуверенности при отсутствии самой неуверенности, высказывание утверждений в форме вопросов и т.д.) не способствуют восприятию содержания сообщений, создавая впечатление неуверенности и некомпетентности. Если же женщины пользуются мужскими тактиками, которые по Лакоффу характеризуются наступательностью, меньшей кооперативностью, частым использованием директивных речевых актов, то они воспринимаются как неженственные и агрессивные, что, в интерпретации ФЛ, вызвано несоответствием такого коммуникативного поведения стереотипам распределения ролей в обществе. В этой связи были разработаны специальные тактики, помогающие женщинам быть "услышанными".

В лингвистике не прекращается полемика вокруг теоретических положений ФЛ и их практической реализации. Однако следует признать, что в области языковой политики ФЛ добилась серьезных успехов¹⁶.

Особенно серьезной критике подверглись ранние пресуппозиции феминистского подхода к изучению коммуникативной интеракции мужчин и женщин¹⁷.

Первоначально феминистская лингвистика исходила из того, что женское речевое поведение способствует поддержанию зависимого статуса и является наглядным примером традирования патриархальных отношений. Как считает Х. Коттхофф¹⁸, при этом был допущен ряд методологических ошибок, обнаружить которые удалось посредством эмпирических исследований гендерных аспектов коммуникации. К числу таких заблуждений Х. Коттхофф относит: интенционализм, приписывание фактору пола чрезмерной значимости, игнорирование роли контекста, недооценку качественных методов исследования и гиперболизацию роли гендерно специфичных стратегий и тактик общения в детском и подростковом возрасте.

Интенционализм

Доминирование маскулинности осмысливалось представителями ФЛ в несколько упрощенном виде: вследствие господства патриархата мужская самооценка выше, мужчины в большей мере, чем женщины, обладают социальным престижем и властью. Мужское доминирование реализуется в числе прочего в определенном речевом поведении, описать которое можно на уровне ряда микрофеноменов

- длины речевых отрезков, частоты перебиваний, наложений речевых отрезков друг на друга, контроля за тематикой дискурса, предоставлении/непредоставлении слова и т.д. Все это, как утверждала ФЛ, является намеренным и осознанным проявлением борьбы за власть со стороны мужчин.

Однако на взгляд С. Хиршауера¹⁹, перманентная интенциональность для поддержания гендерного статуса не требуется, что объясняется с позиций социального конструктивизма: социальные институты (школа, церковь, армия и т.д.) принимают на себя поддержание гендерной иерархии, в том числе сохранение мужского доминирования. Следовательно, у индивида нет необходимости постоянно воспроизводить его во всех ситуациях.

Гиперболизация значимости категории "пол"

Ранние феминистские исследования исходят из того, что пол - это определяющий (омнирелевантный) фактор самоидентификации личности. Согласно Уэст и Зиммерман²⁰, конструирование индивидом своей гендерной идентичности - doing gender - перманентный процесс, пронизывающий все действия индивидов. Напротив, Хиршауер показал, что весьма распространены ситуации и контексты, когда пол нерелевантен для общения, и предложил учитывать фактор "гендерной нейтральности" (Geschlechtsneutralität), так как: 1) нет оснований придавать гендеру больше значимости, чем фактору возраста, этнической и социальной принадлежности, уровню образования, профессии и т.д. Все эти факторы также входят в число идентификационных категорий, которые в определенных типах ситуаций выступают на первый план. Автор предлагает наряду с термином doing gender также термин undoing gender для ситуаций, где пол коммуникантов не значим. Кроме того, ряд исследований показывает, что названные параметры в большинстве случаев взаимодействуют, поэтому определить, где заканчивается влияние одного и начинается воздействие другого, весьма затруднительно. Так, Х. Коттхофф²¹ установила, что вежливый, нацеленный на сотрудничество и в целом корректный стиль характерен как для женского общения, так и для общения среди лиц с высоким социальным статусом; 2) эмпирически сложно установить, как происходит гендерная самопрезентация (Selbstdarstellung), в каких случаях она выступает на передний план, а когда не играет роли.

С. Хиршауер настаивает на дискретном характере процесса конструирования гендерной идентичности (doing gender), исключая его имманентное присутствие. Х. Коттхофф²² (Kotthoff, 1996) предлагает для обозначения этого процесса термин "градуированная релевантность" (Relevanzgraduierung).

Недооценка роли контекста

Пресуппозиция имманентного проявления гендера в речевом поведении независимо от контекста не подтвердилась. Убедительно удалось доказать для западноевропейских стран лишь стабильность интонационного рисунка²³: мужчины стремятся избегать выраженной эмфазы, так как в западноевропейской культуре она считается признаком женственности и экзальтированности. При этом гомосексуальные мужчины широко используют такую интонационную модель в качестве сигнала своей нетрадиционной ориентации.

На взгляд Х. Коттхофф²⁴, вопрос состоит сегодня не в том, как говорят мужчины или женщины, а в том, каким образом, при помощи каких речевых средств, тактик и стратегий они создают определенные контексты. Далее необходимо исследовать параметры этих контекстов и их влияние на успешность коммуникации.

Гиперболизация усвоения в детском и подростковом возрасте гендерно специфичных стратегий и тактик общения (гипотеза "гендерных субкультур")

В конце 80-х - начале 90-х годов возникла гипотеза "гендерных субкультур", восходящая к работе Гумперца²⁵ по исследованию межкультурной коммуникации, а также к более ранним работам по этнологии, этнографии, истории культуры. В трудах Мальца и Боркер и Таннен²⁶ принцип межкультурной коммуникации распространен на гендерные отношения. Согласно их предположению, в лингвистическом аспекте женщины и мужчины переживают языковую социализацию по-разному, так как в детстве находятся большей частью в разнополых группах, где приняты разные правила речевого поведения. Различие состоит в усвоении типичных для таких групп гендерных конвенций и стратегий коммуникации. Из-за различия культурно обусловленных интерпретационных конвенций нарушается понимание высказываний, что при вербальном общении мужчин и женщин провоцирует неадекватную реакцию и ведет к коммуникативным неудачам.

В этом случае ученые отказались от принципа интенционализма, поставив в центр изучения процессы социализации индивидов мужского и женского пола. Социализация индивида рассматривалась как присвоение им определенной субкультуры, которой свойственны особые речевые практики, разные в мужской и женской среде. Мужчины и женщины в детском и подростковом возрасте вращаются преимущественно в однополых группах, образуя субкультуры и усваивая свойственный им речевой этикет, стратегии и тактики. В дальнейшем это ведет к непониманию и речевым конфликтам, которые приравниваются к межкультурным.

Исследования мужской и женской коммуникации обусловили появление понятия "гендерлект" - постоянного набора признаков мужской и женской речи. Однако работы последних лет все четче показывают, что говорить о гендерлекте неправомерно²⁷. Роль культурного фактора в этом случае сильно преувеличена. Различия в мужской и женской речи не столь значительны, не проявляют себя облигаторно в любом речевом акте и в целом не свидетельствуют, что пол является определяющим фактором коммуникации, как это предполагалось на начальном этапе развития феминистской лингвистики. Х.Коттхофф предлагает говорить о некоторых стилистических особенностях, мужской и женской речи, подчеркивая, что эти особенности носят вероятностный характер и зависят от ситуации общения.

Преобладание количественных методов исследования

По данным Х. Коттхофф, при исследовании гендерных аспектов коммуникации в ФЛ в настоящее время преобладают количественные методы, наиболее популярным из которых является подсчет длительности речевых отрезков, количества перебиваний и смен тем диалога. Однако сами по себе эти характеристики не могут считаться показательными, так как зависят от контекста и приобретают значимость лишь во взаимодействии с иными феноменами, зависящими от культурных традиций данного общества. Поэтому больше внимания должно быть уделено качественным методам эмпирического изучения культуры и общества.

3.3. Исследование маскулинности

Уже в предшествующий период изучения женственности исследования не могли не касаться и мужской гендерной идентичности и ее отражения в языке. Однако с конца восьмидесятых годов интерес к проблемам мужественности существенно возрос, о чем свидетельствует большое число научных конференций и публикаций. В 1993 г. журнал "Theory and Society" вышел в виде специального выпуска, посвященного проблемам маскулинности в современном обществе. Наиболее значимым выводом авторов стало разграничение разных типов мужественности, имеющих место в реальности, и определение среди них стереотипа *доминирующей мужественности* (hegemonic masculinity)²⁸. Именно доминирующая мужественность наиболее часто отражается в языке в качестве своего рода образца для подражания. Развивая эту идею, С. Поллак²⁹, сравнивает этот концепт с названием ритуализованного достижения статуса мужчины у индейцев - "Великое Невозможное" (the Big Impossible).

Английский язык обнаруживает, согласно Поллаку, четыре стереотипных идеала, посредством которых происходит (или должна происходить) социализация мужчины:

1) "Sturdy Oak" (крепкий дуб - *здесь и далее перевод наш* - А.К.) - апеллирует к мужскому стоицизму и научению маленького мальчика не делиться своей болью или открыто горевать;

2) "Give 'em Hell" (покажи им, где раки зимуют) - создает ложную "самость" из отваги, бравады, любви к насилию;

3) "Big Wheel" (крутой парень) - подчеркивает потребность достичь высокого статуса и власти, влияния любой ценой;

4) "No Sissy Stuff" (без соплей) - наиболее травматичный для ребенка стереотип, по мнению С. Поллака, - осуждение выражения мальчиком любых сильных или теплых чувств, привязанности, зависимости и всего, что считается "женственным" и, следовательно, неприемлемым или табуированным.

Приведенные выше стереотипы могут носить в той или иной степени универсальный характер. Вместе с тем, установлено, что доминирующая мужественность, с одной стороны, меняется от культуры к культуре, с другой - как мужественность, так и женственность - динамические, исторически изменчивые концепты. Б. Коннелл вводит понятие *культурной репрезентации*: в силу многослойности и изменчивости мужественности и женственности, возможна манипуляция этими понятиями. Их отдельные составляющие могут в определенные периоды подчеркиваться в СМИ и иных видах общественно-

го дискурса³⁰. По Коннеллу, мужественность, как и женственность - многомерный концепт, состоящий из большого количества бинарных оппозиций, что и позволяет манипулировать им.

Согласно Б. Коннеллу, исследуя лингвистический материал на предмет обнаружения культурной специфики доминирующей маскулинности, наука может в качестве результата получить, скорее, реконструкцию гендера на основании данных языка. Это замечание относится также и к кросскультурным исследованиям, так как "традиционный компаративистский метод базируется на допущении целостных "сепаратных" культур, в то время как такое допущение сегодня не является более состоятельным. Европейский империализм, глобальный капитализм при гегемонии США, а также современные средства коммуникации привели все культуры в тесное взаимодействие, расширили сферу действия некоторых культур и маргинализировали большинство"³¹. Вместе с тем, монография Х. Боссе³² доказывает возможность направленного изучения стереотипов мужественности в отдельных культурах.

В ряде работ³³ показано, как доминирующая мужественность изменяется в ходе истории и какую роль играют в этом выразительные средства языка.

В отношении мужского речевого поведения также высказываются новые точки зрения. Так, Левант³⁴ показывает, что у взрослых мужчин довольно часто наблюдается алекситимия - неспособность связать слова с эмоциями, то есть недостаток умения идентифицировать, выразить и описать свои собственные эмоциональные состояния, в частности, теплоту, заботу, печаль или боль. Автор относит этот факт к последствиям воспитания в детстве, когда от мальчика не требуется проявление эмоций, скорее даже, это является нежелательным. В результате мужчины tendируют к четкому проявлению и умению вербализовать лишь одну эмоцию - гнев.

3.4. Кросскультурные, этно- и лингвокультурологические исследования

Главной их особенностью является малая, по сравнению с другими направлениями, разработанность проблемы. Практически все авторы, работающие в области ГИ, отмечают, что основной массив данных получен на материале американского варианта английского языка и ряда других влиятельных европейских языков, в первую очередь, немецкого и французского. Этот факт вызывает обоснованные сомнения в применимости результатов исследований к материалу других языков³⁵. Номинативная система языков неодинаковым образом манифестирует концепты "мужественность" и "женственность" и придает им неодинаковое значение. Речевое поведение мужчин и женщин может различаться в зависимости от норм соответствующей культуры. Так, принцип вежливости³⁶ выведен, скорее, для среднего класса американцев. В иных культурах возможны иные закономерности общения. На наш взгляд, для контрастивной лингвокультурологии существенно сопоставление культурных концептов³⁷ и их интерпретации. Таким образом, задачей здесь является описание культурных концептов "женственность" и "мужественность", выявление их ингерентных составляющих.

В рамках этого подхода постулируется описание наивной картины мира, где в неявном, требующем научной экспликации виде представлены взаимодействие и взаимопроникновение культуры и языка, а также формы фиксации в языке культурно значимой информации.

Наименьшим образом разработана гендерная составляющая неевропейских языков, а труды по сопоставительной лингвокультурологии немногочисленны. Вместе с тем фрагментарно гендерные аспекты языка в межкультурном сравнении представлены в трудах лингвистов, не причисляющих себя к гендерологам³⁸.

Как показывает краткий обзор, гендерные исследования в лингвистике характеризуются многообразием и во многом зависят от методологических установок ученых. Вместе с тем, по сравнению с начальным, "алармистским", этапом, они приобретают все большую взвешенность.

Примечания

¹ Royen, P. Die nominalen Klassifikationssysteme in den Sprachen der Erde. Mödling bei Wien, 1925; Шахмайкин А.М. Проблема лингвистического статуса категории рода // Актуальные проблемы современной русистики. Диахрония и синхрония.- М.: МГУ, 1996.- С. 226-273.

² С Шахмайкин, 1996 - Шахмайкин А.М. Проблема лингвистического статуса категории рода // Актуальные проблемы современной русистики. Диахрония и синхрония.- М.: МГУ, 1996.- С. 226-273.

³ Mauthner, Fritz. Beitrage zu einer Kritik der Sprache. Band 1 (Zur Sprache und Psychologie), 3. Auflage, Stuttgart und Berlin, 1921

- ⁴ Sapir E. Abnormal types of speech in Nootka // Canada.- Ottawa.-Geological Survey.- Memoir 62.- Anthropological Series.- N5. Sapir E. Male and female forms of speech in Yana // Donum natalicium schrignen. Ed. by St.W. J. Teeuwen.- Nijmegen - Utrecht, 1929.- P.79-85.
- ⁵ Jespersen, O. The Woman // The Feminist Critique of Language. Ed. by D. Cameron.- London, 1998.- P. 225-241.
- ⁶ Philips S.U. Introduction: The interaction of social and biological processes in women's and men's speech // Language, gender and sex in comparative perspective. Eds. S.U. Philips, S. Steel, Ch. Tanz.- New York, 1987.- P. 1-11.
- ⁷ Maltz D.N., Borker R. A. Mißverständnisse zwischen Männern und Frauen - kulturell betrachtet // Günthner, Kotthoff (Hrsg) Von fremden Stimmen. Weibliches und männliches Sprechen im Kulturvergleich.- Frankfurt am Main, 1991.- S. 52-74; Tannen D. Du kannst mich einfach nicht verstehen. Warum Männer und Frauen aneinander vorbeireden. Hamburg, 1991; Tannen D. Das habe ich nicht gesagt! Kommunikationsprobleme im Alltag. Hamburg, 1992.
- ⁸ Labov W. Variation in Language // Carrol E. Reed (Ed.). The Learning of Language. National Council of Teachers of English. New York, 1971.- P. 187-221; Trudgill P. Sex, covert prestige, and linguistic change in the urban British English of Norwich // Language in Society, 1972.- P. 179-195.
- ⁹ Günthner, Susanne, Kotthoff, Helga (Hrsg). Von fremden Stimmen. Weibliches und männliches Sprechen im Kulturvergleich. Frankfurt a. Main, 1991, 369 S.
- ¹⁰ Labov W. The intersection of sex and social class in the cause of linguistic change // The Sociolinguistics Reader. Volume 2. Gender and Discourse. Ed. by J. Cheshire, P. Trudgill.- London, 1998.- P. 7-52.
- ¹¹ Lakoff, Robin. Language and women's Place // Language in Society, 1973.- N 2.- P. 45-79.
- ¹² подробнее работы американских исследовательниц см.: Колосова О.Н. Когнитивные основания языковых категорий (На материале современного английского языка). Дисс. доктора филол. наук.- М., 1996, 325 с.
- ¹³ См., например: Mandele N., Rundle L. Feminist Qualitative Research Methods. A Handbook for Researchers. York University, 1998, 34 P.
- ¹⁴ Trömel-Plötz S. Frauensprache: Sprache der Veränderung.- Frankfurt am Main, 1982, S.137.
- ¹⁵ Homberger, Dietrich. Männersprache - Frauensprache: Ein Problem der Sprachkultur? // Muttersprache, 1993.- 193.- S. 89-112.
- ¹⁶ Подробнее см.: Кирилина А.В. Феминистское движение в лингвистике Германии // Теория и практика изучения языков. Межвузовский сборник. Сургутский гос. Ун-т. - Сургут, 1997.- С. 57-62.
- ¹⁷ Gal S. Between speech and silence: The problematics of research on language and gender // Papers in Pragmatics, 1989.- N3.- V.1.- P. 1-38; Hirschauer St. Dekonstruktion und Rekonstruktion. Plädoyer für die Erforschung des Bekannten // Feministische Studien, 1993.- N2.- S. 55-68; Kotthoff H. Die Geschlechter in der Gesprächsforschung. Hierarchien, Theorien, Ideologien // Der Deutschunterricht, 1996.- N 1.- S. 9-15
- ¹⁸ Kotthoff H. Die Geschlechter in der Gesprächsforschung. Hierarchien, Theorien, Ideologien // Der Deutschunterricht, 1996.- N 1.- S. 9-15
- ¹⁹ Hirschauer St. Dekonstruktion und Rekonstruktion. Plädoyer für die Erforschung des Bekannten // Feministische Studien, 1993.- N2.- S. 55-68
- ²⁰ Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера (doing gender) // Гендерные тетради. Вып. 1.- СПб, 1997.- С. 94-124.
- ²¹ Kotthoff H. Unruhe im Tabellenbild? Zur Interpretation weiblichen Sprechens in der Sotiolinguistik // S. Günthner, H. Kotthoff (Hrsg): Die Geschlechter im Gespräch. Kommunikation in Institutionen.- Stuttgart, 1992
- ²² Kotthoff H. Die Geschlechter in der Gesprächsforschung. Hierarchien, Theorien, Ideologien // Der Deutschunterricht, 1996.- N 1.- S. 9-15
- ²³ Kotthoff H. Kotthoff H. Geschlecht als Interaktionsritual? // Nachwort zu E. Goffman: Interaktion und Geschlecht. Hrsg. von H.A. Knoblauch, 1994.- S. 159-194.
- ²⁴ Kotthoff H. Die Geschlechter in der Gesprächsforschung. Hierarchien, Theorien, Ideologien // Der Deutschunterricht, 1996.- N 1.- S. 12.
- ²⁵ Gumperz J. J. Discours Strategies. Cambridge, 1982.
- ²⁶ Maltz D.N., Borker R. A. Mißverständnisse zwischen Männern und Frauen - kulturell betrachtet // Günthner, Kotthoff (Hrsg) Von fremden Stimmen. Weibliches und männliches Sprechen im Kulturvergleich.- Frankfurt am Main, 1991.- S. 52-74; Tannen D. Du kannst mich einfach nicht verstehen. Warum Männer und Frauen aneinander vorbeireden. Hamburg, 1991; Tannen D. Das habe ich nicht gesagt! Kommunikationsprobleme im Alltag. Hamburg, 1992.
- ²⁷ Samel, I. Einführung in die feministische Sprachwissenschaft. Berlin, 1995, 224 S.
- ²⁸ Connell R.W. The big picture: Masculinities in recent world history// Theorie & Society 22, 1993.- P.597-623.
- ²⁹ Pollack, William S. Deconstructing Dis-Identification: Returning Psychoanalytic Concepts of Male Development// Psychoanalysis and Psychotherapy, 1995.- 12.- P. 30-45.
- ³⁰ Connell R.W. The big picture: Masculinities in recent world history// Theorie & Society 22, 1993, P.600.
- ³¹ Ibid., P.601.

³² Bosse H. Der fremde Mann. Jugend, Männlichkeit, Macht. Eine Ethnoanalyse. Unter Mitarbeit von W. Knauss.- Frankfurt am Main, 1994, 360 S. ; Connell R.W. The big picture: Masculinities in recent world history// Theorie & Society 22, 1993.- P.597-623.

³³ Pollack, William S. Deconstructing Dis-Identification: Returning Psychoanalytic Concepts of Male Development// Psychoanalysis and Psychotherapy, 1995.- 12.- P. 30-45; Hurton A. "Kultobjekt Mann".- Frankfurt am Main, 1995, 176 S.

³⁴ Levant R. Masculinity reconstructed.- New York: Dutton, 1995, 416 P.

³⁵ См.: Халеева И.И. Задачи московского лингвистического университета в междисциплинарном проекте "Феминология и гендерные исследования в России: перспективные стратегии и технологии" // Женщина в российском обществе, 1998.- №3.- С. 8-11.

³⁶ Brown P., Levinson S.C. Politeness. Some universales in language usage.- New York, 1988, 345 P.

³⁷ Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков.- М., 1999, 780с.; Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты.- М., 1999.-189 с.

³⁸ Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. - М., 1996.- 416 с.; Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты.- М.: Школа "Языки русской культуры", 1996, 288 с.; Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. Под Ред. Е.А. Земской и Д.Н. Шмелева. - М., 1993.- С. 90-136.

ЛЕКЦИЯ 24. ГЕНДЕРНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В РОССИЙСКОМ ИСКУССТВЕ

Введение.

До сих пор в общественном сознании еще бытует мнение, что искусство, как одну из категорий "Великого", делить по признаку пола абсурдно, безнравственно. Художник - хороший или плохой, прежде всего - ОН ("художник"). Женщина, если постарается соответствовать всем критериям "художника", тоже может преуспеть и стать крепким профессионалом, правда не Гением, которым, как известно, рождаются (мужчины). То, что мужчины умнее и талантливее от природы, веками не подлежало сомнению. Слово "художница" обозначало не профессию, а снисходительно негативно окрашенную принадлежность к второсортному искусству. Не случайно именно прикладное, декоративное искусство, считавшееся второстепенным, относилось к сфере традиционно женских занятий. Сами женщины, избравшие стезю изобразительного искусства, называли себя "художниками".

Собственно уже одно это стремление художницы соотносить себя с неженским имиджем профессионально и, как следствие, поведенчески, - то есть как бы поменять пол, позволяет рассматривать описанную ситуацию как гендерную.

На самом деле качество и долю участия женщин в мировой художественной практике, как и в других профессиональных сферах, определяли не природные женские свойства. Социально и экономически несамостоятельное положение женщин в обществе, полное или частичное ущемление прав на собственность, на получение профессионального художественного образования, религиозные и моральные запреты - все эти факторы надежно ограждали "большое" искусство от женщин - художниц. Наиболее болезненным следствием подобной дискриминации по признаку пола оказалась крайне важная в музейной и ценовой политике проблема имени и авторства. Так, в средние века известные и популярные художницы не имели юридических прав на продажу собственных работ. Порой художница своим талантом и профессионализмом содержала семью, но заключал договора и ставил подписи на произведениях муж или другие родственники-мужчины. Музей Женщины в Искусствах в Вашингтоне провел поистине археологические исследования для восстановления подлинных имен авторов лишь некоторых из дошедших до нас произведений женского искусства тех времен¹.

В свете вышесказанного говорить об искусстве как о бесполом явлении было бы большим допущением. Вплоть до XX века, за небольшими исключениями, европейская культура представлена субъектами - белыми мужчинами, в ней отражены мировоззрение, мироощущение и комплексы идей тех или иных периодов становления, развития и деградации патриархального общества. По сути, и вся мировая история искусств - мужская.

Тем не менее и внутри мужского сообщества вызревали гендерные противоречия. С постепенным внедрением в повседневную жизнь радио и телевидения, а затем и с небывалым прежде бурным развитием новых технологий и коммуникаций, с обострением общественной потребности в иных интерпретационных мировоззренческих системах, культура приобретает полинациональный и, можно так сказать, полигендерный характер. В XX веке, особенно во второй его половине, на передний план выдвигается философия различия, в основе которой находится представление о множестве. Пересматриваются традиционные иерархии. В культуре множатся и начинают задавать тон идеологические направления с гендерными характеристиками. Влияние гомосексуальной эстетики, феминистской идеологии на мировую художественную практику не только двадцатого, но и грядущего столетия трудно будет преувеличить.

Наряду с укоренением в культуре гендерных практик происходит пересмотр исторической роли и участия женщин в культурном процессе. Активное появление женщины - субъекта творчества на сцене мирового искусства называют феноменом XX века.

1. "Женщина-художница в российском искусстве."

Историческая ретроспектива.

По мнению Н. М. Юрасовской, женщина-художница в России - явление особое. Согласно концепции выставки "Художница в искусстве России", линию индивидуального женского творчества в России можно проследить с позднего средневековья, когда возникло уникальное художественное явление - мастерские лицевого шитья (Кремлевские мастерские, Мастерская Ирины Годуновой и пр.). Выпол-

ненные по церковным канонам произведения включали в себя также образы реальных персонажей с элементами портретного сходства.

В искусстве XVIII века серьезное влияние на формирование мировоззрения художественных кругов в России оказывала "россика". Наиболее известная среди женщин-портретисток того времени -

Э. Виже-Лебрен. Художница была весьма популярна как при дворе Марии Антуанетты, так и в Санкт-Петербурге, где нашла убежище после Французской революции. Творчество Э. Виже-Лебрен занимало видное место в западном искусстве того времени, оставило яркий след и в нашей стране. В первой половине XIX столетия продолжалась линия парадного портретирования (Х.Робертсон и пр.)

Отечественные художницы появляются на исторической арене вместе с мастерами школы Г. Венецианова: А.Венецианова, С. Сухова-Кобылина. Соучаствуют в движении Передвижников: С.Кувшинникова, О.Лагода-Шишкина, А.Каринская, Е.Поленова, внося своеобразную специфику женственного. Уже во второй половине XIX века женщины начинают заявлять о себе как о независимой творческой личности. И первая среди них - М. Башкирцева.

С именами Н.Симонович-Ефимовой, О.Делла-вос-Кардовской, М.Якунчиковой-Вебер и др. связана целая эпоха русской культуры, знаменующая её переход к стилистике модерна с повышенным вниманием непосредственно к декору, к нюансировке.²

Еще в 1840 г. в результате ряда административных реформ перед русскими женщинами начал открываться прямой доступ к художественному образованию, а в 1870 г. им позволили учиться в Академии художеств. К этому времени уже было много женщин-врачей, и присутствие женщины в анатомическом классе - отнюдь не редкость. На полотне, изображающем урок в натурном классе И.Е. Репина, можно видеть художников - мужчин и женщин, работающих бок о бок в присутствии обнаженного натурщика. В 1882 г. семьдесят три художницы Санкт-Петербурга основали ассоциацию поддержки женщин-художниц.³ Примерно тогда же, в 1886 г., из Академии художеств штата Пенсильвания исключили Томаса Икинса за постановку обнаженной мужской модели в натурном классе в присутствии женщин - студентов.

Русские женщины сравнительно рано и легко получили возможность художественного образования. Таким образом, художницы русского авангарда были вторым, если не третьим поколением женщин, профессионально занятых искусством. Это особенно важно, если учесть, что профессиональные занятия искусством в России часто передавались от поколения к поколению как семейное ремесло.

Художница в искусстве авангарда.

При первом знакомстве с искусством русского авангарда западного зрителя поражают женщины - огромное число произведений, выполненных многими и многими женщинами, принадлежавшими этому новаторскому течению 10-х - 30-х гг. нашего столетия. Это была первая историческая эпоха, в которой женщинам удалось свободно участвовать в качестве деятелей культуры, теоретиков и преподавателей искусства и которая многих из них увенчала славой. Рецензии на выставку коллекции Костаки, показанной в музее Гуггенхайма в 1991 г., отмечали чрезвычайно новый для западных критиков феномен - достижения женщин - художниц.⁴

Хилтон Крамер писал: "Русский авангард был единственным в своем роде течением, в рамках которого достижения женщин ни в чем не уступают достижениям их коллег - мужчин..."⁵ Возникает вопрос, почему именно в этот исторический момент женщины в таком числе вышли на передовую линию авангарда и почему того же не произошло на Западе. Даже критики - современники благоговели перед этими женщинами. Бенедикт Лившиц назвал их подлинными амазонками, скифскими всадницами. Он имел в виду одно из самых ранних исторических упоминаний о женщинах на территории России - о легендарном племени, жившем на юге современной России. Примечательно, что Лившиц, который сам сотрудничал с художницами авангарда, все же при описании прибегает к мифу, как будто они стали легендой уже при жизни.⁶

К мифу о сильной русской женщине, как и к прочей мифологии женского образа, следует относиться с осторожностью. Искусствовед Джо Анна Айзек не исключает, что этот миф давал русским женщинам больше возможности для действия, нежели ослабляющие позиции женщины западные мифологии "слабого пола", "ангела домашнего очага" или "femme fatale". В судьбах западных женщин - художниц последние мифологемы играли роковую роль. Розика Паркер и Гризельда Поллок убедительно доказали, что к началу XIX в. в ходе консолидации патриархальной буржуазии в качестве доминирую-

щего класса понятие о женственности, как конструкте западного общественного сознания, базировалось исключительно на идеалах домашнего очага и материнства. И это в условиях, когда все большее число женщин поневоле пополняло ряды наемной рабочей силы. Наряду с этим, представления нарождающейся буржуазии о личности художника связывали понятие артистизма со всем, что противостояло семейному укладу. Стереотип артистической натуры впитал в себя божественную модель свободного, сексуально активного и отчужденного от общественной жизни "гения", по своему определению существа мужского пола.⁷ Искусство стало романтическим идеалом самореализации и творческого бытия, его антитезой - отчужденный от собственности наемный пролетарский труд, а полной противоположностью - однообразная, обезличивающая, нудная "женская работа".⁸ Вследствие сконструированных таким образом представлений художники, с одной стороны, и женщины, с другой, заняли почти антиномичные маргинальные позиции в буржуазной культуре Запада.

По мнению Дж. А. Айзек, такой исторически сложившейся вилки между женщиной и художником, с одной стороны, и художником и деятельным членом общества, с другой, не было в России, поскольку не было и буржуазии того сорта, которая могла бы придать толчок складыванию подобной идеологии домашнего уклада жизни женщины. В противоположность среднему классу переживающих промышленную революцию стран Европы и Америки, в сознании которого уже сложился идеал семейной жизни, большинство прогрессивных русских умов находило такой идеал чересчур индивидуалистическим. Писательница того времени Надежда Хвощинская выразила мнение многих, когда написала, что семейное счастье есть "пошлостное счастье запертых семейных домов, чистых, прибранных, как будто приветных снаружи, как будто улыбающихся, обещающих и ничего не дающих постороннему, кроме своей сыто-довольной и глупой улыбки..."⁹.

Такое отрицательное отношение к семье было широко распространено, и многие женщины стали искать возможности участия в общественной жизни. В конце XIX века множество врачей, учителей, художников и представителей интеллигенции - среди которых были сотни женщин - уходило в деревню трудиться ради улучшения условий жизни крестьянских общин. Отдавая все силы своему труду, они жертвовали жизнью ради улучшения доли русского крестьянина. Это не было феминистское движение, но результатом их деятельности стал прорыв женщины в сферу высшего образования, особенно в области медицины и народного просвещения, а также та заметная руководящая роль, которую женщины стали играть впоследствии в революционных группировках. Некоторые коммуны художников и художественные школы, часть которых основали женщины, несли в своей основе подобный гибридный благотворительных и демократических устремлений. Задолго до революции установилась традиция общественного служения, общая как для женщин, так и для художников. Многие работы художников, живших в этих коммунах, основывались на народном искусстве и ремеслах и предназначались для употребления в народном быту. В дальнейшем это оказало влияние на художественные концепции авангарда. Одной из самых выдающихся представительниц его раннего периода была Наталия Гончарова (1881-1962), на чьих живописных полотнах 1909-1912 гг. изображен годовой цикл русского крестьянского быта.

В этот период женщины становятся если не ведущими, то чрезвычайно активными участницами многочисленных художественных группировок. На рубеже XIX и XX веков самая значимая группировка - "Мир искусства" включала таких ныне известных художниц как А. Остроумова-Лебедева, З. Серебрякова, Е. Кругликова. Особое место в этот период занимало творчество скульптора Н.Голубкиной.

Среди последователей сезаннизма в России - "Ослиный хвост" и "Бубновый валет", где творчество Н. Гончаровой, Н. Удальцовой, О. Ходасевич занимает одно из ведущих мест.

Расцвет авангарда в послереволюционную эпоху обозначил появление имен, получивших международное признание - Л. Попова, В. Степанова, А. Экстер, О. Розанова.

В отличие от культурных заимствований французских художников, которые в это же время осваивали примитивное искусство, привозившееся из французских колоний, интерес к народному искусству в России питался национальными чувствами. Такое отношение сильно повлияло на зарождение абстрактного искусства, которому суждено было в России развиваться по траектории, кардинально отличной от западного абстракционизма. В 1913 г. Гончарова написала примечательный манифест, в котором она решительно противопоставила русское искусство западному, осудив распространенные на Западе устаревшие представления об индивидуальности и таланте: "Я страшусь с себя западную пыль, и мне кажутся смешными и отсталыми люди, подражающие до сих пор западным образцам в

надежде стать чистыми живописцами... Так же мне смешны люди, проповедующие индивидуальность и полагающие какую-то ценность в своем "я" даже тогда, когда оно до невозможности ограничено". Одна из поставленных ею перед собой задач - "бороться против опошленной и разлагающей проповеди индивидуализма, находящегося сейчас в периоде агонии... В век расцвета индивидуализма я разрушаю святая святых в прибежище ограниченных, как не соответствующее современному строю жизни и будущему ее строю."¹⁰

Дж. А. Айзек считает, что критика, направляемая Гончаровой против западного модернизма, напоминает положения, выдвинутые в последние десять лет многими западными феминистками, которые стремятся развенчать буржуазные идеалы индивидуальности, оригинальности и творчества и начали исследовать области, открывающиеся в результате деконструкции мифической фигуры художника - *auteur*. Это направление составляет сердцевину феминистских исканий, поскольку, как отмечает Гризельда Поллок, "только феминисткам нечего терять от десакрализации гения. Индивидуализм, основным символом которого является личность художника, не подразумевает альтернативности по категории рока" ¹¹. По радикальной переоценке самой функции художника русский авангард бесспорно явился самой плодотворной эпохой для проявления личности женщины и личности художницы. Испытавшие на себе влияние ремесленных традиций художницы смогли обратить свою энергию на решение проблем жилья, одежды, ухода за детьми, санитарного просвещения и общей грамотности. Они обратились к земным, материальным бытовым нуждам, к мелким, но насущным проблемам быта, самым прямым образом влияющего на жизнь женщины. Поэтому можно утверждать, что это утилитарное, материалистическое искусство по своему существу было искусством феминистским. Большое число женщин - художниц было занято этим видом художественной деятельности, и, возможно, именно благодаря их участию русскому авангарду удалось так быстро повернуться от проблем высокого искусства к утилитарным системам конструктивизма. Многие конструктивистские проекты в области жилищного строительства, конструирования мебели, транспорта и т.д. так никогда и не были воплощены в материале из-за отсутствия такового. Тем не менее, художники, обратившиеся к разрешению земных проблем организации домашнего быта и эстетики рабочего места, имели больше всех шансов увидеть свои замыслы воплощенными в жизнь.

Заслуга Любови Поповой (1889-1924) и Варвары Степановой (1894-1958) - открытие первой государственной текстильно-набивной фабрики в Москве, где впоследствии они занимались моделированием конструктивистской одежды - из простых деталей, функциональной, универсальной, легкой в носке, доступной массовому производству, гигиеничной и лишенной украшений за исключением самого необходимого (карманов, строчек, пуговиц и т.п.). Жизнеспособность конструктивистских принципов дизайна проверялась реакцией покупателя. В своих воспоминаниях Попова рассказывает об одном из счастливейших дней своей жизни, когда работницы в фабричной лавке предпочли ее модели более традиционной одежде. Это была победа конструктивизма, а не мелкого женского рукоделия.

Художница в тоталитарном обществе.¹²

Эпоху социалистического реализма 1930-50-х невозможно представить без произведений В.Мухиной или Т.Яблонской, хотя истинная ценность их искусства состояла скорее в способности сохранить творческую индивидуальность под двойным прессингом тоталитарной маскулинистской культуры. В этом прослеживается их близость с представительницами более камерного неофициального искусства (С.Лебедевой, Е.Сафроновой, Н.Кашиной, Т.Мавриной).

Женское творчество 1960-х отмечено новым всплеском авангардного движения. Многообразие неформальных поисков "андеграунда" во многом характеризуется живописью Л. Мастерковой, В. Кропивницкой, Н. Конышевой, Н. Егоршиной и др. Так называемая "официальная линия" представлена известными именами Н. Жилинской, Н. Пологовой, О. Богаевской и др.

Формирование стилистики 70-х годов такими авторами как

Е. Романова, Т. Назаренко, Н. Нестерова, О. Булгакова, И. Старженецкая и др. следует расценивать как определённый симптом. Этот факт со всей очевидностью демонстрирует доминанту женственности в изобразительном искусстве того периода, которая не утрачивает своей силы и в последующие десятилетия.

1980-е годы, предшествующие распаду СССР, отмечены тенденциями сепаратизма, в том числе и в искусстве. Творческими лидерами в этот период зачастую оказывались представители рес-

публиканских художественных школ - Д. Скулме, С. Вейверите, М. Лейс, а также авторы, педалировавшие национальные мотивы - И. Затуловская, Е. Муханова, Л. Кириллова и др.¹³

В последнем десятилетии XX века художественные интенции предшествующих периодов нашли своё предельное воплощение в произведениях современного искусства. К 90-м относится творчество таких ярких представителей московского концептуализма как Е. Елагина, И. Нахова, М. Константинова. Не менее интересна и параллельно существующая неоакадемическая линия, представленная творчеством А. Салаховой, О. Тобрелутс, и др. Обращают на себя внимание также поиски в области художественного языка, осуществляемые группами молодых художниц.¹⁴

2. Гендерные репрезентации в современном российском искусстве конца XX века.

Гендерные репрезентации телесности.

Дж. А. Айзек пишет¹⁵, что еще одно отличие истории русского искусства от истории искусства Запада становится очевидным в залах Русского музея. Русское искусство не имеет глубокой традиции изображения обнаженной натуры. Путь, пройденный западным искусством - воспевание мужского тела как наиболее близкого образа и подобия Божьего в период итальянского Возрождения, обязательное изображение обнаженного женского тела в искусстве XVIII века (все эти *grandes horizontales* в псевдомифологических ситуациях, потоком производившиеся в стенах французской Академии), характерное для XIX века соотнесение женского ню с сексуальной доступностью модели/проститутки, фрагментированное, расчлененное изображение женского тела в канонических произведениях модернизма - все это не есть история русского искусства. Даже в XVIII – XIX вв., в период наибольшего влияния французской Академии, русское искусство отличалось большой сдержанностью в изображении плоти и женского тела в частности. Примечательным исключением в этом отношении явилось изобилие неоклассических ню в искусстве социалистического реализма. Не так давно западные искусствоведы - феминистки пришли к мысли о том, что, может быть, западные художницы оказались отлученными от искусства авангарда именно по той причине, что здесь слишком часто моделируется искаженное, поруганное или иным образом фетишизированное женское тело.

Одержимость обнаженной женской натурой в европейском традиционном академическом искусстве послужило отлучению женщин - художниц и иным образом. Умение писать человеческую фигуру в контексте некоего исторического, мифологического или религиозного сюжета постепенно стало фундаментальным критерием художественного гения. Академия контролировала этот критерий признания художника, равно как и средства достижения этого признания. На Западе дам не пускали в натурные классы по соображениям приличий. Наоборот, в России XIX в. обнаженная натура не являлась условием *sine qua non* профессионализма; высоко ценились другие жанры - например, пейзаж, а в дальнейшем прикладное искусство. Многие художники, будучи пламенными славянофилами, уделяли особое внимание русской тематике, особенно российскому пейзажу, и подчеркивали свою независимость от Академии, ориентировавшейся на Запад.

Пожалуй, сегодня репрезентации гендера в современной России в сферах общественных, политических – да любых, можно рассматривать сквозь призму виртуальных модификаций тела в искусстве. Тело вообще становится настойчивым, доминирующим инструментом гендерных метаморфоз в современном искусстве – одним из ключевых аспектов мировой и отечественной культуры конца 20 века. Для предпринятого здесь анализа ситуации использованы материалы выборочных проектов семилетней программы "Signs off for the Times" Творческой лаборатории феминистских и гендерных исследований "Идиомы", ныне "ИНО", в сотрудничестве с Российским Государственным Гуманитарным университетом.

Программа открылась в Государственной Третьяковской галерее в октябре 1993 г. семинаром "Прощание времен", во время которого было положено начало попытке всестороннего гендерного анализа современной культурной ситуации в России в контексте общемировых процессов.

"Феномен пола в культуре".¹⁶

На этой гендерной конференции женщина рассматривалась как Субъект в любых, творческих либо репрессированных, проявлениях. Но был затронут и другой немаловажный и далеко выходящий за рамки российской проблематики аспект женской репрезентации в искусстве, где женщина традици-

онно рассматривается как Объект, - **Тело**. В этом случае спекуляции образом женского тела, без участия женщины-субъекта служат средством использования исторически сложившихся гендерных стереотипов в интересах идеологического контроля. В "Метаморфозах образа женщины в русской телевизионной рекламе" Анна Альчук рассказала, как идеология конструирует и навязывает подобные стереотипы, спекулятивно манипулируя сексуальностью через рекламу. Беат Энгел в "Венера в произведениях искусства" наглядно проиллюстрировала долгий исторический процесс совершенствования музейно-эстетического потребления женского тела, завершающийся по западному радикальным жестом. На этот исторически сложившийся Объект-женщину-тело объявляют свои авторские права современные Субъекты-женщины - художницы. Новые издания Венеры – автопортреты, - подвергаются деконструкции, трансформации и всевозможному творческому произволу.¹⁷

В последнее десятилетие российский художник-мужчина все более отчаянно манипулирует образом тела, особенно собственного, с завидным произволом нарушает стереотипы, воздвигая гендерные конструкции неопределенной реальности.

Время, Святой Себастьян и тело художника. (1995)¹⁸

Проект "Св. Себастьян" рассматривал гендерное самовыражение художника-мужчины через некоторые аспекты гомосексуального и близкого к нему Body- искусства. В пределах заданных параметров были опрошены художники, представляющие разные эстетические направления, мировоззрения и технологии. Приведенные и не размещенные в тексте статьи цитаты – фрагменты высказывания художников по поводу заданных в интервью вопросов, что такое тело, время, какова степень идентификации с собственным искусством, выявили акцентировано жертвенный аспект подобной творческой манифестации тела вплоть до его (своего) символического уничтожения через предельное, до прозрачности, самообнажение. Наиболее характерный пример – творчество художника О. Кулика.

Обозначенная святым Себастьяном ситуация проявлена в определенном пласте культуры на Западе, в России была и остается фрагментарна и все еще ждет дальнейших интерпретаций.

Границы гендера. 1999.¹⁹

Первый этап этого проекта, выставка "Границы гендера", был осуществлен совместно с Анной Альчук в Санкт Петербурге, галерее Кибер-Фемин_Клуба. Нашей задачей было выстроить пластический видеоряд из изображений, образов, перевертышей тел и ролей из вариаций вновь популярных в современном отечественном искусстве сюжетов французской Академии. – И тем задать вопрос, а какие смыслы, какие культурные и человеческие коды противопоставляет или сопоставляет художник конца 90х, обнажая и манифестируя симметричные гендерные идентификации и сексуальные ориентации объекта своего искусства в собственной интерпретации "героя"?

Когда автор – мужчина, вопросы порой означают и ответы. Знаки и границы гендера, как явствует из предыдущего анализа, под сомнением, и возможно, что в данный момент истории лишь запас маргинальной мужественности в силу накопленной энергии и творческого потенциала способен наполнить, поддержать и даже придать романтики пошатнувшимся атрибутам мужских ценностей и власти. В произведениях А. Беляева мифологичность и зоо-антропоморфность изображаемых тел ("Новый Рим", "Кентавры") "гарантируют" характерность и четкость гендерных ориентиров. "Человечность" фигур-портретов С. Агроскина, напротив, проявляется через акцентированную обезличенность и аморфность мужского гендера.

Любопытно немужское авторство в подобных сюжетах. Уже имеющие собственные творческие и гендерные установки художницы порой с истинной страстью воспевают все те же ролевые неоклассические сюжеты, псевдогреческие (δεινότης) тела-нетела. Те же или как бы те, и каково соотношение наслаждения и иронии в женской интерпретации "чужого" сюжета? Возможно, что этот новый женский "герой" - мечта, нематериальное очертание сказочного андрогина, собственное Альтер эго, Другой я, проявление сестринской солидарности и сочувствия - или материнского произвола.

Заключение.

"Я думаю, что ни один из нас не является уже в чистом виде представителем того или иного пола, что человек – это историческое животное, которое в процессе смены исторических идей приобретает абсолютно новые психофизические параметры, с которыми и живет"

Из интервью с художником Александром Бренером.

Параллельно проекту "св. Себастьян" мы проводили опрос женщин, профессиональных художниц. Их критерии самоидентификации применительно к новой ситуации в искусстве еще не были сформулированы, а ценностные категории – столь же четко сориентированы, как у коллег мужчин. ("Тело - это одежда, камуфляж, средство для передвижения, срам Господний, набор пуговиц и молний, воздействующих на чувства", из интервью с художницей.) Но и полученные результаты все же позволили сделать некоторые любопытные заключения. Сравнительный анализ позиций художников мужчин и женщин дал возможность лучше понять картину гендерной трансформации в процессе самоопределения российского искусства в новых исторических условиях. По мере того как мужчина с мазохистским наслаждением "уступал" свою маскулинность во имя сохранения статуса в искусстве, женщина начинала позитивно постулировать свою феминность и ею пользоваться. ("Тело - мой главный инструмент. Чувства, ощущения – источник информации, которую можно трансформировать в искусство. Тело – это некий завершающий знак для каждой художественной актуализации". Из интервью с художницей). В то время как мужчина осознавал факт потери как приобретение иной конъюнктурной силы, женщина, прежде стремившаяся уподобиться в искусстве мужчине, покидала ранее единственно доступную мифологию. При этом художница так и не приняла собственной женственности по существу, помещая себя либо в излишне мистическое, либо в слишком материальное поле свое искусства. Однако во всех исследуемых ситуациях наблюдались два явления одного порядка - социализация пола и мистификация тела. Процесс был предопределен капитализацией российской экономики и, как следствие, установкой новой для России ролевой оппозицией Художник (художница) – "новый" Мужчина. Эта оппозиция ускорила феминизацию искусства и кризис самоидентификации художника. Современные гендерные репрезентации в искусстве, при всем разнообразии их эмоциональных конструкций – романтично-эротических, откровенно ироничных и жестко идеологических, дают несомненный повод для осмысления и констатации последствий фатального разрыва традиционных оппозиционных связей, мужского и женского. Наблюдаемый в настоящий момент "упадок сил" в искусстве - реакция на утрату прежнего общего - культурных кодов, языка, вообще всего? Возможно.

Но также и биологически условная женственность сегодня отстаивает и расширяет не так давно завоеванные территории своего присутствия в искусстве, трансформирует и склеивает из домашних и заимствованных заготовок собственные атрибуты гендера и контроля, в собственных интересах. Оттого все еще рабочая версия определяющих культурную политику "мужчин", кураторов и искусствоведов – да, женщина-художник, пожалуй, существует, но женского в "Большом" искусстве - нет. Художница, чье искусство обращено и к женщинам – не Художник. Искусство не делится по половому признаку, если этот пол – женский.

Примечания

¹ Из устной беседы с научным сотрудником Национального Музея Женщины в Искусствах в Вашингтоне, которая состоялась в мае 2000 г. в Вашингтоне.

² Указанный материал, автор Н.М. Юрасовская, входит в концепцию выставки "Художница в искусстве России", ГТГ. Выставка состоится в октябре 2001 г.

³ Н.П. Собко "Русское искусство в 1886", Ленинград. Публичная библиотека, Отдел рукописей. Фонд 708, ед.хранения 62.

⁴ Джо Анна Айзек. "Художницы Авангарда". //Heresies/Идиомы// № 26. Приложение, с. 4

⁵ Hilton Kramer, New York Times Magazine, Oct.11, 1981, p. 54.

⁶ Бенедикт Лившиц, "Полутороглазый стрелец", (Москва/Ленинград, 1933), стр. 143.

⁷ Roszika Parker and Griselda Pollock, *Old Mistresses: Women, Art and Ideology*, Routledge and Kegan Paul, London, 1981, p.99.

⁸ Griselda Pollock "Vision, Voice, and Power: feminist Art History and Marxism", Block (6), 1982, p.4.

⁹ Надежда Хвошинская, журнал "Русская мысль", 1890, № 10, с.73.

¹⁰ Мастера искусств об искусстве. Москва: "Искусство", 1970, т.7, с. 488 – 489.

¹¹ Griselda Pollock, *Vision and Difference: Femininity, Feminism and the Histories of Art*. Routledge, London and New York, 1988, p. 11.

¹² Указанный материал, автор Н.М. Юрасовская, входит в концепцию выставки "Художница в искусстве России", ГТГ. Выставка состоится в октябре 2001 г.

¹³ Указанный материал, автор Н.М. Юрасовская, входит в концепцию выставки “Художница в искусстве России”, ГТГ. Выставка состоится в октябре 2001 г.

¹⁴ См. Web site “Музей современного женского искусства”.

¹⁵ Джо Анна Айзек. Художницы Авангарда. //Heresies/Идиомы/№ 26. Приложение, с. 6

¹⁶ Международная конференция “Феномен пола в культуре”. Состоялась в РГГУ, 1995 г.

¹⁷ Beate Engel. Venus in Pieces. “Феномен пола в культуре”, РГГУ, М., 1998, с. 83

¹⁸ Н.Ю. Каменецкая. Время, художник и св. Себастьян. Там же, с. 126.

¹⁹ Брошюра-каталог “Женщина в искусстве”, РГГУ, ИНО, 1999 г. (см. фрагменты выставочного проекта “Границы гендера”, с. 16 – 22, 26 – 32).

Воронина Ольга Александровна - руководитель проекта "Программа подготовки преподавателей по гендерным исследованиям". Кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН. Директор Московского центра гендерных исследований. Член Комиссии по делам женщин, семьи и демографии при Президенте РФ. Специалист в области феминистских теорий, теории и методологии гендерных исследований. Читала спецкурс по гендерным исследованиям в РГГУ (1993), лекции в Российских летних школах по гендерным исследованиям (МЦГИ - 1996, 1997), спецкурс в МВШСЭН при Академии народного хозяйства при Правительстве РФ (1998-2000), в Университете Айова (США), Открытом Университете Западного Берлина. Автор более 60 научных работ по теории феминизма, женским исследованиям, гендерной теории и методологии, опубликованных на русском и иностранных языках. Среди них: Гендерная экспертиза законодательства РФ о средствах массовой информации. М., 1998; Философия пола. // Философия. Учебник. Под ред. В.Д.Губина. М., 1996; Soviet Women and Politics: on the Brink of Change // Women and Politics Worldwide. Ed. by B.J.Nelson and N. Chowdhury. Yale Univ. Press, 1994; Soviet Patriarchy: Past and Present. // HYPATHIA: a j. of Feminist Philosophy. 1993, vol.8, №4; Женщины и социализм: опыт феминистского анализа. // "Феминизм: Восток, Запад, Россия". М., 1993; Феминизм: перспективы социального знания. М., 1992.

Айвазова Светлана Григорьевна - доктор политических наук, главный научный сотрудник Института сравнительной политологии РАН, председатель гендерной секции Российской ассоциации политической науки; член редколлегии журнала "Женщина в российском обществе". Автор более 100 опубликованных работ. Среди них: монография "Русские женщины в лабиринте равноправия". М.: ЗАО "РИК Русанова", 1998.

Баскакова Марина Евгеньевна - кандидат экономических наук, в настоящее время - докторант ИСЭПН РАН, сотрудница МЦГИ. Сфера профессиональных интересов: гендерные отношения в экономике и социальной сфере. Число публикаций - более 30. Среди них: Равные возможности и гендерные стереотипы на рынке труда. - М.: МЦГИ, 1998; О пенсиях для мужчин и женщин: социальные аспекты пенсионной реформы. М.: МФФ, 1998 (в соавторстве с Баскаковым В.Н.)

Григорьева Наталия Сергеевна - кандидат философских наук, доктор политических наук, доцент кафедры социологии управления Института государственного управления и социальных исследований (ИГУиСИ) МГУ им. М.В. Ломоносова; преподаватель Московской высшей школы социальных и экономических наук (МВШСЭН) при АНХ при Правительстве РФ; вице-президент Международного женского центра (МЖЦ) "Будущее женщины", член редколлегии журнала "Health Planning and Management" (UK), автор книг и статей по вопросам формирования политики в области охраны здоровья женщин. Среди них: Social Planning and Women's Problems. - BIO-Diplomacy and International Cooperation. Athens, 1993; Социальные службы для женской молодежи: здравоохранение. - В сб. Социальная работа с молодежью. - Киев, 1995; Social Work and Family Planning in Russia. A Public Health Perspective. - Humanistic Approaches to Health Care: Focus on Social Work. Chapter 6. London, 1996; Health Status in Russia. The Need for a New Approaches. - EuroHealth. UK, Vol. 3, 1997; Опыт зарубежных стран в реформировании систем здравоохранения: Великобритания, Италия, США, Япония. - М., 1999.

Гурко Татьяна Александровна - кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, зав.сектором социальных проблем семьи и пола. Сфера интересов: трансформация институтов семьи, брака, родительства и гендерных отношений; феминизм и исследования семьи. Вела спецкурс "Социология пола и гендерных отношений" в магистратуре Государственного университета гуманитарного образования; руководитель ряда курсовых, магистерских и диссертационных работ по социальным проблемам семьи и пола. Читала лекции по проблемам российской семьи в Университете штата Джорджия, США, и Российских школах по гендерным исследованиям (МЦГИ, 1996 - 1997 гг.). Автор более 50 опубликованных работ. Среди них: Гендерные аспекты социальной стратификации в постсоветской России // Гендерные тетради. Вып. 2; СПб филиал Института социологии РАН. - СПб., 1999; Феномен современного отцовства. // Мужчина и женщина: меняющиеся роли и образы. - М., 1999; Социология пола и гендерных отношений. // Социология в России. - М., 1998; Отношения мужчин и женщин в браке // Семья на пороге третьего тысячелетия. - М., 1995 (в соавторстве).

Каменеца Наталья Ивановна - преподаватель Российского государственного гуманитарного университета (отделение истории и теории культуры). Сотрудник Центра компьютерных технологий обучения - проекты гендерных исследований в культуре. Исполнительный директор автономной некоммерческой организации культуры "Творческая лаборатория ИНО" (Центр женского и феминистского искусства). Художница - член Международного художественного фонда. Читала лекции в Школах искусств в США, Швеции. Сфера научных интересов - женские и гендерные исследования в культуре и искусстве. Автор более 15 научных статей. Среди них: "Женственность и Власть", ж. Искусство кино, М., 1990, № 6; "Кто есть кто в современном искусстве Москвы", "Album", М., 1993; "Время, Художник и св. Себастьян", В кн. Феномен пола в культуре, М., 1997; Брошюра-каталог "Женщина в искусстве", автор и составитель, РГГУ и "ИНО", М., 1999; редактор журнала феминистской критики Идиома; "Re-animating Culture, St. Sebastian", "Post-Soviet Art & Architecture", Academy Editions, London, 1994.

Кирилина Алла Викторовна - доктор филологических наук, доцент Московского государственного лингвистического университета, заведующая лабораторией гендерных исследований МГЛУ; руководитель дипломных и кандидатских работ по гендерной проблематике. В мае 2000 г. защитила докторскую диссертацию на тему "Гендерные аспекты языка и коммуникации". Автор более 45 научных трудов, в основном посвященных лингвистической гендерологии, в том числе монографии "Гендер: лингвистические аспекты".

Мезенцева Елена Борисовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической социологии Госуниверситета - Высшей школы экономики, сотрудница МЦГИ. Сфера научных интересов: социальные проблемы труда и занятости в гендерном аспекте, теоретические и методологические проблемы гендерной экономики, стратегии социально-профессиональной адаптации населения в условиях экономической трансформации. Автор более 30 публикаций на русском и иностранных языках. Среди них: Гендерная экономика: теоретические подходы // Вопросы экономики. - М., 2000. - №3; Женщины-специалисты в сфере банковского бизнеса: профессиональная адаптация в новых экономических условиях // Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы. - М., 1999; Бег по замкнутому кругу: уровень жизни, ментальные установки и социальная мобильность жителей России // Мир России. - М., 1998. - № 3 (в соавторстве); "Renaissance patriarcale" et transformation de stereotypes de l'emploi feminin en Russie moderne // Cahiers du GEDISST. - Paris : IRESCO. - № 12.; Equal Opportunities or Protectionist Measures? The Choice Facing Women // Women in Russia. A new Era in Russian Feminism. - London - New-York : Verso, 1994.

Попкова Людмила Николаевна - кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории Самарского государственного университета, директор ЦГИ СГУ. Сфера научных интересов: история феминизма, политика равных возможностей, американский и европейский опыт, политическое участие женщин, расовые проблемы США. Автор более чем 30 публикаций. Среди них: Дискуссия о равенстве в женском движении. // Иваново, 1998; Бетти Фридан и американский феминизм. // История в лицах. Самара, 1998; Социально-правовой статус женщин США. История XX века. // Женщина. Гендер. Культура. М., МЦГИ, 1999.

Репина Лорина Петровна - доктор исторических наук, заместитель директора Института всеобщей истории Российской академии наук, руководитель Центра интеллектуальной истории; профессор историко-филологического факультета Российского государственного гуманитарного университета. Автор более 150 научных работ, из них шесть монографий, посвященных современной историографии, в том числе гендерной истории; в стадии завершения монография "Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого".

Хасбулатова Ольга Анатольевна - доктор исторических наук, профессор, проректор Ивановского государственного университета. Научный руководитель межвузовской научно-исследовательской программы "Феминология и гендерные исследования в России: перспективные стратегии и технологии", научный руководитель программы "Женщины России", главный редактор научного журнала "Женщина в российском обществе".

Лунякова Лариса Григорьевна - координатор и ученый секретарь проекта "Программа подготовки преподавателей по гендерным исследованиям". Кандидат географических наук, старший научный сотрудник ИСЭПН РАН. Сотрудница МЦГИ. Сфера научных интересов: материнские (неполные) семьи; стратегии выживания семей различного типа в современной России. Координатор и ученый секретарь четырех образовательных проектов МЦГИ по женским/гендерным исследованиям. Автор 25 научных и информационных работ по гендерной тематике. Среди них: Мужчина и женщина: опыт социальной адаптации в переходный период в России // Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы. М., 1999; Права человека в России: гендерный аспект // Правозащитник. - М., 1999. - № 1 (в соавторстве); "Материнские семьи": соблюдение прав и гарантий // Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания. - М. : МЦГИ, 1998. - Т.1.